4440
6.17

Михаил Губогло

СПОЛОХИ ПРОШЛОГО

•

Автобиографические затеси

NK

Михаил Губогло

СПОЛОХИ ПРОШЛОГО

Автобиографические затеси

GAGAUZ MİLLİ ARHİVİ
№ 277-4440
«CENTRUL DE CERCETĂRI ŞTIINŢIFICE AL GAGAUZIEI»
НИЦ ГАГАУЗИИ
им. М.В. МАРУНЕВИЧ

REPUBLICA MOLDOVA, UTA GĂGĂUZIA
CENTRUL DE CERCETĂRI ŞTIINŢIFICE
BIBLIOTECA
РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА, АТО ГАГАУЗИЯ
ЦЕНТР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
БИБЛИОТЕКА

Кишинёв : 2008

CZU 39
Г 93

Рецензенты:
Член-корр. РАН *Ю.В. Арутюнян*
Д.и.н., профессор *Ю.И. Семенов*

На 2-ой стр. обложки
Неразлучные друзья. Слева направо: Толя Юркин, Алеша Лукинов, Миша Губогло, Володя Патраков. 1954 г., с. Тамакулье (из архива Володи Патракова. См. стр. 260)

На 3-й стр. обложки
Гагаузский национальный ковер. Из приданого Доры Няговой (в девичестве Губогло). 1969 г.

Выражаю свою благодарность Башкану Гагаузии М.М. Формузалу за вдохновляющее поздравление "Рыцарь романтики", Директору Торгово-промышленной палаты Гагаузии П.М. Пашалы и проректору Комратского университета Л.В. Федотовой за инициативу создания и публикации этой книги, Исполкому Гагаузии за финансовую поддержку, а также непревзойденному знатоку гагаузского и русского языков П.А. Чеботарю, взявшему на себя нелегкий труд по редактированию моих двуязычных сполохов.

Михаил Губогло

Descrierea CIP a Camerei Naţionale a Cărţii

Губогло, Михаил Николаевич

Сполохи прошлого. Автобиографические затеси / М.Н. Губогло. – К. : Б. и., 2008 (Î. S. F.E.-P. "Tipogr. Centrală"). – 560 p.
1000 ex.
ISBN 978-9975-78-698-0
39

© М.Н. Губогло

ISBN 978-9975-78-698-0

АННОТАЦИЯ

В очерках, подготовленных на основе личных воспоминаний и литературных источников, анализируются процессы устойчивости и изменяемости исторических традиций на примерах гагаузского «хору», «панаиров», «курбанов» и «альбомной культуры» («уездных барышень альбомов»), выступавшей в первой половине XIX и второй половине XX веков, после побед над Наполеоном и Гитлером, важным показателем духовного возрождения, взлета патриотизма и гражданского достоинства, роста национального самосознания.

И хотя альбомную культуру не принято рассматривать в одном типологическом ряду с выдающимися достижениями золотого века, в истории русского искусства в первом случае и с взлетом деревенской и военной прозы во втором случае, она как образец письменного фольклора представляет собой ценнейший источник для осмысления и понимания двух разделенных полуторавековым временем эпох, как предтечи отмены крепостного права в XIX веке и движения к утверждению прав и свобод человека как принципов демократии и к установлению институтов гражданского общества в XX веке.

В очерках предлагается новая концепция институтов соционормативной культуры, занимающих важное место в жизнедеятельности гагаузов и играющих полифункциональную роль в трансмиссии этнической самобытности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рыцарь романтики. К 70-летию М.Н. Губогло.
Башкан Гагаузии М.М.Формузал 5

Предисловие: сам себе этнолог 9

1. Соционормативная культура как «грамматика жизни» ..17
2. Ответственность культуры и культура ответственности ..59
3. Зодия: предначертанная судьба 111
4. Хору: мир танцевально-игровой культуры 146
5. Когда четверги были воскресеньями 179
6. Курбан 196
7. Земля и хлеб 211
8. Сабур: спасенье от отчаяния 232
9. Виноград: символ малой родины и первой любви 255
10. Альбом 265
11. О национальности в паспорте 337

Вместо заключения 346

Список научных трудов (1966-2008 гг.) 354

Из переписки с учительницей истории 393

Профессор из Гагаузии. П. Пашалы 543

Почетный доктор (Honoris Causa). Л. Федотова 548

РЫЦАРЬ РОМАНТИКИ
К 70-ЛЕТИЮ М.Н. ГУБОГЛО

Новая книга нашего земляка, Почетного гражданина Гагаузии Михаила Губогло увлекает, завораживает, вдохновляет. Она излучает радость, настраивает на оптимизм, хотя и порой напоминает о том, что в жизни автора возникал свет в конце репрессивного туннеля.

До сих пор читатели с жадностью набрасывались на его новаторские произведения, посвященные различным формам идентичностей: этнической и гражданской, региональной и религиозной, гендерной и когортной. В незаурядной книге воспоминаний «Сполохи прошлого» речь идет об идентичности его Величества Времени. Без риска ошибиться можно предсказать, что «Автобиографические затеси» станут настольной книгой тех наших соотечественников, кого волнуют исторические пути-траектории гагаузского народа, отраженные в судьбе его одаренных инициативных сыновей и дочерей, внесших значительный вклад в дело становления Гагаузии как государственности гагаузского народа.

Цепкая память автора, общепризнанного романтика, неутомимого трудоголика, человека влюбленного в жизнь во всех ее формальных и неформальных проявлениях, сохранила для последующих поколений те значимые события из реки по имени факт, о которых мало кто мог бы поведать с такой пронзительной проницательностью и отточенным профессионализмом.

В руках у читателя многоплановое и многокрасочное произведение. Трудно однозначно определить его жанр: воспетые в книги детство и юность автора – это несомненная художественная удача мемуариста, обладающего огромным запасом жизненных впечатлений; высокая чувствительность к социальным переменам – это как признак серьезного ана-

литического размышления о времени и своем поколении; стойко перенесенные удары судьбы – показатель хирургического вмешательства во власть внешней среды; беллетризированные очерки о ключевых принципах «Грамматики жизни» у себя на малой Родине и на иноэтничной чужбине несут в себе несомненный дар бытописания, как и требует того основная профессия этнолога – характеристики культуры, быта и нравов народов.

Все перечисленные ипостаси, в которых слиты воедино стихи и проза, песни и живопись, имеют единое структурно-стилевое оформление. Каждый из более чем десятка очерков, особенно поразительная переписка с любимой учительницей истории, в том числе письма, написанные в середине первого постсоветского десятилетия, напоенные горечью от развала могущественной державы, могли бы легко обернуться киносценарием, стать сюжетами повестей и романов, или текстами для сценического исполнения. Однако главное значение книги, смею думать, состоит в другом. Она, как маяк, послужит надежным ориентиром для нового направления в молодой, но уверенно набирающей обороты гагаузской художественной литературы. За удивительно короткий по историческим меркам срок художественная литература гагаузов, как возрожденного из небытия народа, прошла форсированным маршем путь от стихов к прозе, от бытовых очерков к научным фолиантам. Сейчас перед социально зреющей культурой Гагаузии – новая высота – мемуаристика. «Автобиографические затеси» – это проторенная лыжня, подобно скоростному пуску, изображенному на одной из юношеских фотографий автора книги. Творческий потенциал гагаузских деятелей искусства вполне готов к овладению этой высотой. Книга задает не только ориентир. Она зазывно ведет к новым вершинам. В этом ее исторический смысл, духовное предназначение и нравственный урок.

Хронологические рамки воспоминаний, назовем их первым томом, ограничены, как указывает сам автор, его до-

историческим детством, то есть временем до депортации 1949 года его семьи в Сибирь и его юности, включая получения аттестата зрелости, по окончании Каргапольской средней школы.

Из чрезмерной скромности автор не присваивает книге порядковый номер, но мы, читатели, надеемся, что последующие «Автобиографические затеси», в том числе о пребывании в стенах МГУ – как одного из лучших университетом мира и далее о работе в системе Академии наук Советского Союза и Российской Академии Наук, будут не менее интересными.

Остается пожелать автору сил, здоровья и вдохновения воплотить в жизнь нашу мечту.

Башкан Гагаузии (Гагауз Ери) М.М.Формузал
26.09.08
г.Комрат

Затесь – сама по себе вещь древняя и всем ведомая – это стёс, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первопроходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издалека, и ходили по тайге от меты к мете, часто здесь получалась тропа, затем и дорога, и где-то в конце ее возникало зимовье, заимка, затем село и город.

Виктор Астафьев

ПРЕДИСЛОВИЕ: САМ СЕБЕ ЭТНОЛОГ

«Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребенных, –
Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинать безумными словами»

Валерий Брюсов. Тени прошлого //
Русская поэзия XX века. Антология русской лирики первой четверти века. М., 1991. С.53.

В воспоминаниях о прошлом я не мог пройти мимо уже имеющейся литературы, в том числе не упомянуть исследователей соционормативной культуры гагаузов, среди которых обилием полевого материала, впервые введенного в научный оборот, выделяются труды С.С. Булгара, М.В. Маруневич, Е.Н. Квилинковой С.С. Курогло, Д.Е. Никогло, В.И. Сырфа, А.В. Шабашова, И.А. Гришаева, С.С. Савоскула, Л.В. Остапенко, И.А. Субботиной.

Почти во всех имеющихся трудах упоминается проблематика этногенеза и этнической истории гагаузов, хотя именно эта тема остается наименее разработанной, несмотря на изобилие выдвинутых гипотез.

Между тем, до сих пор остается непрочитанной история голодомора 1946-1947 гг. и последовавшее за ним насильственное переселение гагаузов, болгар и представителей других национальностей в 1949 году на Алтай, в регионы Западной и Восточной Сибири. Депортация и коллективизация, как одна из самых болезненных и самых неизвестных тем современного гагаузоведения, и по сей день остается для большинства населения Гагаузии тайной за семью печатями.

Сталинская коллективизация в регионах России породила большую «литературу» крестьянской беды, а депортация

народов – обширную «литературу безвинно наказанных народов», начиная со знаменитых книг А.Некрича и В.И.Пасата [А.Некрич, 1978; В.И.Пасат, 1994]. В судьбе гагаузов обе эти беды слились воедино, впитав в себя и «крестьянскую беду» и «национальную трагедию.». Поэтому, вспоминая депортацию нашей семьи, я буду неоднократно цитировать книгу воспоминаний моего земляка П.В.Люленова, в которой представлена и блестяще изображена роковая июльская ночь 1949 года, когда были высланы 75 болгарских семей из одного из болгарских сел на юге Молдавии – с. Кортен (Кирютня), о зажиточности и комфортной обустроенности которого упоминал русский исследователь гагаузов В.А.Мошков на рубеже XIX-XX веков [П.В.Люленов, 2003; В.А.Мошков, 1900-1902].

Сделанное П.В.Люленовым короткое и емкое описание выселения одной болгарской семьи представляется мне очерком, чем-то отдаленно напоминающим рассказы Варлама Шаламова, Александра Солженицына, песни Александра Галича о зверствах спецслужбы в первые послевоенные годы, а его анализ бессмысленности выселения наиболее трудоспособной и продуктивной части сельского населения (кулачества) – выглядит маленьким шедевром. Как талантливый экономист, организатор сельскохозяйственного производства П.В.Люленов обосновал экономическую невыгодность «выдавливания» из Буджакской степи наиболее трудоспособной, энергичной и уважаемой части высланного населения.

Его точка зрения и выводы вполне корреспондируют с расчетами Виктора Кондрашина, который в книге «Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни» подсчитал стоимость одной человеческой жизни в годы сталинских депортаций и раскулачиваний. Исходя из инвестиционных соображений для индустриализации Советского Союза, страна в огромных масштабах экспортировала хлеб. В результате экспорт хлеба в 1932-1933 гг. дал 369 млн. рублей в государственный бюджет. Разделив эту цифру на 7 млн. погиб-

ших от голода, В.Кондрашин получил 53 рубля [Независимая газета. 2008. 2 сентября].

Анатоль Франс справедливо считал, что «старые привычки дороги людям и кажутся им священными». В этой инерции консерватизма великий француз видел «источник религии» и утверждал далее, что «религиозная мораль соответствует древнему соответствию нравственности» [Анатоль Франс, 1960. С.681].

Однако даже в наше время, на заре нового тысячелетия, наблюдая за инерцией в развитии исторической родины и энергией диаспоры, в том числе в условиях гастербайтерства, можно не рискуя ошибиться, сказать, что «старые привычки» потому дороги людям, что являются усвоенной «грамматикой жизни», т.е. нормами и правилами повседневной жизни, или, иными словами, – элементами и институтами соционормативной культуры.

В предлагаемое издание включено несколько очерков, представляющих собой воспоминания о разных проявлениях того, что с некоторых пор стало принято называть этничностью идентичности и идентичностью этничности. В очерках содержится не только рассказ очевидца о перехлестах дорог более чем полувековой давности, но и попытка увязать увиденное глазами ребенка с осмыслением взрослого человека, имеющего некоторый опыт в исследовании роли этнического фактора в общественной жизни страны и в личной судьбе отдельного человека.

Как и многим современникам, попавшим в жернова сталинских репрессий, мне пришлось пережить все тяготы насильственного отлучения от своей малой родины, быть свидетелем лишения родного очага и дома, в котором родился, а также усадьбы, в которой прошли первые детские годы. Вместе с тем судьба оказалась благосклонной ко мне, окружив многочисленными друзьями в школьные и студенческие годы, и позволила пребывать в храме науки, в стенах которого прошли более четырех десятилетий трудовой деятельности.

С этим связан тот факт, что рассказывая о фактах личной судьбы, мне трудно было удержаться от комментариев, ссылаясь при этом на объективные источники с целью сравнения своих впечатлений, не лишенных субъективности и присущего для любого мемуариста романтизма с событиями из реки по имени «факт».

В нынешнем этнологическом сообществе, и особенно в более широких кругах российского общественного мнения, порой бытует стереотип, не соответствующий реальному положению вещей. Согласно этому легковесному стереотипу, едва ли не весь багаж и арсенал этносоциологических исследований сводится к массовому анкетному опросу. Обладателям этого предубеждения, во-первых, неведом тот факт, что «создать хорошую анкету или схему опроса не так просто, как кажется» [Перспективы социальной психологии, 2001, 117]; во-вторых, их не смущает то обстоятельство, что сами этносоциологи не менее других специалистов, изучающих социальную сущность этничности и этническое многообразие социального бытия, имеют в своем методико-процедурном вооружении разнообразные приемы от фокус-групп до персональных интервью [Л.Дробижева, 1996; В.А.Тишков, 2008].

Упреки, адресованные этносоциологам носителями указанного стереотипа, нельзя признать справедливыми по той простой причине, что на самом деле этносоциологи «питаются» не только «чужим умом», ограничиваясь сбором, анализом и осмыслением урожая собранных в поле мнений, но постоянно соотносят изучаемые факты и образы со своим жизненным опытом, в том числе обращаясь к собственному жизненному пути, углубляясь при этом в сюжеты из прошлой жизни и опираясь на личное и общественное интеллектуальное и этнокультурное наследие.

И тот интерес к истокам этносоциологии, который выразился в проведении сначала методологического семинара в Институте этнологии и антропологии РАН летом 2006 года, а затем и симпозиума в Комратском государственном

университете совместно с Институтом культурного наследия [Курсом изменяющейся Молдовы, Том 1, 2006], связан не с необходимостью закрепления своей «этносоциологической» идентичности и пропиской в определенной нише в системе гуманитарного знания, а с настоятельной потребностью в осмыслении исторического опыта, драматизм и парадоксальный магнетизм которого ощущается как самими этносоциологами, так и их потенциальными оппонентами.

Востребованность путешествия в ранние периоды своей жизни приобретает особую актуальность тем острее, чем сильнее истлевающие нормы и институты соционормативной и танцевально-игровой культуры советского или досоветского времени становятся предметом интеллектуального ерничества или огульного отрицания адептами постмодернистских течений, настроений и устремлений. Личный этнокультурный биографический опыт профессионала-этнолога, являясь сегодня достоянием прошлого, понятно, приобретает не только романтический характер. Он облекается в ностальгические одеяния и отражается в затесях памяти о лучезарном детстве.

Но если при этом в детстве и юности имели место сдвиги эпох и смещение человека из одной этнокультурной среды в другую, факты и образы такого опыта (погружение в поле саморефлексии) приобретают не только романтический лад, лирический оттенок, но и аналитический смысл.

Редко кому из нас не хотелось бы вернуться в детство. Спазмы подобного желания, как нереальной мечты, испытывают едва ли не все выпускники средней школы, попадая на вечера встреч своих однокашников.

При обращении к своей памяти, меня, как и других мемуаристов, вдохновляет надежда, что факты, почерпнутые из реки времени, могут быть важнее, чем художественные дарования автора. Предаваясь воспоминаниям и предлагая их в виде очерков-«затесей», я сознательно не зацикливаюсь на самоанализе и «биографии своей души», а пытаюсь воспроизводить имена, события, факты повседневной жизни,

принципы и институты соционормативной культуры, психологические и нравственные умонастроения изменяющегося времени и самого себя. Одна из моих задач, – показать, что в мои школьные годы, во времена депортации, хотя страна была закрытой, люди – были открытыми.

Этносоциология, как новое междисциплинарное направление [Междисциплинарные исследования, 2004], вместе с социальной психологией [Перспективы социальной психологии, 2001] предоставляют такую возможность совершить путешествие в детские годы, а вместе с тем, как в нашем случае, в советские времена, воспринимая и те, и другие в качестве ассоциированного предмета «включенного наблюдения» как жанра и методики исследования. Такой биографо-автобиографический подход в этносоциологическом исследовании дает возможность проследить судьбу тех или иных элементов соционормативной культуры, в том числе, например, судьбу танцевально-игровой традиции гагаузского хору, представляющего собой «групповой танец» (в переводе с греческого), но и своеобразный «рынок невест», который я наблюдал в годы до депортации, и «альбомную культуру», в которой и с помощью которой мне довелось переходить из детства в юность в школьные годы.

В реферативном докладе, подготовленном к 3-му российско-молдавскому симпозиуму «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов», я выражал [М.Н.Губогло, 2008, С.21-56] сожаление в том, что, подобно перегруженным смыслом терминам «культура», «гражданское общество», «демократия», термин «соционормативная культура», особенно определение его смысловой нагрузки, требует не только определения и уточнения, но и дополнения и пояснения примерами. В самом деле, необходимо отдавать себе ясный отчет в том, что́ мы под «соционормативной культурой» подразумеваем, чтобы яснее нам было различие между материализованной стороной жизнедеятельности и ее духовным оснащением. «Если духовный организм умрет, – писал полвека тому назад поэт и критик поэзии Томас

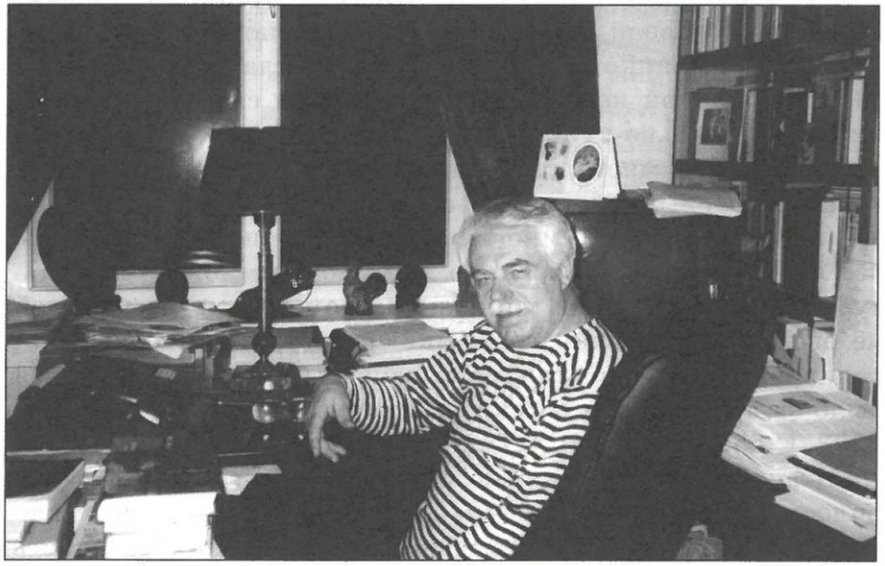
Стернз Элиот, – то подвергающееся переустройству [материальное устройство Европы – М.Г.] уже не будет Европой, а просто массой человеческих существ, говорящих на разных языках. И не будет более оправдания для того, чтобы они продолжали говорить на разных языках, ибо нечего будет более сказать, что не могло бы быть одинаково хорошо сказано на любом языке: короче говоря, им нечего будет больше сказать в поэзии. Я уже утверждал, что при изоляции стран друг от друга «европейской» культуры быть не может: теперь я добавляю, что не может быть европейской культуры при снижении стран до тождественности. В обществе им нужно многообразие: и не в единстве организационном, а в единстве природном» [Т.С.Элиот, 2008, С.54].

Эта мысль, высказанная более шести десятков лет тому назад, вполне корреспондирует с теорией и практикой многокультурности, активными пропагандистами которых в Российском гуманитарном знании выступают философ А.Родин и этнолог, академик В.А.Тишков [А.Родин, 2002, С.65; В.А.Тишков, 2003, С.230-259]. Чтобы не быть голословным, приведем основной постулат А.Родина, благосклонно цитируемый В.А.Тишковым при завершении главы в своей книге, посвященной концептуальным итогам своих исследований по социально-культурной антропологии: «Тезис о том, что существует много культур, означает, в таком случае, две вещи. Во-первых, что люди, вообще говоря, живут по-разному, и, во-вторых, что многие люди живут похоже. Если бы все люди жили одинаково, то не было бы множества культур, если бы все люди жили по-разному, если бы у людей не было таких общих вещей, как языки, тексты, обычаи, религии, обряды и кулинарные рецепты и прочее, то нельзя было бы говорить ни о каких культурах вообще» [А.Родин, 2002, С.65; Цит. по: В.А.Тишков, 2003. С.253].

Итак, соционормативная культура – это, как уже говорилось, «грамматика жизни», «лад», «порядок», согласно которым складывается образ жизни и жизнедеятельность определенного народа, проживающего на одной территории.

Соционормативная культура проявляется в системе социальных отношений, в обычаях, правах, в традиционном и профессиональном искусстве, в религиозных верованиях и отправлениях. Нескольким из таких проявлений, сочетающих в себе рациональное и эмоциональное начала – гагаузским «хору», «зодии», «ярмарке», «курбану», «земле» и другим, а также русской «альбомной культуре», моим школьным годам в годы депортации, посвящены излагаемые ниже примеры из контекста соционормативной культуры, которая, как и человек, есть нечто большее, чем собрание отдельных составных частей человеческого тела и его духа.

Своим воспоминаниям, посвященным об освоении и передвижениям из системы одной соционормативной культуры в другую и обратно, я предваряю два ранее уже опубликованных очерка в серии «Курсом развивающейся Молдовы», в которых пытаюсь объяснить и представить концептуальное понимание соционормативной культуры в парадигме «ответственности культуры и культуры ответственности».



В плену воспоминаний

1. СОЦИОНОРМАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК «ГРАММАТИКА ЖИЗНИ»

При изучении соционормативной культуры и границ ее предметной области одна из насущных проблем заключается в том, что менее всего в современных публикациях и материалах конференций и симпозиумов учитывались традиционно изучаемые в исторической и этнологической науке характеристики и свойства жизнедеятельности народов, которые на самом деле относятся именно к разряду признаков и черт, характеризующих гражданское общество «по-молдавски» или «по-русски».

В концептуально-понятийном и терминологическом арсенале этнологии, как и в других общественных науках, видное место занимает проблематика, связанная с анализом институтов и отношений, составляющих предметную область соционормативной культуры, в которую, в частности, инкорпорирован и социальный капитал, наряду с социоинститутскими и социоличностными компонентами.

Два проведенных Молдавско-Российских симпозиума и четыре изданных по их материалам тома, посвященные сравнительному изучению современных трансформационных процессов в регионах Российской Федерации и Республики Молдова, выявили глубокий интерес ученых наших стран к совместным исследованиям динамически развивающейся постсоветской реальности в различных сферах жизни.

В широком смысле институты соционормативной культуры представляют собой исторически сложившийся и обновляемый комплекс формальных и неформальных правил поведения («грамматика жизни»), принципов, норм, установок, механизмов социального поощрения и контроля, призванных осуществлять регулятивную функцию по сохранению и соблюдению ролей, статусов, рангов и всевозможных практик в разнообразных сферах деятельности.

GAGAUZ MILLI AKHIVI
№ 2174470
«CENTRUL DE CERCETĂRI ŞTIINŢIFICE AL GAGAUZIEI»
НИЦ ГАГАУЗИИ
им. М.В. МАРУНЕВИЧ

Важную часть исследований соционормативной культуры составляет отображение ее институтов, принципов, технологий и практик в художественной культуре, в устном народном поэтическом творчестве, в живописи, театральном искусстве, в кинематографии и деятельности средств массовой информации.

История народов мира свидетельствует о том, что для обеспечения и оптимизации совместной жизни людей всегда в той или иной мере ставились ограничения и пределы: сначала в виде обычаев, негласных норм и правил, а со времени возникновения государства – в виде законов. До сих пор соционормативная культура, постепенно теряя или совершенствуя свои позиции, сосуществует с законами. Утверждая свободу, как приоритет развитого гражданского общества, нормы соционормативной культуры и статьи законов воздвигают ограничения той личной свободе, которая несет в себе разрушительный заряд и угрозу обществу в деле сохранения им своей целостности и безопасности. Сегодня, в частности, понятно всем, что государство и общество не могут допустить свободу торговли наркотиками, разрушение экологии, свободы выезжать на встречную полосу движения, свободу присвоения чужого имущества.

Понять сущность и масштабы современных трансформационных процессов в Республике Молдова, как и в других регионах постсоветского пространства, и роль традиционной соционормативной культуры можно, во-первых, путем сравнения исходной и нынешней позиции, во-вторых, путем реализации специальных программ, нацеленных на изучение традиций и инноваций в системе соционормативной культуры, в-третьих, путем выявления плюрализма, т.е. совместимости норм обычного и современного гражданского, в том числе уголовного, права.

Итак, что означает термин и понятие «соционормативная культура»? Острота и актуальность этого вопроса с особой силой проявляются в том, что в изданном более двух десятилетий тому назад по плану солидного и обширного

советско-германского проекта «Свод этнографических понятий и терминов» в специальном сборнике «Социально-экономические отношения и соционормативная культура» среди более чем 460 терминов не нашлось места для раскрытия смысловой нагрузки ключевого термина «соционормативная культура».

Причины этого парадокса до сих пор не ясны. Но это могут быть и многозначность, размытость, и, следовательно, неопределенность («заболеваемость») термина, и концептуальное несовпадение взглядов российских и немецких авторов, исходящих из разных терминологических систем и историографических традиций, и, наконец, простая редакционная неосмотрительность при составлении словника «словаря».

Основное предназначение СНК – регулирование жизнедеятельности и повседневности людей, главным двигателем поведения которых служит их интерес, их цели и мотивация. Поведение в организованном сообществе людей не может быть неорганизованным, так как иначе жизнь может превратиться в анархию, в борьбу всех против всех. Однако история знает, что чем сильнее и строже регламентируются СНК содержание и условия деятельности, тем «скромнее» векторы вертикальной и горизонтальной мобильности людей. И наоборот, чем полнее и шире мобильность, тем сильнее расшатывающее влияние на компоненты СНК.

С легкой руки автора «Ветки сакуры» и «Корней дуба», талантливого журналиста Всеволода Овчинникова получила широкое распространение и едва ли не концептуальный смысл крылатая метафора «грамматика жизни», суть и содержание которой, похоже, синонимичны принятому, но не до конца осмысленному в этнологии понятию «соционормативная культура». В одном из своих интервью сам автор этой легко запоминающейся формулы проводил аналогию с языком. В самом деле, каждый язык постоянно обновляет и пополняет свой словарный запас, но все инновации укладываются в рамки жесткого грамматического строя, который

практически не подвергается кардинальным изменениям на протяжении длительного времени. Таким образом, то, что Всеволод Овчинников называет грамматикой жизни, несколько перефразируя его формулу, как раз и есть аналог языковой грамматики, а то, что касается изменений в самом языке с каждым новым поколением его носителей, – это находит свое выражение в изменении словарного запаса. Соционормативная культура как «грамматика жизни» охватывает два крупных комплекса регуляторов повседневной жизни: правила, установленные правом, и правила, исходящие из морали.

К. Чуковскому импонировала метафора «порядок жизни», встречающаяся в трудах Н.В. Гоголя и в чем-то совпадающая с тем, что теперь именуется «соционормативной культурой».

Очерчивая границы предметной области правовой антропологии, как обширной и быстро развивающейся дисциплины на стыке этнологии и права, В.А. Тишков во вступительном слове при открытии XI международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму (август, 1997, Москва) изучение историко-культурных аспектов правовых норм и систем истолковал как «природу осуществления порядка в человеческих обществах».

Многообразие терминов, употребляемых для обозначения соционормативной культуры («грамматика жизни», «осуществление порядка», «порядок вещей», «общественный и семейный быт» и т.д.) свидетельствует не только о наличии синонимичного ряда, но и о несовпадающих терминах для обозначения одних и тех же или типологически сходных явлений.

Очерчивая круг обсуждаемых вопросов и проблем соционормативной культуры молдаван, как самого восточного крыла романского мира, и гагаузов, как самого западного крыла тюркского мира, как народа полынных степей и молчаливых курганов, мы, разумеется, не ограничиваемся опытом только этих двух народов. Накануне 650-летнего

юбилея Молдавской Государственности не менее интересен опыт и других народов, населяющих пределы Молдовы в прошлом и живущих в ней сегодня.

Зачем вообще люди мешают жить друг другу?
Ведь от этого какие убытки! Какие страшные убытки!
Если бы не было ненависти и злобы,
люди имели бы друг от друга громадную пользу.

А.П.Чехов. Скрипка Ротшильда.
Соч. Т. 8. М., 1977. С. 304.

Движемся: откуда и куда?

Коренной вопрос нашего времени, как, впрочем, нашего прошлого и будущего бытия, состоит в том, откуда и куда, как и с кем мы движемся. Для поиска ответа на этот библейского уровня вопрос в нашем случае, т.е. в нашем молдавско-российском проекте при исследовании стратегий и технологий, путей и практик развивающейся Молдовы, приходится решать уравнение по крайней мере с тремя неизвестными. Речь о том, что прежде всего надо определиться с тем, что мы понимаем, во-первых, под гражданским обществом, во-вторых, какова структурно-функциональная конституция («телосложение») того, что именуется соционормативной культурой, и, наконец, в-третьих, как первое соотносится со вторым, и какую роль в этом соотношении «играет человек, наделенный соционормативным» сознанием и исповедующий в повседневной жизни социокультурные нормы поведения.

Вместе с распадом Советского Союза перед мыслителями встал мучительный вопрос, адекватно ли наше общество «гражданскому», и если да, то в каком смысле и до какой степени? В приведенном примере, как и во многих других случаях, осмысление сути и содержания гражданского общества начиналось и велось настороженно и с «непременным

оглядом» на Запад. В самом деле, вместо того, чтобы анализировать исторически бытовавшие и сохранившиеся до хрущевской оттепели и далее до времен брежневского «застоя» формы самоорганизации и самоуправления общественного строя и повседневного быта граждан, многие исследователи рьяно кинулись искать у себя, в своем Отечестве, признаки и свойства, характерные для гражданского общества и гражданских обществ на Западе. И ответ о наличии или отсутствии гражданского общества как в России, так и в Молдове, чаще всего решался в зависимости от того, удавалось ли обнаружить некое количество характеристик и свойств, родившихся и сложившихся на Западе и благополучно перенесенных на молдавскую или российскую реальность.

Дискуссия и разговоры в данном ракурсе не умолкают до сих пор и продолжаются не только в солидных монографиях и академических дискуссиях, но и на страницах периодической печати.[1]

«Советую господам Афанасьеву и Ерофееву, с пеной у рта зовущим нас и шагу не делать без оглядки на Запад, – предлагает один из последователей талантливейших великих российских ученых – Николая Сычева, Виктора Лазарева, археолога от Бога Валентина Янина, – внимательно прочитать труды Аксаковых, Хомякова, Леонова, Достоевского и особенно самого западного из русских патриотов – Федора Ивановича Тютчева». Еще в «Сказании о Мамаевом побоище» сообщается, что Дмитрий Донской посылает навстречу татарскому хану в качестве дипломата и разведчика «избранного своего юношу, знатного разумом и смыслом Захарию Тютышова», далекого предка великого поэта, сына итальянца Дудже (Тютче), поселившегося в Москве в 1350-х годах».[2]

[1] Правовые аспекты гражданского общества: реальность и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции. 26-27 апреля 2003 г. Кишинев, 2003.

[2] Ямщиков С. Русская культура развивалась в контексте с православной Византийской Империей // Независимая газета (НГ). 2008. 14 февраля. С. 10.

Духовность и (или) гражданское общество

Определение гражданского общества в одних случаях ограничивается констатацией паритетного триединства, состоящего из человека, общества и государства. В других случаях намечается некая вертикаль отношений между каждым из трех составляющих компонентов гражданского общества. Так, например, в популярном энциклопедическом словаре «Политология», в первые годы после развала Советского Союза можно было прочитать следующее: «Гражданское общество не сплачивается против государства, ибо само государство составляет его часть. Все вероятные и реальные конфликты между ними, как и отношения с индивидом, реализуются не дисциплиной страха и господства, которая сама подчинена созданным ею законам».[1]

Здесь, как видится, отсутствует даже какой-либо намек на существование веками наработанной соционормативной культуры, принципы, институты и технологии которой не выступают непосредственной составной частью законодательно оформленных правовых и политических средств.

У нас есть «русская духовность», – свидетельствует, к примеру, «Независимая газета» устами редактора журнала «Robb Report» Карена Газаряна, – в которой мы отличаемся от Запада, и нет «гражданского общества», которым мы желаем на него походить».[2]

Так, например, наличие большого количества определений гражданского общества в постсоветской литературе базируется, с одной стороны, на простейшем наборе официально зарегистрированных неправительственных организаций и объединений, а, с другой стороны, определяется самоорганизацией людей вне рамок государственных структур и набирающего обороты рыночного бизнеса. Однако, напрашивающийся из этого популярного дискурса вывод о том, что, чем больше НПО и активных (самоорганизующихся) людей

[1] Политология. 1993. С. 76.

[2] Газарян К. Монологи о духовности // НГ. 2007. 27 ноября. С. 16

– тем больше демократии и гражданского общества, не раскрывает ни сути, ни содержания гражданского общества.

Концептуальная ситуация несколько проясняется, когда в определение гражданского общества, наряду со структурным, дополнительно включается и функционально – поведенческий аспект, более или менее успешно разработанный в трудах создателей теории социального капитала и прежде всего в произведениях известных американских ученых Френсиса Фукуямы,[1] Самюэля Хантингтона.[2]

Учет каждого из названных аспектов – структурного и функционального – позволяет дать более емкое определение, с помощью которого достигается относительно адекватное отражение реального гражданского общества, если таковое фактически существует или декларируется. В этом случае, гражданское общество предстает как совокупность сознательных и свободных, инициативных и законопослушных членов социума, отношений между ними и добровольно созданными ими общественными объединениями, действующими в соответствии с выработанной программатикой (уставными и программными документами) для организованного достижения своих целей и интересов (этнокультурных, языковых, социально-профессиональных, экологических и др.) без непосредственного государственного контроля.

Однако, даже это развернутое определение, или нечто типологически сходное с ним, заимствованное молдавскими и российскими специалистами из арсеналов западной социологии, не вполне применимо к отечественным (и молдавским, и российским реалиям). И поскольку «наша» реальность не вписывается в логику «не-наших» определений, делается закомплексованный вывод об отсутствии у нас граждан-

[1] Фукуяма Ф. Великий разрыв. Пер. с англ. под общей ред. А.В. Александровой. М., 2003; Он же. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко. М. Колопотина. Под общей редакцией М. Колопотина. М., 2004.

[2] Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

кого общества или в лучшем случае – об его неполноценности, инфантильности и недоброкачественности. Думается, однако, что не наша реальность так уж плоха, а виной всему – наша профессиональная некомпетентность, т.е. наши слабые знания о социальном капитале нашего социума, как молдавского, так и российского.

Немаловажным признаком совместимости соционормативной культуры (далее СНК) и гражданского общества, в частности, служит соответствие друг другу соционормативного и гражданского самосознания. И в том, и в другом случае они представляют собой, во-первых, часть общественного сознания и общественного мнения, во-вторых, и самоценности относительно «правил и условий жизни», в своем сообществе, в-третьих, понимание своих прав и обязанностей, в-четвертых, обладание способностью самоотчета в соответствии с понимаемым долгом перед самим собой и перед членами сообщества.

Не отличаются концептуальным изяществом и единомыслием определения гражданского общества и его основополагающих реквизитов в участившихся в последнее время, накануне президентских выборов, высказываниях политических лидеров России. Так, например, выступая 8 февраля 2008 года не с заключительной, а скорее с программной речью на расширенном заседании Государственного Совета Президент В.В.Путин недвусмысленно сформулировал долговременную задачу перед демократическим государством в деле построения гражданского общества. «Будущее политической системы, – говорил Президент, как бы давая наказ своему, уже всем известному преемнику, – определено стремлением современного человека, миллионов наших граждан к индивидуальной свободе и социальной справедливости. Демократическое государство должно стать эффективным инструментом самоорганизации гражданского общества».

По всей видимости исходя из того, что гражданского общества в России все же пока еще нет, Президент призывал к

серьезному отношению к решению этой стратегической проблемы. «Работа здесь рассчитана на годы, – предупреждал он, – И она обязательно продолжится – с помощью просветительской деятельности, воспитания гражданской культуры, через повышение роли неправительственных организаций, уполномоченных по правам человека, общественных палат и, конечно, за счет развития российской многопартийной системы».[1]

Несколько в ином, едва ли не в противоположном плане представляет себе схему отношений между государством и обществом кандидат в Президенты России Дмитрий Медведев. По его планам выходит, что, скорее, гражданское общество будет контролировать государство, а не государство служить инструментом построения гражданского общества. Во всяком случае, выступая на заседании Форума гражданского общества («Либеральнее чем Путин», как озаглавила эпатажным заголовком речь Д. Медведева «НГ»), он говорил: «Нам нужно стремиться к модели, которая основана на общественном договоре, который создает взаимные обязанности и порождает полноценную ответственность власти перед своим народом (подчеркнуто мной – М.Г.). Структурированное гражданское общество, сейчас проходит процесс его оформления, уже имеется, и в дальнейшем оно должно стать итогом нашего стабильного и цивилизованного развития».[2]

Не вдаваясь в суть иерархических, паритетных или протекционистских отношений, которые имеются сегодня между обществом и государством, известный общественный деятель, Председатель Общественной палаты академик Евгений Велихов уверенно заявил, открывая заседание Гражданского форума, «что гражданское общество не только существует в России, но оно еще и «сильное»». В этом зале, по мнению академика, присутствовали самые активные его представители.[3]

[1] Время. 2008. 11 февраля.
[2] НГ. 2008. 23 января.
[3] Там же.

В преддверии президентских выборов, когда у значительной части избирателей повышается «политический» градус все чаще звучат призывы: «Наша страна должна перестать оглядываться на Америку». В развитие этой идеологемы Владимир Жириновский, чутко следящий за ходом политических процессов в мире, призывает «наконец... разрушить миф, что Запад нам поможет, что без него мы пропадем. Да никогда он нам ни в чем не помогал и не может помочь! Это сотнями лет истории доказано. Как и то, что мы без них никогда не пропадем. Конечно, это не значит, что нужна конфронтация, сотрудничество необходимо, но без излишнего пиетета».[1]

Концептуально-понятийное переоснащение науки сегодня многими воспринимаются как вызов времени

В подтверждение этой мысли серьезные российские аналитики, как, например, ректор Московского государственного института международных отношений А.В. Торкунов, ссылаются на изменяющуюся Россию, в которой стабилизация социально-экономической и этнополитической ситуации позволяет по-новому формулировать актуальные задачи перед общественными науками.

Потребность в концептуально-понятийном переоснащении общественно-научных исследований, в том числе этнокультурной проблематики,[2] во многом предопределяется тем, что «период освоения и популяризации западного знания – время «догоняющего интеллектуального развития в российских общественных науках» – закончился. Приоритетом современного этапа общественных наук, – по мысли А.В. Торку-

[1] НГ. 2008. 21 февраля. С.7.
[2] Губогло М.Н. Концептуально-понятийное переоснащение этнической проблематики в научных исследованиях и политической практике. М., 2004. С. 52.

нова, – должно быть производство теоретических обобщений на базе реального опыта российской жизни после 1991 г. в контексте глобальных тенденций мирового развития».[1]

Концептуальная стратегия жизнеобустройства народов России и ряда стран европейского пространства вытекает из тех жизненных реалий и наступательных влияний западных иделогов и «правил» чужой соционормативной культуры. Корреспонденту «Независимой газеты» в киргизском Агентстве по делам религий заявили: «Попытки искусственно скопировать у нас модель западного образа жизни вызывают гнев у очень многих мусульман, провоцируют их к вступлению в исламские организации самой радикальной направленности. Подобное уже наблюдалось в других мусульманских странах. Так, исламская революция в Ираке была реакцией традиционного общества на попытки кардинально модернизировать страну».[2]

Разумеется, заявленный проект («Традиции и инновации в СНК Молдовы и гагаузов»), как тема симпозиума, настолько обширна, что в данной предметной области могут найти себе применение специалисты многих отраслей знания: этнологии и социологии, истории и психологии, демографии и права, искусствоведения и лингвистики.

Общество и его соционормативная культура

Обширная проблематика, постоянно обновляющийся концептуально-понятийный аппарат в той части соционормативной культуры, что вплетена в ткань двух более объемных по смысловой нагрузке категорий – общества и культуры, требует постоянной рефлексии. Воздерживаясь от бесконечного путешествия по океану существующих определений каждого из этих двух безмерных понятий, подчеркнем те из смыс-

[1] Торкунов А.В. Фундементальность в общественных науках // НГ. 2007. 7 декабря. С. 11

[2] Независимая газета (далее НГ). 2008. 20 февраля.

лообразующих признаков и свойств, с которыми более или менее ассоциируются базовые ценности и понятия, а также регулятивные функции соционормативной культуры.

По мнению признанных авторитетов в области смежных дисциплин – социологии, антропологии и психологии, выраженному в суммарном («агрегированном») определении, предложенном одним из основоположников американской социологической науки Талкоттом Парсонсом, «Общество представляет собой социальную систему, обладающую относительной самодостаточностью с точки зрения критериев равновесия между такими факторами, как территориально ориентированная политическая организация, доступ к экономическим ресурсам, восполнение и социализация населения и культурная легитимизация системы как независимого целого».[1] Из приведенного определения следует, что элементы СНК входят в ту часть общества, которая призвана, во-первых, «обслуживать» процессы социализации населения, во-вторых, «культурной легитимизации системы как независимого целого».

Исходя из широкого понимания культуры, известный философ Э.С. Маркарян путем двухступенчатого ее членения выделил сначала особую подсистему культуры и назвал ее «социорегулятивной подсистемой культуры». Затем в самой этой подсистеме он вторым членением выделил соционормативную, гуманитарную и когнитивную сферы.[2]

Благодаря «социорегулятивной подсистеме культуры», в которой соционормативная сфера, оснащенная институтами, принципами, нормами, адаптивными технологиями, занимает центральное положение, мотивируется и стимулируется, координируется и кооперируется, а в конечном сче-

[1] Парсонс Т. Заключение. Общий обзор // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. Редакция и вступительная статья доктора философских наук Г.В.Осипова. М., 1972. С. 362.

[2] Маркарян Э.С. К общей характеристике культуры и ее жизнеобеспечивающей системы // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования. Ереван, 1983.

те и воспроизводится человеческая деятельность. При таком концептуальном подходе важнейшей функцией компонентов СНК выступает обеспечение социализации, т.е. очеловечивание человека.

Под социализацией в широком (социологическом) смысле понимается разработка, тиражирование, усвоение базовых компонентов соционормативной культуры. С целью оптимизации процессов интериоризации («приватизации») соответствующих компонентов культуры предусматривается свод определенных правил поведения, действия и согласования своего поведения с действием других членов сообщества. При этом соблюдение установленных норм и правил достигается введением соответствующих норм, поощрений и санкций.

Соционормативная культура и гагаузов, и молдаван различает (фиксирует) разделение общества не столько на богатых и бедных, сколько на трудолюбивых и праздных, сильных и слабых, инициативных и инертных. Победу в жизненной борьбе выдерживают те из индивидов, у которых преобладают первые черты в каждой паре перечисленных качеств.

Хотя в условиях маргинализации конкретных людей и общества, когда наблюдается отказ от старых принципов и навыков и затруднение с обретением новых качеств, могут побеждать отнюдь не самые лучшие и сильные, а наиболее ловкие и беспринципные.

Мне уже приходилось солидаризироваться с Ю.И. Семеновым, добавившим в море уже существующих определений культуры, едва ли не самое оригинальное и меткое, предельно коротко и ясно, определив культуру как опыт. Накопление социокультурного опыта, в том числе в такой подсистеме, как соционормативная культура, обеспечивает с одной стороны передачи компонентов СНК из поколения в поколение, а с другой – постоянно обогащать, обновлять и совершенствовать соционорматику достижениями науки, права, искусства, идеологии, политической и административной

системы. Обычное право при этом постоянно подпитывает законодательно устанавливаемое гражданское право.

Социологическое понимание соционормативной культуры в ракурсе разработки, тиражирования, обновления, освоения и следования ее правилам в повседневной жизнедеятельности позволяет в нынешний постсоветский период по-новому воспринимать место и роль общественного мнения (обсуждение признаков, соблюдение или нарушение стереотипов, сплетни, согласие или сопротивление с текущей социальной поляризацией) не только как способ отражения социально-экономической и этнополитической реальности, но и как действующие по инерции формы регулятивных технологий.

Несколько забегая вперед, и, одновременно, оглядываясь назад, т.е. еще раз напоминая читателю о наличии в ментальности, а, следовательно, и в соционормативной культуре гагаузов этократических элементов (от греческого слова etos – обычай), характерных более для азиатских общественных систем, чем для европейских.[1]

Приведем сведения о могуществе общественного мнения в системе соционормативной культуры гагаузов и по крайней мере двух формах проявления силы этого могущества через махаля и через злую силу сплетен, порой надолго обременяющих жизнь человека.

Еще на рубеже XIX-XX вв. отмечалось, что убеждение в том, что устраивая угощения, гагаузы угождают Богу, а воздерживаясь от них, рискуют вызвать гнев Божий и навлечь на себя кару. Убеждение, что как подчеркивал В.А. Мошков, поддерживается, как и многие другие старинные обычаи и верования, между прочим, и страхом перед общественным мнением, которое у гагаузов чрезвычайно сильно. «Даже более того, – акцентировал В.А. Мошков на этом феномене, – общественное мнение является для них таким

[1] Губогло М.Н. Ответственность культуры и культура ответственности в ментальности гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т.3. М., 2007. С. 284-286.

деспотом, таким страшилищем, перед которым трепещут не только люди бедные или среднего доставка, но даже деревенские богачи».[1]

Ударной силой общественного мнения, морально убивающего человека наповал, могла быть нечаянная или осознанно пущенная в оборот сплетня. Страх от сплетен был настолько огромным, что гагаузы не решались нарушать любые предписания, нормы или принципы соционормативной культуры, цепко охраняемые общественным мнением. Так, например, В.А. Мошков рассказал об одном гагаузе, служившем в Варшаве запасным артиллерийским унтер-офицером. В Варшаве это гагауз одевался по-европейски, заботился о щеголеватости своего костюма, носил серебряные карманные часы. Когда же этот гагауз поехал в родное село, то он вызвал брата, припрятал свой городской костюм и переоделся в национальную одежду. А В.А. Мошкова попросил, чтобы он как-нибудь нечаянно не проговорился кому-нибудь из земляков относительно карманных часов, уверяя, что «в противном случае репутация его в родном селе погибнет раз и навсегда и безвозвратно, что за него не согласится пойти замуж ни одна из гагаузских девушек».[2]

Казалось бы, что такие явления не могли иметь место в Центре Юго-Восточной Европы. Но, увы, правда чудеснее вымысла. Авторитет В.А. Мошкова настолько высок, что у нынешних читателей нет оснований сомневаться в объективности его описаний.

О страшной и роковой силе сплетни неоднократно упоминается и в повседневной жизни соседних народов, в том числе и среди молдаван. В романе «Погоряне» известный молдавский писатель и общественный деятель Ион Чобану с отвращением рассказывает о доносительстве, как механизме распространения сплетен, порочащих личность порядочных людей. Так, например, придумывая всякие ин-

[1] Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. VI. Семья и общественные отношения у гагаузов. VII. Отношение гагаузов к другим народностям // ЭО. М., 1901. №2. С.18.

[2] Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. VII // ЭО. М., 1901. № 3. С. 19.

синуации в адрес своих земляков «из рода Фрунзе», он приводит в своей кляузе и сплетню об их внуке-студенте, которого якобы «выгнали из Москвы за то, что он бегал по улицам нагишом».[1]

Сплетня настолько коварная и въедлива, что порой в нее верят порядочные люди, хотя в душе испытывают уважение или симпатию к человеку, о ком ходит по селу нехорошая молва.

– А ты, Теадор, действительно бегал голышом по Москве? – спрашивает один из добропорядочных героев романа «Погоряне» Илие Унгуряну.

– А ты сам-то как думаешь, Илие?

– Я?.. Ну что я могу думать?.. У нас... можно ... конечно ... голышом... Вот хоть сейчас, сбрасывай с себя все и бегай... Тебя никто тут и не увидит ... Но в Москве ... Там столько народу ... Не приведи Бог! В сумасшедший дом отправят».[2]

Узнав, наконец, кто пустил сплетню по селу, Илие Унгуряну грозится лично ее наказать:

– Суфицелу, где твоя жена?

– А какое тебе дело до моей жены? – в свою очередь осведомлется почтальон.

– Есть какое-то дельце. Приведи ее сюда. Я ее осмолю, как вот этого поросенка!..

– Ну, ты не больно-то! Что плохого сделала тебе моя Аника?

А кто пустил по селу сплетню о Тоадерике? Не Аника разве болтала, что он голым бегал по улицам Москвы?.. Приведи, и я ей прямо на твоих глазах отверну голову, как куренку! Передай, чтобы она не попадалась мне на глаза. А то оттяпаю ее длинный язычище вот этим штыком!..[3]

[1] Чобану И. Погоряне. Роман // Роман-газета. № 24. 1987. С. 109.

[2] Там же. С.23.

[3] Там же. С. 105.

СНК и гражданское общество

По аналогии с урбанизацией, понимаемой в узком смысле как прирастание численности городского населения, а в широком смысле – как привнесение городских стандартов в сельскую жизнь, гражданское общество с одной стороны (узкой) представлено сетью самоорганизованных, самоуправляемых неправительственных объединений и организаций, во имя достижения политико-экономических или социально-культурных целей, а с другой – привнесением доктрин, принципов, технологий самоорганизации и самоуправления в широкие массы, в том числе в не корпорированные в какие-либо объединения с целью преодоления изначальных основ исторической и общественной замкнутости.

Чтобы не утонуть в океане определений культуры, ограничимся классической дефиницией, с которой начинается изложение четырехтомной монографии Питирима Сорокина, приравненной по своей научной и интеллектуальной значимости к общественным творениям Гегеля, Маркса и других великих мыслителей.

«В самом широком смысле культуру, – предваряет свое фундаментальное исследование Питирим Сорокин, – можно трактовать как некую совокупность, которая создана или модифицирована в результате социальной или бессознательной деятельности двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением».[1]

Согласно этому расширительному определению культурными атрефактами, социофактами и ментифактами выступают не только наука, философия, искусство, техника и все материальные и духовные достижения отдельного народа и человечества в целом, но и компоненты соционормативной

[1] Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. Пер. с англ. В.В. Сапова. СПб, 2000. С. 19.

культуры – традиции гостеприимства, особенности поведения за столом (сотрапезничества), организация и декор жилого пространства, на уровне поселений и отдельных жилищ, народный календарь, как технология передачи опыта предыдущих поколений, этика семейных отношений.[1]

Камнем преткновения для многих обществоведов, как молдавских, так и российских, сегодня выступает соотношение между демократией, гражданским обществом и исторически сложившейся системой национальных ценностей, в том числе инкорпорированных в жизнестойкую, хотя и постоянно обновляемую систему соционормативной культуры. Особую заинтересованность к соотношению демократии и национальных традиций проявил кандидат в Президенты России Дмитрий Медведев в своей первой озвученной программе. «Главным вопросом развития демократического общества в России, – по его мнению, – является вопрос совмещения наших национальных традиций с функциональным набором демократических ценностей. Эта задача, – продолжал он не без горечи, – решается уже не менее 150 лет, но сегодня российское общество наиболее приблизилось к его разрешению.

...Эффективно использовать человеческий потенциал можно только в условиях зрелого и правильным образом структурированного общества, общества демократического и имеющего рычаги влияния на власть, контролирующего эту власть».[2]

Нет сомнения в том, что здесь в имплицитной форме речь идет об использовании исторически сложившихся рычагов влияния, входящих в систему соционормативной культуры, на государство и на армию государственного чиновничества.

[1] Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. М., 2004. С. 3-4.
[2] НГ. 2008. 23 января.

Трансформационные процессы (Традиции и инновации)

Изучение факторов, технологий и масштабов трансформационных процессов едва ли не с первых лет после развала Советского Союза стало в России одним из наиболее востребованных направлений современных социальных исследований, в том числе социологических и этнополитологических. Сказать, что подобные исследования инспирированы желанием получить ответы на извечные вопросы «Кто виноват?», «Что делать?», означает, что мы не получим представления о том, откуда и куда мы движемся и как реальный ход изменений соотносится с доктриальными и ценностными ориентациями элит и различных групп населения.

Вопрос при этом расчленяется на две проблемы: каковым должно быть общество, к которому мы стремимся и какие социальные субъекты и каким образом способны перевести общество из исходного в желаемое состояние. Несмотря на многочисленные исследования и публикации, четкого ответа на эти мучительные вопросы, сформулированные лидерами социологической мысли России Ю.А. Левадой[1] и Т.И. Заславской[2] до сих пор не получены.

Очевидно, что одним из локомотивов трансформационных процессов выступает Правительство, к прерогативе которого по убеждению академика Заславской Т.И., относится разработка и реализация целостной программы реформ, с учетом потенциала сил, способствующих или тормозящих преобразование базовых институтов общества. Но дело не сводится только к обязанностям и деятельности Правительства. В преобразованиях принимают участие и другие политические, экономические и культурные акторы разных

[1] Левада Ю.А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций. // Экономические и социальные перемены в России. Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С.9.

[2] Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 9-10.

типов и уровней.[1] Ей же принадлежит разработанное применительно к российской реальности определение социальной трансформации как «результата взаимодействия движущих сил, порождаемых, прежде всего, самим преобразующимся обществом; как равнодействующая активности социальных групп, слоев, классов, общественных движений, солидарностей, различающихся экономическими, политическими и социокультурными характеристиками, интересами, статусными и иными ресурсами».[2]

В контексте этого определения сути и содержания трансформационных процессов, как видно, не нашлось места для прямого указания места и роли соционормативной культуры, за исключением относительно глухого упоминания «социокультурных характеристик».

Так, например, при детализации трансформационной структуры общества и выявлении попутно иерархии социальных акторов, в этой же книге предлагается под трансформационной структурой понимать «систему социальных макросубъектов, взаимодействие (сотрудничество, конкуренция, борьба) которых служит движущей силой социального преобразования общества».[3]

Однако, помещая в предметное поле своих исследований правящую элиту, представителей крупного и среднего бизнеса, политические партии и общественные движения, в том числе неправительственные объединения коммерческой и гуманитарной ориентации, исследователи крайне редко обращаются к анализу принципов, норм и ценностей соционормативной культуры, исходя, видимо из того, что весь этот культурный комплекс, подобно обычному праву, изучается исключительно на примере малочисленных аборигенных народов и этнических меньшинств.[4]

[1] Там же. С. 12.

[2] Там же. С. 13.

[3] Там же. С. 267

[4] Обычное право и правовой плюрализм (Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму. Август 1997, г. Москва). Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 1999.

Более того, институты и комплексы соционормативной культуры редко попадают в поле зрения аналитиков современных трансформационных процессов, рассматривающих адаптационные возможности широких масс населения, как значительную часть технологий по активному приспособлению граждан к изменяющейся среде с помощью доступных им средств. В значительной мере от этих адаптационных возможностей населения зависит успех трансформационных процессов. При этом, как отмечала вице-президент Академии наук Республики Молдова М.Е. Шлапак, представляя читателям двухтомное издание материалов международного российско-молдавского симпозиума, посвященного адаптационным процессам, «приспособление значительных масс населения к меняющимся внутренним и внешним факторам, к макро- и микроусловиям жизни проявляется как в преодолении инерции прошлого, так и в необходимости нарастающего энергосбережения будущего».[1]

Между тем, судя по накопленному в постсоветский период опыту изучения трансформационных процессов, выявленному в ходе ряда социологических исследований, в том числе по результатам проведенных ЦИМО ИЭА РАН по проекту «Электрокардиограмма (ЭКГ) социальных изменений» в 4-х республиках Приволжского федерального округа, инновационно-реформаторский потенциал граждан оказался достаточно весомым.[2]

Этот же высокий адаптационный потенциал, коренящийся в позитивных принципах и ценностях соционормативной культуры молдаван и гагаузов, позволил значительным массам населения Молдовы путем героических, в том числе гастарбайтерских усилий, преодолевая экономическую не-

[1] Шлапак М.Е. Энергия обновления – результат обновления // Курсом развивающейся Молдовы. Том 2. Материалы II-го российско-молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптации культуры и культуре адаптации». М., 2007. С. 5.

[2] Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Том 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. Москва-Ижевск, 2006.

урядицу и безработицу, приспосабливаться к новым кардинально меняющимся условиям жизни.[1]

Подобно россиянам, пережившим две войны в Чечне и множество других стрессовых ситуаций, в том числе дважды в ходе дефолтов (1992 и 1998 гг.) потерю сбережений, резкую социальную поляризацию, снижение качества и уровня жизни, массовую безработицу, жители Республики Молдова пережили раскол страны на Лево- и Правобережье, сокращение численности населения, массовый отток за пределы республики наиболее действенной части трудоспособного населения, рост смертности и снижение средней продолжительности жизни. Однако адаптационный образ, созданный Т.И. Заславской для россиян, вполне может быть применим для характеристики ситуации в Республике Молдова.

По итогам ее наблюдений и исследований «люди «затягивали пояса», меняли профессии, пользовались любой возможностью заработать, самостоятельно обеспечивать себя продуктами питания, проявляя чудеса долготерпения и приспособляемости».[2]

То же самое по данным этносоциологических исследований имело место в Республике Молдова.[3]

Соционормативная культура: границы предметной области

Одна из насущных проблем сегодня заключается в том, что менее всего в современных публикациях и материалах конференций и симпозиумов по определению сути, содержания и функционирования гражданского общества учитывались традиционно изучаемые в исторической и этнологичес-

[1] Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2, 3; Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграции, адаптация. М., 2007.

[2] Заславская Т.И. Указ. раб. С. 271.

[3] Пашалы П.М. Панорама социально-экономического развития Гагаузии в первом постсоветском десятилетии // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М., 2006. С. 15-36.

кой науке характеристики и свойства жизнедеятельности народов, которые на самом деле относятся именно к разряду признаков и черт, характеризующих гражданское общество «по-молдавски» или «по-русски».

В концептуально-понятийном и терминологическом арсенале этнологии, как и в других общественных науках, видное место занимает проблематика, связанная с анализом институтов и отношений, составляющих предметную область соционормативной культуры, в которую, в частности, инкорпорирован и социальный капитал, наряду с социоинститутскими и социоличностными компонентами. Таким образом, центральный замысел очередного симпозиума сводится к обсуждению возможности включения ниже перечисленных, веками наработанных элементов соционормативной культуры молдаван и гагаузов в число принципов, свойств и признаков гражданского общества.

Два проведенных Молдавско-Российских симпозиума и три изданных по их материалам тома, посвященные сравнительному изучению современных трансформационных процессов в регионах Российской Федерации и Республики Молдова, выявили глубокий интерес ученых наших стран к совместным исследованиям динамически развивающейся постсоветской реальности в различных сферах жизни, в том числе в деле формирования принципов, институтов и регуляторов межличностных и межэтнических отношений по правилам гражданского общества.

Учитывая большое мировоззренческое и научно – практическое значение соционормативной культуры каждого народа в пору крутых изменений, предлагается очередной Молдавско-Российский симпозиум посвятить теме «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов».

В предметном поле соционормативной культуры можно предварительно (в порядке обсуждения) выделить 5 блоков актуальных, изучаемых или ждущих своего изучения проблем. Так, например, судя по этнологической литературе, в концептуально-понятийном и терминологическом арсенале

фигурируют: социальная стратификация, социальные страты и группы, политическая организация, социальная организация, племя, община, половозрастная стратификация, термины родства, обычное право.

В широком смысле институты соционормативной культуры представляют собой исторически сложившийся и обновляемый комплекс формальных и неформальных правил поведения («грамматика жизни»), принципов, норм, установок, механизмов социального поощрения и контроля, призванных осуществлять регулятивную функцию по сохранению и соблюдению ролей, статусов, рангов и всевозможных практик в разнообразных сферах деятельности.

Типология основополагающих функций социальных институтов была, в частности, представлена в ряде трудов Т.И. Заславской. В соответствии со своей Концепцией в институтах соционормативной культуры выделяются стабилизирующая функция, состоящая в стимулировании устойчивого и продуктивного функционирования сфер общества путем направления деятельности социальных акторов, адаптационная, выражающаяся в способности индивидов и сообщества в целом конструктивно и своевременно отвечать на внешние вызовы, инновационная, задача которой состоит в создании благоприятных условий проведения общественно значимых реформ, и, наконец, интегративная функция, призванная обеспечивать социализацию молодых поколений, осуществлять трансляцию исторически сложившихся норм, ценностей, образцов поведения.[1]

Не случайно до сих пор недооцененный поэт и переводчик Аркадий Акимович Штейнберг, неоднократно репрессированный, после тюремных лет любил все же повторять: «Важнейшее свойство жизни – ее соборность, [когда] любая часть, малый осколок с нее несет в себе признаки и приметы целого».[2]

---

[1] Заславская Т.И. Указ. раб. С. 103.

[2] Мельникова Т. Таруса – 101-й километр. М., 2007. С.78.

Институты соционормативной культуры в узком смысле и представлении, в частности, в таких структурированных частях и слоях сообщества как община, представляющая в одном случае «всякое объединение людей, связанных совместными интересами, например, сельская, городская, земляческая, этническая, конфессиональная», в другом (историко-этнографическом значении) – самоуправляющийся производственный и социально-бытовой коллектив,[1] олигархия, Собрание народное, союзы, статус, «социальная дистанция».[2]

В понятийно-смысловом типологическом ряду выделяются право, как инструмент и технология социальной регуляции, престиж, как выражение повышенной социальной оценки тех или иных сторон деятельности индивида, со стороны членов сообщества, ранг, как положение индивида или группы на шкале социальной иерархии, собственность, как особого рода общественных связей между людьми, которые проявляются в их отношении к вещам.[3]

Назовем часть понятийно-терминологического аппарата, составляющего в системе соционормативной культуры особый блок, который условно можно назвать социальным капиталом сообщества. Это – взаимопомощь, воспитательство, гостеприимство, наследование, эксплуатация, этикет, совесть.[4]

Важную часть исследований соционормативной культуры составляет отображение ее институтов, принципов, технологий и практик в художественной культуре, в устном народном поэтическом творчестве, в живописи, театральном искусстве, в кинематографии и деятельности средств массовой информации.

---

[1] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 109.

[2] Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 234.

[3] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. С. 148-151, 154-155, 165, 184.

[4] Там же. С.31-36, 38-39, 40, 221, 224 и др.

Фокусируя внимание на перечисленных проблемах дискуссии, мы не ограничиваем внимание участников дискуссии исключительно на них.

Несколько забегая вперед, надо сказать, что ни экономика, ни человеческий потенциал не развиваются в условиях постоянного государственного патернализма. Необходимым условием развития экономики, человека и гражданского общества выступает исторически сложившаяся и своевременно обновляемая система культуры и ее важнейшей составной соционормативной части – правил, регулирующих человеческое поведение и отношения человека с людьми, государством и сообществом.

С гагаузскими этнографинями: Д.Е. Никогло, Е.Н. Квилинковой, М.В. Маруневич. г. Чадыр-Лунга, 2001 г.

Встреча Нового 2006 года. Дом ученых, г. Москва

Поскольку не существует удовлетворительного ответа ни на один из поставленных вопросов, имеет смысл привести некоторый предварительный перечень тех терминов, которые чаще всего используются для обозначения смысловой нагрузки самого понятия, с помощью которого обозначаются жизненные реалии, включаемые в состав соционормативной культуры.

Во «Введении» к сборнику, написанном Ю.В. Бромлеем, А.И. Першицем и Д. Трайде, читаем: «Термин соционормативный не вполне адекватен той сфере культуры, которая связана с социальными отношениями в узком значении этого слова. Как уже упоминалось, в нем упор делается на регуляции человеческого поведения, между тем как следовало бы говорить и о нормах, и о структурах, т.е. об установлениях или институтах целом».[1] Из приведенного, пусть и в имплицитной форме объяснения, можно догадаться, что неудача с определением термина соционормативная культура связана с размытостью другого базового понятия – социальные отношения, которые в литературе употребляются в широком и узком смысле. В советской системе гуманитарных наук в одном случае (широком смысле) социальными именуются все без исключения общественные явления – экономические, политические, правовые, нравственные, этнические, культурные. В другом случае (в узком смысле) к социальным относят внутриструктурные и межструктурные отношения, которые имеют место между основными элементами структуры общества – классами, социально-профессиональными группами, положениями, полами, лицами, принадлежащими к различным системам.

[1] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. 1986. С. 6-7.

Употребление термина «соционормативная культура», в узком смысле, как декларируется во вступительной статье к упоминаемому здесь сборнику, имеет свою логику, так как социальная структура как советского, так и постсоветских обществ, представляет собой, по образному выражению Т.И. Заславской, «солнечное сплетение» общества.[1]

Следовательно, без ясного представления о том, как устроена и как развивается эта структура, вряд ли можно адекватно представлять себе в каком направлении идут трансформационные процессы, куда и каким путем движется общество.

Основное предназначение СНК – регулирование жизнедеятельности и повседневности людей, главным двигателем поведения которых служит их интерес, их цели и мотивация. Поведение в организованном сообществе людей не может быть неорганизованным, так как иначе жизнь может превратиться в анархию, в борьбу всех против всех. Однако история знает, что чем сильнее и строже регламентируются СНК содержание и условия деятельности, тем «скромнее»

[1] Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М., 2002. С. 519.

векторы вертикальной и горизонтальной мобильности людей. И наоборот, чем полнее и шире мобильность, тем сильнее расшатывающее влияние на компоненты СНК. Но об этом ниже.

Не случайно изучение трансформационных, в том числе современных этнических и социокультурных процессов, начатое на рубеже 1960–1970-х годов дало основу для зарождения и формирования нового, чрезвычайно перспективного научного направления – этносоциологии.[1]

Не пытаясь привести собственную дефиницию соционормативной культуры, можно лишь предварительно, исходя из узкого и широкого понимания социальной структуры, поместить смысловую нагрузку явлений, входящих в систему соционормативной культуры где-то между двумя подходами к пониманию социальной структуры общества.

Надо ли после приведенной, пусть и панорамной характеристики состояния дел с определением термина «соционормативная культура» ставить в упрек Е.Н. Квилинковой, что в специально заказанной мной статье, посвященной соционормативной культуре гагаузов, подготовленной ею на основе своих многочисленных публикаций,[2] отсутствует дефиниция для определения структуры, содержания и функций соционормативной культуры гагаузского народа.

Тем не менее, сформулированная ею задача по изучению феномена соционормативной культуры, как «темы, включающей в себя исследование различных норм и регламентаций, налагаемых институтом народной культуры, которые составляли правила поведения индивида в традиционном гагаузском селе в XIX– начале XX вв.[3] может быть принята во внимание в качестве одного из первых рабочих определе-

[1] Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1972; Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М., 2004.

[2] Квилинкова Е.Н.Традиционная соционормативная культуры гагаузов в XIX – первой половине XX вв. // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. М., 2007. С. 395.

[3] Курсом развивающейся Молдовы. Том 2. С. 341.

ний феномена соционормативной культуры. С легкой руки автора «Ветки сакуры» и «Корней дуба», талантливого журналиста Всеволода Овчинникова получила широкое распространение и едва ли не концептуальный смысл крылатая метафора «грамматика жизни», суть и содержание которой, похоже, синонимичны принятому, но не до конца осмысленному в этнологии понятию «соционормативная культура». В одном из своих интервью сам автор этой легко запоминающейся формулы проводил аналогию с языком. В самом деле, каждый язык постоянно обновляет и пополняет свой словарный запас, но все инновации укладываются в рамки жесткого грамматического строя, который практически не подвергается кардинальным изменениям на протяжении длительного времени. Таким образом то, что Всеволод Овчинников называет грамматикой жизни, несколько перефразируя его формулу, как раз и есть аналог языковой грамматики, а что касается изменений в самом языке с каждым новым поколением его носителей – это находит свое выражение в изменении словарного запаса.

Словом, соционормативная культура, как «грамматика жизни» охватывает два крупных комплекса регуляторов повседневной жизни: правила, установленные правом и правила, исходящие из морали.

К. Чуковскому импонировала метафора «порядок жизни», встречающаяся в трудах Н.В. Гоголя, и в чем-то совпадающая с тем, что теперь именуется «соционормативной культурой».

Представляя серию повестей молдавских авторов русскоязычному читателю еще в советские времена, Михай Чимпой взволнованно пояснял, что «мир крестьянина – это мир естественности, непосредственности, которая остается неуязвимой даже под натиском своего главного врага – так называемой житейской мудрости».[1] Если в приведенной па-

[1] Чимпой М. Поэтика сфокусированной жизни // Молдавские повести. Составитель Н.Романенко. М., 1981. С. 585.

радигме под «миром крестьянина» понимать ту соционормативную доктрину, которой человек руководствуется в своих мыслях и поступках, а под «житейской мудростью» – необходимость адаптироваться к неизбежным изменениям, связанным с современными трансформационными процессами, то мы вполне можем согласиться с Михаем Чимпоем как с авторитетным специалистом в том, что в «мире крестьянина», как носителя догматики, принципов и норм соционормативной культуры, «скрыты огромные духовные и моральные богатства».[1] Опубликованные в сборнике повести Владимира Бешлягэ «Игнат и Анна», Якоба Бургиу «За тридевять земель...», Иона Друцэ «Последний день осени», Михаила Чиботару «Встреча по ту сторону смерти», посвященные преимущественно сельским жителям, убедительно, в яркой художественной форме, хотя и напоминают по жанру монографические исследования, показывают преданность жителей молдавского села вековым житейским нормам, регулирующим их мир и поступки.

Мой друг Бе Вьет Данг, директор Института этнографии Комитета общественных наук СРВ

[1] Там же.

Интегративное (агрегированное) определение СНК вытекает из реагируемой готовности и способности граждан к самоорганизации.

В известном смысле данное определение, имеющее предварительный характер, вполне корреспондирует с утверждением П.К. Лучинского, представляющем себе, например, общину одним из институтов СНК и имплицитно ставящим ее в один типологический ряд с гражданским обществом.[1] Разумеется, община – это еще не гражданское общество, но вполне манифестирует один из его институтов в плане способности к самоорганизации.

Более того, круг обсуждаемых вопросов и проблем соционормативной культуры молдаван, как и народа молдавских Кодр и самого восточного форпоста романского мира и гагаузов, как самого западного форпоста тюркского мира, как народа полынных степей и молчаливых курганов, мы, разумеется, не ограничиваемся опытом только этих двух народов. Накануне 650-летнего юбилея Молдавской Государственности не менее интересен опыт и других народов, населяющих пределы Молдовы в прошлом и живущих в ней сегодня.

Влияние соционормативной культуры на художественное творчество

Как в российской, так и в молдавской и гагаузской истории прорывы в системе устаревающих компонентов соционормативной культуры представители творческих профессий – писатели, поэты, художники, барды осознавали и ощущали раньше и острее, чем научные работники. При этом одни из них загоняли чувство протеста вглубь своей ментальности, другие прибегали к эзоповскому языку, третьи, в пылу социальной мобилизации решались порой на открытую моральную или политическую конфронтацию с теми, кто стоял на страже дряхлеющих идеологических догм и доктрин.

[1] Лучинский П.К. Молдова и молдоване. Кишинев, 2007. С. 240.

Более того, в художественной литературе немало примеров, когда читатели, интересующиеся историей своей страны, народа и его культуры, писателям и поэтам доверяют больше, чем профессионалам историкам.

Характерен в этом отношении диалог старого интеллигента с внуком студентом исторического факультета МГУ. «Разговоры с дедом, – повествуется в романе Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» – почему-то чаще всего наталкивались на тему, которую Антон озаглавливал «О тщете исторической науки».

– Что может твоя наука, историк Стремоухов? Пугачевский бунт мы представляем по «Капитанской дочке». Ты занимался Пугачевым как историк. Много изменили в твоем ощущении эпохи ее документы? Будь откровенен. И появились ее куча исследований – уточняющих, опровергающих, – пугачевщина в сознании нации навсегда останется такою, какой изображена в этой повестушке. А война 1812 г.? Всегда и вовеки веков она пребудет той, которая разворачивается на страницах «Войны и мира». И сколько здесь от случая. Допиши Пушкин «Арапа», мы бы и Петра знали по нему. (Впрочем, и так знаем). Почему? Историческое бытие человека – жизнь во всем ее охвате: историческая же наука давно разбилась на истории царствований, формаций, философских учений, историю материальной культуры. Ни в одном научном сочинении человек не дан в скрещении всего этого – а ведь в таком перекрестке он пребывает в каждый момент своего существования. И сквозь этот прицел его видит только писатель».[1]

Русская и молдавская классические литературы полны примеров соблюдения или нарушения героями произведений норм повседневной жизни.

Основательно изучив записные книжки и письма А.П. Чехова, Корней Чуковский пришел к выводу, что «основное содержание чеховских записей – в регистрации несуразных

[1] Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени. М., 2001. С. 54.

событий и дел, символизирующих всевозможные отклонения житейских явлений от ожидаемой, желанной, общепринятой нормы».[1]

Показательно, что многие сюжеты классических романов и повестей молдавских и гагаузских авторов построены на характеристике тех или иных ценностей или антиценностей, которым следуют молдаване и гагаузы в повседневной жизни. Так, например, корни соционормативной культуры молдаван уходят в седую старину.

«Девушки в нашем селе, – рассказывает в автобиографической повести «За тридевять земель...» прозаик и кинодраматург Якоб Бургиу, – пугливы и осмотрительны. Честью своей они дорожат и вовсе не желают невзначай потерять ее. И если парни распускают руки, они немедля уклоняются от объятий и заводят разговор о родителях, о доме и об осенних свадьбах. Они держатся той же веры, как держались их матери, и матери их матерей, и сама праматерь наша – земля».[2]

Злая, убийственная сила махалинской сплетни убедительно изображена в повести Владимира Бешлягэ «Игнат и Анна».

С губ героини однажды неожиданно слетела роковая фраза: «Эх, видать, пустоцветом родилась я на свет, порченая я...». Знать бы ей, что пройдут месяцы и годы, и слово это станет ее проклятием. Сказала – забыла. А вот Параскица запомнила. Принесла в подоле маменьке, а та – куме. И пошел звон по селу, пока не дошло до ушей Симоновой Язвы. А та подняла тарарам... Так Параскица разожгла великий пожар, ровно паклю бросила в бочку с бензином».[3]

С нескрываемой любовью Ион Друцэ рассказывает о человеческом достоинстве и самоуважении на примере о том, как его литературный герой построил колодец в память о его первой встрече с будущей женой и как потом люди дол-

[1] Чуковский К. О Чехове. Человек и мастер. М., 2007. С. 165

[2] Бургиу Я. За тридевять земель... // Молдавские повести. Кишинев, 1981. С. 133.

[3] Бешлягэ В. Игнат и Анна // Молдавские повести. Кишинев, 1981. С. 46.

го поминали добром его имя. «Долгую осень мок здесь под дождями, перерыл все кругом, но добрался до родника такой чистоты и свежести, что люди из окрестных сел назвали колодец его именем».[1]

В молодой по историческим меркам молдавской романистике трудно найти произведение, в котором в той или иной мере не выражалось сожаление и боль об исчезающих элементах традиционного молдавского быта, о прекрасных обычаях и обрядах соционормативной культуры сельских молдаван. Село старело. Город наступал, а вместе с урбанизацией разрушились вековые привычки и привязанности молдаван. «Думаю и удивляюсь тому, – с горечью отмечал исчезновение этнографических особенностей молдавской традиционной культуры известный молдавский писатель и общественный деятель Иван Константинович Чобану, – с какой легкостью современное село забывает свои древние обычаи, привычки, про утварь, без которой было не обойтись, про еду, вкуснее которой, думается, и не найти ни в каких самых изысканных ресторанах и гастрономах, и про многое другое, освященное долгими годами крестьянского житья-бытья. В нашем совхозе-заводе исчезла даже кукуруза. (Это в молдавском-то селе). Она ютится на жалких сотках приусадебных участков некоторых моих односельчан. Исчезли тыквы, росшие прежде в кукурузном междурядье: срежут кукурузные стебли – на поле останутся одни созревающие и радующие глаз своей пестротой, своими нарядами тыквы. До глубокой осени крестьянин по очереди свозил с поля урожай одного, другого, третьего. Земля использовалась сполна. Кукуруза росла вместе с тыквами, ячмень сеялся вместе с семенами чеснока...

... Куда все это подевалось?»[2]

С нескрываемым сарказмом известный советский писатель Виктор Шкловский рассказывает о неудачной попытке одной из любимых женщин Владимира Ильича Ленина

[1] Друцэ И. Последний день осени // Молдавские повести. Кишинев, 1981. С. 230.
[2] Ион Чобану. Подгоряне. С. 30.

Инессе Арманд написать книгу «О свободе любви», замысел которой сводился к отрицанию старой морали, неустановленности новой морали в период революционного переустройства мира, когда подвергались сомнению основополагающие ценности соционормативной культуры. Советуя своей подруге выкинуть из оглавления брошюры специальный параграф: §3 – «требование (женское) свободы любви», В.И. Ленин задал автору 10 каверзных (если не убийственных) вопросов. «В самом деле, – спрашивал В.И.Ленин, – что Вы под ним (требованием свободы любви – М.Г.) понимаете? Что можно понимать под этим?

1. Свободу от материальных (финансовых) расчетов в деле любви?
2. То же от материальных забот?
3. От предрассудков религиозных?
4. От запрета папаши?
5. От предрассудков общества?
6. От узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды?
7. От уз закона, суда и полиции?
8. От серьезного в любви?
9. От деторождения?
10. Свободу адюльтера? и т.д.»[1]

Совместимы ли стабильность соционормативной культуры и динамизм мобилизации?

Еще на заре становления социологической науки были выявлены непростые отношения между мобильностью, особенно в те исторические периоды, когда она принимала массовые масштабы, и устойчивой эффективностью доктриналь-

[1] Цит. по: Шкловский В. Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записки. Повести о времени: с конца XIX в. по 1962 г. М., 1964. С. 269-270.

ных принципов и положений соционормативной культуры. Не случайно один из основоположников американской социологии ученый российского происхождения Питирим Сорокин завершающую по сути, ключевую главу в фундаментальной монографии недавно переведенной на русский язык, но давно ставшей классикой, назвал: «Воздействие мобильности на социальные процессы и организацию общества».[1]

В самом названии инициированного мной проекта «Социальносозидательная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства. (Опыт гагаузов)» реализованного совместно с Н.А. Дубовой[2] изначально была заложена гипотетическая идея о двух векторах последствий современного гастарбайтерства – позитивного, как бегства от голода и безработицы, и отрицательного, как представляющего угрозу стабилизирующим компонентам соционормативной культуры и устойчивости этничности.

Однако, как было установлено в ходе проведенных исследований, предложенная в названии проекта гипотеза о сочетании позитивной и негативной результирующей гастарбайтерства, оказалась не вполне адекватной нынешней реальности в Гагаузии, как впрочем, вероятно, и во всей социально-экономической ситуации в Республике Молдова.

Наши данные, собранные в ходе двухлетних этносоциологических опросов, а также итоги многолетних исследований, проведенных И.А. Субботиной,[3] дают повод усомниться в абсолютно позитивной энергии гастарбайтерства, т.к. отрицательные последствия этого феномена, оказывающие деструктивное влияние не только в сфере этнической, но и в недрах той части соционормативной культуры, которая играла регулирующую и стабилизирующую роль в сохранении социума Гагаузии и в нормальном функционировании гагаузскости, т.е. того, что принято именовать «gagauzluk» («гагаузство»).

[1] Сорокин П. Социальная мобильность. 2005. С. 487-504.

[2] Гастарбайтерство: факторы выталкивания и притяжения. 2006. С.5-14

[3] Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация (вторая половина XX – начала XXI вв.). Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 2007.

В чем же сущность «соционормативной культуры» каждого народа? Чему она учит и к чему призывает? Ее неписаные законы призывают не сидеть без дела, учат широко желать и крепко любить, далеко и часто ездить и смотреть на мир открытыми глазами, быть верным другом и преданным своему дел и своей семье, любить завтрашний день и уметь достойно расставаться с днем сегодняшним.

Особенности соционормативной культуры, с учетом их знания и исповедания в повседневной жизни, составляют объективную равнодействующую субъективной этнической идентичности, то есть осознания своей принадлежности с помощью элементов соционормативной культуры к своему народу и к его национальной (традиционной и профессиональной) культуре. Выступая в роли магнита, стягивающего людей одной и той же этнической принадлежности в единый народ, не позволяет народу превратиться в пыль на ветру. Это относится и к исторической судьбе любого народа. Размывание «грамматики жизни», или, другими словами, «культурного кода», ничего доброго в перспективе не сулит.

В наше время жизнь изменяется круто и быстро. Молодежь взрослеет физиологически форсированно, а в концептуальном отношении скорее остается инфантильной. Сельская молодежь едва ли не во всех регионах Гагаузии, не успев как следует освоить заветы предков и законы соционормативной культуры, расстается с прошлым слишком неожиданно, непредсказуемо, порой скандально, как с неразлюбленной женой. Это грозит, как отчетливо видно, в том числе, из хорошо обоснованной монографии И.А. Субботиной, подрывом не только численности, но и этногенетического кода народа, заложенного в его соционормативной культуре.[1]

[1] Там же.

Заключение

Подводя краткие итоги конспективному изложению основной идеи и программы III международного симпозиума, посвященного теме «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов» в рамках совместного долгосрочного проекта «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», мы обнаруживаем ряд новых вопросов.

Например: «Может ли право в законодательном порядке утверждать принципы, нормы и правила нравственности?».

Может ли гражданское право позволять себе хирургическое вмешательство в позитивную систему соционормативной культуры (грамматики жизни) с целью осуществления радикальных трансформационных процессов без учета оппонирующих установок самих носителей соционормативной культуры?

Какова субъективная равнодействующая СНК в формировании коллективного или индивидуального начала в каждом конкретном социуме?

Одна из причин повторяющихся неудач в сопоставительном изучении СНК, принадлежащих к разным цивилизациям или народам, состоит в альтернативном понимании соотношения коллективного и индивидуального начал в структурно-функциональном строении СНК. При этом высказываются точки зрения о том, что общественная организация или социум, создавшие лучшие условия для развития индивидуальных способностей, что, в частности, находит свое выражение в степени индивидуальной свободы, выступает в роли более «прогрессивной» конструкции, так как содержит в себе более высокий потенциал для развития производительных сил, познания природы, общества, личности, искусства.

Ошибочность этой крайней позиции состоит в противопоставлении индивидуального и коллективного начал. На самом деле личность и коллектив не противостоят, а дополняют друг друга. Их нормальное существование и развитие взаимообусловлено.

Понятно, что в поисках ответов на эти и подобные вопросы в наше непростое время, нужны объединенные усилия юристов и этнологов, историков и филологов, социологов и искусствоведов.

Итак, в чем главный смысл предложенной темы симпозиума? В чем предметные поля и смысловая нагрузка соционормативной культуры, грамматики жизни, общественного и семейного быта и гражданского общества совпадают и в чем различаются. Это, впрочем, скорее описательная и тактическая сторона дела. Аналитический стратегический замысел состоит в том, что даже вялотекущие трансформационные изменения в Молдове и в России на более широком фоне глобализационных процессов обостряют проблему сохранения этнокультурной самобытности.

Иными словами, как уже указывалось в литературе, вопросы о соционормативной культуре, о прежних и нынешних ценностях Молдовы и России полезнее анализировать, изучать и толковать в терминах и понятиях их необходимости и возможности для каждой из наших стран. Для того чтобы эти ценности заработали, требуется полномасштабная гуманитарно-политическая и социокультурная реформа.[1]

И тут, несколько забегая вперед, можно солидаризироваться с позицией одного из крупных знатоков русской культуры, унаследовавшего идеи таких великих современников, как Валентина Янина, Виктора Лазарева и других, в том, что «аргументированный ответ апологетам западного образа жизни, уверяющим современников, что только беспрекословное следование и подчинение чужеземным догматам, когда экономика, общественно-политический уклад и духовное развитие России должны выстраиваться с оглядкой на «богоизбранных» заокеанских и европейских лиде-

[1] Владиславлев А. Для процветания России необходимо демократическое изменение природы власти // НГ. 2008. 14 февраля. С. 10

ров, базируется на знании истории об основах патриотизма, полученных от вышеназванных учителей-просветителей».[1] Анализ традиций и инноваций в системе соционормативной культуры («грамматики жизни») через призму критериев гражданского общества – не только чрезвычайно увлекательная, но и практически важная тема. Она, понятно, требует решений не только на уровне нескольких симпозиумов, но и проведения серьезных социологических исследований. Итогом должен быть найден ответ на вопрос, откуда, куда, как и с кем надо двигаться. В какой мере это движение убеждает нас в правильности формирования гражданского общества? Какой из путей более предпочтителен? Идти ли дорогой иссушающей вестернизации и унификации, когда стандарты соционормативной культуры одних стран и народов принудительно навязываются другим странам и народам, или идти своим путем под звуки симфонии, когда «грамматика жизни» каждого народа, подобно музыкальным инструментам в хорошо сложенном оркестре, сохраняет свое оригинальное, самобытное значение и звучание?

[1] Ямщиков С. Русская культура развивалась в контексте с православной Византийской Империей // НГ. 2008. 14 февраля. С. 10.

2. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕНТАЛЬНОСТИ ГАГАУЗОВ

Здесь долго светится небесная лазурь,
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь
А.С.Пушкин

Изучая различные формы проявления этничности на индивидуальном уровне, в групповом менталитете и бытовом поведении, мне неоднократно приходилось испытывать серьезные сомнения по поводу адекватной характеристики прав и обязанностей человека, вытекающих из знания и понимания им своей нравственной ответственности, которая выражается в саморегуляции, как едва ли не самой совершенной форме социальной адаптации и регуляции. Речь идет об ответственности, осознаваемой и проявляемой в поступках и деятельности человека, осмысленной и осознаваемой им принадлежности к какому-то более обширному, высокому и целому и необходимости вести себя как элемент данного целого. Следовательно, социальная роль ответственности состоит в осуществлении договора, скрепляющего взаимопонимание и интеграцию общности людей на разных уровнях их объединения.

Говоря проще, ответственность – это особый социально-моральный мотив, который означает установку (attitude) людей (предуготованность) поступать тем или иным способом, на основе идентификации себя с конкретной идентичностью от этнической до гражданской и от семейно-гендерной до сословно-имущественной в связи их членством в этнической общности или в тех или иных социальных и социально-профессиональных группах.

Иными словами, ответственность, как нравственность, о чем пойдет речь ниже, состоит в числе того самого важного,

из чего формируется, как выражался Гоголь, «жизненный состав», или, как писал Бунин, «расширяющаяся душа» личного существования, выражающего причастность человека к своему социуму.

При этом едва ли не самый сильный дискомфорт мне, как этносоциологу с традиционным этнографическим образованием, доставляло незнание грузинского, эстонского, удмуртского и языков других народов, о ценностях которых на массовом социологическом материале шла речь в очередном исследовании. Это касается прежде всего тех проектов, в которых затрагивались проблемы языка и комплекса ценностных ориентаций, связанных с такими категориями, как глубина и масштабы бытования толерантности, доверительности, ответственности, взаимно осознаваемых и исполняемых этнических прав и обязанностей.

«Почему ваши антропологи не учат языки народов Средней Азии, проявляя тем самым свой шовинизм?» – в полемическом задоре обратился к директору Института этнологии и антропологии РАН В.А.Тишкову молодой итальянский антрополог, который уже год прожил в Узбекистане и выучил узбекский язык. «А потому, что в нашем Институте, – последовал ответ В.А.Тишкова, – работают два выдающихся специалиста-узбека и еще несколько десятков ученых, чьи родные языки – это языки тех самых культур, которые они изучают...»[1]

Перечитывая в последние годы новейшие издания, посвященные истории и культуре, этнографии и этике гагаузов, я каждый раз убеждался в том, что профессиональное качество создаваемых текстов исследователями, не владеющими языком изучаемого народа, не вполне достигают цели по смысловому раскрытию специфических форм проявления этнокультурной и социально-психологической идентичности в ценностных комплексах традиционно-бы-

[1] Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 40.

товой культуры. Из-за незнания языка, например, возникали коллизии и ошибочная интерпретация этноокрашенных концептуальных и терминологических систем в истории хозяйственной, социальной и этнокультурной истории гагаузского народа».[1]

Но дело, разумеется, не только в знании и незнании языка изучаемого народа. Восстановление и освещение ранних этапов этнической истории гагаузов осложняется наличием в их культуре и в ментальности народа характерных черт по крайней мере трех институтов и элементов, роднящих гагаузский социум с иными общностями. Как уже приходилось отмечать,[2] в истории и культуре гагаузов обнаруживаются свойственные для Византии идеократические элементы, манифестирующие единство церковности и государственности, номократические, представляющие власть народа (от греческого «номос» – закон) и усвоенные за более чем двухвековое пребывание в составе сначала императорской России, а в XX в. в составе Советского Союза, и, наконец, этократические (от греческого слова «etos» – обычай) элементы, характерные более для азиатских общественных систем, чем для европейских.

Именно на необходимости учета указанного триединства я пытался настаивать в ряде публикаций, характеризуя оригинальную историческую судьбу народа, многие страницы истории которого происходили на стыке тюркской, византийско-славянской и романской цивилизаций. Этногенез гагаузов, как неразгаданная загадка, во многом определяется динамичным развитием их этничности и участием в этом развитии элементов различных культур.

[1] См., например: критику генезиса терминологической системы гагаузского языка в связи с путаницей двух различных систем хозяйствования: скотоводческой и животноводческой. Губогло М.Н. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М., 2006. С. 56-71.

[2] Губогло М.Н. Культ волка в евразийском пространстве. Эксклюзивы и универсалии в этногенезе гагаузов // VI Конгресс этнографов и антропологов России. С.-Пб., 2006. С. 94.

Несмотря на то, что этократические элементы византинизма проникали в гагаузскую культуру двумя путями – прямым и опосредованным, через русскую культуру, как наследницы византинизма, они все же не пускали глубокие корни в ментальности и образе жизни гагаузского народа.

Рассуждая об «омерзительной византийской истории», в основу которой легла «та злосчастная путаница, которая бросила в один кипящий котел ... и варваров и римлян», один из выдающихся мыслителей Запада И.Г. Гердер иронично характеризовал идеократические основы в образе жизни наследия Византии. «Вместо того чтобы жить на земле, – писал, в частности, И.Г. Гердер, как идеолог западного христианства, – люди учились ходить по воздуху».[1] О гагаузах, воспринявших определенные элементы из наследия византинизма, никак нельзя сказать, что они «ходили по воздуху». Обозревая с высоты птичьего полета Буджакскую степь, которую гагаузы за более чем два столетия, превратили в цветущий сад в весеннюю пору и в наполненные энергией виноградниками в осеннюю страду, становится совершенно ясным, что для них, если они действительно наследники византинизма, никак не подходит характеристика И.Г. Гердера о легковесном «хождении по воздуху».

Успехи, достигнутые этнической мобилизацией гагаузов в первом постсоветском десятилетии, не воспринимаются однозначно экспертами и различными категориями населения. Внутриэтническая рассогласованность порой проявляется в болезненном самовнимании отдельных лидеров и идеологов этого движения. Конечно, по мере того, как население Гагаузии адаптируется к новым условиям, возрастает надежда на относительную стабильность в сфере этногосударственных и межэтнических отношений. Тем не менее, как преодоленные, так и не преодоленные до конца стрессы катализируют действия, направленные на дальнейшее наполнение обретенного суверенитета реальным содержанием.

[1] Цит по: Вадим Кожинов. Грех и святость русской земли. М., 206. С.171.

Если же адаптационный синдром к новым условиям жизни, состоящий из трех фаз: тревоги, сопротивления и истощения, оказывается не под силу некоторым идеологам, и запасы адаптационной энергии оказываются исчерпанными, то возникает не вполне обоснованный страх и безысходность, а также хорошо известное в литературе «социальное беспокойство».[1]

К деструктивным свойствам этого социального беспокойства относятся, как отмечалось в литературе, нетерпимость к взглядам оппонента, тревожные предчувствия, неуверенность, подозрительность, раздражительность, а также болезненно повышенная активность, которая порой приобретает суетливый и беспорядочный характер, как, например, праздничное издание беллетристики, приуроченной к открытию Первого Всемирного Конгресса гагаузов.[2]

Отсутствие документированных сведений (ссылок) на использованные источники, наличие в текстах элементов плагиата, а также отсутствие реквизитов практически по всему корпусу иллюстративного материала лишает читателей возможности доверительно воспринимать многие положения этой весьма нужной книги для развития гагаузоведения, а само издание – оказывается непригодным для использования его в качестве пособия по изучению истории и культуры гагаузов. Не приносят ничего нового скороспелые, реферативные пересказы содержания давно известных источников и публикаций, посвященных дискуссионным вопросам происхождения и этнической истории гагаузов[3].

Анализ произведений научной и художественной литературы постсоветского периода, посвященной Гагаузии, дает основание для вывода о том, что это триединство гагаузс-

[1] Blumer H. Collectiv Behavior // Dew Outline of Principles of Sociology. N-J, 1951. P.171-174. Цит. По: Б.Х.Бгажноков. Основания гуманистической этнологии. М., 2003. С.21.

[2] История и культура гагаузов. Очерки. Книгу подготовил к изданию С.С. Булгар. Комрат-Кишинэу. 2006.

[3] Там же. С. 8-43.

кой культуры приводит в смущение упрямых адептов самобытности гагаузов, пытающихся в поисках «пышного следа прошедшей жизни» (А.И. Герцен) тем не менее изображать происхождение и этническую историю гагаузского народа в исключительно черно-белых тонах, в узких рамках альтернативного толкования: «или – или», или «мы – азиаты», или «мы – европейцы».

Так, например, создание государственности в форме этнотерриториального образования «Гагауз Ери» породило у некоторых интеллектуалов неистовое желание обнаружить преобладание европейских (прежде всего греческих) корней в этногенезе гагаузов, за счет отказа от реального культурного наследства, связанного с азиатским кочевым прошлым.

Однако из писаний новоявленных адептов греческих корней в этногенезе гагаузов не вполне ясно, о каких именно греках идет речь. Стоит напомнить в связи с этим вопросом о мучительных размышлениях А.И. Герцена. «Сколько веков, я чуть не сказал тысячелетий, – греческий народ был стерт с лица земли как государство, и все же он остался жив, и в ту самую минуту, когда вся Европа угорала в чаду реставраций, Греция проснулась и встревожила весь мир. Но греки Каподистрии, – вопрошал далее российский мыслитель, – были ли похожи на греков Перикла или на греков Византии?.. Древняя Греция изжила свою жизнь, когда римское владычество накрыло ее и спасло, как лава и пепел спасли Помпею и Геркуланум»[1].

В самом деле, Греция афинская, македонская, лишенная независимости Римом, выступает в новом обличии в византийский период в качестве самобытной государственности.

Похоже, что незрелое, или, напротив, перезрелое этническое самосознание испытывает комплекс неполноценности от проявления «азиатских» черт в культурном наследии гагаузов. Подобное психологическое состояние, граничащее

[1] Герцен А.И. Былое и думы. Киев, 1986. С. 742-743.

с лукавством или с незрелостью научной мысли, порождает желание приукрасить свое прошлое за счет изъятия из него комплексов кочевой культуры, кажущихся менее ценными по сравнению с оседлой культурой.

Однако, ничто не ново под луной. Споры о соотношении евразийства и азиатства в культуре и истории русских ведутся около двух веков и породили известные всему миру течения западничества и славянофильства как отличительного свойства русской культуры. Как тут не вспомнить слова гения русской и мировой литературы Ф.М. Достоевского, писавшего в своем «Дневнике писателя»: «Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас называют в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более, чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа считает азиатами, преследует нас уже чуть не два века... Этот ошибочный стыд и этот ошибочный взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать) – этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века»[1].

Из всего контекста мысли Ф.М. Достоевского совершенно ясно звучит убежденность в том, что нет оснований великому русскому народу стыдиться наличия в его истории элементов культурного плюрализма. Следовательно, и растущее самосознание думающей и пишущей гагаузской интеллигенции не дает оснований шарахаться из одной крайности в другую, отказываться от одних пластов национальной культуры в ущерб другим компонентам.

Перефразируя Достоевского, можно сказать, что, открывая «окно в Европу», вовсе не следует отворачиваться от «окна в Азию». В известном смысле надо брать пример с нынешней политической элиты Кишинева, которая в трудный момент, возникший в 2006 г. в связи с введенным Россией эмбарго на некачественные молдавские виноматериалы, до-

[1] Цит. По: Вадим Кожинов. Грех и святость русской истории. М., 2006. С. 238.

полнила свой курс на европейскую интеграцию одновременной ориентацией на обширный восточный рынок.

Ничего обидного для себя и для своей этнической истории не видят ни русские, ни турки, создавшие две великие империи человечества. Так, например, признавая себя продуктом симбиоза пришлых тюркоязычных племен (огузов, туркмен и др.) и местных малоазийских, а в дальнейшем – и части балканских жителей (греков, курдов, грузин, лазов, болгар и др.),[1] турки преисполнены чувством национальной гордости.

Более того, османский и сельджукский периоды своей истории они, не без удовольствия, продлевают вглубь веков вплоть до VI столетия, когда в Восточной Азии существовал знаменитый Тюркский каганат.[2]

Ни в коей мере не присуще чувство стыда и русским[3] за то, что их история наполнена взаимоотношениями с другими народами, а русская культура вобрала в себя наилучшие достижения других народов. Достаточно напомнить литературное творчество киргиза Чингиза Айтматова, аварца Расула Гамзатова, молдаванина Иона Друцэ и многих, многих других. Всех не перечесть.

Книга о гагаузах, изданная к Всемирному Конгрессу наспех, без надежной научной экспертизы, без участия в ней известных специалистов в области гагаузоведения (Л. Чимпоеш, С.С. Савоскула, Е.С. Сорочяну, И.А. Субботиной Л.В. Остапенко и некоторых других), обречена на неудачу, так как, девальвируя науку, она скорее мешает, чем способствует духовному возрождению гагаузов.

Вместе с тем книга заслуживает внимания тем, что пытается найти ответы на вызовы повышенной чувствительности и жгучего интереса населения к познанию и постижению

[1] Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской Империи. Пер. с англ. М. Пальникова. Под ред. М.С. Мейера. М., 1999.

[2] См.: Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической культуры). М., 1971.

[3] Вялянский С., Калюжный Д. Другая история Руси: от Европы до Монголии. М., 2001.

своей истории[1] и в деле защиты и развития своей культуры. Но вопрос состоит в том, в какой мере предложенная в ней концепция соответствует реальности и отвечает требованиям современного гуманитарного знания.

Актуальность и, соответственно, ответственность изучения роли ценностей и норм обычного права в регулировании различных сторон жизни и деятельности гагаузов на различных этапах их истории вытекает из интересов правового плюрализма, а также из обусловленности самобытности народа, его культурными ценностями, обычаями и нормами обычного права.

Ответственность в системе ценностей культуры

Для гагаузов, как для молодой, набирающей силу нации, лишь совсем недавно, в постсоветский период, восстановившей свою государственность в форме этнотерриториальной автономии, исключительно важное значение приобретает вопрос о том, какую роль играют модели адаптации, культура и политика на пути модернизации и следования курсом на европейскую интеграцию в деле достижения общественного прогресса. Существуют, по крайней мере, несколько точек зрения о роли культуры в истории народов и в современных трансформационных процессах.

В длительной, растянувшейся на несколько лет дискуссии относительно природы и сущности гагаузской этнотерриториальной автономии, важную роль надлежит сыграть речи Президента Республики Молдова В.Н. Воронина, произнесенной на Первом Всемирном Конгрессе гагаузов. «И я как гражданин, как Президент Молдовы горд, – торжест-

[1] О феномене «Познание истории», см., например: Тойнби А. Дж. Постижение истории. Пер. с англ. М., 1991; Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Том. 2. Образы прошлого. М., 2006; История и память. Историческая культура Европы и начала Нового времени. Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.

венно провозгласил он, приветствуя участников Конгресса, – что ... гагаузский народ обрел не только свой родной дом, но и свою государственность».[1] Этот вывод руководителя государства многого стоит.

Предлагаемые читателю краткие итоги нового исследования представляют собой попытку соединить разные подходы – этнокультурный, этноэтический, этносоциологический и этнополитический – к изучению ценностей, традиций и обычаев в системе гагаузской культуры, в том числе в кодексе обычного права и их влияние на ход современной модернизации и на результаты трансформационных процессов. Вопрос поставлен ребром. Во-первых, помогает или мешает традиционная культура, в т.ч. нормы обычного права, например в области экологии, самоуправления, семейного права через систему ценностей общественному прогрессу и современным трансформационным процессам, и, во-вторых, каким образом сочетаются два вектора развития, ориентированных на первый взгляд в разные стороны, с одной стороны – на сохранение исконного гагаузства («gagauzluk»), т.е. самобытности и самости гагаузского народа, а с другой стороны – на дальнейшее развитие этнической идентичности гагаузов, связанное с потерями одних, модификацией других и приобретением новых ценностей, идеалов, норм и практик?

Формирование, укрепление и функционирование этничности (самобытности) и этнического самосознания гагаузов провоцирует и подпитывает интерес к прошлому[2] и будущему через восприятие настоящего. Подпиткой самосознания становится «Золотой век», этнические и культурные черты, выдающиеся деятели истории и представители культуры, исход из прародины и преодоленные расстояния и препятствия на многотрудном пути народа к самому себе. И в этом воспламе-

[1] Горячее сердце Молдовы. Речь Президента Республики Молдова Владимира Воронина на Первом Всемирном Конгрессе гагаузов // Независимая Молдова. 2006. 21 июля.

[2] Систематический анализ «образов прошлого». См., например: Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. раб.; Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. С-Пб., 2006.

нительном движении становится аксиоматичной мысль о том, что иметь славное прошлое можно, только имея сильное настоящее. Материализация этого интереса нашла, в частности, достойное отражение в торжественном открытии Аллеи Славы гагаузского народа, состоявшегося 20 июля 2006 г. в связи с началом работы первого Всемирного Конгресса гагаузов в столице Гагаузии – Комрате. Более того, сам Конгресс стал героем нашего времени, благодаря которому гагаузы обретали сильное настоящее, славное прошлое и надежное будущее.

Вытекающая отсюда актуальность изучения ответственности культуры и культуры ответственности имеет несколько обоснований.

Прежде всего, речь идет о выявлении места, занимаемого феноменом нравственной ответственности наряду с гражданской ответственностью в деле продвижения развивающегося молдавского общества к ценностям демократии, европейской интегрированности и консолидированности, через подготовительные состояния предложенного мною несколько лет тому назад понятийно-концепуального ряда толерантности, доверительности, ответственности и солидарности.

Не менее важное этнополитическое, а по сути историческое значение имеет единственный в своем роде способ бескровного решения гагаузского вопроса («этнического конфликта») в границах всего постсоветского пространства на рубеже XX-XXI вв.

Открывая Первый Всемирный Конгресс гагаузов в июле 2006 года в г. Комрате, его инициатор и активный участник Президент Республики Молдова В.Н.Воронин говорил: «Двенадцать лет назад в Молдове была провозглашена Гагауз-Ери, двенадцать лет назад бесконфликтно, без жертв, в согласии на территории Молдовы гагаузы нашли свою уникальную форму самоопределения. А ведь это был и остается единственный на постсоветском пространстве случай, когда самоопределение разрешилось в столь цивилизованных формах».[1]

[1] Горячее сердце Молдовы.

Прежде, чем подступить к выявлению общественной и социальной роли ответственности в системе жизнедеятельности социума, в том числе гагаузского социума, существующего в форме этнической общности, следует разобраться с терминами и, прежде всего, со словами – ответственность, ценности, культура – вынесенными в название очерка.

В соответствии с антропологической традицией словом, «культура» характеризуются и толкуются все стороны жизни общества – его ценности, практики, символы и взаимоотношения между людьми.

В конечном счете, как полагают философы, культура – это все, что создано человеком, в отличие от того, что создала природа (Э.С. Маркарян).

В свою очередь ценности, как неотъемлемые составные части культуры, также как и сама культура, имеет самое разнообразное значение. В одних случаях словом ценности обозначают материальные ценности, т.е. определенные результаты человеческой деятельности, определяемые той или иной их стоимостью и составляющие материальное богатство социума. В других случаях, его используют для обозначения (номинации) духовных ценностей – интеллектуальных, художественных, в том числе литературных достижений, то есть всего того, что именуется искусством, или так называемой «высокой культурой»,[1] включая, конечно, и нравственные подвиги и достижения.

В третьих случаях ценности – это изучаемый аксиологией и этикой[2] «мир оживших предметов» – «как проявление взаимоотношения между субъектом и объектом».[3]

[1] Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры // Проблема ценности в философии. Ленинград. 1960.

[2] Краткий словарь по этике. М., 1985; Этикет у народов Передней Азии. М., 1988; Байбурин А.К., Топорков А.А. У истоков этикета. Этнографические очерки. Ленинград, 1990; Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России. XIX – начало XX вв. М., 1999.

[3] Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов // Проблема ценности и марксистская философия. М., 1967. С.343.

«Космографические и географические сведения у гагаузов, как и у большинства современных нецивилизованных народов, – писал более столетия тому назад В.А. Мошков, – представляются в виде смеси из осколков древних мифов, мифов позднейших, и, наконец, отрывков современных сведений, почерпнутых из школ. Эти сведения очень часто противоречат друг другу и одно другое исключают, но это не мешает им уживаться рядом не только в головах многих людей, но зачастую даже в одной».[1]

Сообщение классика научного гагаузоведения следует понимать таким образом, что смысловая природа ценностей в культуре гагаузов в конце XIX в. оказалась за пределами теоретического объяснения. И в этом не было ничуть вины и беды самого именитого исследователя. Специалисты по аксиологии и этике и сегодня, на заре XXI в., спорят о природе ценностей, все еще не достигая консенсуса в том, где именно залегают ценности – в самой природе вещей, или в головах людей.

Между тем можно сказать, что культурные ценности, подобно нормам и принципам обычного права, представляют собой «набор регулирующих идей, дискурсов, практик, учреждений, и жизненных взаимоотношений»,[2] устанавливающих границы и правила, согласно которым осуществляется повседневная жизнедеятельность людей данного социума.

Вместе с тем ценности, как и обычное право, функционируют по большей части не зафиксированными в письменных текстах, что создает немалые коллизии для применения санкций или поощрений. Общественное мнение хотя и действует анонимно, но от этого его могущество и жесткость не умаляется. Принципиальная разница между ценностями и обычным правом не проявляется, кроме разве того, что первые могли не выполнять в зависимости от индивидуаль-

1 Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 52.

2 Chouinard V. Geography Jaw and Legal Straggles – Which Way Ahead? // Progress in Human Geography. 1994, vol. 18, P.432. Цит. по: Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С.15.

ных особенностей человека, в отличие от вторых, которые имели едва ли не юридическое значение.

Главным сходством между теми и другими служит их повторяемость подобно тому, как в Своде Законов Российской империи, изданном в 1906 г., обычное право хотя и не номинировалось юридической нормой, но исходило именно из повторяемости обычаев по формуле: «обычай живет в сознании народа, как закон».[1]

Вместе с тем настойчивые призывы кодифицировать нормы обычного права, включая их в современную законодательную систему, порождает угрозу искусственного сохранения этнической специфики, что в конечном счете может служить основанием для нежелательных тенденций, демодернизации и архаизации, ведущих к консервации и изоляции.

Изучение теории и практики правового плюрализма, в том числе соотношения и сосуществования государственно – гражданских и обычно-правовых принципов стало немаловажным направлением в исследовательских стратегиях в рамках юридической антропологии. Функционирование этого направления в немалой степени обязано активистам Института этнологии и антропологии РАН, сумевшим в постсоветский период по инициативе В.А. Тишкова и Н.И. Новиковой организовать несколько симпозиумов и конференций, в том числе международных и издать ряд оригинальных работ в этой области[2].

В самом начале XX в. В.А. Мошков, наблюдал, видел, запоминал и переводил в тексты ценности и предметы окружающего мира, с которыми была связана повседневная жизнь

[1] Цит. по: Этнографическое обозрение. 2005. №5. С. 24-25.

[2] См., например: Homo Juridicus. Материалы конференции по юридической антропологии. Отв. редактор Н.И.Новикова, А.Г.Осипов. М., 1997; Обычное право и правовой плюрализм. (Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму). Август. 1997.М). Отв. редактор Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 1999; Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии (г. Звенигород, 22-29 мая 1999 г.). Отв. редактор Н.И. Новикова, В.А. Тишков. См. также материалы дискуссии: Специальная тема номера. Обычное право сегодня // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С .3-51.

гагаузов. Эти предметы могли быть полезными или вредными, иметь для человека положительное или отрицательное значение, удовлетворять его материальным, духовным или эстетическим потребностям, или, наоборот, противодействовать их удовлетворению. В ряду явлений природы, пожалуй, мало что ускользало из поля зрения внимательного ученого: плодородная почва, солнечное тепло, жаркое знойное лето, дикорастущие плоды и животный мир, упругая сила ветра, движущая крылья ветряных мельниц. Иногда явления природы из разряда полезных могли стать вредными и приносили страдания гагаузам, как, например, палящие лучи солнца, или избыток грозовых дождей в пору, когда созревали сельскохозяйственные культуры и наступала ответственная пора сбора урожая.

Уникальные сведения, собранные и систематизированные В.А. Мошковым, до сих пор служат непревзойденным источником для разработки многих аспектов культуры и жизнедеятельности гагаузов, включая этноязыковые проявления ментальности народа,[1] ценности, связанные с риторикой, идеологией и ритуалами, связанными с рождением, свадьбой, похоронами,[2] понятийно-терминологический ряд, характеризующий систему родства и родственных отношений,[3] образцы устного народного поэтического творчества.[4]

[1] См., например: Сорочяну Е. Календарная обрядность гагаузов как этнокультурный источник // Этногенез и этническая история гагаузов. Исследования и материалы. Вып. 1. Кишинев-Этулия, 2002. С. 122-128; Квилинкова Е.Н. Народные и православные календарные традиции // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат-Кишинэу, 2006. С. 629-682.

[2] Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980; Его же: Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат-Кишинев, 2006. С. 589-601; Его же: Свадебная обрядность // Там же. С. 602-628.

[3] Покровская Л.А. Гагаузские термины родства // АР. 1995. Вып. 1. С. 260-267; Шабашов А.В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002. С. 6-303; Его же: Терминология родства и система терминов родства // История и культура гагаузов. С. 579-588.

[4] Чимпоеш Л.С. Дастанный эпос гагаузов. Кишинев, 1997; Сырф В.И. Гагаузская народная сказка // История и культура гагаузов. С. 545-558.

В конце этого же века американский исследователь Роберт Эджертон, участник нашумевшего симпозиума «Культурные ценности и прогресс человечества», отражая общий дух симпозиума, а заодно, повторяя и мысли В.А. Мошкова, высказанные почти столетие тому назад, говорил: «В самых различных обществах, как городских, так и сельских, люди способны к сочувствию, доброте, даже любви, благодаря чему они достигают порой потрясающих успехов в преодолении вызовов природы. Но люди способны также порождать такие убеждения, ценности и социальные институты, из которых проистекают бессмысленная жестокость, ненужные мучения и фундаментальная глупость в отношении их ближних, иных социумов, а также внешнего окружения, в котором они живут».[1]

«С точки зрения консерватора, – утверждает Даниэль Патрик Мойнихэн, – именно культура, а не политика, определяют успех того или иного общества. В свою очередь, – приводил он точку зрения своих оппонентов, – либерал полагает, что политика способна преобразовывать культуру и ограждать ее от самой себя».[2]

Об отдельных ценностях гагаузов, например, относительно обязательности, как синониме ответственности, присущих им нормах обычного права, а также о чертах характера встречается немало упоминаний в литературных источниках. Все высказывания, разумеется, скорее стереотипичны, чем реалистичны, но, тем не менее, заслуживают самого пристального внимания и тщательного изучения. Михаил Чакир, в частности, упоминает о некоей грамоте, датированной 1820-м годом, в которой говорится о том, что гагаузам того времени присущи следующие ценности, связанные

[1] Эджертон Р. Традиционные верования и практики: действительно ли одни лучше, чем другие? // Культура имеет значение. Каким образом культурные ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Лоуренса Харрисона и Самюэля Хантингтона. М., 2002. С.174.

[2] Цит. по: Культура имеет значение. Каким образом культурные ценности способствуют общественному прогрессу. С.11.

с их национальными чертами характера: честность, правдивость, смирение, добродушие, гостеприимство, трудолюбие, миролюбие, неприятие какого-либо зла.[1]

Случайные упоминания и прозрения встречаются в трудах: К. Иречека П. Мутафчиева, А. Манова В.А. Мошкова, во втором издании энциклопедии Брокгауза... Всего не перечесть.

Хотя, разумеется, трудно сегодня по этим отрывочным сведениям, к тому же распыленным по редким и труднодоступным источникам, составить сколько-нибудь представительную классификацию ценностей, выделив в их комплексе экономические (производственные и потребительские), правовые, политические, моральные, эстетические, идеологические. В первом приближении можно сказать, что ценности в целом соответствуют общеизвестным областям социальной жизни. Соответственно можно выделить ценности в сферах производства, экономики, права, политики, морали, искусства, материальной и духовной культуры, религии.

Положение дел в известной мере облегчается относительно социальной однородностью гагаузского общества, в котором, в отличие от социумов с сильно выраженной социальной дифференциацией, социальный капитал[2] вместе с составляющими его культурными ценностями, системой поощрений и санкций, зачастую был распределен относительно равномерно.

Критический подход к изучению ценностей культурной системы и норм обычного права порождает излюбленный юристами и марксистами вопрос: чьи интересы выражают

[1] Цит. по: Гагаузский народ обрел надежную перспективу. Доклад Башкана Гагаузии Георгия Табунщика // Независимая Молдова. 2006. 1 августа.

[2] Подробнее о введении в научный оборот концепции, социального капитала. См.: Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003; См. также:. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 705; Юраков А.В. Доверительность как социальный капитал трансформирующегося российского общества. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2004.

ценности и отражают нормы права, какие нормы жизнедеятельности они генерируют и воспроизводят, на какие перспективы ориентируют? Однако слабая социальная дифференциация гагаузского общества на протяжении более двух веков их проживания в освоенном ими Буджаке в известной мере обессмысливает вопрос об отражении интересов чьих-либо социальных групп.

Поскольку этническая идентичность гагаузов подвергалась серьезным испытаниям и изменениям в ходе неоднократных прерываний постепенности в ходе их истории, постольку в системе их ценностей, верований и норм обычного права, какими бы причудливыми они ни были по своему происхождению, всегда можно найти «адаптивный смысл» к очередной ситуации, или новому вызову или витку времени.

Однако впервые задачи систематизированного этносоциологического изучения современных ценностей гагаузской культуры в контексте теории идентичности были сформулированы в программе российско-американского проекта «Национальные процессы, языковые отношения и идентичность» (авт. проекта Дэвид Лейтин, соавтор – М.Н. Губогло), реализованного в 1998 году в Республике Молдова, в том числе специально в Гагаузии, в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике, а также в Азербайджане и в столице Армении – Ереване.

Изучение ценностей в контексте культуры и особенно ответственности за их исповедание и следование им в повседневной практике, осложняется тем, что все указанные категории: ценности – ответственность – система мер поощрений и санкций, с трудом поддаются количественному измерению и правовой регламентации. Ответственность за соблюдение или нарушение ценностей, как и нормы обычного права, слишком сложно вычленить из всего многообразия политических, идеологических, географических, институциональных, психологических и иных факторов.

Тем не менее, в концептуальном плане нашего проекта была выделена триада, согласно которой, во-первых, фиксировались знание (незнание) той или иной ценности или нормы обычного права, бытующих в рамках данной этнической общности, во-вторых, хронометрировалась и измерялась интенсивность следования нормам и предписаниям той или иной ценности, и, наконец, в-третьих, выяснялось декларируемое в ходе опроса отношение к отдельным элементам или всему комплексу ценностей. Следует напомнить, что перед тем, как сформулировать указанную триаду, надо было предварительно отделить оцениваемый предмет от оценивающего субъекта.

Такая логическая процедура, судя по имеющейся литературе, была произведена в зарубежной аксиологии и в советской философии. Едва ли не первым на важность этой исходной процедуры среди советских философов указал О.Г. Дробницкий. Он, в частности, призвал, отделить ценность как принадлежности какого-либо предмета или явления, например, степень полезности вещи, красоты явления природы, морального достоинства поступка, справедливость общественного порядка от ценности, как от процесса оценивания. «В самом деле, – как уточнял он свою позицию, – люди оценивают предметы как ценности, т.е. создают себе представление об их достоинстве».[1] Более того, люди стремятся не только производить, сохранять и заполучать что-либо ценное, но и создают определенные идеи о должном, справедливом, истинном или фальшивом, добре и зле, о благе и счастье. При оценке рукотворных и созданных природой предметов люди формулируют критерии, идеи, нормы поведения и принципы реформирования общественных отношений.

Изучение ценностей вполне логично дополнить анализом меры девиантного поведения, означающего отклонение от принятых норм, стандартов и обычаев, в том числе перечисляемых иногда в списке «Семи смертных грехов». Выражение «смертный грех», как известно, восходит к Первому

[1] Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов: проблема ценности и марксистская философия. М., 1967.

посланию Иоанна и означает грех, который нельзя искупить. Согласно схоластической догматике, семь смертных грехов, в том числе зависть, скупость, блуд, объедение, гордость, уныние, гнев,[1] обрекают грешников на вечную муку в загробной жизни.

Со временем, став крылатыми, выражения «смертный грех», «семь смертных грехов» утратили религиозную окраску и приобрели значение большого порока, каких-либо непростительных поступков.[2] Поэтому в программу одного из новейших этносоциологических исследований, посвященных, в том числе, динамике ценностных ориентаций взрослого населения в Башкортостане, Марий Эл, Татарстане и Удмуртии, в список девиантных форм поведения были включены: спекуляция, брак по расчету, проституция, воровство, иждивенчество, обман, разбой и грабеж.

В методический инструментарий исследования по проекту «Национальные процессы, языковые отношения и идентичность» (1998 г.) было включено несколько вопросов относительно представлений гагаузов и представителей других национальностей о тех или иных ценностях, имеющих базовое значение для распознания их иерархии. При этом, как и во многих этносоциологических исследованиях, речь не шла о раскрытии этимологии термина и смысловой нагрузки каждой ценности. Задача состояла в выявлении с помощью опроса соотношения выделенных ценностей между собой.

В соответствии с имеющейся литературой вопроса в области тюркологии и гагаузоведения была построена гипотетическая шкала ценностей, в которой первые три места соответственно занимали: 1) нравственная ответственность («Высокий уровень культуры, морали, достоинства человека»); 2) гражданская ответственность («Соблюдение законности и правопорядка»); 3) макроэкономическая ответственность («Развитие экономики и научного потенциала

[1] Ровинский Д. Русские народные картинки. Том III. СПб, 1881. С.157-159.

[2] Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1960. С.566.

региона»). Далее в нисходящей последовательности в «Вопроснике» были расположены: 4) экологическая ответственность («Забота об экологии»); 5) социальная ответственность («Социальная справедливость»); 6) микроэкономическая ответственность («Материальное благополучие семьи»), и, наконец, на последнем, 7-м месте в перечне ценностей была номинирована лингвистическая ответственность («Развитие национального языка»).

В ходе опроса, вопреки выдвинутой гипотезе, на первом месте по значимости оказалась наиболее востребованной ценность, выраженная формулой «Материальное благополучие семьи». Более половины (53%) взрослого населения Гагаузии, отвечая на вопрос «Какие жизненные ценности являются для Вас определяющими в это сложное время?» – указали именно «материальное благополучие семьи», принимая тем самым для себя в качестве приоритетной микроэкономическую ответственность (табл. 1). Вряд ли нуждается в дополнительном пояснении тот факт, что первоочередная востребованность материального благополучия семьи вытекала, во-первых, из высокого ранга, занимаемого семьей в общей системе ценностей среди всего населения Гагаузии, и, во-вторых, из общего бедственного состояния экономики региона, не способной удовлетворительно обеспечивать материальное положение семьи.

«Практические нужды, – как заметила однажды О.И. Брусина,[1] комментируя вслед за известным знатоком обычного права африканских народов М. Чаноком, – как ключ к пониманию обычного права, оказались предпочтительнее знаний».

На втором и третьем местах с немалым отрывом от первого места оказались нравственная и гражданская ответственность, коренящиеся, во-первых, в понимании высокой общественной значимости высокого уровня культуры, морали и достоинства человека, и, во-вторых, вытекающие из

[1] Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С.40.

необходимости строгого соблюдения законности и правопорядка (табл. 1).

Относительно невысокий урожай голосов, собранный в ходе опроса такими ценностями, как «забота об экологии» и «развитие экономики и научного потенциала» вполне адекватно отражал положение дел в этих сферах деятельности. Наконец, менее всего «в это сложное время» (конец 1990-х годов) волновали население Гагаузии проблемы, связанные с развитием языка своей национальности (табл. 1). Проблемы выживания, особая актуальность обеспечения материального благополучия семьи во много раз были ближе к сердцу и волновали граждан, чем «развитие национального языка».

Несмотря на то, что ряд других ценностей оказались за пределами приведенного списка в данной шкале, они были включены в другие части российско-американского проекта 1998 г. Словом, на основе отрывочных литературных источников и полновесных этносоциологических опросов были изучены такие смыслоемкие ценности, как философия труда и обычного права, здоровья и хлеба, социология застолья, традиционного гостеприимства и семейных отношений, антропология героизма и патриотизма, целей и идеалов, любви и дружбы. Часть из указанных явлений изучались не только в ракурсе ценностей, но и через призму идентичности личности.

Таблица 1.

Структура ценностей в представлениях взрослого населения Гагаузии (в % по итогам опроса 1998 г.)

Иерархия ценностей			
	В структуре «Вопросника»		В % по итогам опроса 1998 г.
1.	Высокий уровень культуры, морали	1.	Материальное благополучие семьи
2.	Соблюдение законности и правопорядка	2.	Высокий уровень культуры, морали
3.	Развитие экономики и науки региона	3.	Соблюдение законности и правопорядка
4.	Забота об экологии	4.	Социальная справедливость
5.	Социальная справедливость	5.	Забота об экологии
6.	Материальное благополучие семьи	6.	Развитие экономики и науки региона
7.	Развитие национального языка	7.	Развитие национального языка

В 1998 г. оригинальный список ценностей гагаузской культуры («En paalı» – «Всего дороже») опубликовал известный поэт и общественный деятель Константин Василиоглу. В свой перечень он, в частности, включил:

– Гагаузия, Молдова, знамя нашей родины, стабильность, дружба, наш язык, наши традиции, счастье и урожай, счастливое детство детей, наши звенящие песни и развитие нашей культуры;

– единство, радость свадебных обрядов, чистое небо, вкус винограда, богатство и обогащение, мужество молодых и реющее знамя.[1]

Как видно, богатство культурных ценностей, воспринимаемых художественным воображением поэта и писателя, вполне адекватно корреспондирует с номенклатурой культурных ценностей, включенных в российско-американской этносоциологический проект, реализованный в Гагаузии в 1998 г. Такое совпадение, безусловно, служит гарантией того, что основной комплекс ценностей гагаузской культуры схвачен в данном исследовании относительно полно и в художественном произведении и научно – исследовательском проекте.

Добиться полного перечня всех ценностей и антиценностей для всех времен и для всех народов, практически невозможно. Об этом было хорошо известно еще во времена Аристотеля, если судить по соотношению изучения страс-

[1] Vasilioglu K. Masallar. Uygun sözlär. Bilmeycelär. Ştiinţa, 2002. S. 85.

тей, добродетелей и пороков, составленному на основании его трудов (табл. 2).

Ровно через год после завершения этносоциологического опроса в Гагаузии, 23-25 апреля 1999 г. в американской академии искусств и наук в Кембридже, штат Массачусетс, состоялся симпозиум «Культурные ценности и прогресс человечества», материалы и идеи которого оказались полезными при обработке данных российско-американского проекта. Книге, созданной по материалам упомянутого симпозиума, суждено было стать научным бестселлером. В ней оказались опубликованными доклады «звезд» социальной, политической и экономической мысли.[1]

По мнению одного из редакторов этой книги Лоуренса Харрисона участников этого представительного симпозиума «можно считать интеллектуальными наследниками Алексиса де Токвиля, который полагал, что за работоспособностью американской политической системы стояла культура, удивительно подходящая для демократии; Макса Вебера, объясняющего подъем капитализма в первую очередь культурными факторами, коренящимися в религии; Эдварда Банфильда, обнажившего культурные причины убогости и авторитаризма в южной Италии».[2]

Как при разработке концептуальных основ нашего проекта, так и участники упомянутого симпозиума, конечно, принимали в расчет набор универсальных ценностей, сформулированных ООН:

«Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность... Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона... Каждый человек имеет право на свободу убеждений и выражение их.

[1] Харрисон Л. Введение. В чем значение культуры? // Культура имеет значение.
[2] Там же. С. 20.

Таблица 2.

Соотношение страстей, добродетелей и пороков (по Аристотелю)[1]

Страсть	Добродетель	Порок	
		Избыток	Недостаток
Себялюбие	Чувство собственного достоинства, благородство, самоуважение	Тщеславие, высокомерие, кичливость, спесивость, чванство	Самоуничижение, самоумаление
Удовольствие	Благоразумие, рассудительность, умеренность	Распущенность, невоздержанность, разнузданность	Бесстрастие (апатия), аскетизм
Страх	Мужество, смелость, храбрость	Трусость, робость, пугливость, малодушие	Дерзость, безрассудная отвага
Стыд	Скромность, совестливость	Застенчивость, скованность	Бесстыдство, наглость, хамство
Гнев	Ровность, кротость, выдержанность	Вспыльчивость, гневливость, свирепость, ярость	Благодушие, безгневность
Скорбь, печаль	Грусть	Уныние, тоска, отчаяние	Бесшабашность, распущенность
Сострадание, жалость, благоволение, симпатия	Милосердие	Жалостливость, сентиментальность	Жестокосердие, жестокость, бессердечность, черствость
Чувство собственности (обладание вещью)	Благотворительность, щедрость, бережливость	Расточительность, мотовство	Алчность, жадность, корыстолюбие, скаредность, скупость
Чувство откровенности, исповедальности	Искренность, чистосердечность	Болтливость, назойливость, развязность	Лицемерие, притворство, скрытность
Желание нравиться	Естественность, благовоспитанность, простота	Жеманство, кокетство, чопорность	Грубость, дикость, неотесанность

[1] Цит. по: Гуревич П.С. Этика. М., 2006. С.69-70.

Жизнелюбие	Благоговение перед жизнью, оптимизм	Восторженность	Угрюмость, пессимизм
Чувство гордости	Честолюбие	Надменность, гордыня	Смирение
Чувство родовой чести	Благородство	Спесь	Низость, подлость, бесчестие

... Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство избранных представителей...

Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая, пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое медицинское обслуживание, который необходим для полдержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи... Каждый человек имеет право на образование».[1]

Однако перед там как приступить к изложению хода и итогов исследования места и роли указанных ценностей в жизни гагаузов, имеет смысл привести данные, конкретизирующие иерархию базовых ценностей во внутриэтническом и межэтническом аспектах.

В 1998 году, в год принятия Уложения (Основного закона) Гагаузии, совпавшего по времени с дефолтом в Российской Федерации, ценностью первостепенной значимости для взрослого гагаузского населения Гагаузии выступала ответственность за материальное благополучие семьи (табл. 3).

Для молдавской части населения Гагаузии, оказавшейся в пределах гагаузской государственности, как между молотом и наковальней, в пору яростного перетягивания каната прав и полномочий между Кишиневом и Комратом, вполне объяснимым было представление (как ожидание) о соблюдении законности и правопорядка.

[1] Харрисон.Л. Указ. раб. Там же. С. 26-27.

Таблица 3.

Межэтнические сходства и различия в представлениях о ценностях у населения Гагаузии (в % по итогам опроса 1998 г.)

Какие жизненные ценности являются определяющими в это сложное время?	Национальности			
	Гагаузы	Болгары	Русские	Молдаване
1. Материальное благополучие семьи	53,2	55,1	57,9	41,2
2. Высокий уровень культуры, морали, достоинства человека	35,2	28,8	42,1	39,2
3. Соблюдение законности и правопорядка	33,2	34,8	31,6	54,9
4. Социальная справедливость	21,4	26,3	23,6	15,7
5. Забота об экологии	17,2	15,2	13,2	17,6
6. Развитие экономики, научного потенциала региона	11,3	7,6	7,9	19,6
7. Развитие национального языка	4,4	7,2	1,3	2,0

Около 50% молдаван Гагаузии, отдавших свои голоса этой ценности, как наиболее определяющей, обеспечили ей (ценности) первое место в ранговой шкале со значительным отрывом от нравственной и гражданской ответственности, занявших в представлениях молдаван соответственно 2-е и 3-е места.

Иерархия ценностей гагаузов оказалась наиболее близкой с расположением рангов этих же ценностей, выявленной в представлениях русского населения.

Уникальная для всего постсоветского пространства форма самоопределения гагаузов, закрепленная в 1994 г. принятием закона «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)», вероятно, оказала некоторое влияние не только на взлет этноидентификационной эйфории гагаузов, но и на несколько отличающуюся иерархию ценностей среди болгар, проживающих в этнотерриториальной автономии гагаузов. В отличие от гагаузской модели, в которой ответственность за «соблю-

дение законности и порядка» оказалась на 3-м месте, у болгар она оказалась рангом выше. Понятно, что это было, как указывалось в печати,[1] связано с некоторым беспокойством части болгарского населения, не приведет ли создание гагаузской государственности к созданию этнократического аппарата управления и возможной в связи с этим дискриминации болгар. Не случайно в данной ситуации представления болгар оказались типологически близкими, если не оказались сходными, со взглядами молдаван Гагаузии (табл. 3).

В подтверждение вышесказанному можно сослаться на итоги того же этносоциологического опроса, согласно которым «очень положительно» и «положительно» оценили принятие Уложения (Особого Закона) Гагаузии в 1998 г. 55,7% гагаузов и 32,2% болгар. В отличие от болгар, оценивших по тем же критериям этот юридический прорыв в истории государственности гагаузского народа в 1,7 раза меньше, чем гагаузы, молдаване оценили его в 1,3 раза меньше.

При слабой теоретической разработке социологической природы ценностей, как «мира оживших предметов», тем более трудно было ожидать от наших респондентов какого-либо классического понимания сути тех или иных дефиниций. Тем не менее, определяя для себя приоритеты, люди вполне отдавали себе отчет в том, что на рубеже первого и второго постсоветского десятилетия материальное благополучие семьи было важнее, чем, например, забота об экологии, а нравственная ответственность, основанная на высоком уровне культуры, морали и личном достоинстве человека важнее, чем забота о развитии языка своей национальности.

Аналогичным образом складывались представления людей, т.е. особого рода отношений между людьми и предметами в тех случаях, когда надо было оценить общее состояние всего комплекса ценностей, присущих представителям той или иной этнической общности.

[1] Шорников П.М.. Буджакский узел: дискуссии по вопросу о создании автономии на юге Молдовы // Курсом изменяющейся Молдовы. Отв. ред. М.Н. Губогло. Т. 1. М., 2006. С. 178-195.

Вряд ли можно было ожидать от неискушенных в теории людей понимания того, в каком состоянии находится совокупность ценностей, присущих своему народу. Но каждый человек вполне осознанно мог отвечать на вопрос о состоянии культурных традиций. По какому бы сценарию не справлялись свадьбы или похороны, рождение ребенка или семейные праздники, народное большинство имело вполне резонное право судить о том, в каком состоянии находятся культурные традиции.

Более чем двое из каждых троих гагаузов, каждый второй болгарин и второй русский Гагаузии были уверены в том, что к исходу XX века гагаузы имели богатые культурные традиции, которые сохраняются и поныне (табл. 4).

С подобным состоянием общественного мнения вполне корреспондировали слова Президента Республики Молдова В.Н. Воронина, который приветствовал участников Первого Всемирного Конгресса гагаузов, как «наследников и продолжателей одной из самых уникальных культур мира», предки которых «словно безвестные Колумбы, мужественно преодолевали тысячи километров опасной степи, объединяя в единый организм народы и цивилизации Старого света – от Китая до Византии, от Ирана до Древней Руси»[1].

Что касается представлений той части молдавского населения, что проживала в городах и селах Гагаузии, то они, несколько невпопад, по сравнению с высокой оценкой Президента состояния гагаузской культуры, оценивали ее в 1,6 раза ниже, чем гагаузы и в 1,3 раза ниже, чем болгары и русские, полагая, что гагаузы имели богатые культурные традиции, которые сохраняются и поныне. Вместе с тем 23.5 % молдаван, более чем в полтора раза, чем гагаузы, и почти в 2 раза чаще, чем болгары, ожидали обновления культурных традиций гагаузов, полагая, что былые культурные традиции гагаузов утеряны полностью и сегодня (в конце 1990-х годов) складываются новые (табл. 4).

[1] Горячее сердце Молдовы.

Таблица 4.

Представления о культурных традициях гагаузов
(в % по итогам опроса 1998 г.)

Высказывания о культурных традициях гагаузов	Национальности			
	Гагаузы	Болгары	Русские	Молдаване
1. Гагаузы имели богатые культурные традиции, которые сохраняются и поныне	66,9	52,5	50,0	41,2
2. Былые культурные традиции утеряны полностью и сегодня складываются новые	15,6	12,7	14,5	23,5
3. Гагаузы имели богатые традиции в прошлом, но сегодня они полностью утеряны и новые не формируются	8,7	12,7	19,7	7,8
4. Никаких культурных традиций не было и нет	1,4	0,8	2,6	3,9

Приведенные мнения о сохранении и развитии культурных традиций по сути дела отражают два подхода – прогрессивно-традиционалистский и радикально-модернистский – к пониманию перспектив развития комплекса ценностей в контексте культуры. Обе точки зрения, в конечном счете, отражают в целом лояльное отношение к гагаузам и свидетельствуют о провале той антигагаузской пропаганды, что имела место на страницах республиканской печати на рубеже 1980-х – 1990-х гг. и в первой половине 1990-х годов. Можно полагать, что к 1998 г., когда прошло 4 года после принятия Парламентом Республики Молдова закона «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)», в Гагаузии установилась более или менее спокойная этнополитическая погода, как в сфере этногосударственных, так и в сфере межэтнических отношений. Ничем иным, как такой «погодой», можно, в частности, объяснить выявленное этносоциологическим опросом более, чем лояльное отношение представителей всех национальностей Гагаузии к культурным традициям гагаузов. Всего лишь 7,8% молдаван, 8,7%

гагаузов и 12,7% болгар выразили пессимистическое мнение о современных культурных традициях гагаузов, полагая, что «гагаузы имели богатые культурные традиции в прошлом, но сегодня они полностью утеряны и новые не формируются» (табл.4).

И, наконец, никто, или почти никто из числа всех, без исключения, представителей разных народов не решился в ходе опроса сказать, что «никаких культурных традиций не было и нет» (табл. 4).

Но это отнюдь не означает, что в представлениях и в повседневной жизни гагаузов не было широкоразветвленной соционормативной культуры, состоящей из ценностей и добродетелей: природных, «заданных родителями», благоприобретенных, т.е. усвоенных в ходе социализации и реализуемых в жизненных ситуациях и практиках, и харизматических, с помощью которых наделенные харизмой личности обладали той или иной добродетелью выше средней нормы.

Общепринято было считать, что большинство указанных добродетелей были «посланы Богом» и нарушение их означало грех, нарушение догм нравственности и православной религии.[1]

В тех случаях, когда представители известных социологических школ, как, например, представитель румынской социологической школы – Дмитрий Густи, не имели возможности «измерять количество и качество» тех или иных цен-

[1] Не случайно на полях книги Джона-Стюарта Милля «On Liberty», посвященной свободе мысли, речи и личности, А.И. Герцен сделал более чем красноречивое примечание. «Христианская нравственность, – по мысли Герцена, – имеет весь характер реакции, это большею частью один протест против язычества. Ее идеал скорее отрицательный, чем положительный, страдательный, чем деятельный. Она больше проповедует воздержание от зла, чем желание добра. Ужас от чувственности доведен до аскетизма. Награды на небе и наказание в аду придают самым лучшим поступкам часто эгоистический характер, и в этом отношении христианское воззрение гораздо ниже античного. Лучшая часть в наших смутных понятиях об общественных обязанностях взята из греческих и римских источников. Все доблестное, благородное, само понятие чести передано нам светским воспитанием нашим – а не духовным, проповедующим слепое повиновение как высшую добродетель». См.: Герцен А.И. Указ. раб. С. 389-390.

ностей, по сравнению с другими ценностями, они прибегали к сравнению меры выраженности одной из добродетелей у двух или более разных народов. Характеризуя, в частности, в конце 1930-х годов национальный характер молдаван села Оланешты Б. Мальский акцентировал внимание на том, что у немцев, проживающих в одном селе с молдаванами «высокоразвитое чувство обязательности резко контрастировало с беспорядочной жизнью и склонностью к демагогии молдаван...». Более того, немцы, проживающие в селе, поражали молдавского крестьянина духом солидарности и единства.[1]

Таблица 5.

Добродетели в системе нравственной ориентации личности*

Природные	Приобретенные	Харизматические
Ума, чувства и воли	Результат образования и воспитания	Сверхчувственные и чрезвычайные качества
Ясность ума, быстрота мысли, надежность памяти, искренность чувства, стойкость воли, одаренность, талантливость, творческие способности, открытость, честность, целомудрие, великодушие	Творческая мощь разума, совокупность мудрости знаний и компетенции, умеренность, выдержка, корректность, вежливость, уважение и симпатия к человеку, забота о его благе, отзывчивость, благодарность, верность, мужество, стойкость, терпение, постоянство, целеустремленность	Сверхъестественная мудрость и видение, ум способен созерцать Божественный свет; чистота сердца, радость, мир, кротость, умиление, истинная любовь ко всем людям и всецелая любовь к Богу; верность и доблесть

* Составлено по: Никаноров С.П. Православная этика // Экономическая и философская газета. 206. №32 (614). Август.

[1] Malski B. Viața moldovanilor de la Nistru. Olăneşti. Cetatea – Alba. 1939. P. 238. Цит. по: Лукьянец О. Дм. Густи и этнографические изыскания в Бесарабии в первой половине XX века // Этнографические исследования в Республике Молдова. Кишинев, 2006. С. 122, 135.

Ответственность в оценке реалий жизни на рубеже первого и второго постсоветских десятилетий

На протяжении столетий гагаузский социум отличался болезненно высокой чувствительностью к соблюдению принципов и норм обычного права в повседневной жизнедеятельности. Господство общественного мнения над менталитетом, поведением и навыками отдельной личности отличалось рутинностью и носило едва ли не тотальный и всеохватный характер. Еще на рубеже XIX-XX вв., по свидетельству основоположника отечественного гагаузоведения В.А. Мошкова, общественное мнение являлось для гагаузов «таким деспотом, таким страшилищем, перед которым трепещут не только люди бедные или среднего достатка, но даже деревенские богачи».[1]

И, пожалуй, никто еще из гуманитариев до сих пор не брался толком объяснить происхождение и корни этого социально-психологического феномена. В самом деле, что же лежит в основе могущества общественного мнения над менталитетом, деятельностью и поступками отдельного и вместе взятых гагаузов: отставание в социально-экономическом развитии, или, напротив, в опережающем по сравнению с соседними народами утверждении принципов и норм демократического самоуправления?

Принимая во внимание исторически сложившуюся особую роль общественного мнения в жизнедеятельности гагаузов, в проблематику упоминавшегося российско-молдавско-американского проекта «Национальные процессы, язы-

[1] Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. VI. Семья и общественные отношения у гагаузов. VII. Отношение гагаузов к другим народностям // Этнографическое обозрение. 1901. № 2. С.18.

В капитальном труде В.А. Мошкова, переизданном в г. Кишиневе в 2004 г. и изобилующем опечатками и малообоснованными пропусками и купюрами, вместо «бедные», как в источнике, ошибочно напечатано «беднее». См.: В.А. Мошков. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004. С. 188.

ковые отношения и идентичность» (1998г.) были включены задачи по фиксации и изучению представлений народного большинства о времени, о смысле и содержании исповедуемых ценностей, о ходе реформирования, а также о первых (за 7 предшествующих лет (1991-1998 гг.) итогах постсоветской жизни, в том числе о состоянии дел в социально-экономических и этнополитической сферах.

Реформы, начатые в Советском Союзе и продолженные после обретения Молдавской государственной независимости, еще не стали предметом специального изучения с этносоциологической и этнополитической точек зрения ни в Республике Молдова, ни в ее неотъемлемой составной части – Гагаузии. Более того, в литературе и беллетристике пожалуй, трудно найти сколько-нибудь убедительные определения того, что происходит за окнами академических кабинетов и университетских аудиторий.

Тем не менее, независимо от многообразия употребляемых вкривь и вкось дефиниций, одна их особенность остается вполне видимой, осязаемой и ощущаемой. Как бы мы не определяли и не называли состоявшиеся и текущие трансформационные процессы в Молдове и Гагаузии: либеральные или консервативные, рыночные или антирыночные, демократические или авторитарные, провосточные или прозападные, неоспорим сам факт того, что они существенным образом меняли характер социально-экономической и этнополитической ситуации, разрушали привычные устои образа жизни, меняли жизненные стратегии значительных групп населения и социально-психологическое состояние общества. В самом деле, трансформации происходили не только в экономике (падение уровня экономического развития, безработица, вторичная занятость, гастарбайтерство), в культуре (снижение уровня духовности, падение престижа и коммерциализация образования), в обществе (свобода слова, совести, демократизация, этническая и социальная мобилизация), в технологиях информатизации (Интернет, электронная почта), но и в умах людей, в их представлениях о сути и характере происходящих изменений.

Следовательно, картина и траектории изменяющейся Молдовы и одного из ее регионов не могут быть полными без сопоставительного анализа с самим изменяющимся в этом мире человеком, и особенно его меняющихся представлений о мире, о себе, об обществе. При этом едва ли не самые радикальные изменения имеют место в динамике общественного мнения гагаузского социума. В этом крайне противоречивом процессе, понятно, трудно разобраться без сочетания как ретроспективного, так и современного мониторингового подходов.

Аналоги социологического изучения повседневности, взятого на вооружение в российско-молдавско-американском исследовательском проекте коренятся не только в концептуальном оснащении классической социологии, но и в лучших традициях отечественной журналистики и беллетристики. Так, например, накануне первой мировой войны, принимая двадцатитрехлетнего К.Г. Паустовского на работу, главный редактор не очень известной газеты, поверив в предсказание В.А. Гиляровского, разглядевшего в молодом человеке будущего именитого писателя, ставил перед начинающим редактором задачи, не утерявшие своей актуальности через столетие.

«Время сейчас острое, – говорил старый, опытный редактор, – чреватое неожиданностями». «По-видимому, – продолжал он, предчувствуя дыхание первой мировой войны и последующей революционной бури, – мы будем свидетелями вторых смутных лет на Руси. Снаружи пока гладко, но внутри все бурлит. Чем туже будет правительство завинчивать крышку котла, тем сильнее рванет взрыв. Нам нужно следить за этим кипением. Нужно знать, о чем думает и говорит Москва. О чем говорят в театрах и семьях, на базарах и фабриках, в банях и трамваях. Что говорят рабочие, извозчики, сапожники, молочницы, артисты, купцы, студенты, профессора и писатели».[1] Без излишних комментариев понятно, что речь идет об изучении массового сознания и об-

[1] Паустовский К. Повесть о жизни. М., 1955. С.479.

щественного мнения с учетом социально-профессиональной принадлежности различных групп людей и об отношении между народным большинством и органами власти. Это не задачи только этносоциологии, но и этнополитологии.

На исходе XIX в. В.А. Мошков специально не ставил перед собой задачу по выявлению сущности демонической власти общественного мнения в гагаузском социуме. Однако в приведенной им характеристике семейных и общественных отношений у гагаузов во второй половине XIX в., похоже, содержатся ключи к разгадке этого феномена. «В гагаузских селах, – свидетельствовал наблюдательный исследователь, – большинство жителей находятся между собой в более или менее близком родстве». Отсюда напрашивался вполне приемлемый вывод для объяснения могущества общественного мнения не только для прошлого, но и для современного состояния социально-психологической атмосферы в этнической среде гагаузов. «Строго разграничивать их отношения семейные, родственные и соседские, – сетовал В.А. Мошков, – очень трудно, почти невозможно».[1] Следовательно, исходя из доверия В.А. Мошкову, можно думать, что одной их весомых причин непререкаемой власти общественного мнения выступала такая этнокультурная изоляция, которая делала прозрачными всю систему общественных отношений. Атмосфера прозрачности социальных отношений, чувство самосохранения и достоинства, а также осознаваемые и соблюдаемые догмы православия, предостерегали членов гагаузского социума от непринятых в социуме форм девиантного поведения.

Осознаваемая и реализуемая в повседневной жизни религиозная идентичность гагаузов порождала страх перед Всевышним, который мог покарать за нарушение его сакральных заповедей. Конечно, в наши дни страх несовместим с принципами демократии, свободы и защиты прав человека, но в те времена страх и запреты играли вполне

[1] Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. С.1.

позитивную роль в становлении толерантности и внутригрупповой солидарности.

Из истории гагаузов известно, что задолго до полевых наблюдений В.А. Мошкова, руководитель новосозданной администрации для задунайских переселенцев генерал-лейтенант И.Н. Инзов в своем Послании гагаузам, обращаясь от имени Российской Империи и Российского Императора, просил их «соблюдать дисциплину, порядок, обычаи, оберегаться от пьянства, воровства, бандитизма, лености и от всяких мерзостей». В противном случае И.Н. Инзов предупреждал, что данной ему властью злостных нарушителей он будет наказывать путем изгнания «из Буджака, из Бессарабии и направлять их за границу или в Сибирь, откуда они никогда не вернутся...»[1]

Могущество общественного мнения в гагаузских селах в самом начале XIX в. держалось, как отмечалось в упомянутом выше историческом документе, составленном в канцелярии И.Н. Инзова, на подчинении начальникам, старикам и исполнении законов.[2] Общественное мнение требовало от каждого гагауза быть «хорошими христианами, порядочными людьми».[3]

Несмотря на крайнюю скудность исторических данных, можно все же заключать, что в основе сильного влияния общественного мнения на повседневную жизнь гагауза проявляла себя причудливая смесь социокультурного изоляционизма, дополняемая патриархальным строем гагаузской семьи и эксклюзивное свободолюбие, допускаемое Императорской Россией и закрепляемое в относительно более высоком, чем в других регионах России, самоуправлении, а также освобождением от уплаты налогов.[4]

[1] Цит. по: Протоиерей Михаил Чакир. История гагаузов Бессарабии. (перевод с румынского) // Страницы истории и литературы гагаузов. XIX вв. Chişinău, 2005.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] См. подробнее: Мещерюк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856 гг.). Кишинев, 1971.

Реформы, начатые горбачевской перестройкой и обрушившимися на гагаузский социум трансформациями на заре постсоветской истории, внесли растерянность и сумятицу в единое еще в недалеком прошлом общественное мнение и в стратегии жизнедеятельности. Раскол общественного мнения и его коррозия были вызваны тем, что одни люди в условиях правового беспредела, характерного для первого постсоветского десятилетия, находили в себе силы, умение и способности приспосабливаться к крутым переменам, извлекать из наступающего хаоса выгоду и подниматься вверх, если не по социальной, то по имущественной лестнице. Предложенная либеральными инициаторами модель приватизации государственного и колхозно-кооперативного имущества стала не только показателем первоначального накопления капитала, но и первым импульсом для формирования полузабытой в советские времена идентичности собственника. В разных регионах Республики Молдова, в т.ч. в Гагаузии, появились дельцы железной хватки и размаха. Видное место накануне и в первые годы после развала Советского Союза среди «деловых» людей России, например, занимали приватизаторы типа Б.Березовского, нечто типа многократно усиленного чеховского Лопатина из «Вишневого сада». И над всей этой растревоженной жизнью стояла тень Б.Н. Ельцина и хватка бывших партийных и комсомольских лидеров бывших союзных республик СССР.

Вторая категория людей, у которых хватило совести и моральных принципов, но не хватило умения следовать новым правилам обогащения, довольствовались сохранением некоего «статус-кво», поскольку оказались в новых условиях ограниченными в своих профессиональных, мировоззренческих, финансовых и психологических возможностях. Третьи, надеясь на традиционное «авось», и не наделенные мобилизационной энергией, осторожно выжидали первые результаты изменений, затеянных реформаторами. Четвертые, не лишенные экономической и организационной хватки, однозначно восприняв идеологему рыночной экономики и снятие табу с позорного в советском прошлом клише «спекулянт», быстро освоили профессию челноков. Пятые, особо добросовестные и трудолюбивые, привыкшие оплачивать свой хлеб, ринулись на поиски заработков за пределами Гагаузии и Молдовы, пополняя ряды молдавских гастарбайтеров. Наконец, немалая доля людей, не сумевшая преодолеть в себе чувство фрустрации и шока от развала могущественной советской державы, от коллапса экономики, потерявшая какие-либо ориентиры, оказалась в ситуации буриданова осла, погибшего как известно, между двумя копнами сена, не сумев сделать выбор между ними.

Немалую роль в плюрализации общества сыграла деидеологизация, когда характерное для социалистического общества единообразие сменилось идеологическим вакуумом и вызвало дифференцированное отношение разных групп людей к изменяющейся реальности.

Независимо от национальной принадлежности постсоветские граждане, в том числе в Молдове, оказались по разные стороны линии, разделяющей людей на тех, кто одобряет общее состояние дел и на тех, кто все происходящее за пределами своего дома и двора оценивает исключительно негативно. При этом, как и во все времена российской истории, и те и другие немалое время проводили в бесплодных спорах в поисках выхода и в надеждах на лучшее будущее.

С одной стороны две взаимодополняющие тенденции – рост самосознания гагаузов и интенсивная этническая мобилизация, высоко подняли планку их национального достоинства и самоуважения. С другой стороны, произошел несвойственный для ментальности гагаузов глубокий раскол общественного мнения по поводу начавшихся трансформаций. Судя по данным российско – молдавско – американского этносоциологического опроса, в 1998 году более трети гагаузов (37,6%) затруднились определить в каком направлении («правильном» или «неправильном») идут дела в Республике Молдова и в ее неотъемлемой составной части – Гагаузии. Понятно, что люди всегда психологически трудно

переносят изменения привычного уклада. Инициированные сверху реформы, ориентированные на переход от плановой к рыночной экономике, ударили прежде всего по былым социальным гарантиям, которыми в Советском Союзе значительное большинство населения было относительно надежно обеспечено. Люди немедленно осознали, что переход к рыночной экономике означает самоотстранение государства в проявлении заботы для решения серьезных жизненных проблем населения. При этом социальных льгот и гарантий лишались не только люди, которые в них нуждались, но и значительная часть трудоспособного населения.

Этнополитическое самоопределение Молдовы и ее региона – Гагаузии, вероятно, сказалось на неоднозначном подходе к оценке состояния дел среди лиц различной этнической принадлежности.

Оказавшись в иноэтнической среде в новом этнотерриториальном образовании русские и болгары гораздо меньше, чем гагаузы, соответственно 26,3% и 29,6% испытали затруднения в своих самооценках того, в каком направлении идут дела в Молдове. В наиболее щекотливом положении в оценке социально – психологического и социально-экономического положения дел оказалась группа молдаван, проживающая в Гагаузии. Более чем каждые двое из пятерых (41,2%) затруднились дать ответ на вопрос о том, в правильном или неправильном направлении движется Республика Молдова.

Высокая доля лиц молдавской национальности, проживающих в Гагаузии и испытавших затруднения в самооценке направления дел, никоим образом не бросает тень на их общую позицию в оценке состояния дел в Республике Молдова.

Более чем каждый четвертый молдаванин Гагаузии (27,5%) в 1998 г. считал, что дела в Республике Молдова идут в правильном направлении, что почти в два с половиной раза было больше, чем среди гагаузов и в 3-6 раза больше, чем среди болгар. Оптимистические ответы каждого четвертого молдаванина, каждого пятого русского, каждого

пятого болгарина и каждого десятого гагауза позволяет с долей осторожности отнести их к категории лиц, оказавшихся способными адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. Людей этой категории, которые на исходе первого постсоветского десятилетия позитивно оценивали общее направление дел, по которому двигалась Республика Молдова, можно назвать если не либералами, то, по крайне мере, лояльными к процессам либерализации.

Полярной точки зрения придерживались те, что считал, что дела в Молдове идут в неправильном направлении. С долей условности эту категорию можно назвать, в отличие от маргиналов и либералов,-консерваторами. Наиболее высокая доля консерваторов оказалась в Гагаузии среди болгар (62,7%) и русских (53,9%), наименее – среди молдаван (31,4%). Масштабы гагаузского консерватизма (51,3%) оказались более схожими с распространением негативных оценок среди русского и болгарского населения. Это вполне понятно, если исходить из того, что молдавская часть населения Гагаузии, как, вероятно, и в остальных регионах Молдовы, испытывало дополнительную дозу национального самоуважения в связи с обретением Молдавской государственной независимости. Национальная гордость в известной мере компенсировала те тяготы и лишения, которые молдаване Молдовы и Гагаузии вместе с остальным населением испытывали от скудного материального достатка и щедрых финансово-экономических неурядиц, от тяжелого положения дел в экономике и социальной сфере Республики Молдова.

Все три предложенных здесь термина для обозначения групп людей с различной ориентацией на успехи и неудачи социально-экономических трансформационных процессов-либералы, консерваторы и маргиналы, также как и ранее предложенные и частично соответствующие им – адаптанты, инфантилы и маргиналы[1] – вряд ли можно считать не-

[1] Губогло М.Н. Мобильность и мобилизация. М.,2002; Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. Москва-Ижевск, 2002.

оспоримым как с аналитической, так и с художественной точек зрения.

Дело, однако, не в термине, а в сути. Тех, кого мы позволили себе назвать либералами или адаптантами, представляют собой адептов того состояния общественного сознания, как составной части массового сознания гагаузов и представителей других национальностей, которые выступают если не активными стимуляторами реформ, связанных с демократизацией и переходом к рыночной экономике, то по крайне мере проводниками проводящихся реформ или лицами, способствующими реализации нововведений, инициированных «сверху». Тех же, кто выступает пассивным созерцателем осуществляемых реформ, или инфантилов-консерваторов, представляющих те категории населения, которые в силу ряда объективных и субъективных причин не смогли овладеть законами рыночной экономики и не сумели найти себе место в новейших экономических и социальных трансформациях. Что же касается маргиналов, то это категория людей нуждается в информативной поддержке, без которой они не смогут склонить чашу весов от консервативно к либерально настроенным гражданам. Иными словами, выявление, осмысление и учет общественных умонастроений, характерных для групп населения, занимающих либеральные, консервативные или маргинальные позиции по оценке состояния дел в республике, становится непременным условием успешного претворения в жизнь широкомасштабных социально-экономических и этнополитических преобразований.

Сотрудники Института этнологии и антропологии РАН, отметившие в 2006 г. сорокалетний юбилей становления этносоциологии, как нового междисциплинарного направления, внесли определенный вклад в осмысление сути и основных направлений модернизации российского общества[1] и в изучение трансформационных процессов в некоторых

[1] Губогло М.Н. Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. М., 1996.

странах СНГ,[1] в том числе в Республике Молдова, накануне обретения ею независимости и далее в постсоветский период.[2]

Впечатляют успехи, достигнутые российскими социологами в анализе и характеристике наиболее значимых направлений, общее и особенное в протекании изменений в различных регионах страны, и в различных сферах жизнедеятельности российского общества. Особое место в новейших исследованиях занимает, во-первых, выявление связи между макроэкономическими, социально-политическими, духовно-психологическими аспектами к постсоветской повседневности,[3] во-вторых, выявление и анализ места и роли этнического фактора.[4]

[1] Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций. М., 2003; Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX в. Москва, 2001; Постсоветская Хакасия. Трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации. Этносоциологические очерки. Отв. ред. М.Н. Губогло, Л.В. Остапенко. М.,2005.

[2] См., например: Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). Отв. ред. Ю.В.Арутюнян. М., 1980; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: миграция или адаптация? Под ред. М.Н. Губогло. М.,1998; Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграции, динамика, численность. Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 2007.

[3] См., например: Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса. М., 1999; Лапин Н.И. Пути России: социально-культурные трансформации. М., 2000; Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. Под ред. Н.М. Ромашевской. .М., 2000; Беляева Л.А. Социальная трансформация и средний класс России. М., 2001; Россия: трансформирующееся общество. Под ред.В.А. Ядова. .М., 2001; Россия реформирующаяся. Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2002; Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.,2002; Россия на рубеже веков. Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2002; Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (Социологический анализ). 1992-2002 гг. М., 2003; Левашов В.К. Социополитическая динамика. Опыт социологического исследования. М., 2003; Средние классы в России: экономические и социальные траектории. Под ред. Т. Малевой. М., 2003; Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2004.

[4] Социальное неравенство этнических групп: преодоление и реальность. Автор проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002; Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

Предложенное простейшее разделение граждан на либералов, маргиналов и неоконсерваторов является не результатом, а началом его анализа, т.е. исходной гипотезой. И для того, чтобы телега не оказалась впереди лошади, указанную типологию, произведенную на основе такого синтетического понятия, как общее («правильное или неправильное») направление дел в России, необходимо сопоставить с остальными представителями выделенных групп населения Гагаузии о времени, о реформах, об экономике, культуре и политике.

Введенная в анализ категория «направление дел» является индикатором тех социально-экономических изменений, которые вызывают тектонические сдвиги в менталитете граждан. Совокупность изменений, происходящих сегодня в головах людей, в их повседневной жизни, вокруг нас, можно сопоставить едва ли не с такими известными со школьных учебников масштабными процессами, как индустриализация, коллективизация и интеллектуализация бывшего советского общества.

О динамике жизненного уровня: 1991-1998 гг.

Становление Республики Молдова и ее регионов, в том числе и Гагаузии, на рельсы развития рыночной экономики, означало, во-первых контрастное, по сравнению с советским временем, самоотстранением государства от гарантированного обеспечения трудоспособной части населения работой, во-вторых, отказ от обеспечения социальных гарантий, и, в-третьих, предоставление гражданам свободы в выборе стратегии своей жизнедеятельности. Но что такое рынок? Прежде всего, это господство в социально-экономических отношениях денежной формы богатства, а также превращение каждого человека в производителя товаров, а предпринимателей – в людей, «делающих деньги», открывающих

рабочие места, а в конечном итоге задающих тон в экономике и в социальной жизни.

Субъективно-объективной равнодействующей преобразований, связанных с переходом к рыночной экономике, в известной мере выступает динамика жизненного уровня. В 1998 г. по самооценке граждан Гагаузии за 7 лет (1991-1998 гг.) лишь среди 17,3% «существенно» или «немного» повысился жизненный уровень.

Таблица 6.

Иерархия жизненного уровня за последние 7 лет (в % по итогам опроса 1998 г.)

Национальности	Как изменился уровень жизни за последние 7 лет после 1991 г.						
	Повысился			Остался без изменений	Понизился		
	Существенно	Немного	Всего		Немного	Существенно	Всего
Гагаузы	3,0	14,7	17,7	14,7	23,4	39,8	63,2
Болгары	1,7	8,5	10,2	15,3	28,0	44,9	72,0
Русские	9,2	18,4	27,6	6,6	13,2	50,0	63,2
Молдаване	7,8	13,7	21,5	11,8	31,4	33,3	64,7
Другие	2,2	6,7	8,9	6,7	28,9	55,6	84,5
Все	3,7	13,6	17,3	13,4	23,9	42,9	65,9

По этому показателю опережали русские (27,6%) и молдаване (21,5%), отставали болгары (10, 2%) и представители «других» национальностей (8,9%). По данным этого же опроса, среди гагаузов по их собственному признанию повышение жизненного уровня произошло среди 17,7%, в том числе «существенное повышение» состоялось среди 3,0%, а «незначительное повышение» – среди 14,7%. Соответственно, более всего понижение жизненного уровня испытали болгары (72,9%), в равной мере – гагаузы и русские (в пределах 63,2%), (табл.6).

О межэтнических различиях в траекториях изменения жизненного уровня особенно наглядно свидетельствуют выявленные опросом индексы понижения жизненного уровня (ИПЖУ).[1]

Печальными рекордсменами по части понижения жизненного уровня в пределах Гагаузии оказались за истекшие первые 7 лет приватизации болгары. Индекс понижения составил 7,1. На втором и близком к нему третьем месте были соответственно гагаузы и молдаване с индексом – 3,6 и 3,0. Менее всего лишь с индексом 2,3, понизили свой жизненный уровень представители русской национальности (табл. 6).

Мучительные трудности перехода

Первые 7 лет экономических преобразований оказали сильное влияние на общий менталитет и, в частности, на формирование экономического сознания гагаузов и представителей других национальностей Гагаузии. В 1998 г. более половины взрослого населения (56,1%) было убеждено в том, что переход к рыночной экономике от социалистического планового хозяйства должен быть постепенным. Еще 8,2% граждан были настроены более радикально. По их мнению, переход не следует затягивать и он должен быть быстрым.

Однако немалая доля граждан (без малого почти каждый пятый), воспитанных на идеологии и принципах планового социалистического хозяйствования, высказались против рыночной экономики. В целом, по вопросу о переходе к рыночной экономике и о темпах этого перехода, не обнаружилось сколько-нибудь разительных межэтнических различий. Лишь среди болгар был несколько более заметен удельный

[1] Индекс понижения жизненного уровня представляет собой дробь, в числителе которой сумма удельных весов лиц, считающих, что их жизненный уровень за истекшие 7 лет «существенно» или «немного» понизился, а в знаменателе – сумма удельных весов лиц, напротив, указавших в ходе опроса, что их жизненный уровень «существенно» или «немного» повысился.

вес противников рыночной экономики (21,2%) по сравнению с молдаванами (9,8%), русскими (17,1%) и гагаузами (18,8%) (табл. 7).

Таблица 7.

Мнение о переходе к рыночной экономике о в Республике Молдова (в % по итогам опроса 1998 г.)

Что думают о переходе к рыночной экономике	Национальности				Σ
	Гагаузы	Болгары	Русские	Молдаване	
Переход должен быть постепенным	54,5	54,2	68,4	52,9	56,1
Переход должен быть быстрым	7,5	6,8	5,3	21,6	8,2
Против рыночной экономики	18,8	21,2	17,1	9,8	18,9
Затруднились дать ответ	19,2	17,8	9,2	15,7	16,9

О тех, кто занимается бизнесом

Неожиданно свалившаяся, приватизация связанная с переходом к рыночной экономике и с первоначальным накоплением капитала, не застала социум Гагаузии врасплох. Прошло всего 7 лет после развала Советского Союза и появления на политической карте мира Независимой Республики Молдова как уже без малого каждый десятый (8,8%) гражданин Гагаузии не только проявил лояльность, но и приветствовал появление предпринимателей и бизнесменов, полагая, что только они, или они вместе с руководством, смогут вывести экономику Молдовы из кризиса.

Трудно признать решительными противниками бизнеса и бизнесменов и тех 34,6% взрослого населения, которые выразили свое отношение к бизнесменам в зависимости от конкретного характера их деятельности. В самом деле, 42,1% русских, 36,4% болгар, 34,3% гагаузов и 33,3% молдаван в

1998 г. к одним предпринимателям и бизнесменам относились положительно, к другим – отрицательно.

Больше всего появление граждан, занимающихся бизнесом, вызвало тревогу среди болгарского населения (37,3%) Гагаузии, что скорее всего, было связано с общим состоянием их социально- психологического состояния, вызванного отсутствием этнотерриториального образования, подобного Гагауз-Ери.

Среди массы гагаузского и молдавского населения Гагаузии, проявившего в целом лояльное отношение к новой категории лиц, занимающихся бизнесом, опросом были выявлены так же весьма крупные группы лиц (13,9% среди гагаузов и 13,7% среди молдаван), считающих, что страна совершает большую ошибку, допуская их появление. Наконец, среди молдаван и русских наиболее многочисленными, по сравнению с другими национальностями, оказались группы лиц (19,6% среди молдаван и 18,4% среди русских), убежденных в том, что появление лиц, занимающихся бизнесом, необходимо и полезно, хотя их деятельность порождает новые проблемы (табл. 8).

Таблица 8.

Отношение к гражданам, занимающимися бизнесом (в % по итогам опроса 1998 г.)

Национальности	Как относятся к категории граждан, занимающихся бизнесом				
	К одним положительно, к другим отрицательно	Вызывает тревогу, нужен контроль за их деятельностью	Совершаем большую ошибку, допуская появление таких лиц	Они необходимы, но их деятельность порождает проблемы	Приветствуют их появление
Гагаузы	34,3	21,0	13,9	11,9	9,3
Болгары	36,4	37,3	7,6	11,9	3,4
Русские	42,1	19,7	7,9	18,4	7,9
Молдаване	33,3	15,7	13,7	19,6	15,7
Σ	34,6	23,7	12,5	13,4	8,8

Как и в различных регионах России, первоначально гагаузский бизнес в немалой степени создавался криминальными элементами, которые закупали или воздвигали бензоколонки, выкупали винзаводы и принимались за насаждение плантаций винограда, заводили бахчевые бригады или ассоциации по производству табака, или, наконец, создавали строительные фирмы в далеком Уренгое. Эта деятельность в немалой степени была в чем-то сродни истории появления знаменитого Лас-Вегаса, который строили отцы – мафиозные структуры в 30-е годы, а уже их дети и внуки, вполне легитимно продолжали дело отцов на законной, правовой основе, превратив Лас-Вегас в международный игорный бизнес, а бывшую пустыню – в полыхающий огнями реклам привлекательный город.

Обозревая взаимоотношения общественного мнения Гагаузии и формировавшейся прослойки предпринимателей и бизнесменов, можно, перелистывая страницы классического труда Макса Вебера о становлении капитализма,[1] сказать, что постсоветские предприниматели, даже несмотря на криминальное происхождение одних и удачливость других, трудятся с таким особым усердием, что позволяет сделать вывод о том, что своим обогащением некоторые предприниматели обязаны своей энергии, трудолюбию и организаторским способностям.

Во всяком случае, поднимаясь по дороге из Комрата в Ферапонтьевку, или из Томая в Чадыр-Лунгу, таксист или водитель машины обязательно укажет своему пассажиру на уходящие в горизонт новые виноградные плантации, что обязаны своим появлением энергии «новых гагаузов», имеющих не только свои винзаводы и плантации винограда, но и свои торговые фирмы в Москве по реализации созданной винодельческой продукции.

[1] Вебер Макс. Протестантская этика и дух капитализма. // Избранные произведения. М.,1990; См. также: Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.

Хорошо бы быть богатым

В новейшем социологическом дискурсе, в котором принимают участие видные российские социологи, изучающие особенности становления нового экономического сознания граждан России, с нескрываемым удовлетворением отмечаются малейшие проявления того, как происходит смещение отношения россиян к богатству и богатым от классово окрашенного подозрительно-неприязненного к более или менее лояльному. Да, действительно, в России, в борьбе с частнособственническими инстинктами за семь с лишним десятилетий были получены более радикальные успехи, чем в Молдавии и в ее отдельных регионах. Этносоциологический опрос, проведенный в ходе реализации российско-молдавско-американского исследовательского проекта, показал, что для 92,2% граждан Гагаузии значимо было быть богатым с той или иной степенью интенсивности. Менее, чем в России, разрушенная собственническая идентичность, здесь в Гагаузии, в постсоветский период начала восстанавливаться, пожалуй, легче и быстрее, чем в регионах и республиках Российской Федерации.

При этом межэтнические различия в признании богатства как важного жизненного кредо, не имели принципиального различия. Так, например, в отличие от каждого пятого гагауза и пятого русского, для которых «быть богатым» представлялось «очень значимым», среди болгар и молдаван категории лиц с подобной радикализированной установкой на богатство составили соответственно 17,8 и 13,7% (табл. 9).

Таблица 9.

Хочется быть богатым
(в %, по итогам опроса 1998 г,)

Национальности	В какой степени значимо быть богатым				
	Очень	Значимо	Мало значимо	Σ	Совсем не значимо
Гагаузы	21,2	51,9	19,6	92,7	4,6
Болгары	17,8	48,3	21,2	87,3	7,6
Русские	21,1	55,3	15,8	92,2	2,6
Молдаване	13,7	56,9	25,5	96,1	2,0
Все	20,0	52,2	20,0	92,2	4,5

Размах межэтнических вариаций между лицами, для которых быть богатым было «значимо», колебался в интервале от 48,3% среди болгар до 56,9% среди молдаван. Среди гагаузов эта группа лиц составляла 51,9%. Это, выявленное опросом, неистовое желание быть богатым, было обусловлено двоякими историческими причинами. С одной стороны, оно было продолжением тех традиций идентичности собственника, что имело место среди гагаузов и болгар с момента их вселения в Буджакскую степь. С другой стороны, это было психологической реакцией на возникшую в первом постсоветском десятилетии потребность выживания. При этом надо понимать, что речь идет о некоем усредненном, если не абстрактном образе «быть богатым».

Исторически так сложилось, что богатство, как феномен общественной жизни, ассоциировалось у гагаузов скорее с жадностью и рационализмом, чем с расточительством и мотовством, так усиленно манифестируемым нынешним и новоявленными российскими олигархами и некоторыми разбогатевшими гражданами Гагаузии и Республики Молдова.

Более ста лет тому назад основоположник научного гагаузоведения, известный ученый России В.А. Мошков со свойственной ему тонкой наблюдательностью изобразил портрет богатого гагауза, в доме которого он побывал в Бендерском

уезде. Несмотря на то, что этот гагауз обладал состоянием не менее пятидесяти тысяч, огромными виноградниками, лучшим в селе двухэтажным домом, обстановка его жизни почти ничем не отличалась от обстановки всех других его односельчан. Имея большой парадный дом, этот владелец приличного богатства «со своим семейством ютился в низенькой, грязной и тесной «кухне», в лаптях, питался всякой дрянью и прочее».[1]

Показывая В.А. Мошкову свое хозяйство, этот богач жаловался на то, что он «вынужден определять время по петухам», т.к. он не смеет купить современные часы, потому что это будет осуждено общественным мнением, как признак роскоши, мотовства и расточительности».

Еще один гагауз, служивший в Варшаве запасным артиллеристом, удивил В.А. Мошкова тем, что перед выездом в родное село, он переоделся и тщательно припрятал свой европейский костюм и умолял В.А. Мошкова, чтобы он нечаянно не проговорился перед гагаузами относительно наличия у него карманных часов.[2] Манифестируя свое богатство, состоятельный гагауз рисковал безвозвратно потерять свою репутацию, после чего ни одна девушка не согласилась бы пойти за него замуж.[3]

Итак, ассоциирование развития богатства в сочетании с «ответственностью» и рационализмом не выступает чем-то сверхновым для гагаузского социума. В этом принципиальное отличие от траекторий утверждения «собственности», «богатства» в менталитете некоторых категорий населения в Российской Федерации. В самом деле, формирование нынешней идентичности собственника среди гагаузов и единодушно выраженное признание значимости «быть богатым» выступает хотя и не совсем новым явлением в социально-психологическом климате Гагаузии, то, тем не менее, важным и примечательным итогом постсоветских преобразований.

---

[1] Цит. по: Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. С. 188.
[2] Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. С. 189.
[3] Там же.

3. ЗОДИЯ: ПРЕДНАЧЕРТАННАЯ СУДЬБА

Там, за далью бесконечной,
Дышит счастье прошлых дней…
Отголосок ли сердечный?
Сочетанье ли теней?
Это звезды светят вечно
Над землею без теней.
В их сияньи бесконечном
Вижу счастье прошлых дней.

Александр Блок. Том первый.
Москва-Ленинград, 1960. С.337

Судьба и смысл жизни

На тему судьбы, как и на тему о смысле жизни, написаны горы книг, проведены многочисленные научные и околонаучные заседания, конференции, диспуты, круглые столы, симпозиумы. Всемирно известный автор двухсот четырнадцати повестей и романов, не считая примерно такого же количества написанных в 1920-е годы под различными псевдонимами, французский писатель Жорж Сименон, создатель образа легендарного комиссара Мегре, посвятил свою жизнь и творчество исследованию человеческих характеров, проникновению к истокам человеческих трагедий, обусловленных социальными несправедливостями, несовершенством правовой системы, неблагоприятной нравственной атмосферой, в которой живут и действуют герои его многочисленных романов. Называя своего главного литературного героя «штопальщиком человеческих судеб», Жорж Сименон объяснял свой выбор стать романистом возникшим у него с юных лет желанием исследовать и писать о «схватке человека с судьбой» [Шрайбер Э. 1975, 3,5,9].

Однако до сих пор, пожалуй, никто не знает, что такое судьба, что она означает, что выражает и обозначает, каков

ее заряд и потенциал. Понятно лишь одно: никакая судьба не существует отдельно от каждого конкретного человека и его ни с кем не похожей жизни. Порой даже говорится, что судьба отдельного человека вполне предсказана. Если, к примеру, судьбу воспринимать, как она видится драматургу и поэту Юрию Арабову, совокупностью причинно-следственных связей и развязкой в будущем тех «завязок», которые человек совершал некоторое время тому назад [Юрий Арабов, 2008. С.45].

Между тем, каждый человек, ничтоже сумнящеся, повторяет каждый день по нескольку раз это роковое слово в том или ином смысле, в том или ином контексте, по тому или иному случаю, серьезному или пустому поводу.

Размышляя о своей жизни, как о постоянном поиске, гагаузский поэт С.С.Курогло несколько десятилетий тому назад поймал себя на мысли, что в конце концов в исканиях смысла жизни и в осмыслении пройденных дорог, он, в итоге, обрел самого себя, осознал свою идентичность.

Аарадым да аарадым,
Гежä-гӱндӱз аарадым.
Буламадым, ааладым,
Кача-кача жыт йандым.
Аарадым да аарадым,
Ömӱрä изчи олдум.
Аара-аарайа, шаштым,
Кенди кендими булдум.
[Степан Куроглу, 1974, С.22]

Искал, и вновь искал,
И днем и ночью я искал.
Не находил, рыдал,
От беготни порой сгорал,
Искал, и вновь искал,
Судьбы своей рабом я стал,
Но жизни смысл я постигал,
И самого себя в итоге осознал.
(Перевод М.Н.Губогло)

Не берусь судить, что и какие мотивы подвигли С.С.Курогло написать это короткое, но ёмкое стихотворение, поскольку не знаю, довелось ли ему посмотреть «Солярис» Андрея Тарковского. Фильм был снят в 1972 году, стихотворение гагаузского поэта впервые было опубликовано в 1974 году и в переводе на русском языке – в 1988 году [Степан Куроглу, 1972. С.22; Степан Куроглу, 1988. С.27].

Однако нет никакого сомнения, что центральные идеи фильма и стихотворения о том, что человек должен прийти к согласию с самим собой, всегда и всюду оставаться человеком, даже в самых экстремальных обстоятельствах, корреспондировать друг с другом.

Сам Андрей Тарковский так оценивал центральную задачу «Соляриса». «Я хотел доказать своей картиной, – пояснял он, – что проблема нравственной стойкости, нравственной чистоты пронизывает все наше существование, проявляясь даже в таких областях, которые на первый взгляд не связаны с моралью, например, таких, как проникновение в космос, изучение объективного мира и т.д.» [http://www.ozon.ru/ context/detailjid/2470890/].

Прозорливыми словами своего четверостишия С.С.Курогло в 1974 году значительно опередил многих современников, лишь позднее, через три-четыре десятилетия, обратившимся к поискам своей идентичности, своей малой родины или судьбы своей страны.

В это же время, может быть, одним-двумя годами ранее в рамках зарождающегося нового направления – этносоциологии – были проведены первые исследования объективных факторов, питающих субъективное самосознание, о чем было доложено в специальном докладе на одном из заседаний в рамках IX Международного конгресса антропологических и этнографических наук, состоявшемся в 1973 году в г.Чикаго [М.Н.Губогло, М., 1973].

Однако, в отличие от научного доклада, в поэтическом воображении С.С.Курогло речь шла не о факторах, а о технологии формирования идентичности, состоящей в непре-

станном поиске самого себя. Поэта интересовал не статический, а динамический аспект идентичности, которую академик В.А.Тишков вслед за Бенедиктом Андерсеном назовет постоянным «внутренним референдумом».

Однако, даже приняв участие в «референдуме», или сказав: «я нашел себя», вряд ли можно ставить точку в поисках смысла жизни и в подведении итогов свершения судьбы. Как тут не согласиться с известным российским историком и политологом Б.И.Ковалем, написавшим огромный фолиант о своих размышлениях и о смыслах жизни, чтобы в конце, вместо заключения оставить вопрос открытым. «Квалифицировать смыслы, – философски убеждает нас Б.И.Коваль, – и тем паче навязывать их кому бы то ни было – занятие бесперспективное. Единственный смысл состоит в том, чтобы его искать – искать всей своей жизнью» [Борис Коваль, 2001, 466].

Проведенный мной в начале 2008 года экспресс-опрос в подмосковном кардиологическом санатории показал, что, задумываясь о судьбе, человек испытывает не гамлетовское смятение «быть или не быть», а пытается каким-либо способом разгадать, когда и кем предопределена судьба человека и с какой неизбежностью она реализуется в жизни. Может быть, это и есть главная тайна смысла жизни и смысла пребывания каждого из нас на этой земле.

Разговоров и текстов о судьбе человека или целого народа расплодилось невероятное количество. И тем не менее, тема судьбы, как предмет исследования, еще не раз и не два, пока существует человечество, станет востребованной в предметной области различных отраслей гуманитарного знания. Не будет преувеличением сказать, что проблематика судьбы человека и даже целого народа, неоднократно, то переполняла предметную область этнографических исследований, то угасала до незначительной статьи и краткого сообщения. Судьба человека, как и отдельного народа, продолжает вызывать жгучий интерес не только этнологов, но и представителей многих других научных дисциплин,

особенно в развивающихся в пограничных областях знания [Междисциплинарные исследования..., 2004].

В гагаузской ментальности трудно отыскать вразумительное определение судьбы, но, пожалуй, любой взрослый гагауз может выразить уверенность, что судьба – это зодия человека с предначертанной судьбой. Судьбу нельзя изменить, от нее нельзя уклониться, череду событий и акций нельзя отменить или избежать. В фольклоре и в художественных произведениях содержится немало примеров, когда сюжетная линия сказки, легенды или повествования, завершается моралью, подобно крыловским басням о неизбежности свершения того, что предначертано судьбой, что записано на роду, т.е. в зодии.

Судя по имеющимся гагаузско-русским словарям, в том числе словарю, составленном В.А.Мошковым [В.А.Мошков, 1904. С.35-36], может создаться впечатление, что в менталитете гагаузов отсутствует понятие судьбы и обозначающего это понятие термина. Во всяком случае в «Гагаузско-русско-молдавском словаре», разработанном Г.А.Гайдаржи и его соавторами, а также несколько позднее изданном «Гагаузско-русско-румынском словаре», составленном Петром Чеботарём и Ионом Дроном, соответственно есть слово «зодийа» [Г.А.Гайдаржи и др., 1973. С.195], и «zodiya» [Гагаузско-русско-румынский словарь, 2002. С.735.], но в каждом случае оно переведено на русский соответственно с употребляемым в астрономии словом – зодиак.

В чрезвычайно богатом и интересном Русско:-гагаузско-турецко-румынском словаре-полиглоте, хотя и подготовленном на самодеятельной основе уроженцем г.Чадыр-Лунги, инженером по базовому образованию Виктором Геновым[1] [Вик-

1 Виктор Георгиевич Генов родился 27 апреля 1924 года в Чадыр-Лунге. Учился в лицее в Чадыр-Лунге, в лицее города Тимишоара в Румынии, окончил пединститут в Стамбуле в Турции, политехнический Институт в Будапеште в Венгрии. В 1959 году вернулся в Румынию к родителям и до 1985 года работал в институте проектирования в Бухаресте. С 1989 года совместно с Эммануилом Кырмызы начал кропотливую работу по созданию русско:-гагаузско-турецко-румынского «Словаря-полиглота» [Л.Д.Карачобан-Марин, 2004. С.6].

тор Генов, Эммануил Кырмызы, 2005. С.241] и Эммануилом Кырмызы, содержащем около 35000 слов и словосочетаний гагаузского языка, также нет слова зодия, а есть только зодиак. Русское слово «судьба»в этом словаре передается словами kısmet (счастье), kut, baht, ecel. Приводится в качестве примера словосочетание: «испытать судьбу» и переводится как «kısmetini/şansını denemää [Там же. С. 668]..

Скорее всего, для гагаузской ментальности в данном случае два слова – судьба и счастье – воспринимаются как синонимы. В турецком языке астрологическое понятие зодиак переводится как zodiyak, а слово судьба – такими не известными в гагаузском вокабуляре терминами и словосочетаниями, как – kader, mukadderat, tekelli, alınyazısı, yazgı; верить в судьбу – «kadere inanmak»; от своей судьбы не уйдешь – «ricadan başka çare yoktur» [Русско-турецкий словарь. 47000 слов,1972. С.300, 887-888].

В свою очередь, судя по насыщенной философским смыслом картине «счастье» известного гагаузского художника Андрея Иварлака, это понятие в его представлении ассоциируется с повседневной жизнью, важными элементами соционормативной культуры, прекрасными обычаями и традициями гагаузского народа [Иван Дьячук, 2003. С.3].

Ежел («судьба») и кадер («участь»)

Как я ни напрягаю свою память, я не могу вспомнить, чтобы в мои детские годы и далее во времена депортации в нашей семье произносили слово: «ежел», которым в нынешнем гагаузском вокабуляре и в речевой практике относительно устойчиво обозначается понятие судьбы. Можно было бы предположить, что это слово – такой новояз, который утвердился в связи с развитием во второй половине XX века художественной литературы. Это слово довольно часто можно встретить, читая поэтические произведения и прозу современных гагаузских писателей: «Шаги судьбы», «Ежел адымнары» (Тодур Занет); Буджакские судьбы «Бужяк ежеллери», судьба «Ежел» (Николай Бабоглу); Одна судьба у нас с тобой «Бир ежел икимиздä» (Мина Кöсä).

Однако, обратившись к самому первому гагаузско-русскому словарю, составленному В.А.Мошковым и опубликованному в 1904 году в знаменитой серии академика В.В.Радлова «Наречия тюркских племен», я обнаружил слово «jежел», переведенное В.А.Мошковым как «роковая болезнь, от которой человеку суждено умереть; смертный час» [В.В.Радлов, 1904, II-е прибавление, 40].

Через 7 десятилетий коллектив авторов, работавший под руководством Л.А.Покровской и Н.А.Баскакова по созданию «Гагаузско-русско-молдавского словаря» включил слово «ежел» в словник, повторив его из словаря В.А.Мошкова в значении «смертный час» и добавив дополнительное (в переносном смысле) значение «судьба, рок» (инсанын ежели» – судьба человека) [Гагаузско-русско-молдавский словарь, 1973, 173].

Еще одно, заимствованное из турецкого языка слово «kader» («участь»), синонимичное судьбе, неведомое мне в мои детские годы и отсутствовавшее во всех гагаузско-русских словарях, было вынесено Н.И.Бабоглу в название одной из своих книг «Gagauzların kaderi» («Участь гагаузов»). Основную идею этой книги, как отмечалось на одной из ее презентаций, автор вынашивал в своем сердце долгие годы, играя активную роль в жизни своего родного народа и находясь в гуще образовательного процесса. Как истинный сын своего народа, как талантливый писатель и профессиональный воспитатель и педагог, он имел право на пополнение лексических ресурсов гагаузского языка.

Находясь в гуще народной жизни, органично вписываясь в ткань сферы народного образования, Н.И.Бабоглу жадно приобщался к ценностям и достоянию народа, впитывая его энергию, наполняя свою душу яркими красками родного края и духовными ценностями своего народа [Е.Люленова. Новые книги Н.Бабоглу // Вести Гагаузии. 2003. 4 ноября].

Белая мышь

В первые послевоенные годы, особенно после трагического голода в южных районах Молдавской ССР, в селениях гагаузов появились невесть откуда взявшиеся прорицатели судеб людских. Это были интеллигентного вида личности со скорбным, как на иконах, ликом святых. На груди одного из таких бомжевидных фигур висела плоская коробка, в которой, как в библиотечном каталожном ящике, помещались картонные карточки с написанной «зодией» – предначертанием судьбы. За кусок хлеба или миску кукурузной муки такой «кудесник» доставал откуда-то из пазухи белую мышь с красными глазами и запускал ее в картотеку. В карточке, которую белая мышь вытянула для меня, мне были предсказаны «широкая известность», «великое будущее», «неоднократные выезды по своей и не своей воле за пределы своей Родины» и пробитую голову (ранения) в трех местах.

Насчет известности и «великого будущего» мышь, конечно, перегнула палку, а вот что касается путешествия в дальние страны, за пределы Родины, она ошиблась, но не совсем.

Действительно, под дулами автоматов, в закрытых наглухо красных телячьих вагонах («краснухах»), предназначенных для перевозок скота, вместе с семьей меня перевезли летом 1949 года по бесконечным запутанным железнодорожным путям Европейской части Советского Союза в далекое от Молдавии Южное Зауралье, как составную часть Западной Сибири.

В литературе о спецпереселенцах, как об особой категории репрессированного населения, десятки раз упоминаются стереотипные ситуации, когда до полусотни несчастных людей оперативники грузили в телячьи товарные вагоны, в которые по стандартам положено было загружать 8 лошадей или 32 солдата, или 40 заключенных. Рассказывая о высылке спецпереселенцев из Прибалтийских республик в

1948-1949 гг. Александр Солженицын с мазохистским смакованием пишет: «По спеху вагонов не оборудовали, и не сразу разрешили пробурить дыру. Параша – старое ведро, тотчас было переполнена, изливалась и заплескивала вещи. Двуногих млекопитающих, с первой минуты их заставили забыть, что женщины и мужчины – разное суть. Полтора дня они были заперты без воды и без еды, умер ребенок...» [А.Солженицын, 1983. С.393-394].

Из селений Чадыр-Лунгского района было репрессировано 1204 человека, в том числе из Чадыр-Лунги – 355; из Комратского – 1386, из Вулканештского – 702.

Я не помню ни «прорубленную дыру», ни «старое ведро». Но отчетливо и навсегда врезалось в память другая впечатляющая картина. Когда в Сызрани нас повели под конвоем в городскую баню, мы наблюдали, как какие-то люди, не из числа сопровождающих, и не из состава переселяемых, пытались отмыть стенку нашего вагона, на котором запечатлелось содержимое что на ветру выплескивалось из прорубленного окна и красноречиво размазывалось по стенке. Даже в самую тяжелую минуту, страшно и неприятно, до тошноты, было смотреть на желтые пятна, размазанные на красных досках вагона.

Ранним утром нас высадили на Каргапольском полустанке Курганской области, находящемся в 18 километрах от районного центра и далее на колхозной подводе доставили в безлюдное село – Сухановку. Поистине, как горько сетовал гагаузский поэт Николай Арабаджи:

«Ecel beni sıbıttı
Uzak ana topraamdan»
[İ.İ.Baboglu, N.İ.Baboglu, K.K.Vasilioglu, 2003. S.151]
(Судьба забросила меня
Далече от родной земли)

Все остальные мои «дальние странствия», в соответствии с предсказанной той красноглазой мышью-прорицательницей, тоже состоялись. Предсказанная судьба сбылась. Предначертание зодии состоялось. При этом трижды побывал на другой стороне планеты: сначала в Канадском городе Ванкувере на международной конференции, потом – на приеме мэра Лос-Анджелеса и, наконец, с женой в Сан-Франциско, где разница с Москвой составляет 12 часов.

Что же касается следов трех ранений на голове, обещанных мне в моей зодии, то шрамы от них до сих пор остались как память о моих резких телодвижениях и темпераментных увлечениях. Две из пробоин случились в годы депортации. Первый шрам остался от «боевого» копья, сделанного из твердого конопляного стебля, пущенного в меня в момент взятия одного из индейских вигвамов безымянного племени в глубине Тамакульских оврагов, второй шрам до сих пор краснеет на моем подбородке. Он достался мне от носка лыжи при падении с самодельного трамплина в горах Западной Сибири. В районной больнице Каргаполья рану зашивала хирург – мама одной из моих соучениц из 6 «а» класса. И, наконец, третий шрам (рассеченная бровь) остался на память о драке, состоявшейся осенью 1966 года на Чадыр-Лунгской танцплощадке, как раз накануне моих приготовлений к прощанию с молодостью. На парадной фотографии, снятой во дворце бракосочетаний в Москве, на которой мы обмениваемся кольцами с моей женой Татьяной Ивановной (в девичестве – Майоровой), жених стоит с подбитым глазом и разрушенной бровью, закрытой белым медицинским пластырем.

О неизбежности предначертанной судьбы

«На глазах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поэт,
Не в силах крыл поднять
смятенных.
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых…»
А.А.Блок, 1960. С. 19

В эпилоге одной из гагаузских сказок, несущем в себе мощный заряд морали, как заповеди, говорится о неотвратимости судьбы: «Не бей меня! – взмолился бедняк и покорно пошел за хозяином, мысленно проклиная судьбу (подчеркнуто мной – М.Г.), от которой ему не удалось скрыться даже в могиле» [Гагаузские народные сказки, 1998. С. 149]. Познанию этой неотвратимости предшествовал ряд поучительных событий. Увидев бедняка, рубившего на дереве сук, на котором он сидел, проходящий путник предупредил: «Не руби этот сук, свалишься вместе с ним». Когда бедняк дорубил сук и, естественно, оказался на земле, он догнал прохожего и спросил, когда ему предписано умереть. «Через сорок дней, – ответил человек в шутку, чтобы избавиться от бедняка» ... На тридцать девятый день бедняк пошел на кладбище, вырыл себе могилу, лег в нее лицом вверх и стал дожидаться смерти, с тем, чтобы избавиться от долгов. Прибыв на кладбище и увидев живого бедняка, лежащего в могиле, богач, которому бедняк должен был вернуть долги, огрел его кнутом и заставил отрабатывать долг.

В несколько иной, в философском смысле, в более заниженной редакции передается мораль популярной сказки «Borçlu» («Должник»), интерпретация ее в творчестве Василиоглу.

«Bundan sora fukaara genä, nicä da başka yıllar, gitmiş zenginin kırlarını işlemää, kendi çoktankı borçlarınnan ödeşmää deyni» [Konstantin Vasilioglu, 2008. S.11]. (Перевод: После этого бедняк, снова как в прежние времена, поплелся на поля богача, отрабатывать свои давние долги»).

В приведенном первом варианте этой сказки, опубликованной в обработке известного гагаузского писателя Николая Бабоглу [Гагаузские народные сказки, 1998. С.222], в отличие от второго варианта, Константина Василиоглу, внимание сконцентрировано не на элементарном долге одного человека перед другим, а на неотвратимости судьбы. Несмотря ни на какие ухищрения, бедняку не удается избежать предначертанной судьбы.

В гагаузском менталитете понятие судьбы воспринимается как предначертание жизненного пути человека, определенного Всевышним. Характерен в этом отношении рассказ, записанный болгарским автором Афанасием Мановым в 1930-е годы среди варненских гагаузов.

«В некие времена дом одного небогатого хозяина был у самой дороги. В этом доме проезжающих путников принимали как гостей. Однажды в доме остановился очень богатый молодой человек. Как раз в этот вечер у хозяина постоялого двора родилась дочь, и прозвучал голос о том, что ей предначертано судьбой стать со временем женой заезжего молодого человека. Услышав это предсказание, молодой человек сильно удивился тому, как это дочь бедняка может стать женой богатого человека. На следующий день молодой человек отнял дочь у матери, забросил ее на крышу и исчез.

На следующий день хозяева нашли дочь на крыше, удалили вонзившийся в нее гвоздь и вылечили. Прошло много лет. Молодой человек забыл, а новорожденная выросла, никогда не подозревая о существовании молодого человека, женой которого ей было предначертано судьбой стать. Когда же молодой человек повзрослел и стал очень богатым, оказалось очень много желающих заполучить его как жениха. Однако он отвергал все предложения.

Но однажды, проезжая мимо одного села, он попал на хору. Там он встретился взглядом с девушкой, и она запала ему в душу. Девушка вышла из хору, чтобы посмотреть на молодого человека со стороны. А молодой человек, как только вернулся из хору, тут же заслал к ней сватов... Свадьбу, длившуюся целую неделю, сыграли с большой помпой. Беднякам раздали много подарков и устроили обильное угощение. Со всего региона были приглашены борцы и устроены грандиозные соревнования. Молодые зажили счастливо и сладко. Однажды, когда жена переодевалась, ее муж заметил на ее теле шрам и спросил, каким образом этот шрам ей достался. И тогда она ему рассказала, что когда она была совсем маленькой, один постоялец, богатый молодой человек забросил ее на крышу, и она накололась на гвоздь. Молодой муж тут же обнял жену и промолвил: «С каждым случается то, что предписано Богом! Никому не дано избежать того, что предписано» [Атанас И. Мановъ. Потеклото на гагаузите. Техните обичаи и нрави. Варна, 1938. С. 148].

Однако судьбу человека, в соответствии с представлениями гагаузов, может определить не только Всевышний. В конце XIX века В.А.Мошков записал из слов своих информаторов, что записи в «книге судьбы» новорожденного могут сделать мифические женщины – «лушницы» (или «луфусницы»), которые «являются к родительнице чаще всего на третий день после родов и пишут в книгу судеб судьбу или счастья («кысмет») ребенка, т.е. предсказание на всю его жизнь» [В.А.Мошков, 1900, №1, 24-25].

Для того чтобы оказать влияние на предсказание, гагаузы клали новорожденному в первые три дня его жизни возле головы хлеб, соль и серебряную монету. Цель этого магического действа состояла в том, чтобы мифические женщины предсказали ребенку богатую и счастливую жизнь. Не удивительно, что в подтверждение своей веры в мифических женщин гагаузы рассказывали о событиях, якобы имевших место в реальной жизни соседнего села. Вот один из таких рассказов, записанный и опубликованный В.А.Мошковым.

«В селе Баурчи (Бендерского уезда) недавно умер старик, который рассказывал, что когда он родился, то на третью ночь его существования, когда все спали, кроме его матери, пришли три Лушницы, одетые в черном, с книгами в руках. Войдя в хату, они принялись рассуждать о судьбе ребенка. Первая Лушница предложила унести ребенка, а мать оставить, вторая, наоборот, – унести мать, а оставить ребенка, и, наконец, третья, самая старшая, слова которой всегда сбываются, положила, чтобы ребенок во всю жизнь остался бедным, чтобы, если он достанет муки, у него не было бы соли, достанет соли, чтобы не было муки и т.д. Все Лушницы согласились на этом и решение свое записали в книгу. «Действительно, – рассказывал старик, – предсказание Лушниц надо мною сбылось, потому что я на всю жизнь остался бедным». Да, бедным же и умер, добавляли от себя рассказчики» [В.А.Мошков, 1900, №1, С.25].

Я не помню в каком классе, в соответствии со школьной программой, я впервые прочитал «Песнь о вещем Олеге», но хорошо запомнил первое потрясение, которое я испытал, узнав о неотвратимости того, что предписано человеку его судьбой. Кажется, это было в 5-м или 6-м классе. По рекомендации моей тогдашней классной руководительницы – преподавательницы русского языка и литературы Лидии Афанасьевны Кузнецовой, я читал нараспев это стихотворение в кружке художественной самодеятельности, закатив глаза и физически ощущая неподдельный ужас от выползающей из черепа смертоносной змеи.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мной?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

Таинственным шепотом, тихим, еле слышным голосом далее я декларировал:

«... Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю.
То смертный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

И далее, очевидно, следуя пушкинским восклицательным знакам, переходил на крик, подобно крику раненой птицы:

«Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь»
[А.С.Пушкин, 1954, Т.1, 349-352].

Последняя строчка врезалась в память, как: «И вскрикнул смертельно ужаленный князь», но когда теперь я сверился с источником, оказалось, что память меня подвела. У Пушкина написано «внезапно», а не «смертельно». Мне было безумно жаль киевского князя Олега, особенно после того, как Лидия Афанасьевна рассказала о том, что сюжетом для пушкинского шедевра служили летописные сведения о смерти кивевского князя Олега. Мне казался чудовищно несправедливым тот акт судьбы, что прославленный киевский князь, совершивший походы на могущественную Византию, так бесславно погиб не на поле боя, а от бытового случая – смертельного укуса змеи.

Магия стихотворения была настолько сильной, что текст не надо было заучивать. Он запоминался сам собой. По поводу этого своего произведения Пушкин писал в 1925 году

декабристу А.Бестужеву: «Тебе, кажется, Олег не нравится: напрасно. Товарищеская любовь старого князя (правил с 882 по 912 гг. – М.Г.) к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического» [А.С.Пушкин, 1954, Т.1, 491-492].

С помощью эрудированной и талантливой учительницы Каргапольской школы классическая русская поэзия вливалась в души и в альбомы каргапольских учеников. Мне почему-то кажется, что истоки моих размышлений о судьбе, и особенно о предопределенности судьбы, восходят именно к «Песни о вещем Олеге». Хотя, разумеется, мрачные мысли о роковой неизбежности каких-либо трагических событий, видимо, были навеяны и безвинно наказанными родителями, их постоянными причитаниями и проклятьями в адрес неблагосклонной к ним судьбы, лишившей их родины и родного очага.

Мама часто жаловалась на «can acısı» (на «душевную боль») и обращалась к Богу, в которого она верила, чтобы рано или поздно выступит «can kurtaran» («спаситель души»).

Густо пересыпая нормативную лексику с ненормативной, дед нередко «выступал» в адрес тех, кто «can acıttı» (причинял ему «душевную боль») или «canımı aldılar» («погубили душу»), или «canımı yaktılar» («опалили мое сердце), или вдали от родной Гагаузии «canım acıdı» («canım sıkıldı»), («душа заболела, затосковала).

И хотя я не жалуюсь на свою судьбу, однако, став взрослым, я однажды обнаружил, что из произведений моих любимых поэтов – Бунина, Есенина, Лермонтова, Пушкина, я больше всего помню стихи и отрывки поэм, насыщенных или тревожной грустью, или глубокой печалью. Более того, перелистывая тома стихотворений, публицистических статей, писем и прозу А.С.Пушкина, я обнаруживаю, что он десятки и десятки раз обращался к теме роковой предопределенности судьбы, рисуя ее неизбежность скорее в черных, чем в светлых красках.

Вот несколько наугад взятых примеров: В альбом лицейскому товарищу А.Д.Илличевскому: «Не властны мы в судьбе своей»; в четверостишии «Надпись на стене больницы:

Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима.

В обращении к поэту-декабристу, участнику сражения под Аустерлицем и Бородино Федору Николаевичу Глинке:

Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь.

В первой незаконченной редакции известного послания своему преданному другу И.И.Пущину, находящемуся в сибирской каторге, были такие слова, адресованные злой судьбе – они не вошли в канонический текст:

Забытый кров, шалаш опальный,
Ты вдруг отрадой оживил,
На стороне глухой и дальной
Ты день изгнанья, день печальный
С печальным другом разделил.
Скажи, куда девались годы,
Дни упований и свободы,
Скажи, что наши? Что друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где ж молодость? Где ты? Где я?
Судьба, судьба рукой железной
Разбила мирный наш лицей...

[А.С.Пушкин, 1954, Т.2, 485].

В поэме «Полтава» человек один на один с предначертанной судьбой, и никто не в силах помочь ему устоять перед ее ударами:

Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозою,
Не призывай к себе жены.

[А.С.Пушкин, 1954, Т.2, 403].

В противоположность темной силе, – роковой судьбе, которая «преследует», «наказывает», «угнетает», светлая сила «Провиденье», спасает, помогает, «оберегает».

В альбоме дочери Н.М.Карамзина сохранились стихи, написанные А.С.Пушкиным в день ее именин:

Земли достигнув наконец
От бурь спасенных Провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.

[А.С.Пушкин, 1954, Т.2, 30].

В эпилоге поэмы «Цыгане», хорошо знакомой каждому из нас с детских лет, по контрасту с мирными «телегами» и «песнями» тревожно звучат заключительные слова о беззащитности человека перед предначертанной судьбой:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны.
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

[А.С.Пушкин, 1954, Т.2, 372].

Зигзаги судьбы

Судьба как движение жизни, как изменение в положении человека, как вовлеченность его в те или иные события, подарила мне, по крайней мере, шесть периодов истории, как сильно отличающихся друг от друга жизненных циклов. Сначала в узорах и зигзагах личной судьбы был сталинский цикл, освещенный сначала яркими красками солнечного детства и окутанный затем мраком депортации, потом короткий, но вдохновляющий освежающим ветром период Хрущевской оттепели, затем период социального взросления в период относительно сытого Брежневского застоя и, наконец, еще три совершенно непохожих друг на друга и необычных цикла, два из которых – это периоды Горбачевской и Ельцинской неразберихи и, наконец, Путинский период социальной и психологической реабилитации и деинфантилизации.

С понятием судьбы, как свершившихся отрезков жизненного цикла, более или менее ясно. Что же касается будущего, то тут царит глухая ночь. Коротко говоря, я стал субъективным носителем и свидетелем тех перемен и изменений, что произошли на протяжении второй половины XX и начала XXI веков с моей страной, с моим народом, с моей семьей. Еще в одной системе хронологических координат судьба оказалась разделенной на время до депортации, во время депортации и после нее.

В традиционной гагаузской ментальности характерным явлением были попытки предугадать судьбу ребенка. В нашей, например, семье мне приходилось слышать, что если ребенок родился с большой головой, то его судьба будет удачной, а сам он счастливым («кысметли»). На рубеже XIX-XX вв. В.А.Мошков записал поверье, когда гагаузы пытались узнать, будет ли ребенок счастливым в своей жизни, они гадали следующим образом: брали его шапку и держали в ней некоторое время яйца, а потом клали эти яйца под курицу и смотрели, все ли яйца высиделись или не все. Если высиделись все, то ребенок будет счастлив [В.А.Мошков, 1900, №1, С.27].

Однажды в Кирсово я записал рассказ о том, что Дева Мария в редких, исключительных случаях могла одаривать своих тезок во время их беременности способностью предугадывать судьбу ребенка, когда он находится еще в утробе матери. Такая женщина становилась «луфусой» и свои предсказания делала в горячечном бреду таким образом, что потом сама не помнила, что она предсказала и что было ребенку предначертано в его будущей судьбе.

В восточной притче, блистательно, коротко и емко рассказанной И.А.Буниным, в жизненном цикле человека, следовательно, в его судьбе, выделено четыре выразительных периода: человеческий, ослиный, собачий и обезьяний.

Суть притчи-морали заключается в том, что почитаемый на востоке долгожитель предсказывает молодому, заносчивому красавцу его судьбу. Когда Бог сотворил человека, он отпустил ему тридцать лет счастливой жизни. Человеку показалось мало, он выпросил у Всевышнего дополнительно еще пятнадцать лет из жизненного цикла осла, потом еще по пятнадцать лет у собаки и у обезьяны, с условием, что он проживет их подобно жизни перечисленных животных. В конечном итоге «Человек свои собственные тридцать лет прожил по-человечески – ел, пил, на войне бился, танцевал на свадьбах, любил молодых баб и девок. А пятнадцать ослиных лет работал, наживал богатство. А пятнадцать собачьих лет берег свое богатство, все брехал и злился, не спал почти. А потом стал такой гадкий, старый, как та обезьяна. И все головами качали и над его старостью смеялись. Вот все это и с тобой будет, – насмешливо сказал старик красавцу, катая в зубах мундштук кальяна» [И.А.Бунин, 1983. С.440-441].

Выделенные восточной мудростью жизненные дистанции обусловлены физиологически, возрастом человека, но их чередование также неизбежно, как неизбежность предначертанной судьбы (зодии).

Вспоминая жизнь на последней дистанции своего жизненного цикла и рассматривая ее с точки зрения добра и зла, которые приходилось совершать, Л.Н.Толстой выделил

4 отличающихся друг от друга периода: «1) тот чудный, в особенности в сравнении с последующим, невинный, радостный, поэтический период детства до четырнадцати лет; потом второй – ужасный двадцатилетний период грубой распущенности, служения честолюбию, тщеславию и, главное, – похоти; потом третий – 18-летний период, от женитьбы и до моего духовного рождения, который с мирской точки зрения можно было бы назвать нравственным, т.е. в эти восемнадцать лет я жил правильной, честной, семейной жизнью, не предаваясь никаким осужденным общественным мнением порокам, но все интересы которого ограничивались эгоистическими заботами о семье, об увеличении состояния, о приобретении литературного успеха и всякого рода удовольствиями.

И, наконец, четвертый двадцатилетний период, в котором я живу теперь, и в котором надеюсь умереть, и с точки зрения которого я вижу все значение прошедшей жизни, и которого я ни в чем не желал бы изменить кроме как в тех привычках зла, которые усвоены мною в прошедшие периоды» [Л.Н.Толстой, 1951. С.335].

Мои жизненные циклы совпали с теми страницами истории, когда страна переходила из одного состояния в другое, народы утрачивали одни, наработанные веками традиции и ценности и нарабатывали или усваивали наработанные кем-то другим отличающиеся от своих. При переходе от одной эпохи к другой страна становилась маргинальной. Вместе со страной приобретали признаки маргинальности многие ее граждане, а вместе с гражданами и я.

В нынешней литературе маргиналами принято называть людей, оказавшихся на дне социальной структуры общества, люмпенизированных, не добившихся чего-либо путного в жизни и достойных презрения со стороны продвинутых социальных слоев, и со стороны более удачливых соплеменников.

В многочисленных текстах и интернетовских сайтах нет недостатка в выражении отрицательного отношения к мар-

гиналам и маргинальности. При этом мало кто задумывался о таком финале маргинализации, когда человек, переходя из одной в другую культурную систему, воспринимая приемлемые для него ценности второй культурой, сохраняет при этом ценности первой. Оставляя в стороне индивидуальный опыт тех сограждан, которые «вместе со страной» переплавлялись из коммунистов в либералы, из марксизма в евразийство, я беру на себя смелость попытаться рассказать о том, как лично я постепенно становился русским по культуре и своему мировоззрению, оставаясь гагаузом по своей исконной психологической ментальности. Свою жизнь в двух культурах я не считаю неизлечимой болезнью или ударом роковой судьбы. Напротив, она представляется мне скорее благоприятной фортуной, удвоившей мой культурный багаж и жизненный потенциал. Кому, как не мне самому, быть источником и ставить перед собой задачу познания собственного существа в процессе самоуяснения этничности и себя. Как носителя этой самой этничности. И, подобно миллионам моих сограждан нерусской национальности, психологически, скорее по инерции, чем по реальной энергетики, я субъективно продолжаю считать себя гагаузом, хотя объективно не меньше, чем любой русский, пребываю в системе русской культуры и на страницах русской истории, тесно ассоциированной с историей многих других народов, в том числе гагаузов.

Понятно, что в ракурсе такого самоощущения я не могу согласиться с категорическим императивом Л.Н.Гумилева и В.Ю.Ермолаева относительно того, что «никакими усилиями и желаниями не может человек сменить свою этническую принадлежность – каждый принадлежит к какому-нибудь этносу, и только одному» [Л.Н.Гумилев, В.Ю.Ермолаев, 2002. С.466].

Можно было бы согласиться с именитым автором, наделенным недюжинным талантом и буйной фантазией, и его соавтором, если бы речь шла о родителях. Их, действительно, нельзя поменять, тем более отказаться. Но, во-первых, у

человека отец и мать могут иметь неодинаковую этническую принадлежность, во-вторых, человеческое существо рождается этнически нейтральным, и только в ходе социализации обретает ту или иную этническую принадлежность. Этнос – даже, если в нем господствует эндогамия, все же не биологическое, а социальное образование, и обретенная этничность выступает и проявляется совокупностью объективных признаков и субъективного самоощущения.

И, наконец, при самой укороченной периодизации – это два десятилетия до Москвы и пять десятилетий жизни в Москве, включая, разумеется, студенческие и аспирантские годы учебы, и всю последующую жизнь. Вряд ли в эскизных, т.е. в незавершенных зарисовках, почерпнутых в основном из памяти и в меньшей мере из официальных документов и строгих источников, мне позволительно давать какие-либо оценки каждому из выделенных периодов, перечисляя их прелести и горести, обретения и потери, влюбленности и разочарования. Эти наброски памяти, не научный труд, но мой долг сохранить от забвения и уберечь от ухода в небытие не только то, что случилось со мной, но и с талантливыми людьми, встречи с которыми выпали на мою долю по воле судьбы. Я отчетливо понимаю, что условия моей жизни мало благоприятствовали тому, чтобы придать моим воспоминаниям, инициированным моими земляками – Башканом Гагаузии Михаилом Макаровичем Формузалом, Петром Михайловичем Пашалы, Людмилой Владимировной Федотовой и Верой Ильиничной Баловой, тот объем и тот характер, который бывает, когда человек смолоду день за днем ведет свои дневники. Обыкновенная лень и отсутствие в роду у крестьянского сына литературной традиции, а также неуверенность в завтрашнем дне, не позволили мне приводить в порядок и переводить в тексты события из потока повседневной жизни.

Предо мной, как свидетелем смены нескольких эпох, не стоит задача написания истории моего времени и моей деятельности. Единственный мой источник – моя память.

Хотя для регистрации отдельных этапов пройденного пути, мне неизбежно придется прибегать к некоторым документальным источникам. Среди прочих – это полный список опубликованных работ и рецензий на них, перечень занимаемых должностей, как оплачиваемых, так и общественных, список принятых приглашений на пленарные заседания всевозможных конгрессов, форумов и конференций, в том числе международных, в которых я принимал участие или подготовил и опубликовал тексты докладов и, наконец, я позволю себе представить читателям копии нескольких моих писем, отправляемых в разные годы мной моей любимой учительнице истории – заслуженной деятельнице народного образования, автору нескольких щемящих книг-воспоминаний («Учителями славится Зауралье», «Очерки по истории народного образования» и др.) Постоваловой Ульяне Илларионовне, с которой меня связывала более чем 40-летняя переписка и дружеские встречи в Москве и в Каргаполье.

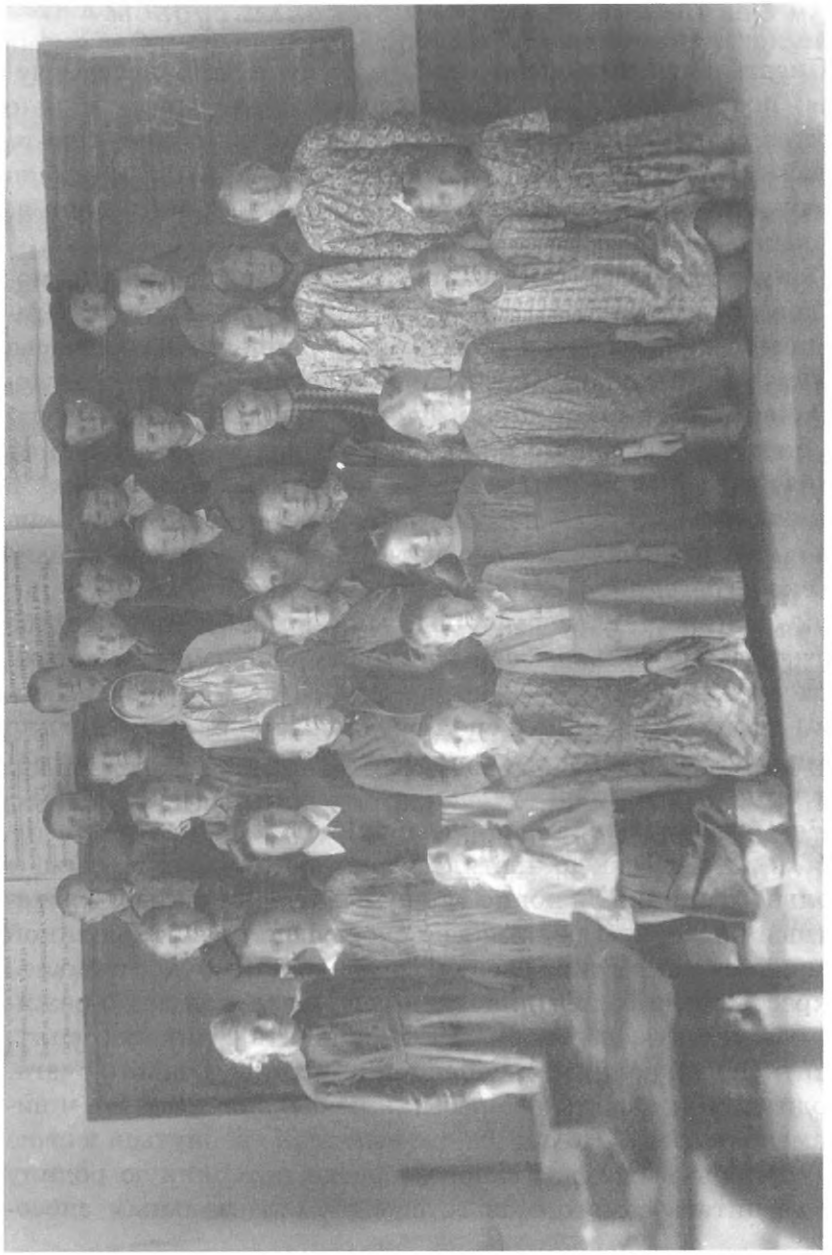
Поскольку часть воспоминаний личного порядка не документирована, я, как историк по базовому образованию, стараюсь избегать каких-либо ответственных выводов, требующих документальной аргументации. Следовательно, я заранее прошу прощения у читателей за то, что мои воспоминания окрашены чисто личным освещением. «В этом их, – как принято считать среди мемуаристов, – большой недостаток, но зато, быть может, и некоторое достоинство» [В.Н.Коковцев, 1991. С.35-36].

Осколки памяти, как осколки судьбы

Писать автобиографию на 7-м десятке лет, когда «человек подобен актеру, который сидит среди зрителей и с грустью смотрит, как его любимые роли исполняет кто-то другой» [Большая книга афоризмов. М., 200. С.804], надо сказать, довольно грустное и вместе с тем, как оказывается, увлекательное занятие.

Психологическая разорванность и противоречивость моего довзрослого бытия состояла в том, что испытания, доставшиеся на долю моих родителей, – лишение в одночасье всей нажитой собственности, психологическое унижение, граничащее с уничтожением души, социальное четвертование, подобное распятию или распластованию, обездоленная судьба, лишь косвенным образом коснулись меня, так как в силу социокультурной недозрелости в детские и отроческие года я не мог вникнуть и осознать масштаб и глубину родительской трагедии. Предельно критическая ситуация, в которую были поставлены мои родители, в моей личной судьбе смягчалась не только моей социальной инфантильностью, обусловленной возрастом, но и могущественным благотворным влиянием Каргапольской средней школы, пребывание в стенах которой оказалось чрезвычайно полезным для мобильного вектора моей судьбы.

Незабываемые времена, совпавшие со школьными годами, – это жесткое противостояние сталинской тьмы и школьного сияния “в конце туннеля”. Слепые силы и безжалостные институты режима, не способные править великой страной без репрессий, грозили раздавить любую личность, обокрасть среди белого дня, (как говаривал мой дед о режиме), обесчестить, обесценить и испепелить духовную силу, лишить людей родины, жизненной пружины, родного очага. У родителей и маленького ребенка не было сил менять и видоизменять среду. Но судьба дала им шанс вернуться в свою среду, чтобы выжить и заново обрести потерянную родину или воспитать самого себя готовым к оптимальным спосо-



Наш 5 класс, 1951 г.

бам адаптации к меняющимся условиям жизни, сохраняя при этом свою этничность. Открытое советское общество во второй половине XX-го века, особенно в период Хрущевской оттепели, давало шанс на участие в естественном отборе как социальной селекции, и в самостоятельном выборе судьбы.

Реализацией этого шанса стало, в частности, мое бегство из района депортации и самовольное возвращение (без родителей) к себе на родину в Гагаузию. В противном случае, если бы я вернулся в Каргаполье, в край, который я успел, благодаря школьной сфере, полюбить, мне была бы предуготована судьба неизбежной этнической ассимиляции, подобная той, что случалась с гагаузами, переселившимися в степи Казахстана в начале XX века в потоке мигрантов в ходе Столыпинской реформы.

Мне уже приходилось рассказывать о судьбе этнонима гагаузов в с.Майское (сегодня – часть г.Ташкента), которых в конце 1930-х годов записали болгарами, сняв с них таким образом несправедливое лишение гражданских прав, вытекавшее в те времена из их подозрительного этнического происхождения: тюркоязычные православные. Пожилые люди в начале 1960-х годов, официально записанные в паспортах болгарами, хорошо сохранили не только гагаузский язык и свою гагаузскую этническую идентичность, но и могли воспроизвести песни и танцы своих гагаузских предков, переселившихся из Буджакских в Казахские степи в начале века.

Вместе с тем молодое поколение уже считало себя русскими и не владело гагаузским языком. Один из подписчиков газеты на гагаузском языке «Ана сёзў» из Казахстана в письме в редакцию этой газеты сетовал на свою горькую судьбу («Истеерим сеслейаясиниз бир гюч аннатмак»), состоявшую в смене своей этнической принадлежности. «Мои родители, – писал он, – родом из Бессарабии. В детстве они были высланы («ушаккана оннары калдырмышлар») в тургайские степи Казахстана. И сегодня в Казахстане проживает множество гагаузов, – продолжал он свой вопрос, свои наблюдения и размышления, – но... и это не дает мне покоя,

ни один из них не числится гагаузом. Казахстанские гагаузы в паспортах записаны русскими или болгарами. Так, например, родители автора письма записаны русскими, а он сам – болгарином. Но автор настойчиво подчеркивает, что он с детских лет знал, что вся его семья называла себя гагаузами и разговаривала в семейном быту на гагаузском языке. Вероятно, допускает далее автор, что казахстанских гагаузов назвали болгарами по месту прежнего обитания, по той причине, что они выходцы из Болгарии [Ангельчев Степан Петрович. Биз 197 164 ми оса? // Ана сёзў, 1990. Апрелин 21-си].

Эта бесхитростная этническая исповедь человека с пробудившимся этническим самосознанием, с точки зрения этнологической теории, дорогого стоит. Он вполне корреспондирует, в частности, с типологически сходной ситуацией в судьбе спецпереселенцев, рассеянных в ходе депортации 1949 года по районам Курганской области, где всех жителей из Республики Молдова – болгар, гагаузов, молдаван – называли «молдаванами».

Радость и грусть связаны воедино, особенно в том случае, когда эти осколки памяти всплывают в кардиологическом санатории, где запрещена любая физическая работа и сколько-нибудь серьезная интеллектуальная деятельность. Воспоминания не запрещены врачами, а остановить их или отказаться от своих мыслей невозможно. Короче говоря, старость и сопутствующие ей болезни – неизбежны, а вместе с ними неизбежны воспоминания, в чем-то радостные, в чем-то мучительные, в чем-то идеализированные.

Во всяком случае, нет ощущения особой обремененности радостью и вдохновением, когда пишется книга не о себе, а, например, о селе, или о соседнем народе. Грустно не потому, что в тумане времени рассеиваются многие, подчас не самые главные радости жизни, хотя их гораздо больше, чем горестей. Эгоизм затеи состоит в том, что все меньше и меньше живых свидетелей, сверстников, людей школьного и студенческого поколения, с которыми интереснее всего и желаннее

всего было бы поделиться пережитым временем, сопоставить сложившиеся траектории жизни и судьбы. Это как в хорошей компании при разгоревшемся застолье или у ночного костра, когда один рассказанный анекдот или красивая байка, по цепной реакции, рождает одну-вторую-десятую.

Кроме того, взявшегося за воспоминания всегда подводит шаловливая память, без всякого злого умысла склонная к приукрашиванию всего того, что случилось. Как чистосердечно признался один из поэтов:

«Всяк нынче бредит мемуарами,
Припоминает без прикрас,
А все же лентою муаровой
Нет-нет, да выглядит рассказ»

[НГ-EX Libris. 2008, 14 февраля]

Как говорится, «правда генералов» не всегда совпадает с «с окопной правдой».

Чтобы радость автобиографических затесей была более полной и осмысленной и оживляющей, надо, чтобы были живы свидетели того, о чем вспоминается на финише жизни. Нужны живые свидетели, живые соучастники тех дней, тех счастливых минут, которые всплывают в памяти, как по цепной реакции, когда одного из оставшихся в живых вызывают дополнительно детали тех же событий, ситуаций, ссор, обид, примирений, любви и дружбы.

Потребность в живых современниках – читателях и слушателях – еще важнее и по той тривиальной причине, что воспоминания молодости, перенесенные на бумагу, нужно предохранить от чрезмерного глянца. Не у каждого пишущего о себе хватает мужества сбалансировать светлые и темные стороны своего жития-бытия, памятуя известные слова горячо любимые Константином Бальмонтом: «В чем Великий завет бытия?»

Хотя шум крушения старого мира, его ценностей, принципов и норм А.Блок принял далеко не однозначно, его

«Двенадцать» нельзя не признать иронической вещью. В иронии Блока было скрыто недоверие, подозрение к разрушительной силе революции, сметающей подобно талым водам «грамматику» прежней жизни. Трагедия Блока как художника в конце концов свелась к тому, что от старой дореволюционной культуры он не отказался. Новой не создалось» [Виктор Шкловский, 1990. С175].

Я никогда не задумывался о своей судьбе как о некоей заранее заданной стратегии или кем-то свыше предопределенной линии жизни. Судьба всегда для меня была чем-то случившимся, свершившимся. Если случалась какая-либо беда, мать всегда утешала, хорошо, что случилась такая, могло бы быть что-то еще хуже.

Полное отсутствие какой-либо веры в предопределенное будущее, по-видимому, было связано с тем, что в школьные и студенческие годы из меня полностью выкорчевали религиозную веру, хотя я и был крещен, имел крестных мать и отца.

Суть книги «Жили-были», которую Виктор Шкловский писал, по его словам, в продолжении всей долгой литературной жизни, он объяснил следующим образом: «Это будет рассказ о судьбе – не о том, как должен был жить человек, а о том, как он жил» [Виктор Шкловский, 1964. С.8].

Несмотря на черную тень депортационного времени, я все же считаю судьбу свою чередой удач: вхождение в состав 5а класса, в котором вели уроки истории, русского языка и литературы самые квалифицированные и талантливые, лучшие учителя Каргапольской средней школы, многолетняя дружба с директором этой школы смелой и мужественной Ульяной Илларионовной Постоваловой, поступление в Кишиневский государственный университет и знакомство с выдающимися преподавателями этого университета – проректором Виссарионом Константиновичем Тотровым и моим первым научным руководителем Иваном Ивановичем Мещерюком, инициировавшим вместе с В.К.Тотровым мой переход в МГУ, и, наконец, сказочные годы учебы на кафедре этнографии исторического факультета МГУ, где я слушал незабываемые лекции ученых с мировым именем С.А.Токарева, Н.Н.Чебоксарова, М.Ф.Нестурха, Е.М.Мелетинского, писал сначала дипломную, а затем кандидатскую диссертацию под руководством профессора Г.Е.Маркова и ездил с ним в этнографические экспедиции и в познавательные поездки по городам Российской Федерации и бывшим прибалтийским республикам.

Итак, мне в жизни сильно везло. Так, например, случилось на одном из перехлестов моей судьбы, когда я переходил из Тамакульской начальной школы в восьмилетнюю школу, что была расположена в районном центре с.Каргаполье в нескольких километрах от села, в котором я учился в 3 и 4 классах. Везение состояло в том, по счастливой случайности, я попал в 5 а класс, который по ряду причин и обстоятельств считался элитным и головным. В него были собраны дети каргапольской элиты и дети из ближайших деревень, окончившие начальную школу с похвальной грамотой «за отличные успехи и примерное поведение».

В 2007 году, в год 50-летия 10 «А» класса Каргапольской средней школы, я не смог принять участие в торжествах, хоть тщательно готовился сильно мечтая и очень хотелось повидаться со своими одноклассниками, с которыми я не виделся после 25-летнего юбилея. В год, объявленный Президентом России В.В.Путиным Годом русского языка, мне пришлось не менее десятка раз выступать с докладами о русском языке на всевозможных конференциях, симпозиумах, конгрессах, в том числе международных. Кроме того, наш традиционный VII-ой Конгресс этнографов и антропологов России, который планировался в начале июня 2007 года в г.Саранске, был перенесен на середину июля, в связи с проведением в июне Всемирного фестиваля культуры финно-угорских народов, на котором присутствовал Президент Росии В.В.Путин. Однако разговоров о поездке в Каргаполье и Тамакулье – на мою вторую родину, в этот год было много.

Даже неожиданно возник вопрос, почему, я – единственный мальчик из Тамакульской средней школы – попал в

восьмилетнюю Каргапольскую школу в элитный 5а класс, в то время как все мои сверстники из с.Тамакулье были распределены в 5 б, 5 в и 5 г классы.

Татьяна Ивановна, моя жена, выпускница одной из элитных московских школ, выпускница мехмата МГУ, кандидат технических наук, вспоминала, что в Москве при формировании 5-х классов, в 5 а попадали дети московской элитной интеллигенции и высказала вполне логичное предположение, что дирекция Каргапольской средней школы, распределяя по классам детей из окрестных сел, действовала по сходному принципу: в 5 а попадали хорошо успевающие ученики, или дети местного начальства. Вероятно, эта в чем-то справедливая гипотеза и сыграла важную роль в моей школьной судьбе, и я попал в руки лучших из лучших учителей Каргапольской средней школы. У меня действительно по итогам Тамакульской начальной школы была похвальная грамота «За отличные успехи и примерное поведение».

Но не исключено, что определенную роль в этом важнейшем для меня событии – переходе в 5 класс, сыграла сообразительность моих родителей. В послевоенных деревнях, как известно, свирепствовал педикулез, и все дети, приходящие в Каргапольскую семилетнюю и среднюю школы, должны были проходить медосмотр. Я, конечно, не помню результатов этой процедуры, проделанной со мной. И была ли у меня соответствующая справка на сей счет. Но скорее всего, итог осмотра оказался позитивным, таким же, скажем, как летом 1942 года для Сергея Образцова, когда ему понадобилась справка в билетную кассу из санпропуска, дающая право на приобретение билета, чтобы проехать из Новосибирска в Москву. Справка, приведенная в книге воспоминаний Сергея Владимировича гласит: «Дана сия заслуженному артисту Республики Образцову С.В. в том, что при обследовании на вшивость у него вшей не оказалось». В общем-то, – иронизирует на склоне лет Сергей Владимирович, – даже както не очень понятно, это хорошо, что «не оказалось», или плохо. Ну так или иначе, и у меня, – продолжает он свой

рассказ, – и у всех наших артистов «не оказалось», значит нам продали билеты, и мы поехали в Москву» [Сергей Образцов, 1987. С.177-178].

Перед тем как отправить меня на медосмотр в связи с переходом из начальной в семилетнюю школу, я был наголо острижен, одет в исключительно новое, только что купленное одеяние, в том числе в ботинки, явно рассчитанные на вырост. Расчет родителей оказался безупречным. Со стороны медицины не оказалось никаких возражений в зачислении меня в 5 а класс с элитным составом учащихся.

Между прочим это стало одним из решающих поворотных моментов в моей ученической и последующей судьбе. Именно в этом классе вели уроки самые высококвалифицированные, лучшие учителя Каргапольской школы. Так, в старших классах, когда мы всем 5 а классом перешли из восьмилетней в среднюю школу, уроки по истории вела директор Каргапольской средней школы, впоследствии заслуженная учительница Российской Федерации, Постовалова Ульяна Илларионовна.

Трудно найти слова благодарности, чтобы в полной мере выразить ей мою признательность за более чем 40-летнюю с ней дружбу и вдохновляющую переписку. Она почти ежегодно бывала у меня в гостях в Москве, проезжая через Москву на отдых то в Крым, то в Египет, то на курорты и в санатории других стран и других регионов Советского Союза.

Последний раз она была у меня дома в Москве в День 850-летия г.Москвы. И поздним вечером не без приключений, через бушующую в праздничном экстазе Москву я провожал ее, уже слабенькую физически, но сильную духом, к ее сыну Володе Моисееву (второй супруг Ульяны Илларионовны – Никандр Исаевич Моисеев неоднократно избирался первым секретарем Каргапольского райкома партии).

И хотя она была уже старенькая, но глаза ее были молодые, как в те далекие годы, когда она увлеченно рассказывала и о пирамидах Хеопса, и о восстании на броненосце «Потемкин».

ЛИТЕРАТУРА

1. Konstantin Vasilioglu. Masal dünnesi (Poveşti), Ştiinţa. Chişinau, 2008.
2. Ангельчев Степан Петрович. Биз 197 164 ми оса? // Ана сёзў, 1990. Апрелин 21-си.
3. Арабов Ю. Об интеллигенции и скотском хуторе // Аргументы и факты. 2008. №35.
4. Блок А.А. Собрание сочинений. Том первый. Москва-Ленинград, 1960.
5. Бунин И.А. Рассказы. М., 1983. С.440-441.
6. Baboglu I.İ., Baboglu N.İ., Vasilioglu K.K. Gagauz dili hem literatura. Chişinău, 2003.
7. Виктор Генов, Эммануил Кырмызы. Русско:-гагаузский-турецкий-румынский словарь-полиглот. Бухарест, 2005.
8. Гагаузские народные сказки. Составление и перевод с гагаузского П. Чеботаря. Кишинев, 1998.
9. Гагаузско-русско-молдавский словарь. 11500 слов. Составители Г.А. Гайдаржи, Е.К. Колца, Л.А. Покровская, Б.П. Тукан. Под редакцией Н.А.Баскакова. М., 1973.
10. Гагаузско-русско-румынский словарь. Составители: Петр Чеботарь, Ион Дрон. Редактор Иванна Банкова. 12000 слов, Chişinău, 2002.
11. Губогло М.Н. Языковые контакты и элементы этнической идентификации. М., 1973.
12. Губогло М.Н. Языковые контакты и элементы этнической идентификации. М., 1973.
13. Гумилев Л.Н., Ермолаев В.Ю. Горе от иллюзии // Основы евразийства. М., 2002.
14. Дьячук Иван. Волшебник красок. // Вести Гагаузии. 2003. 21 октября.
15. Карачобан-Марин Л.Д. Неизгладимые впечатления // Вести Гагаузии. 2004. 20 августа. С.6
16. Коваль Борис. Смыслы жизни (мнения и со-мнения). М., ООО «Северопринт», 2001.
17. Коковцев В.Н. Из своего прошлого. Воспоминания. 1911-1919. М., 1991.
18. Куроглу С.С. Кызгын чийлäр. Кишинев, 1974.
19. Куроглу С.С. Родословное древо. Стихи, поэмы. Кишинев, 1928.
20. Люленова Е. Новые книги Н.Бабоглу // Вести Гагаузии. 2003. 4 ноября.
21. Мановъ А. Потеклото на гагаузите. Техните обичаи и нрави. Варна, 1938.
22. Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сборник в честь Юрика Варнатовича Аратюняна. Отв. ред. М.Н.Губогло. М.:Наука, 2005.

23. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. II. Родины и крестины. // Этнографическое обозрение. 1900. №1. С.17-34.
24. Образцов Сергей. По ступенькам памяти. М., 1987. С.177-178.
25. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.Радловым. Часть X. Наречия бессарабских гагаузов. Тексты собраны и переведены В.Мошковым. II-е прибавление. Словарь языка бессарабских гагаузов. С-Петербург, 1904.
26. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Том 1, 2. Изд-во «Правда». М., 1964.
27. Русско-турецкий словарь. 47000 слов. Составители Э.М.-Э.Мустафаев и В.Г.Щербинин. М., 1972. С.300.
28. Солженицын Александр. Аргипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Том V-VI-VII, Вермонт-Париж, 1989.
29. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в четырнадцати томах. Том первый. Детство. Отрочество. Юность. М., 1951.
30. Шкловский Виктор. Гамбургский счет. Статьи – Воспоминания – Эссе. 1914-1933. М., 1990.
31. Шкловский Виктор. Жили-были. Воспоминания. Мемуары. Записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1962 г. М., 1964.
32. Шрайбер Э. Сименон и страна детства // Жорж Сименон. Мегре сердится. Повести и рассказы. М., 1975.

4. ХОРУ: МИР ТАНЦЕВАЛЬНО-ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

За последние 50-60 лет в этносоциальной жизни, в том числе и в повседневных семейных, общественных отношениях гагаузов, а также в формах их межличностных коммуникаций, произошли огромные необратимые изменения. Новейшие инновации в ряде случаев полностью заменили прежние институты и традиции. Так, например, вместо традиционной встречи молодежи на Хору («Хору Ери») по воскресеньям при дневном свете, сегодня гремит музыка в ночных дискотеках, отшумели и канули в небытие классические ярмарки по четвергам в Чадыр-Лунге и по вторникам в Комрате, благодаря которым в середине прошлого века четверги в Чадыр-Лунге и вторники в Комрате были больше «воскресеньями», чем сами воскресенья. Почти полностью заглохли общесельские и межсельские курбаны (праздники с жертвоприношениями), сохранившись лишь в отдельных селениях в виде курбанов, организуемых одной семьей или в кооперации с двумя-тремя соседями.

Я не уверен, насколько адекватно сохранила моя память те формы хозяйственных, бытовых и праздничных коммуникаций, что я наблюдал в раннем детстве. Однако из церемониальных коммуникаций, мне кажется, прежде всего я хорошо помню хору, как групповую танцевально-игровую традицию, местом для проведения которого служила часть лугового пространства между речкой Лунгой, там, где она делала крутую дугу, и участком железнодорожной линии, соединяющей Кишинев и Рени. Хотя я понимаю, что прошлое в моих видениях не лишено черт «искусственного продукта современности».

В классическом виде это хору я наблюдал, вероятно, где-то в 4-5-летнем возрасте и частично в первые послевоенные годы накануне депортации нашей семьи в 1949 г. На хорошо вытоптанной площадке, специально выбранном месте,

молодежь и люди среднего возраста обычно собирались в три круга. В самом центре малого круга находились музыканты. Наряду с традиционным барабаном – королем тогдашнего гагаузского оркестра – обязательно были скрипка, чыртма (маленькая дудка) и кавал (флейта).

В данном случае за достоверность рассказа из моего доисторического детства я ручаюсь тем, что, во-первых, звук барабана, как короля гагаузского оркестра, по воскресным дням доносился до нашего дома, а, во-вторых, когда я наблюдал хору со своего хармана (армана) – у большинства гагаузов – «отдаленная от дома часть двора» [В.А. Мошков, 1902], в усадьбе нашей семьи – отдельная от двора круглая и ровная площадка (гумно, ток) для обмолота урожая. Меня и хору хотя и разделяла речка Лунга, но расстояние от наблюдательного пункта с пригорка нашего армана до Хору не составляло более полукилометра. Разумеется, я не помню и не различал тогда, какие именно мелодии и танцы – молдавские, болгарские, гагаузские, русские – были в репертуаре Чадыр-Лунгского хору.

Впервые перечень основных гагаузских танцев, исполняемых на хору, был приведен в начале 1930-х годов в работе Михаила Чакира «История гагаузов Бессарабии», опубликованной сначала в Кишиневе на румынском языке в журнале «Viaţa Basarabei» (1933, № 9; 1934, № 5), затем отдельной книгой на гагаузском языке (1934), и повторен в кандидатской диссертации М.П. Губоглу «Găgăuzii în Lumina istoriei» («Гагаузы в свете истории»), защищенной в 1938 году в Черновицком университете [Mihail Ciachir, 1934, 2007; Mihail Gůboglu, 1938].

По свидетельству Михаила Чакира, наиболее популярными танцами среди молодежи являлись «düz horu», «moldovan horusu», «bulgarca», «blanaräska», «çernouska», «çıfıtça», «hardal», «susueak», «padureţ», «yılan horusu», «prava hora». Кроме этих 11 танцев, юноши и девушки танцевали «kadınca», «ţıganca», «kazaçok», «ayı oynusu», «tavşam oynusu» и некоторые другие [Mihail Ciachir, 2007. P. 97; Mihail Guboglu, 1938. P. 368].

Позднее, во второй половине 1960-х годов, краткий список исполняемых мелодий во время хору перечислил и даже зарифмовал гагаузский просветитель – известный писатель, поэт, композитор, дирижер Д.Н. Танасоглу в знаменитом стихотворении «Генч пазары» (Праздничный день молодости»), опубликованном в сборнике «Чал тӯркӯм».

«Молдованжа», «Дӯз ава»,
Бир «Кадынжа», бир «Кундак»,
Бир «Туканжа», «Ӯч айак»,
«Чингенейжä», «Краковяк»,
Тä «Русäска», «Полька» тä,
Бир «Чекиргя» биткидä.

[Д.Н. Танасоглу, 1966;
Цит. по: П.А. Чеботарь, 1933. С. 20-21].

По моим воспоминаниям, в полнозвучном музыкальном сопровождении гагаузского хору в Чадыр-Лунге с особой отчетливостью слышится звук барабана. Однако в этнографических трудах, в том числе в знаменитой монографии В.А. Мошкова, а также в художественных произведениях современных гагаузских авторов в перечне музыкальных инструментов, звучащих на хору, барабан часто не упоминается. Между тем, в одном из популярных рассказов, записанных В.А. Мошковым в конце XIX в. у бессарабских гагаузов и более похожим на байку или легенду, чем на сказку, повествуется о танцах русалок, происходящих в поле на ночь глядя. Этот шабаш происходил в праздник Святого духа («русальная неделя»), который начинался в понедельник на следующий день после Троицы: Сӧлер бир адам, о кӯчӯккäн вармыш оники јашында, онун кардашы-да он јашында. Гидерлäр икиси кojун ґӯтмää русалии јортуларында. Да аушам ӯстӯ чыкајор бир адам бир айак ӯстӯндä. Да о адамын вармыш бир стынжанын бojу, кафасы да демирли-кадар бӯӯкмӯш. Да башламыш кавал чалмаа. Бир да чыкмыш кӯчӯжӯк бир аршын-кадар бojу, кафасы демирли-кадар, о да даул дӯвäрмиш [В. Радлов, 1904. С. 3].

«По рассказам одного человека, когда он был малолеткой, два братца, одному из которых было всего двенадцать, а другому десять лет, отправились пасти овец в день «Праздника Русалии». Когда стало вечереть, они увидели, как из могилы вышел огромный человек с головой с размером с «демирли» (деревянная кадушка, окованная железными обручами емкостью до 22 кг зерна – М.Г.) и начал играть на флейте. Вдруг появился маленький человечек, но с головой с «демирли» и начал бить в барабаны» (Перевод М.Н. Губогло).

Приведенная легенда была дословно заимствована в 1930-е годы болгарским исследователем А. Мановым [А.И. Мановъ, 1938. С. 75], но не из книги В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», как считает Е.Н. Квилинкова [Е.Н. Квилинкова, 2005. С. 68], а из 10-го тома серийного издания «Наречия тюркских племен» [Образцы народной литературы тюркских племен, 1904. С. 33]. В одном из рассказов С.С. Булгара «Бийаз гелин» («Невеста в белом») свадебный кортеж с невестой встречают в доме жениха под торопливый барабанный бой и звуки приветственной мелодии, исполняемой «профессиональными» певцами [С.С. Булгар, 1990. С. 203].

Красочность и даже некоторую фестивальную торжественность хору, как праздничной акции, придавали яркие одежды юношей и девушек, сочетание белых шелковых платков и черных или серебристых каракулевых шапок в холодную погоду и круглых войлочных шляп с полями (паралия) – в теплую. Красочность нарядов и задор юности производили сильное, неизгладимое впечатление. От хору веяло жизнерадостной колдовской силой и вдохновляющей энергией.

Отсутствие на хору полюбившейся девушки трагически воспринималось ее возлюбленным. Согласно народной частушке, записанной С.С. Курогло, посещение хору означало «выход в свет», подобно первому балу Наташи Ростовой, как ее первому «выходу в свет».

«Нар аажына чий дӱшмӱш, –
Йапражыы йылмазланмыш.
Йӓрим форуйа чыкмамыш –
Олмалы, о назланмыш»

[Маанелер, 1998. С. 38].

«На гранатовое дерево выпала роса,
Листочек дерева студеным сделала она.
Любимая моя на хору не вышла,
Не капризной стала ли она?»

(Перевод М.Н. Губогло)

Несколько иную конфигурацию гагаузского Хору и его функциональное предназначение изобразил прекрасный знаток истории своего родного края, нравов и обычаев гагаузского народа – известный писатель Николай Игнатьевич Бабоглу. В своем панорамном эпическом полотне, посвященном досоветской жизни гагаузского села Копчак в два предвоенных года, он описал импровизированное, не предусмотренное традицией хору, которое состоялось после первого сельского схода, в момент установления советской власти, на котором были избраны члены сельсовета. Нас в данном случае больше всего интересует композиционное сходство хору в двух разных селах: в Чадыр-Лунге (по моим воспоминаниям) и в родном селе Бабоглу – Копчаке.

«Внутри круга, – завершает свой рассказ о копчакском хору Н. Бабоглу, – сделан второй, а внутри второго – третий. Самый большой круг двигался медленно, второй немного быстрее, а третий еще быстрее» [Н. Бабоглу, 1986. С. 77].

Запомним этот трехслойный круг и воздержимся от каверзного вопроса: «Как под одну и ту же мелодию каждый круг двигался в разном темпе?». Отнесем сообщение об этом в счет редакционной шероховатости. Важнее общая этнографически воспроизведенная картина хору, как коммуникационного праздника.

«После собрания, – продолжается документальный рассказ в повести Н. Бабоглу, – люди не расходились. Пришли сельские музыканты: кларнетисты Кеор Симу и Азманка Тоди, скрипачи Стоюнун Митиси и Чингеня Тодур, барабанщик Тодор Модаларын. Без них не происходило ни одно событие в Долукиойе. Музыканты играли не отдыхая, переходя от одной мелодии к другой. Дюзава сменилась калгымайжой, затем пошла маарамжа, кадынжа, солдатча (названия гагаузских народных танцев), и так без конца. Пары старались переплясать друг друга – то плавно, грациозно, то до буйства энергично, весело, шумно, высоко подпрыгивая. В самом центре площади плясали знаменитые на весь Буджак исполнительницы народных танцев Модаларын Маринка, Станилерин Санди и другие, притоптывая ногами, пощелкивая пальцами и хлопая в ладоши. Молодежь старалась не отставать от них, танцуя изящно и стремительно, а зрители подбадривали их возгласами и аплодисментами. Вскоре в танец были вовлечены все присутствующие. Круг стал таким огромным, что на площади не хватало места» [Н. Бабоглу. 1986. С. 77].

В современной литературе о гагаузах и их традиционной культуре, в частности, в публикациях Е.Н. Квилинковой и в полевых записях С.С. Курогло приводятся отдельные сведения о хору, но этот красочный полифункциональный праздник трактуется не как один из важнейших институтов соционормативной культуры гагаузов, не как общепризнанный народный университет по этнопедагогике, а явно на более заниженном уровне, лишь как синоним танцев. Такое усеченное понимание смысла, содержания и сценария социо- и этнокультурного значения хору, как мне думается, несовместимо с бытовавшей до середины XX века реальностью – по крайней мере на примере опыта Чадыр-Лунги.

Кроме того, в трудах Е.Н. Квилинковой обнаруживается, в явной или скрытой форме, стремление представить хору составной частью ярмарок (панаиров) или вмонтировать хору в систему религиозных, общесельских или межсельских

праздников, что вольно или невольно умаляет общественное значение и место, занимаемое хору в светской традиционной культуре и в жизнедеятельности гагаузов, находящейся под влиянием православия, но не подчиненной целиком и полностью религиозным канонам. Напомним попутно, что согласно описаниям В.А. Мошкова, не хору выступало частью ярмарки, а базары устраивались как приложение к хору.

«Если случится в праздничное время посетить гагаузское село какому-нибудь чужеземцу, то и он придет на хору ери вместе со своими знакомыми. Тут же устраивается и базар, если он бывает в селе» [В.А. Мошков, 1900. С. 71].

Однако, листая страницы публикаций Е.Н. Квилинковой, не будем голословными... Во время межсельских праздников, как свидетельствует Е.Н. Квилинкова, варненские гагаузы во время празднования Хедерлез (День Святого Георгия 23 апреля/5 мая), не уступающем по религиозному календарю Пасхе, проводили в течение трех дней ярмарки (панаир, сбор). «Во время сборов – приведем ее сообщение еще раз дословно, – устраивали народные гулянья, танцы (хору) (подчеркнуто мной – М.Г.), состязания по борьбе (гюрешмяк), скачки (бейгир кошусу), ярмарки».

В докладе на международной конференции «Разнообразие культурного выражения в традиционной жилой среде», состоявшейся в г. Кишиневе 2-4 августа 2007 г., Е.Н. Квилинкова свое наблюдение по варненским гагаузам смело экстраполировала на традиционную культуру всего гагаузского народа. Снова обратимся к цитате. «На общесельские и межсельские праздники, – как обобщается в опубликованном тексте доклада, – приезжало много гостей из сельских сел, а также родственники. По окончании молебна начиналось пиршество, после которого устраивались танцы (хору) (подчеркнуто мной – М.Г.), спортивные состязания – скачки (кошу), борьба (гюреш), театрализованное представление ряженых, ярмарки (панаир) и др.» [Е.Н. Квилинкова, 2007. С. 306].

Как видно из приведенного, емкого по смысловой нагрузке, описания, обрядность нескольких традиционных институтов, имеющих вполне самостоятельную нишу в контексте соционормативной культуры гагаузов, сведены воедино: религиозный праздник Храма, празднование Хедерлез (день Святого Георгия), хору и ярмарка. Поистине: «Все смешалось в доме Облонских».

Согласно полевым записям, и, очевидно, смею предположить, по воспоминаниям С.С. Курогло, «до установления Советской власти жители сел Дмитровка (родное село С.С. Курогло – М.Г.), Александровка (бывший Сатылык – Хаджи), Ново-Трояны, Огородное (бывший Чиишия) продолжали устраивать традиционные «сборы». При этом дата их проведения была приурочена к одному из календарных дней, «и в соседних селах знали, когда и в каком селе, по традиции, должен быть проведен сбор». Из этого следует, что в результате запрета Церкви место проведения сборов переместилось с почитаемого камня, находившегося на меже этих сел, в границы одного из сел (поочередно). Кроме того, дата его проведения каждый раз могла меняться. Вместе с тем, сохранилось прежнее содержание «сборов», составной частью которых были спортивные состязания (борьба, скачки), танцы (хору), ярмарки» [Е.Н. Квилинкова, 2007. С. 315-316].

Итак, на основе имеющейся у Е.Н. Квилинковой и С.С. Курогло информации, слова хору и танцы, выступая синонимами, отражают суть одного и того же явления. Мои воспоминания о Чадыр-Лунгском хору ограничены только моим опытом. До 1949 г. я, будучи ребенком, никуда, кроме с. Кирсово, где жили мои дедушка и бабушка с материнской стороны, не выезжал. Поэтому несовместимость моих личных представлений о хору, как об особом Хору ери (место проведения хору), как о рынке невест и, следовательно, как особом институте соционормативной культуры, ограничена опытом только двух смежных сел (Чадыр-Лунги и Трашполи) и поэтому не экстраполируется на другие села Буджака. Тем не менее опыт Чадыр-Лунги однозначен: танцы без хору могут иметь место сколько

угодно, где и когда угодно, но хору без танцев не бывает. Не исключено, что танцы гагаузов бывали и в поле, и на меже или у святого камня, или источника (чешме), возле церковного забора, на окраине села, на перекрестке дорог, по ходу свадебных процессий и предбрачных церемоний молодежи и т.п. Чадыр-Лунгское хору проводилось только по воскресениям и только на заранее определенном, постоянном, одном и том же месте. Между прочим, именно таким, как в Чадыр-Лунге в середине XX в., функционировал хору на рубеже XIX – XX вв. в селе Бешалма, согласно описаниям В.А. Мошкова.

В каждом гагаузском селе, – читаем в непревзойденном по богатству этнографическом источнике – монографии В.А. Мошкова, – есть раз и навсегда назначенное место для Хоровода или, как его здесь называют, Хору. Место это называется Хору ери. Оно всегда бывает на самой большой площади села, в центре его, около церкви, но не в ее ограде» [В.А. Мошков, 1900. С. 70].фото 3 (хору в с. Бешалма (по В.А.Мошкову)

В информативной и ценной с информативной точки зрения таблице «Сравнительный материал по календарным праздникам, обычаям и обрядам гагаузов Болгарии и Молдовы», приложенной к одной из книг Е.Н. Квилинковой, хору и танцы также толкуются как синонимы» [Е.Н. Квилинкова, 2007. С. 227].

Хору: прошлое и настоящее

Хору как принадлежащая XIX и XX вв. традиция, как эффективный институт социализации и этнизации, весь в брызгах веселья и радости, хору как парад мод и нарядов, как рынок невест и женихов, угасал на глазах практически в жизни одного (моего) поколения. Я не помню, чтобы хору кто-либо по-большевистски отменял или запрещал. Но его никто из власть имущих и не поддерживал. Принято считать, что «судьба переменчива: плохие дни чередуются

с очень плохими». Однако судьба хору исторически была предопределена и предрешена урбанизацией, интеллектуализацией, накрывшими гагаузское сообщество, как волны цунами, все сметающие на своем пути.

В первые поствоенные годы в Чадыр-Лунге ходили слухи, что при вступлении в комсомол надо отрекаться от веры в Бога и, в доказательство своего отречения, непременно топтать икону. От хору никто не заставляет отказываться. Но юноши и девушки Гагаузии, поступившие в институты и проживающие в городах, подозревались в недостойном поведении и подмоченной репутации. Посещение ими Хору не вызывало энтузиазма ни с той, ни с другой стороны. Неприязнь между сельскими аборигенами, посетителями хору и маргинальными «горожанами» становилась обоюдной. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что отдельные случаи такого взаимного неприятия встречались уже в межвоенные годы, когда редким гагаузам удавалось поступать в гимназии и университеты за пределами Гагаузии. Мой родственник – профессор Михаил Петрович Губоглу, гимназические и студенческие годы которого пришлись на 1930-е межвоенные годы, с грустной улыбкой и какой-то незабываемой душевной раной рассказывал о нескольких своих попытках посещения Чадыр-Лунгского хору во время своих летних каникул с целью завести знакомство с понравившейся ему девушкой. Однако, будучи зачисленным, сначала в гимназию в Бендерах, а потом в университет в Черновицах, он в общественном мнении адептов хору автоматически зачислялся в разряд «городских», подвергался остракизму и как «отторгнутая» фигура из лона хору, не пользовался доверием местной красавицы непоколебимой блюстительницы традиционализма. Эту свою неудачу будущий профессор, видимо, запомнил на всю жизнь, так как, по его рассказам, ему очень хотелось, чтобы «Она», неудачно выйдя замуж и став взрослой, узнавала бы подробности его блестящей научной карьеры и его общепризнанные достижения в области востоковедения и тюркологии.

Хору. Праздничный фестиваль, или выставка мод

Сборы и шествия молодежи по улицам Чадыр-Лунги на хору представляли собой довольно торжественное и красочное зрелище, чем-то отдаленно напоминающие шествие кинодив и кинозвезд от памятника Пушкина ко входу в кинотеатр «Россия», перед открытием в Москве очередного кинофестиваля, где их встречал прославленный режиссер Никита Михалков или кто-нибудь еще из числа известных кинодеятелей.

Из многих улиц и Чадыр-Лунги, и Тирасполя (Трашполи) стекались нарядно одетые юноши и девушки. Обязательным атрибутом посещения хору считались белые шелковые платки с длинными кистями, обязательно несколько длинных платьев, одетых одно на другое, а поверх – украшения из серебряных монет, крупных золотых монет («лифт») и мелких монет («махмудя» – от махмудия, золотых монет первой половины XIX века, времен султана Махмуда II, видевшего себя Петром Великим Османской Империи, достойным преемником Мехмеда Завоевателя (1445-1453 гг.) и Сулеймана Великолепного (1520-1566 гг.) [Лорд Кинросс, 1999. С. 472].

В будни, как поется в песнях, украшения состояли из золотых сережек и серебряных браслет [Gagauz halk türküleri, 2001. С. 108].

Этот «язык украшений» играл большую информативную роль в системе соционормативной культуры, манифестируя не только имущественное положение родителей девушки, оказавшейся на рынке невест, но и эстетический вкус самой девушки, понимающей толк в соразмерности украшений и в красоте жизни.

По тому, какое количество лифтов было в комплексе украшений на девушке, сами женихи, наблюдатели и родственники могли заранее представлять возможную величину и масштабы приданого невесты. Не случайно бешалминские гагаузы не без шуток, вполне серьезно «просвещали» В.А.

Мошкова в том, что «иная из женщин носит у себя на шее не одну пару волов». В самом деле, по свидетельству этого наблюдательного автора, на рубеже XIX-XX вв. самым дорогим расходом на свадьбе были золотые украшения в форме монет, которые девушки и женщины носили в виде ожерелий на груди.

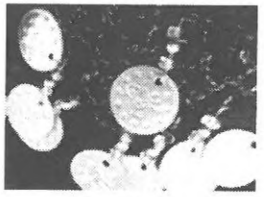
Когда заневестилась младшая сестра моего отца и пришла пора провожать ее на хору, в семье пошли разговоры о количестве лифтов, которые мой дед, ее отец, сможет обеспечить.

И когда она заявила, что ей приглянулся сын владельца винзавода, это вызвало недовольство деда, так как для богатого жениха надо было справлять адекватное по величине и стоимости приданое. Деду, дабы не ударить в грязь лицом, пришлось продать какое-то количество лошадей, чтобы подготовить младшую дочь к свадьбе. Потом, даже в годы депортации в Сибири, неоднократно приходилось слышать незлобное дедово ворчание: «Зять любит взять». Там, в Сибири, после чарки, он произносил эту приговорку без особого упрека. Его дочь и ее семья, также как и наша, были депортированы в 1949 г. в Курганскую область.

Выдать дочь замуж за сына владельца винзавода, конечно, было для деда престижно, но объем средств, необходимых для приданого, так, чтобы люди не осудили (инсан маана булмасын), ввергли его в достаточно напряженные для него расходы.

Мне сегодня, разумеется, трудно судить о тогдашней стоимости каждого лифта, но когда наша семья вернулась из депортации, нам не вернули наш дом, из которого мы были выселены. За две или три такие золотые монеты, чудом сохраненные мамой в годы депортации, мы купили в 1958 г. небольшой старенький, доживающий свой век домик с 3 комнатами и кухней и несколько соток земельной площади в придачу почти на окраине центральной улицы бывшего Тирасполя (ныне – часть Чадыр-Лунги) неподалеку от места, где стояла знаменитая на весь юг Молдавии мельница самого крупного в Чадыр-Лунге богача – хаджи Саввы Кусурсуза.

К счастью, сохранились записи В.А. Мошкова, по которым можно с долей условности и приблизительности судить о рыночной стоимости одного такого лифта. Согласно этим записям, в сравнительно бедном селе Бешалма, не отличающемся обилием богатых людей, один золотой лифт стоил от 18 до 20 руб.



Когда бешалминские родители, по свидетельству В.А. Мошкова, готовили свою дочь к свадьбе, они должны были приобрести для нее около 40 штук мелких золотых монет (монетообразных кружков), пара которых стоила 5 рублей, т.е. на общую сумму до 100 рублей, от 4 до 12 монетообразных кружков среднего размера (махмудя), каждый из которых стоил, сколько стоят 8 алтынов, и, наконец, от 3-х до 4 лифтов (самых крупных золотых монет), по стоимости от 18 до 20 рублей за каждую такую монету.

В одной из народных песен, записанных Д.Н. Танасоглу, поется о девяти лифтах, необходимых для свадьбы. Для этого жених и невеста должны вместе собрать урожай пшеницы, продать и на вырученные деньги подготовить свадебные украшения.

«Ха, мари Оли, мерайа,
Боодай бичелим йарыйа.
Боодайлары саталым,
Алтын пара алалым,
Докуз лифта такалым
Копкуйа дӱӱнä гиделим».

[Буджактан сеслäр, 1959. С. 84]

Пойдем-ка, Оля, в поле,
Пожнем пшеницу вместе в доле.
Потом пшеницу продадим,
Золотую денежку возьмем
И с украшеньем в девять лифтов
На свадьбу вместе мы пойдем.

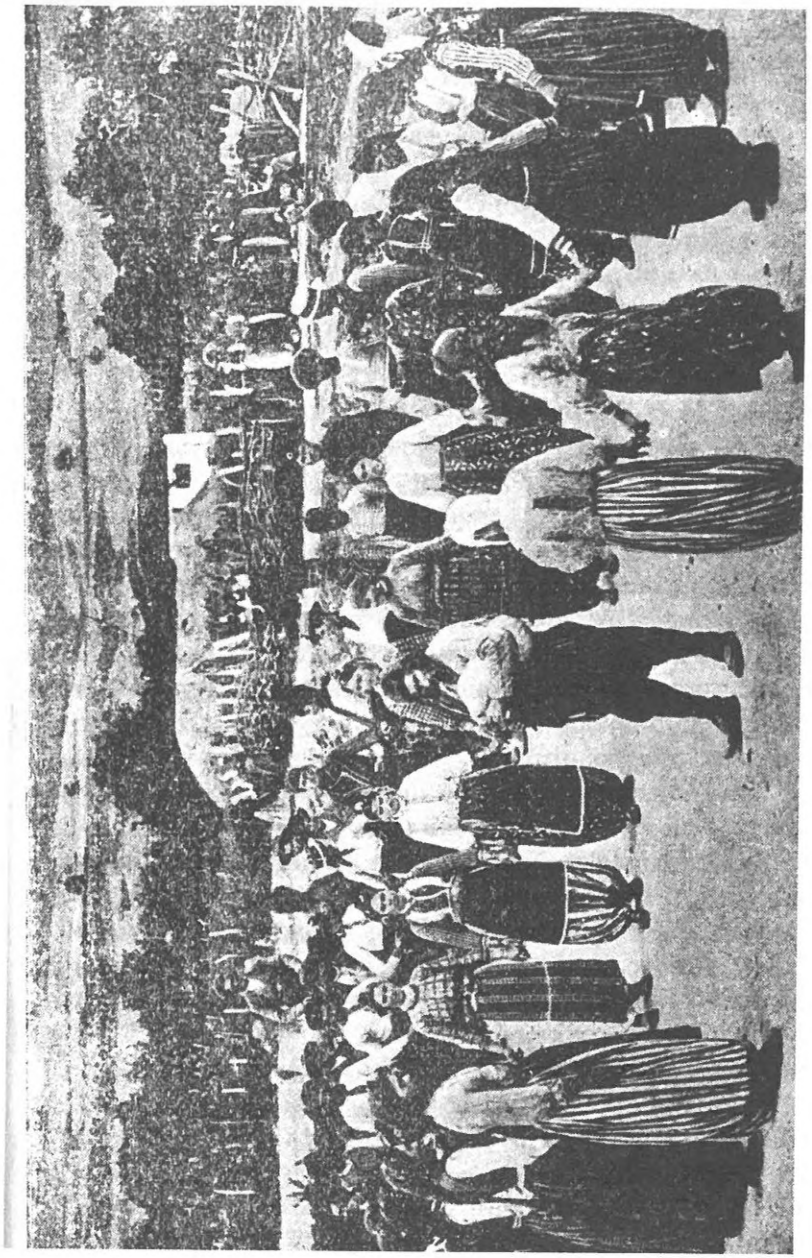
[Авторизованный перевод – М.Н. Губогло]

Если теперь сопоставим, на основании сведений, сообщаемых тем же В.А. Мошковым, стоимость одного лифта (монетообразного золотого кружка) со стоимостью дома до 160 руб., то увидим, что обычный гагаузский дом можно было построить за 8-9 лифтов. Дороговизна женских украшений, состоящих из золотых серёг (кюпя), серебряных браслетов (блезик) и золотых монет различного калибра, сильно удивляла и напрягала самих гагаузов. Но мало кто решался грести против течения, не рискуя вызвать на себя гнев общественного мнения.

Не случайно крупный знаток культуры и быта гагаузского народа М.В. Маруневич сообщала, что в середине XX в. «ожерелье из золотых монет (лифт) имели только богатые гагаузки» [М.В. Маруневич, 1988. С. 115].

Возвращаясь к своим воспоминаниям о традиционном хору в Чадыр-Лунге, необходимо дорисовать картину. Вспоминается, что юноши и девушки на хору танцевали и вместе, и раздельно. В одном случае в первом кругу, ближе к музыкантам, темпераментно и лихо отплясывали юноши. Во втором круге более плавно двигались в такт музыке девушки. Иногда первый и второй круги смыкались воедино и образовывали один общий круг. За пределами первого и второго кругов стояли празднично одетые молодухи с малолетними детьми; родители, озабоченные судьбой своих детей, достигших брачного возраста для посещения хору, профессиональные сплетницы (маанаджыкалар – Е.Н. Квилинкова), а также наблюдатели, которые представляли затем на суд общественного мнения события, происходящие на хору. Это был своего рода зоркий глаз общественного мнения, неукоснительному контролю которого подвергалось все, что происходило на хору.

Совсем иную форму имела композиция хору у варненских гагаузов, судя по фотографии 1930-х годов, помещенной в книге Афанасия Манова «Происхождение гагаузов. Их обычаи и нравы». Внутренний круг составляют девушки, плавно двигающиеся взявшись за руки. В отличие от Ча-



Хору Варненских гагаузов (по А. Манову)

дыр-Лунгского хору, варненские гагаузки одеты в просторные куполообразные шаровары (шальвары, по сообщению чешского академика К. Иречека). Поверх кофт, преимущественно белого цвета, нет никаких украшений, ни лифтов, ни махмудя, ни мелких золотых монет. Единственный музыкант пожилого возраста играет на гайде. На внешней стороне широким полукругом с темпераментным взмахом рук танцуют юноши, одетые в разноцветные рубашки, в головных уборах, преимущественно в шляпах [А.И. Мановъ, 1938. С. 158-159].

Никогда не стареющий, увы, теперь уже только в прошлом, вечно молодой и юный хору гагаузов завораживал праздничным весельем, заражал жизнелюбием и радостью, давал разрядку от тяжелого крестьянского труда и бесконечных бытовых забот.

Резким диссонансом с Чадыр-Лунгским хору первой половины и середины XX в. выглядит хору, изображенное на фотографии, помещенной в монографии В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда». Такое впечатление, что неподвижная масса людей, взявшись за руки, в застойном молчании стоит по периметру одного большого круга, окаймляя пустынную площадь с. Бешалма. Хору без музыкантов в круге, без признаков динамики танцующих, производит впечатление скорее какой-то безысходности, чем динамичной праздничности.

Между тем, восстанавливая в памяти удивительно яркие Чадыр-Лунгские хору по воскресным дням, невольно видится, как однажды мой отец, не выдержав избытка чувств от гремящей музыки и яростно танцующих неженатых парней, бросился через внешний круг и, вклинившись во внутренний («мужской») круг, выделывал лихие коленца. Маму, танцующую на хору, я никогда не видел. Вероятно, будучи из другого села и из бедной семьи, выданная замуж за богатого вдовца, она себя какое-то время чувствовала не вполне уютно, так как вдовые мужчины не пользовались большим спросом у юных Чадыр-Лунгских невест.

Хору. Рынок невест

Однако содержание, сценарий и смысл хору не сводился к сочной яркости и красочности праздника. На самом деле хору – это не только групповые танцы, но это и рынок невест, и многое другое, в том числе хору – это один из институтов соционормативной культуры, находящейся под контролем общественного мнения. Особое впечатление производила церемония знакомства, сценарии индивидуальных встреч и бесед, имеющих место на хору параллельно с музыкой и танцами. Кавалер, согласно ритуалу, приглашал свою избранницу не на танец, а с танца, предлагая ей выйти на разговор из танцевального круга. Получив ее согласие, сначала он шел впереди, а она – сзади. Потом они становились лицом к лицу, и он медленно наступал на нее, следя, чтобы она, пятясь, не оступилась или не наступила на что-нибудь.

При этом, то ли от реальной робости и застенчивости, то ли от ритуального канона, манифестируемой стыдливости девушки не было предела. Сегодня, когда довольно отчетливо всплывают в памяти эти воркующие парочки, с пылающими от смущения лицами, лучами расходящиеся в разные стороны от танцевального центра хору, одновременно вспоминаются гениальные строки из шедевра И.А. Бунина: «И в короне павлин, громко кличет с запретного древа о блаженном стыде искушаемых дев». Мне кажется сегодня, что я своими глазами видел этот «блаженный стыд» на гагаузском хору в 1940-е годы.

Однако во время таких «переговоров», как важной составной части хору, молодежь не только утоляла рождающиеся чувства любви, привязанности и проникновенного взаимного доверия, но и собирала важную рациональную информацию о собеседнике или собеседнице, а также о материальном положении, харизме и психологической атмосфере в родительских домах. Иными

словами, за внешней, порой искусственно манифестируемой стыдливостью и скромностью, когда девушка действительно не вправе была громко разговаривать, беспричинно смеяться, заглядываться на соседние парочки или на других парней, скрывались и трезвые расчетливые интересы.

Молодожены Губогло Савва Константинович и Губогло Любовь

Хотя приходилось видеть и сдвоенные парочки, когда молодежь беседовала вчетвером, в случае, если в разговор были приглашены близкие подруги. Несмотря на обилие музыки, танцев, эйфории, атмосфера хору не сводилась к досуговому времяпрепровождению. Не исключено, что часть беспечно настроенной молодежи посещала хору с целью отдохнуть и расслабиться. Однако для значительной части юношей и девушек, наряду с «расслаблением», посещение хору означало и определенную психологическую мобилизацию с целью получить максимальную информацию об интересующем потенциальном брачном партнере.

Коротко говоря, хору играло важную танцевально-терапийную роль в формировании ментальности гагаузской молодежи, в том числе в понимании того, что человек обязан не только трудиться и добиваться успехов и счастья, но и душа его должна играть и петь, любить и танцевать, получать наслаждение и очарование от участия в творческом коллективном со-действе, как в сотворчестве.

Бывало, что во время таких «раундов» в руках у юноши оказывался платочек, вышитый девушкой, что давало лично ему некоторые надежды на продолжение встреч; общественному мнению – информацию для обсуждений или осуждений, а вездесущим малолеткам, не достигшим «хору-возраста», неустанно снующим между взрослыми – очередную порцию пищи для дразнилок каждой такой уединенной парочки: «Жених и невеста».

Беседующие на хору парочки, их достоинства и недостатки обстоятельно обсуждались затем в круговерти сплетен и слухов и непременно на советах в родительских домах. Общественное мнение в каждом мааля беспрестанно перемалывало косточки, как самим молодым, так и их родителям и родственникам, выявляя и всесторонне муссируя их авторитет, имидж, достижения и пороки. Так, например, по свидетельству В.А. Мошкова, «когда гагауз выбирает невесту для себя или для своего сына, то первый его вопрос бывает: Йыкрам япаер-мы ябанджия?, т.е. Умеет ли она оказывать уважение к чужому гостю?» [В.А. Мошков, 1901. С. 16].

В соответствии с принципами соционормативной культуры, умение взрослой девушки «принимать гостей» составляло важную часть усвоенного ею опыта по части гостеприимства, тщательно соблюдаемой традиции, входящей необходимой составной частью в более широкую этно-нравственную ценность «адамлык» («человечность»), что было, в свою очередь, непременной чертой этничности в представлениях гагаузов.

Разумеется, в ходе этих прилюдных переговоров во время хору не допускались ни пьянство, ни пошлости. Как только юноша пытался проявить какую-либо чрезмерную активность, разговор тут же переключался на обсуждение хозяйственных и осенних дел, когда наступала пора свадеб. И уже, конечно, не было случаев, как в нынешние времена, когда возвращающиеся поздно ночью из дискотеки девушки были злостно изнасилованы преступниками, как об этом неоднократно сообщалось в газете «Вести Гагаузии».

Приходить на хору и покидать его в одиночку не было принято. Каждая девушка шла на хору («выходила в свет») в сопровождении подруг, соседок или ближних и дальних родственников. Такие коллективные красочные шествия, ручейками текущей на хору молодежи, происходили на глазах у лиц среднего и пожилого возраста.

В случае счастливого знакомства молодежи на хору, как на «рынке невест», имело продолжение в доме невесты во время помолвки, на которую приходили посредники со стороны жениха во главе с главным сватом («дюнюрджю башы»). Начиналось предварительное решение финансово-затратных проблем. Красноречиво эти предсвадебные «торги» были показаны в конце XIX века в книге В.А. Мошкова [1901. С. 102-103], а новейшее время – в стихотворении «Адетлäр» («Обычаи») известного гагаузского поэта Федора Занета.

Йапыныз: «боба хакы»
Хем «ана топу», «чыкы»
...
Гелинä: бариз, чизмä,
Жанынкер, алтын кўпä,
Седефтäн блезик, бонжук,
Гўмўштäн колан, ўзўк,
Плат, махмуди хем да лефт...

[Васи Филиоглу, Тодур Занет, Федор Мариноглу, 1990. С. 128].

Стороны договаривались приготовить, во-первых, подарки свекру (боба хакы), теще и свекрови (ана топу) соответственно от жениха – матери невесты и от невесты – матери жениха, во-вторых, подарки самой невесте, в том числе прозрачный шелковый платок (бариз), сапожки (чизмä), телогрейку, крытую сукном (жанынкер), золотые серьги (алтын кўпä), жемчужные бусы и (седеф), браслет, пояс и колечко из серебра (блезик), отрез материи (плат), мелкие (махмудя) и крупные золотые монеты (лифт).

Эмоциональная сторона дела – диалог будущего счастья молодоженов – подкреплялась по возможности прочной рациональной основой. И хотя помолвка проходила с шутками и прибаутками, изобиловала иносказательными репликами и метафорами, она была, по сути, далеко не шутейным делом. И вряд ли ее можно было сравнить со вступлением в брак в середине XVII века французским писателем Полем Скарроном. Когда составляли его брачный контракт, Скаррон, – как пишет Анатоль Франс, – заявил в присутствии нотариуса, что невеста приносит в приданое четыре луидора ежегодной ренты, большие, весьма лукавые глаза, прекраснейший стан, красивые руки и незаурядный ум. Затем нотариус просил Скаррона, какое имущество он ей предоставляет. «Бессмертие» – отвечал поэт [Анатоль Франс, 1960. С.341].

Хору. Институт социализации

Итак, полифункциональное предназначение гагаузского хору как социального учреждения, занимавшего в жизни гагаузов видное место, состояло в том, что это был не только праздник, не только рынок невест, но и один из важных институтов соционормативной культуры, благодаря которому происходила социализация и этнизация молодых поколений. Хору «работал» на обретение, сохранение и воспроизводство этничности, путем освоения и научения доверительности, ответственности – лояльности, солидарности.

О важной роли хору, воспеваемого в одном типологическом ряду с восходом солнца, с материнской любовью и вечной молодостью, имеется свидетельство в устном народном поэтическом творчестве гагаузов. Так, например, в одной из песен, записанных на рубеже 1940-1950-х годов известным специалистом в области гагаузского языка и фольклора профессором Л.А. Покровской, хору воспринимается как эликсир молодости, как зов предков и как утренняя заря.

Йаптырасыныз бана бир мезар,
Бир мезар ўч пенчерейлän;
Ўч пенчерейлän, ал черчевейлän,
Бир пенчере гўндуусуна доору,
Гўн дуудунан бен гöреим.
Бириси да анеме каршы,
Анам ааладыкчан бен ишидеим.
Бирси да хоруйа доору,
Генчлäр ойнадыкчан бен сиирдеим»

[Буджактан сеслäр, 1950, 63]

Возведите мне мавзолей,
Мавзолей с тремя оконцами;
С тремя оконцами,
С ярко-красными косяками оконными.
Одно из них с видом на восток,
Чтобы солнца восход я видеть могла,
Другое с видом туда, где мать моя,
Чтобы слышать плач ее я смогла.
Третье с видом на хору,
Молодежь танцующую наблюдать чтобы смогла»

[Перевод М.Н. Губогло].

Вариант этого же сюжета был записан несколько лет тому назад в с. Бешалма Е.Н. Квилинковой в контексте песни «Cumaaya karşı bän bir düş gördüm» («Накануне пятницы мне приснился сон»).

... Уаптырасынız bana, mali-ma,
Bir eni evcääz.
O evcääz da olsun, mali-ma,
Olsun dört köşeylän.
Olsun dört köşeylän, mali-ma,
Üç ta pençereylän.
... Bir pençeresi olsun, mali-ma,
Gün duusuna dooru,
Açan gün duvacek, mali-ma,

Bän da göreyim.
Biri pençeräsi olsun, mali-ma,
Horuya dooru.
Gençlär oynarkan, mali-ma,
Bän da siiredecäm...
[Moldova gagauzların halk türküleri, 2003. S.138].

... Возведите для меня
Новый домик, матушка моя,
Чтобы был тот домик, матушка моя,
С четырьмя углами,
С четырьмя углами
И с тремя оконцами.
Чтоб одно из окон, матушка моя,
Было с видом на восток.
Чтобы солнца восход, матушка моя,
Я увидеть бы смогла.
Другое оконце, матушка моя,
Чтобы было с видом на хору,
Чтобы за танцующей молодежью,
Матушка моя, наблюдать я смогла.
[Перевод М.Н. Губогло]

Сравнивая оба варианта народных песен со сходным сюжетом относительно хору, когда в одном случае речь идет об «одной могиле с четырьмя оконцами», а в другом – о «новом домике с четырьмя углами и тремя оконцами», я счел возможным думать, что речь в каждой песне идет скорее о мавзолее, чем о простом надгробии. Наконец, еще в одной редакции этой грустной песни, записанной Марией Дурбайло, выражается просьба построить маленький домик с окнами так, чтобы можно было наблюдать за восходом и заходом солнца и за дорогой, по которой приближается и плачет мать» [Gagauz halk türküleri, 2001. S.104].

Полифункциональная институциональная сущность гагаузского хору на рубеже XIX-XX вв., на примере с. Бешалма

была с особой чувствительностью уловлена В.А. Мошковым. Согласно его наблюдениям, «для всех жителей гагаузского села, от мала до велика, «хору ери» является чем-то вроде клуба с периодически правильными собраниями, где всегда модно, всегда весело, можно всех повидать, обо всем поговорить, обо всем услышать, что есть новенького, если не на свете, то по крайней мере, в родном селе и в его ближайших окрестностях» [В.А. Мошков, 1901. С. 16].

Во время встреч на хору молодые проникались доверием, выясняли отношение к хозяйственным делам, к ценностям жизни своих семей. В конечном итоге субъективная равнодействующая различных объективных элементов Института хору проявлялась в сохранении своей приверженности к этнической самобытности народа, в том числе через такие основополагающие понятия и ценности, как «адамлык» («человечность») и «гагаузлук» («гагаузство») (об этом чуть ниже).

Функцию хору по социализации молодежи и ее этнизации зафиксировал на рубеже XIX-XX вв. В.А. Мошков. Наблюдая за повседневной жизнью и праздниками у гагаузов с. Кирсово, длительное время [Г.С. Стойнов, 1990] проживающих совместно в одном селе с болгарами, В.А. Мошков обратил внимание на то, что Хору ери (места для хороводов) у болгар и у гагаузов всегда бывают отдельными, а потому обе национальности не сходятся и в хороводах. Гагаузы, – продолжал свои наблюдения В.А. Мошков, – допускают болгар в свой хоровод и даже дозволяют им ухаживать за своими девушками, но болгары гагаузам ни за что не позволят, из-за чего иногда между молодыми людьми обеих национальностей выходят серьезные столкновения, зачастую оказывающиеся кровопролитными драками» [В.А. Мошков, 1901. С. 34-35).

По воспоминаниям известного гагаузского художника Д.И. Савастина, в 1950-е–1960-е годы в Вулканештах каждое мааля, в том числе молдуван маалеси, имело свое установленное место для хору. Между юношами, не прожива-

ющими в данном маале, но посещающими «чужое» хору, возникали «выяснения отношений». Однако, как считает художник, эти хору, которые он сам посещал, к этому времени уже не имели характер яркого празднества, хотя коммуникационная аура и атмосфера взаимной адаптации потенциальных женихов и невест вполне сохранялась.

Можно предполагать, что в каждом селе хору имело свою характерную для данного села коммуникационную технологию: праздничную или рационально-бытовую атмосферу, трепетно-меланхоличную, как, например, в Чадыр-Лунге, или темпераментно-экспрессивную, как в Вулканештах. Во всяком случае, в рассказе «Басамаклы йол» («Следы на дороге») из первой книги рассказов Н. Бабоглу, читатель узнает «о старинном обычае, когда средь бела дня парень мог прямо на хору (места танцев и встреч молодежи) украсть любимую девушку, если родители невесты были против ее замужества» [Л.К. Баурчулу, 2008. С. 454].

В романе Д.Н. Танасоглу «Узун керван» упоминается о возникновении напряженностей между юношами из разных мааля по поводу «своих» невест, т.е. девушек из своего мааля. Не менее интересно и его сообщение о существовании наряду с большим и маленьких хору, в усеченной форме, которые собирались по вечерам на стыке улиц (сокак кӧшелериндӑ) и сопровождались пением мааня (частушек) песен, танцами [Д. Танасоглу, 1985. С. 258]. В других источниках подобной информации я не обнаружил.

Доктринальное объяснение существования двух разных «хору ери» у гагаузов и болгар, несмотря на длительное совместное проживание в одном селе, В.А. Мошков выводил из системы межэтнических отношений, в том числе из имеющей место межэтнической напряжённости и неприятия гагаузов и болгар. Вероятно, в какой-то степени так оно и было. Однако главная причина автономного существования хору у жителей одного села с различной этнической идентичностью, видимо, коренилась в полифункциональной миссии хору, в том числе в его функции сохранения и воспроизводства этнической идентичности.

От хору – к дискотеке

По моим наблюдениям, в начале и середине 1950-х годов в г. Чадыр-Лунга на месте хору ери проводились футбольные матчи. Стадион вытеснил хору, но не отменил его. В 1957 г., когда я вернулся из депортации, вместо хору уже была наспех выстроена деревянная танцплощадка в Чадыр-Лунгском парке. Уже вместо национальных музыкальных инструментов хрипло гремела радиола. Под крупными звездами южного неба томно звучали упоительные слова из «северной» песни под звуки медленного вальса:

Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубями глазами озер.

В пряной и сочной темноте обезвоженной Буджакской степи улыбчиво грезилось о белых ночах и голубых озерах.

Белая ночь опустилась безмолвно на скалы,
Светится белая,
Белая, белая ночь напролет...
И не понять, то ли небо в озера упало,
И не понять, то ли озеро в небе плывет.

До сих пор это вальс, как некое чудное мгновенье, звучит в душе моего поколения, как прощальный реверанс, как заключительный аккорд уходящему веку, неповторимому наслаждению тех гагаузских юношей и девушек, для которых хору был прекрасным праздником взросления и самоопределения.

По вечерам на сцене, примыкающей к танцплощадке, по субботам и воскресеньям иногда играл духовой оркестр. Сам парк в Чадыр-Лунге был посажен в наше отсутствие в самом начале 1950-х годов. Видимо, в том числе за счет инвестиций, полученных в ходе раскулачивания части населения и распродажи части недоразворованной недвижимости и прочего имущества. Там, где шумела по четвергам в начале

1940-х годов знаменитая Чадыр-Лунгская ярмарка, вырос парк, сохраняющийся до сих пор.

На танцплощадке при свете одной электрической лампочки молодежь танцевала, а в затемненных уголках парка целовались парочки, что было недопустимо в обрядовом сценарии хору и не характерно для гагаузской сельской молодежи.

Обычай, когда жениха и невесту заставляли целоваться, когда свадьба уже двигалась к завершению, по сообщению В.А.Мошкова, принадлежит новейшему времени, т.е. к рубежу XIX-XX веков, так как по гагаузским понятиям поцелуи, а в особенности публичные, вещь предосудительная и безнравственная» [ЭО, 1901. №1. С.122, 157].

Более того, обычай целования в губы в представлениях гагаузов выглядит странным, неприличным, предосудительным и даже греховным. Последнее мотивируется тем, как рассказывали В.А.Мошкову, «что Иуда предал Спасителя целованием» [ЭО, 1901. №2. С.8].

Неумолимое время 1940-х–1960-х годов раскололо гагаузскую молодежь на тех, кто продолжал ходить на хору, и тех, кому танцплощадка в вечернем парке казалась предпочтительнее.

Пробудившийся в то время у меня интерес к подругам, я утолял не в поисках хору, а вечерами по выходным дням на танцплощадке, и в будни – в Чадыр-Лунгском районном доме культуры. Я был зачислен в самодеятельный хор, руководителем и дирижером которого был один из первых гагаузских поэтов, писателей, композиторов – Дионис Николаевич Танасоглу. В нашем репертуаре были русские, молдавские и гагаузские песни, в том числе куплеты, сочиненные самим руководителем хора.

Нердя Пети, нередя?
Служба япэр Бендердя.
Нердя Лянка, нередя?
Папур бичер дередя.

Сегодня кажется, что глупее этих слов трудно было бы что-либо вообразить, но под звуки флейты, скрипок, а порой и аккордеона, хор распевал их с энтузиазмом. А однажды даже ездили в Кишинев на смотр художественной самодеятельности Молдавии.

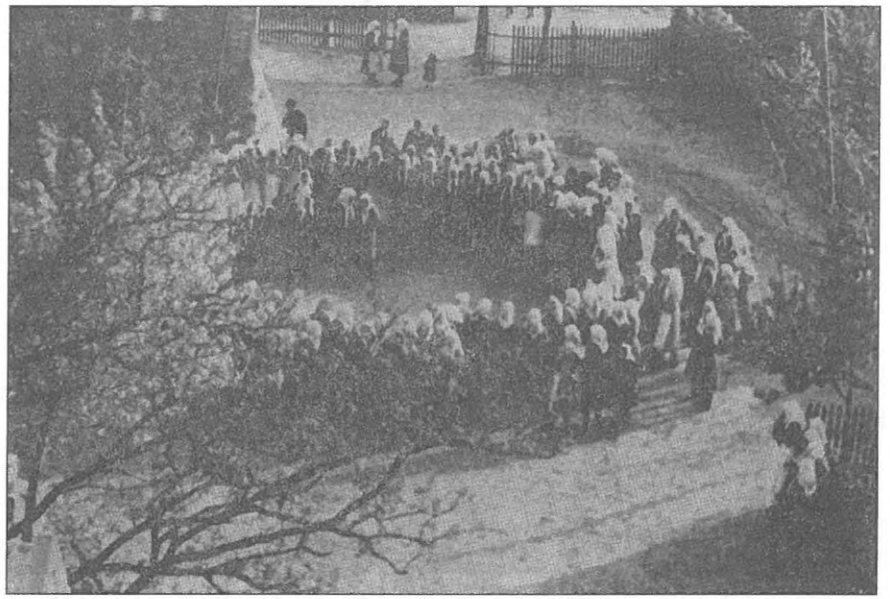
Одно время хору по воскресеньям переместилось с прежнего престижного места туда, где теперь расположены торговые ряды Чадыр-Лунгского базара. На одной из фотографий первой половины 1960-х годов видно, что вместо классических трех кругов танцующих, стоит немая с виду толпа без музыкантов и бестолково топчется на месте, производя довольно унылое впечатление. Такое ощущение, что на глазах уходят в небытие красивые, веками наработанные волнующие обычаи, нравы, элементы соционормативной культуры.

На фотографии, помещенной в монографии известной исследовательницы материальной культуры гагаузов М.В. Маруневич, изображено некое подобие хору.

Хору в г.Чадыр-Лунге (из архивов Чадыр-Лунгского музея). Выражаю благодарность С. Стамовой за предоставленную фотографию

Осторожное наименование хору «Воскресный день в с. Димитровка Одесской области УССР» дает основание допустить, что перед нами еще одна исчезающая форма некогда красочного и буйного праздника. Все участницы Димитровского хору, как положено, в белых платках и темных одеждах, стоят в круге, состоящем из двух рядов, один из которых (внутренний) сплошной, другой (внешний) прерывистый [М.В. Маруневич, 1988. С. 14].

Однако думается, что на фотографии изображены, если не похороны хору, как некогда живого организма, а такое смертельно больное состояние, которое свидетельствует о том, что перед нами обломки истории, а не сама история с ее былым величием. К прошлому возврата нет. Остается ностальгия, которой веет от пожелтевшей от времени фотографии. Все течет, все меняется. На смену одним краскам жизни приходят другие.



Хору в Дмитровке (по М.В.Маруневич)

Ни музыкантов, ни детей, ни подростков, ни пожилых людей, ни одного молодого человека на фотографии разглядеть невозможно. Одним словом, на рынке невест – фатально отсутствуют кавалеры, как покупатели и как наблюдатели. И поскольку фотография датирована 1960-ми годами, можно, во-первых, сделать вывод о типологическом сходстве Димитровского хору с Чадыр-Лунгским исчезающим хору, переместившемся к этому времени из излюбленного места на лужайке между Чадыр-Лунгой и бывшим селом Тирасполем (Трашполи) на место нынешних торговых рядов, и, во-вторых, предположить, что отсутствие юношей на Димитровском хору свидетельствует об относительно более устойчивой консервативности девушек в деле сохранения традиционных ценностей и приверженности к институтам соционормативной культуры, по сравнению со своими кавалерами той же национальной принадлежности. В мои студенческие годы молодые гагаузы, особенно получающие высшее и среднее специальное образование в вузах Молдовы и других республик Советского Союза, в том числе в Москве, Ленинграде и в других крупных университетских центрах, опережали местных девушек в переходе от традиционных дневных хору на вечерние танцплощадки.

Известный гагаузский литературный критик, обладающий особой чувствительностью к динамичным изменениям в сфере традиционной культуры гагаузов, П.А. Чеботарь в начале 1990-х годов не без горечи сделал вывод о том, что известное стихотворение Д.Н. Танасоглу «Генч пазары» («Выходной день»), в котором с этнографической дотошностью был «подробно воссоздан старинный обычай хору», воспринимался молодым поколением как «преданье старины глубокой» [П.А. Чеботарь, 1993. С. 21].

И хотя П.А. Чеботарь несколько погорячился с выводом о том, что «уже через два десятилетия [т.е. в 1990-е годы – М.Г.] хору практически был забыт в народе» [П.А. Чеботарь, 1993, 21], этот прелестный обычай с ностальгической нежностью и грустью вспоминают нынешние жители гагаузских деревень среднего и пожилого возраста.

Хиреющий хору. г. Чадыр-Лунга, 1963 г. На фоне белой палатки: главный инженер АПК г. Чадыр-Лунги Ф.Д. Баку и М.Н. Губогло.

По моим личным воспоминаниям, на Чадыр-Лунгской танцплощадке еще в начале 1960-х годов преобладали юноши. Местные девушки избегали посещать вечерние танцы без сопровождения взрослых или близких родственников. Из-за дефицита невест прямо на танцплощадке, или рядом с ней под густой сенью раскидистых деревьев, нередко возникали мужские «выяснения отношений». Во время одной из таких драк в темноте мне сильно рассекли бровь. Шрам от этого маргинального по характеру «переходного» периода от традиционного хору к современной (по тем временам) танцплощадке, сохраняется на моем лице до сих пор.

Итак, под наплывами урбанизации и интеллектуализации гагаузского общества в 1950-е–1960-е годы хору, как институт соционормативной культуры, уходил в небытие. В его «затухании» были повинны его Величество Время, а также обе гендерные стороны – и мужская, и женская.

Юноши, поступившие в университеты и вузы Советского Союза или оказавшиеся на службе в рядах Советской армии далеко за пределами Гагаузии, расширяли границы своего брачного выбора. Так, например, у большинства гагаузских интеллектуалов первого послевоенного поколения, в том числе у наиболее известных деятелей литературы, науки и искусства, например, у Д.Н. Танасоглу, С.С. Курогло, Г.А. Гайдаржи, Б.П. Тукана и других жены были негагаузской национальности.

Гагаузки, представительницы прекрасной половины, получившие или получающие высшее образование, как в минуту откровенности рассказывала недавно одна из сотрудниц Академии наук Республики Молдова, при выборе брачного партнера стремились не выходить замуж за человека своей национальности с тем, чтобы избежать в семейных отношениях налета феодально-патриархальных установок, в том числе не попасть в экономическую и иную деспотическую зависимость от мужа-гагауза.

В нынешней повседневной жизни гагаузов хору нет. Но я знаю, что мало какой институт соционормативной культуры гагаузов вместе с ассоциированным общественным мнением оказывал такое глубокое и всестороннее влияние на повседневную жизнь молодых гагаузов. Совершенно очевидно, что хору, как и другие институты соционормативной культуры, имеют свое начало и свой конец. Мне выпала горькая участь запечатлеть на бумаге на основе своих воспоминаний финальную стадию этого прекрасного коллективного со-действа, как «эликсира неувядаемой молодости». Истоки гагаузского хору теряются в сизом мареве тумана в балканском периоде их жизни, а сам термин – в вокабуляре греческого языка (по Фасмеру), где он обозначал «групповой танец». Расцветом хору, судя по описаниям российских и болгарских исследователей, можно считать рубеж XIX-XX веков, а угасанием – вторую половину XX в.

Если признать типологическое сходство гагаузского хору с молдавским хора, именуемым жок, то можно вслед за Э.

Королёвой считать, что одно из наиболее ранних описаний этого коллективного со-действа относится к началу XVIII в. По авторитетному свидетельству Д. Кантемира, в молдавском хора «в танцах принимают участие сразу много лиц, образуя круг или длинный ряд... когда все, взявшись за руки, пляшут в кругу, двигаясь мерным и стройным шагом справа налево, то такой танец назывался хора» [Д. Кантемир. 1956; Цит. По: Э. Королёва. Хореография. Рукопись, 2008. С. 2].

Начиная с 1950-х годов, границы рынка невест значительно расширились и выходили далеко за пределы «хору ери» для той части гагаузской молодежи, которая, наряду с учебным процессом, активно втягивалась в общественную работу, как это, в частности, случилось на моем опыте комсомольской работы в комитете комсомола МГУ, когда я и познакомился с активисткой мехмата МГУ Таней Майоровой, ставшей моей женой.

Вместе с хору исчезла и его атрибутика – белые и желтые шелковые платки, многочисленные золотые и серебряные украшения, в том числе монисты, а также сопутствующие хору регулятивные функции общественного мнения, как действенного механизма морального поведения и нравственности людей, объединенных в единое, хотя и локально ограниченное, но солидарное сообщество.

5. КОГДА ЧЕТВЕРГИ БЫЛИ ВОСКРЕСЕНЬЯМИ

Дом в плену праздничной круговерти

На рубеже XIX-XX веков каждый гагауз, судя по наблюдениям В.А.Мошкова, строил себе два дома: “Один маленький, тесный и грязный, он строит для себя и называет его “кухня”, а другой большой, чистый и разукрашенный внутри коврами, полотенцами и проч., – собственно дом (“евь”), предназначенный исключительно для приема гостей, и в остальное время стоит совершенно пустым с закрытыми ставнями” (Этнографическое обозрение. 1901. №2. С. 16).

Через столетие традиция “двоедомия” сохранилась с той лишь разницей, что и сами дома, и жилая “кухня” приобрели более нарядный, более наполненный вид, с современной мебелью, техническим оборудованием, в том числе с электричеством и газом.

Однако в середине XX века в крупных селах, таких как Чадыр-Лунга, Комрат, Конгаз, Копчак, стали появляться новые жилые комплексы, в которых одна кухня (зимняя) монтировалась в сам дом, а другая (летняя нежилая) пристраивалась к основному дому.

В нашем доме в городе Чадыр-Лунге (Трашполи) вход в две большие холодные и сырые комнаты, служившие в дни ярмарок гостиницей, был с улицы параллельно с уличным входом в погреб, где стояли бочки с вином. В двух других комнатах, поменьше размером жили родители, и, наконец, в конце дома, в большой парадной комнате с отдельным входом со двора жили мы с дедом. На одной стене висел огромный ковер, с другой были прислонены буфет и платяной шкаф. Между двумя окнами, выходящими во двор, висело огромное зеркало, обрамленное с двух сторон керамическими оленьими головами желтого цвета с черными ветвистыми рогами. Где, в какой комнате висели иконы, не помню.

В комнате деда икона висела в южном углу, т.к. входная дверь открывалась с восточной стороны.

По четвергам в Чадыр-Лунге собиралась крупная ярмарка-базар. Приезжали с целью купли-продажи из разных, иногда весьма отдаленных, сел. Привозили для продажи лошадей, коров, овец, коз, рыбу, домашнюю птицу, предметы домашнего обихода, кувшины, тарелки, бочки и другие изделия, в том числе кондитерские изделия домашнего приготовления, вино и сельскохозяйственные продукты. Базар шумел весь день, до поздней ночи.

Непременной составной частью праздничных торгов была атмосфера веселья, празднества и массового гулянья. Я не помню всего набора увеселений, предлагаемой организаторами ярмарки, но общий праздничный, дружественный, коммуникационный настрой был очевиден. Он витал в воздухе и этим резко отличался от нынешних унылых торговых рядов, заполненных покупателями с озабоченными безулыбчивыми лицами. Ярмарка была ярмаркой, символом открытости и она не страдала некоей заорганизованностью или излишней сакрализацией. Несмотря на то, что люди решали порой непростые, вполне рациональные проблемы своего жизнеобеспечения, в праздничном аромате ярмарки преобладало царство непринужденности.

О масштабах и экономической мощи Чадыр-Лунгской ярмарки вспоминает экс-мэр Чадыр-Лунги А.Чебаника. «... До 50-х годов, – пишет он об истории своего города, – в нашем городе один раз в неделю, в четверг, был крупнейший базар на юге Молдовы. Сюда съезжались продавцы и купцы от Вилково (Украина) до Хынчешт (Котовск). На базар на специальных подводах везли обложенную льдом свежую рыбу, которой было около десятка видов (даже знаменитая дунайская сельдь и хамса). В базарный день продавали сотни тонн пшеницы яровых сортов, до 3500 голов лошадей и крупного рогатого скота. Скот вывозился в товарных вагонах до Венгрии» [А.Чебаника, 2004. С.4].

В двух комнатах нашего дома с окнами на улицу останавливались на ночевку родственники или гости из ближних и дальних сел, в том числе из Гайдар, Бешалмы, Томая, Кирсово, Казаклии. Подводы въезжали во двор через большие ворота по относительно узкому коридору, образованному кирпичной стеной нашего дома и небольшого перед ним палисадника с цветочными клумбами и задней, глухой стеной соседнего дома (хозяина звали Орманжи Феди).

Повозки в постоялом дворе располагались вдоль глухой стены соседнего дома и задних стен соседних хозяйственных построек. В глубине двора под навесом давали корм лошадям. В конюшни, что продолжали прилепившуюся к дому кухню, чужих лошадей не загоняли.

Эти базарные дни по четвергам запомнились. Они были радостными и сильно хлопотливыми. Отец с вечера собирался на базар, интересовался предстоящими ценами. С базара он приносил купленного по цене дешевле обычного баранчика или несколько кур, а мне – обязательно фрукты, а в осеннее и зимнее время – какие-либо сладости. Хорошо помню, что такие четверги я ждал с большим нетерпением. Так продолжалось вплоть до голодных 1946-1947 годов.

Иногда отец брал меня с собой. Больше всего мне запомнился вкус бозы – прохладного напитка, приготовленного по особому, утерянному в настоящее время рецепту, из просяной муки.

Боза на праздничной ярмарке была резкой по вкусу, чем-то напоминающей хмельной алкогольный кумыс, вероятно, до 4-5 градусов крепости, каковой мне приходилось пробовать в Кошагачской степи во время экспедиции к алтайцам в 1961 году. От ярмарочной модели сильно отличалась боза, которой меня угощала мама по воскресеньям на подступах к хору ери. Здесь напиток также был довольно резкий, не хмельной, но вместе с тем более сладкий, чем на ярмарке.

Пятеро братьев моего деда – Георгий, Константин, Иван, Михаил и Николай, проживали на самой дальней Тирашпольской улице, упирающейся в виноградники, разделяю-

щие наше село с болгарским селом Кирютня (Кортен). Возвращаясь с ярмарки с покупками мимо нашего дома, каждый из братьев по сложившемуся этикету, заходил попутно к старшему брату. Мне доставались гостинцы в виде пряников (турта), орехов, конфет, печенья.

Гости в сопровождении деда и моего отца входили в винный подвал, не с уличного, а с дворового входа. Если вместе с братьями деда иногда приходили их жены, мама приглашала их в дом.

С гостей, родственников и постояльцев нашего дома, называвшегося иногда постоялым двором, а иногда корчмой, денег не брали. Дед был заинтересован в соседних селах иметь людей, у которых он мог бы остановиться в ответ на прием их у себя дома. Он скупал в соседних селах лошадей и табунами перегонял их через Прут и перепродавал в Румынии. За эту свою деятельность он получил обиходное прозвище: "Джамбаз Петри", наряду с уже существующим смолоду другим – "Кара Петри".

"У гагаузов, также как и у нашего народа, – отмечал в начале XX века В.А.Мошков, – употребительны уличные прозвища... Одни из этих прозвищ старинные, так что утратилось воспоминание о их происхождении и они перешли к их современным обладателям от их отцов и дедов, а другие новейшие, которыми и теперь называют своих односельчан в насмешку по поводу какого-нибудь курьезного происшествия" (Этнографическое обозрение. 1901. №2. С.6).

Меня в детские годы, до депортации, называли «попазчык» («маленький священник»). За что я был награжден таким прозвищем, я, разумеется, точно не помню. Однако подозреваю, что, с одной стороны, сработало заказанное моим дедом необычное одеяние. Зимой на мне были штаны из кожи мехом внутри («мешин») и необычно длиннополая дубленка («кюрк»). Такой внешний вид напоминал чем-то одеяние служителя церкви. Не исключено, что к этому наименованию приложил руку и старший брат моего отца – Михаил Петрович, который однажды при встрече рассказывал мне, что свое

прозвище я получил то ли за чтение четверостиший, то ли за распев легко запоминающихся гагаузских частушек («маани»). Пределом мечтаний моей мамы, как и многих других матерей в гагаузских селах, было увидеть своего взрослого сына священником. Других привлекательных социальных позиций в пределах и в условиях тогдашней социально-профессиональной структуры Гагаузии малограмотной публике не виделось. Мысли о летчиках, космонавтах, капитанах дальнего плавания или о профессорских мантиях, понятно, в ту пору, в голову не приходили.

Дед не стыдился, напротив, он гордился своим прозвищем, признающим его энергичность, инициативность и умение вести дела наряду с хлебопашеством и виноградарством, что возвышало его перед односельчанами и принималось во внимание и высоко оценивалось общественным мнением.

В годы депортации в Сибири, после нескольких кружек хмельной браги, приготовленной из сахарной свеклы, он любил рассказывать о своих торговых "операциях", и, в частности, упоминал о нескольких таких подвигах, в результате которых на вырученные деньги он мог очередной раз купить десятину (немного более одного гектара) земли. Так, например, после одной из таких удачных поездок он закупил участок земли за пределами хозяйственных построек нашего дома и вынес "харман" за пределы нашего двора, расширив площадь нашей усадьбы едва ли не вдвое.

Там, где был наш "харман", сейчас построена механическая мастерская и возведено здание банка.

Ярмарка в жизни и литературе

В романе Д.Танасоглу «Долгий караван» упоминается, что «базарный день» в Комрате в начале XX века состоялся по вторникам: «Бу бӱӱк кӱйдä бӱӱк та панаир олэр, хализ сали гӱннериндä, нäны топланэр алыжылар хем кими узак ерлердäн да, нижä дейжез, та Арцыздан да, Каларштан да,

Каушандан да... Соборун ардында, мейданда» (Дионис Танасоглу, Узун керван. Долгий караван. Кишинев, 1985. С. 333). Перевод: «В этом крупном селе «большой базар» собирался по вторникам. На базар приезжали покупатели и продавцы из многочисленных окрестных сел, в том числе из дальнего Арцыза, Калараша, из Каушан. Этот базар собирался на центральной площади позади Комратского Собора».

Можно допустить, что речь идет о базаре, существующем более столетия. Во всяком случае отчетливое упоминание о нем встречается в литературе в 1862 году. «В Комрате, – по свидетельству А.Защука, – учреждены еженедельные базары, оборот в которых простирается до 200 000 рублей в год» (Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область. Составил Генерального Штаба капитан А.Защук. Часть вторая. Санктпетербург, 1862. С.190).

Если принять во внимание, что в середине XIX в. Одна лошадь стоила в среднем около 50 рублей, а один вол – около 20 рублей, то в масштабах торгового оборота комратского базара можно было судить по тому, что реализовывалось до 4000 лошадей или до 10 000 волов (Материалы для географии. Там же. Часть 1. С.357).

В статистическом отчете за 1878 год Чадыр-Лунгского волостного правления в разделе «Торговля» было отмечено: «Главная торговля поселян состоит из скота и хлеба.

... Ярмарок в селениях не бывает, а становятся в селениях Кирютня и Чадыр-Лунга через каждые две недели базары по вторникам и четвергам» [Л.Титлинова, 1989, 25 июля].

В случайно найденной в киевских архивах рукописи, датируемой 1884 годом, под названием «с.Комрат Бендерского уезда» имеется упоминание о том, что «с.Комрат Бендерского уезда расположено на отлогости небольшого холма при речке Ялпохе и представляет собой обширное, многолюдное и коммерческое село, имеющее в длину 3, в ширину 2 версты. В нем становятся по понедельникам большие базары» [Валерий Кысса, 2004. С.3].

К сожалению, в найденной рукописи, подготовленной более 120 лет назад учителем Н.Бильбенко и датируемой 9 февраля 1884 года и опубликованной в кратких выдержках в газете «Вести Гагаузии», нет каких-либо сведений об архивных реквизитах. И хотя в ней содержатся интересные данные по истории и этнографии нынешней столицы Гагаузии, все же сведения о базаре по понедельникам нельзя считать полностью достоверными.

Одно из самых ранних упоминаний о ярмарке в Комрате встречается в книге «Статистическое описание самой Бессарабии или Буджака». В этой книге, найденной Комратским священником Юлианом Фринту и упомянутой в его очерке на румынском языке «Из прошлого города Комрата», опубликованном впервые в журнале «Viața Basarabiei» в 1942 году, не было ни автора, ни года издания. Однако в книге было дано экономическое, культурное и этнографическое описание трех уездов: – Аккерманского, Бендерского и Измаильского по состоянию на 1827 год.

«Колония Комрат, – отмечалось в этой книге, – расположена на правой стороне Ялпуга, выстроенная в правильных кварталах, с ярмаркой. Здесь устраиваются неофициальные базары, на которые приходят жители соседних деревень, чтобы продать скот и продукты, а местные жители занимаются продажей мелких товаров для одежды и других предметов» [Цит. по: Юлиан Фринту. Из прошлого г.Комрат. Публикацию на русском языке подготовил С.С.Булгар // Вести Гагаузии, 2005. 6 сентября. С.5].

Вне всякого сомнения праздничные торги в Чадыр-Лунге (по четвергам) и в Комрате (по вторникам) играли важную социальную роль. Наряду с расширением и упрочением социально-экономических, территориальных, родственных и других связей, в том числе и между жителями сел, населенных людьми различных национальностей, наряду с обогащением содержания и колоратуры праздничной культуры гагаузов, болгар и представителей других национальностей, они способствовали укреплению как внутриэтнических, так и межэтнических связей.

По богатству и разнообразию товаров Буджакские ярмарки мало чем отличались от классических описаний базаров в отечественной литературе. Как к Чадыр-Лунгской, так и к Комратской ярмарке вполне приложима картинка, предложенная Василием Беловым к базару, который он наблюдал на Северном Кавказе в г.Моздоке. «Здесь, – не без восхищения пишет автор, сам родом из Северных краев России, – торговали, видимо, всем, что рожала и что носила на себе земля Северного Кавказа. И не только Северного. Живность, к примеру, тут была вся, начиная от самого молодого и безрассудного цыпленка с розовой, просвечивающей сквозь первое оперение кожицей до громадного, облезлого, с отвисшей губой верблюда...

Ткани и шкуры, одежда и обувь – поношенные и новейшие – все это имелось также в избыттке, а в скобяном ряду можно было купить все, от булавки до мотоцикла» [Василий Белов, 1978, С.138].

Описание базара в г.Моздоке, опубликованное почти через полтора столетия после знаменитой, известной со школьной скамьи «Сорочинской ярмарки», вполне естественно вписывается в литературное поле притяжения творчества Н.В.Гоголя, в свою очередь уходящего корнями в традиции украинской литературы, овеянной мотивами украинского и южнорусского фольклора.

И хотя по советским учебникам и школьной программе молодые поколения заучивали едва ли не наизусть целые куски текста из «Ревизора», и из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и особенно со страстью – знаменитую Русь-тройку, аромат и блеск «Сорочинской ярмарки» оставался как-то в стороне.

Между тем, читая современного лауреата Государственной премии СССР Василия Белова, как не видеть в его описании традицию, заложенную Гоголем.

«Вам, верно, случалось слышать где-то валящийся отдаленный водопад, – писал Н.В.Гоголь полтораста лет назад до появления в печати рассказа «Базар в Моздоке», восхищаясь ярмаркой, четырежды в год проводимой в его родной Васильевке, – когда встревоженная окрестность полна гула и хаос чудных и неясных звуков вихрем носится перед вами. – И далее. – Не правда ли, не те ли самые чувства мгновенно охватывают вас в вихре сельской ярмарки, когда весь народ срастается в одно огромное чудище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит? Шум, брань. Мычание, блеяние, рев – все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами. Разноголосые речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно. Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон ярмарки [Н.В.Гоголь. 1994, Т.1, С.19].

Ностальгические ноты о былом величии ярмарки и о традиционном «посещении базара» («panayıra gideriz»), как важном элементе соционормативной культуры гагаузов звучат в стихотворении современного гагаузского поэта Константина Василиоглу:

Hadi, dostum, Çadıra, Çadıra,
Olsun cövündä para, çok para!
Panayıra gidecez orada,
Sedef-boncuk alacez kızlara

[Kosti Vasilioglu, 2004. C.4]

Карнавальный водоворот стихии

С далекого детства запавшая в душу Чадыр-Лунгская ярмарка время от времени, пока тянулись годы моей депортации в западной Сибири, оживляла и утепляла мою память, наполняла ее чувством мирного края, красками радости жизни и ощущением безоблачного бытия.

Рациональное и эмоциональное начала, деловое и праздничное, умное и глупое, мудрость и хитрость во многих

российских ярмарках, особенно в Южных от Северного Кавказа до Крыма, от Среднеазиатских оазисов до Буджакских степей сочетались самым причудливым образом.

Не случайно в произведениях классиков русской литературы от Гоголя до Василия Белова мы встречаем типологически сходные описания праздничного фестивального толка настроения и головоломной мозаики, от которых рябит в глазах и гудит в ушах, и волнуется душа.

Если приглядеться к жизни каждой такой ярмарки, то можно, как увиделось Василию Белову на одном из российских базаров в Моздоке, что на Северном Кавказе, убедиться в том, что «есть в ней и вполне понятная заинтересованность земледельца во взаимном обмене, есть и жажда прохвоста из чистого спортивного интереса любыми путями объегорить кого-нибудь и не важно кого. Имеется добротная совесть оседлого частника и циничное нахальство кочующего проходимца, нередко представляющего целую торгово-самодеятельную фирму. Старческое скопидомство одинокого пенсионера и бесшабашие равнодушного к торговле юноши. Мудрая бережливость многосемейной хозяйки и скупость глупой женщины, которая из ложно понимаемой экономии покупает завалящий товар. Все тут есть в этой натуре! Здесь, на базаре, все нации и народности чувствуют себя равноправными как нигде и никогда...» [Василий белов, 1978. С.197].

Пиршество непринужденности

Социально-экономическое и этнокультурное значение Чадыр-Лунгской ярмарки, как и Комратской и других местных ярмарок состояло в том, что они сыграли важную роль в консолидации гагаузского народа, в обретении и в укреплении этнического самосознания, в осмыслении своей самобытности и хозяина Буджакской земли.

Этноконсолидационные процессы гагаузов, имевшие место в XIX-XX веках, можно сравнить с процессами концентрации местных рынков в один всероссийский рынок в XVII веке, что, как известно, сыграло стратегическую роль в деле формирования русского народа.

Неотъемлемой составной частью консолидационного процесса русских в единый народ выступало становление литературного русского языка и формирование русской литературы как духовного богатства, как достояния великого народа. И подобно тому, как общепризнанный старт русской литературы случился с полувековым или несколько более опозданием от формирования экономической основы русского народа, типологически сходное явление имело место в становлении гагаузской художественной литературы с известным опозданием от формирования экономической основы жизнедеятельности гагаузского народа.

Сходство становления гагаузской литературы по сравнению с литературным процессом в России, проявилось кроме всего прочего еще и в опережающем развитии поэзии по сравнению с прозой и драматургией.

Сегодня, вспоминая фестивально-карнавальные краски Чадыр-Лунгской ярмарки и размышляя о становлении и функциональной значимости гагаузского литературного процесса, приходит в голову мысль, что как ярмарка, так и литература, служили источником радости, веселья, отдыха и коммуникационного успеха.

Наблюдения над праздничной атмосферой ярмарок вдохновляла писателей, вызывая у них приступы остроумия и спазмы юмора. Так, например, ишак на базаре в г.Моздоке, вызвавший очарование русского писателя из северных краев, «сперва мирно и целомудренно стоял в толпе, но безделье и скука еще никого и никогда не приводили к хорошему. Следуя зову природы, при всем честном народе он принимает весьма неприличный облик...

Тарахтят мотоциклы, кричит, кудахчет, пищит и крякает живность в птичьем ряду...

Вообще, здесь ишаки, видимо, совсем не безуспешно конкурируют с «Победами» и мотоциклами. Дожидаясь ра-

боты, они стоят на базаре с младенческими выражениями на своих долгоухих мордах, либо терпеливо везут тяжелые возы...» [Василий Белов, 1978. С.204].

Описанием ярмарочного буйства и пиршества весельем, юмором и брызгами невероятных анекдотов и якобы случившихся историй полна классическая русская литература. У ее истоков тот же неувядаемый Н.В.Гоголь и его «Вечера на хуторе близ Диканьки».

- Слышишь: Влас, – говорил, приподнявшись ночью, один из толпы спавшего на улице народа.

- Возле нас кто-то помянул чёрта!

- Мне какое дело! – проворчал, потягиваясь, лежавший возле него цыган, – хоть бы и всех своих родичей упомянул.

- Но ведь так закричал, как будто давят его!

- Мало ли чего человек не соврет спросонья!

- Воля твоя, хоть посмотреть нужно; а выруби-ка огня!

Другой цыган, ворча про себя, поднялся на ноги, два раза осветил себя искрами, будто молниями, раздул губами трут и, с каганцом в руках, обыкновенного малороссийского светильного, стоящего из разбитого черепка, налитого бараньим жиром, отправился освещая дорогу.

- Стой! Стой, здесь лежит что-то; свети сюда!

Тут пристало к ним еще несколько человек.

- Что лежит, Влас?

- Так, как будто бы два человека: один наверху, другой нанизу; который из них черт, уже и не распознаю!

- А кто наверху?

- Баба!

- Ну вот, это ж то и есть черт! Всеобщий хохот разбудил почти всю улицу.

- Баба влезла на человека; ну верно, баба эта знает, как ездить! – говорил один из окружающей толпы» [Н.В.Гоголь, 1994. С.31].

Национальность не в счет!

Впрочем, Чадыр-Лунгская ярмарка по четвергам играла не только этноконсолидационную, но и интеграционную роль в межэтнических отношениях на юге Молдавии и Новороссийского края, в том числе среди населения из сел Одесской области с многоэтническим составом. И снова напомним атмосферу базара в Моздоке, сочно нарисованную Василием Беловым. Как и Чадыр-Лунгская ярмарка, базар в Моздоке втягивал в водоворот межэтнических коммуникаций представителей различных национальностей: «Все здесь перепутано. Безошибочно можно было узнать лишь цыган... Выделяются и корейцы, одетые опрятно, а порой и довольно изящно и скромно; нельзя ни с кем перепутать и стариков-осетин, одетых главным образом в бараньи шапки и фуфайки... Еще можно было узнать грузин в группе очень шикарно, даже богато одетых людей – людей чисто выбритых и в обширных кепках» [Василий Белов, 1978. С. 206].

В горниле ярмарочных коммуникаций зарождались не только деловые, дружеские, но и родственные связи, когда отмечающие выгодную сделку продавцы и покупатели под хмельком находили повод подыскать невесту для жениха, или приглядеть достойного юношу для своей засидевшейся в девках дочери. И как тут снова не вспомнить основоположника ярмарочного бытописания, Н.В.Гоголя, согласно которому одним из итогов ярмарки в знаменитой «Сорочинской ярмарке» стала женитьба Брицька на Параске, начавшаяся с переговоров о купле-продаже пшеницы.

Человеку, ох, как нужна радость!

Сегодня, на заре XXI века на том пространстве, где шумела, кипела и гуляла Чадыр-Лунгская ярмарка по четвергам, мы видим унылые торговые ряды. Они работают ежедневно, без выходных и праздников. Торговля осталась, а ярмарка, как важнейший институт соционормативной культуры, ушла в небытие.

Но человек не может быть счастливым, живя без радости. «Надо быть всегда радостным, – призывал Л.Н.Толстой, – Если радость кончается, – советовал он, – ищи, в чем ошибся». «На этом свете главное – быть веселым. Радость – половина счастья» – вторил ему классик армянской литературы Аветик Асаакян. Радость нужна для самоутверждения, для наполнения своего достоинства реальным содержанием. Следовательно, вместо ярмарки, как одного из институтов соционормативной культуры, реализующей жизнедеятельность, необходим другой институт, дающий основание для коллективного действа, генерирующего радость. В качестве одного из новейших примеров празднества, вселяющего радостные мгновения в души людей, можно назвать только что возникший в Гагаузии праздник «Ана дилимиз» («Наш родной язык»). Символичен сам факт, что один из таких праздников в Чадыр-Лунге состоялся в старом парке, выросшем на месте, где когда-то шумела и бушевала знаменитая Чадыр-Лунгская ярмарка по четвергам, затмевая по рационально-эмоциональной значимости воскресные праздничные дни.

Даже самый беглый обзор содержания праздника «Ана дилимиз» дает основание считать его немаловажным фактором роста этнического самосознания и укрепления консолидированности гагаузского народа. Этой этноинтегрирующей роли, в частности, в полной мере служили: уголок гагаузского подворья, профессионально подготовленный Чадыр-Лунгским краеведческим музеем (директор С.Стамова), старая мастерская из близлежащих сел Томая и Казаклии, демонстрирующие свое искусство по изготовлению народных инструментов – гайды и флуера. На этом же празднике народный умелец из с.Казаклии шил постолы. Его мастерство, по его же рассказам, позволяло содержать большую семью. На праздник, начавшийся с выступления примара (мэра) Чадыр-Лунги, А.Чебаники, приехали танцевальные и фольклорные коллективы из окрестных сел Томая, Гайдара, Копчака, Казаклии. Фестивальные краски праздника расцвечивались танцами детского томайского ансамбля «Алтынжык» («Золотник»), богатым голосом Марии Гаргалык, волнующим тенором Федора Копущу, народными и современными гагаузскими стихами и песнями.

Особое внимание на зрителей произвела постановка театра им.М.Чакира «Арванте хем пепеля», выступления казаклийского фольклорного ансамбля.

В соответствии с программой праздника на городском стадионе состоялся футбольный матч, соревнования по армрестлингу, тяжелой атлетике.

Завершился праздник реанимированной традицией хору, в котором приняли участие мода разных возрастов [О.Еребакан, 1998. С.2].

Необратимое время требует вместо уходящих в прошлое традиционных источников радости и веселья, новых институтов, обрядов и обычаев. В традиционной духовной культуре гагаузов имеет место тенденция, когда ритуалы, связанные с жертвоприношениями и празднованием какого-либо религиозного праздника, наполнялись или дополнялись новым содержанием, способствовавшим увеличению удельного веса веселья, радости и праздничного настроения. Так, например, по описаниям Е.Н.Квилинковой, в некоторых гагаузских селах обрядовая «трапеза, в честь праздника «Хедерлез» (День святого Георгия) завершалась песнями, танцами и состязаниями по борьбе. Иными словами, курбан (жертвоприношение) в День Святого Георгия, как подчеркивает Е.Н.Квилинкова «представлял собой жертвоприношение от имени всего общества и от каждой семьи в отдельности [Е.Н.Квилинкова, 2007. С.494].

Однако, по воле народа, в религиозную начинку празднества, связанного с жертвоприношением, привносились светские элементы. Сакральное видоизменялось в гражданское.

«Реки стремятся к морю», – воспевал движение человека к счастью лакский поэт Абуталиб Гафуров, и продолжал, –

Железо стремится к магниту,
Травы стремятся к солнцу,
Птицы стремятся на юг,
А люди стремятся к счастью»

[Цит. по: Афоризмы, 1975. С.419].

В нынешнее постсоветское время, несмотря на заметное возрождение религиозности и активной деятельности служителей культа, в селах Гагаузии ведутся поиски новых форм празднеств, которые давали бы людям возможность для радости и веселья, для песен и танцев. Так, например, в здании дома культуры в с. Баурчи в августе 1998 года был устроен праздник и театрализованно-музыкальное представление в честь 50-летия со дня образования в этом селе коллективного хозяйства [см. подробнее: Знамя, 1998. 07 августа].

Когда я сегодня захожу в книжный, продовольственный или в промтоварный магазин, или в широко вошедшие в обиход магазины «Ашан», и рассматривая тот или иной предмет или продукт, меня не покидает ощущение, что я должен что-то непременно купить. Не исключено, что это проявляется в реанимированном виде въевшаяся с ярмарочных времен привычка совершать какие-либо покупки, чтобы не чувствовать себя изгоем или виноватым перед завораживающей стихией ярмарки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афоризмы. Издание второе. Сборник, библиографический указатель и примечания составлены С.Д.Игнатьевым. Улан-Удэ, 1975.
2. Василий Белов. Гудят провода. Рассказы. Изд-во «Советская Россия», М., 1978.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. Том первый. Вечера на хуторе близ Диканьки. «Русская книга», М., 1994.
4. Квилинкова Е.Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев, 2007.
5. Kosti Vasilioglu. Çadır // Вести Гагаузии. 2004. 26 ноября.
6. Кысса Валерий. Тогда Комрат был селением. Найденной рукописи – 120 лет // Вести Гагаузии. 2004. 20 января.
7. Митиоглу М. Книга памяти // «Ана дилимиз» // Знамя. 1998. 05 августа.
8. Титлинова Л. Вехи истории // Знамя. 1989. 25 июля.
9. Чебаника А. Будем помнить свое прошлое // Знамя. 2004. 21 мая. С.4.

6. КУРБАН

Примерно за два десятилетия до наступления XX века глава французской миссии в западной Африке Саворньян де Бразза, завоевавший уважение черных племен своим мужеством, добротой и прямодушием, убедил их предводителя принять протекторат Франции.

В знак примирения негритянский вождь Макоко повелел вырыть среди поля глубокую яму и, когда все туземные воины и военачальники бросили туда свое оружие, произнес следующие слова:

– Мы похоронили войну так глубоко, что она уже не выйдет из могилы ни при нас, ни при детях наших.

На земляном Холме, покрывшем копья и стрелы, посадили дерево, и тогда Бразза сказал:

– Да воцарится мир, и да не нарушат его никогда, как никогда не вырастут на этом дереве ни железо, ни порох» [Анатоль Франс, 1960. С.687].

Философский смысл жертвоприношения, как попытки спасти человечество от катастрофы, прекрасно выражен в одноименном фильме Андрея Тарковского, снятого в Швеции. Фабула фильма одновременно и предельно проста и многозначима.

День рождения профессора, известного эссеиста и театрального критика, проживающего в уединенном живописном уголке благообразной Швеции, может стать последним для него и для его семьи, так как именно сегодня началась третья Мировая война. Профессор сходит с ума и, инициированный увиденным сном, во имя спасения мира, всех тех, кого он знает и любит, совершает жертвоприношение – сжигает свой прекрасный респектабельный и комфортный дом со всем имуществом. Эта абсурдная по сути акция, как любые другие жертвоприношения, позволяет увидеть мировую драму, заключенную в привычных событиях, из которых складывается повседневная жизнь народов мира.

Слово курбан часто звучало в нашей семье до депортации. Я не помню ни цели, ни точного смысла этих разговоров, но помню, что это было связано с большим празднеством и с изобилием приготовленых кушаний. У входной двери в нашем доме из внутреннего двора, рядом с полувысохшим деревом груши (дед не жаловал садоводство), был зацементированный колодец, рядом с которым непременно зажигали котлон (очаг, место, где разводят огонь) в пору, когда надо было приготовить разносолы в больших количествах.

Помню, пожалуй, только одно. Солнечным днем возле задней стены соседнего сарая, которая одновременно служила ограничением нашего двора, я в красной рубашечке (или блузке) играл с маленьким трехколесным велосипедом, подаренным мне отцом (Дочу Кости, фамилии не помню) первой жены моего отца, трагически погибшей вместе с двумя малолетними детьми. Вдруг из-под хозяйственного навеса, набирая скорость, круто и злобно на меня пошел молодой бычок. Мне грозила серьезная опасность быть пригвожденным к стенке, сделанной из глины и самана. К счастью, оказавшийся рядом отец перегородил путь агрессивному животному телегой и тем самым спас меня от неминуемой беды. Я, понятное дело, даже не успел испугаться. Но в доме случился большой скандал и было обещано сделать большой курбан во имя спасенного ребенка. Однако, что стало с тем бычком и состоялся ли курбан, я, увы, не помню. Наверное, это одно из самых ранних воспоминаний моего доисторического детства 3-х или 4-х летнего возраста. Не исключено, что курбан был перенесен на неопределенное время, в связи с приближающейся свадьбой младшей сестры моего отца, моей тети Любы и ожидаемыми весьма ощутимыми для бюджета расходами. А потом был голод 1946-1947 гг. Даже наша, относительно обеспеченная семья какое-то время питалась только "жандрой" – похлебкой из кукурузной муки крупного помола. Надо было как-то выживать, а не курбан справлять.

«Обещанный» курбан по случаю моего спасения по логике вещей мог бы стать обетным праздником, т.е. праздни-

ком «по обету», подобно тому, как это имело место на Руси, когда в отличие от Храмового праздника, обетные праздники учреждались семьей, группой родственников или по инициативе духовенства (Русские. М., 2005. С.608-609).

В годы депортации (1949-1957 гг.) и позднее, в том числе за 50 лет, прожитых в Москве, я, пожалуй, ни разу не слышал ни слово курбан, ни намеков о праздновании «обетного» праздника в нашем доме.

К счастью, В.А.Мошков сохранил для потомков значение, смысл и содержание традиции жертвоприношения, которая по его же словам на рубеже XIX-XX вв. уже будто бы выглядела пережитком. Тем не менее этот "пережиток" в ту пору в той или иной форме исправно соблюдался в гагаузских селениях.

Думается, что и в межвоенный период, когда гагаузские селения оказались в составе Румынии, этот институт из комплекса соционормативной культуры гагаузов не утратил своего социального значения и своего бытования.

Согласно превосходному описанию и теоретическому осмыслению курбана В.А.Мошковым, этот обычай – представлял собой общественное пиршество, "которое гагаузы по временам устраивают и которые называются "Курбан", т.е. жертва Богу", но на самом деле, как показалось исследователю, "в действительности являются не жертвой Богу, а долгу гостеприимства" (Этнографическое обозрение. 1901. №2. С.16).

В системе общественных отношений гагаузов, а, следовательно и в комплексе элементов соционормативной культуры гагаузов, обычай гостеприимства, к удивлению В.А.Мошкова, играл исключительно важную роль. "Если и у самых цивилизованных народов Европы, – пояснял с энтузиазмом В.А.Мошков, – гостеприимство до настоящего времени считается добродетелью и не потеряло ни своей цены, ни значения, то для народа, стоящего на такой стадии развития, как наши Бендерские гагаузы, гостеприимство обязательно для каждого человека и составляет часть его культа" (Там же. С.15).

В свою очередь гостеприимство, как часть культа, обязательное для каждого гагауза, входило в более широкое понятие "адамлык", от слова "Адам" (человек). При этом имелся ввиду человек в самом широком высоком философско-нравственном смысле. В буквальном переводе на русский язык, как сумел выяснить В.А.Мошков, слово "адамлык" звучало бы чем-то вроде "человечности".

Обычай гостеприимства, сохраняющийся в системе соционормативной культуры гагаузов на протяжении XX века, нашел художественное воплощение в стихотворении «Клятва гостеприимства», профессионального этнографа, известного поэта, экс-депутата Парламента Республики Молдова Степана Степановича Курогло.

«Если будешь скупым в угощенье,
Сироте не протянешь куска,
Если страннику из родника
Ты напиться не дашь, то прощенья
Не видать тебе наверняка.
Будет ливень, звенящий, как сабля,
Или дождь, моросящий вдали, –
Ни одна одинокая капля
Пусть твоей не коснется земли!

(Перевод Н.Кондаковой)

Высоким гуманистическим пафосом наполнена картина молдавского художника, лауреата Государственной премии СССР по живописи, Михаила Греку. В картине "Гостеприимство", в которой по словам Л.Томы в докладе, подготовленном к III-му Российско-молдавскому симпозиуму, "душевная открытость, радушие хозяев, хлебом-солью встречающих в проеме ворот гостей (кажется, нас, зрителей), исходит и от фигур, и от светоносного колорита вибрирующего нежными оттенками белого цвета. Мотив, – продолжает свой анализ Л.Тома, – обрел значительность ритуального порядка, как в средневековых молдавских фресках, и ду-

ховная красота крестьян воспринимается как вневременная категория" (Тома Л. Изобразительное искусство // Курсом развивающейся Молдовы. Том 4. М., 2008. С.401).

По рассказам своих информаторов, В.А.Мошков зафиксировал по крайней мере три формы бытования Курбана и ассоциированную с ним его облегченную форму жертвоприношения – "аязма", – разновидности угощения, устраиваемого хозяином во имя того, чтобы Бог не оставил хозяина и его семью своими милостями. Сразу же обратим внимание, что все формы гагаузского Курбана означали жертвоприношение Богу, и в свое время "были частными и общественными молениями, соединенными с жертвоприношение языческим богам" (В.А.Мошков. Там же. С. 16).

Поскольку в современной научной и художественной литературе нет подробного описания курбана, воспользуемся не стареющими записями В.А.Мошкова. Так, например, при освещении новой церкви в с.Бешалма, построенной 10 или 15 лет тому назад, – записывал В.А.Мошков по всей вероятности со слов участников или свидетелей памятного курбана, – грандиозное торжество было общее для всего села, а потому было заколото до 30 быков и до 300 баранов. Угощение в то время было в каждом доме и каждый, свой или чужой, мог зайти на угощение в любой дом во всем селе. Что касается водки, то ушаты ее стояли на улицах и каждый мог прийти и выпить сколько ему угодно" (Этнографическое обозрение. 1901. №2. С.17).

Кроме общих (коллективных) курбанов, устраиваемых всем селом, на исходе XIX века имели место частные курбаны, подготовленные отдельными лицами. Снова обратимся к превосходному источнику: к монографии "Гагаузы Бендерского уезда". "Каждый самостоятельный гагауз, – свидетельствовал в ней В.А.Мошков, – выбирает из родившихся у него телят самого лучшего бычка на "курбан", т.е. в жертву Богу. Такие бычки не пасутся вместе с прочим скотом в стаде, а ходят на полной свободе... В селе они известны каждому как "Аллахлык" (предназначенное для Бога) и выгнать их из поля считается большим грехом. Вырастая в полной свободе и не зная ни пастуха, ни кнута, такие бычки делаются дикими и свирепыми. Свои односельчане их не украдут, так как это был бы неотмолимый грех, а чужим они и сами в руки не дадутся. По мнению гагаузов, даже волки их боятся и никогда не съедят... Когда такому бычку минет 7 лет, то он уже считается годным на "курбан". Тогда хозяин или закалывает его и устраивает пир, или продает и деньги отдает в пользу церкви. Пиры делаются только в особо важных случаях, если, например, кто-нибудь выздоровеет от тяжкой и продолжительной болезни, если человек женится и у него не родятся дети, если он переходит в новый дом и т.п.

День пира назначается обыкновенно на какой-нибудь праздник. Для созывания гостей выбираются три или четыре молодых парня, которые навязывают на гриву своей лошади платок, берут в руки "чотру" с вином и объезжают с приглашением почти все село. Все собравшиеся гости не могут поместиться в доме за один раз, а потому делятся на 3, на 5 смен и пируют по очереди, начиная с раннего утра и до глубокой ночи. Каждому из гостей, кроме угощения подносится вино и рюмка водки, дается в платок тарелочка, на которую положено по ложке от всех блюд, подававшихся за столом, по одной восковой свече и по сальной, приготовленной из сала жертвенного быка" (ЭО, 1901. №2. С. 16-17).

Судя по вполне достоверным источникам, курбан «во имя Бога» существовал у гагаузов и болгар в середине XIX века. Сведения об этом хотя и в косвенном виде находим у капитана Генерального штаба русской армии, Действительного члена Одесского общества истории и древностей, Члена-сотрудника Императорского Географического общества – А.Защука. Характеризуя домашний быт «болгар-колонистов» во многом отличающихся от остальных обитателей Бессарабии одеждою, нравами, обычаями и семейным бытом он сообщает, что «После окончания всех полевых работ, после сбора фруктов и винограда, почти в каждой колонии, насе-

ленной болгарами, устраивают общественный праздник «за Боже име». Для этого к назначенному дню каждый из хозяев, по своему состоянию, жертвует: кур, баранов, даже иногда волов; все это сносится на площадь около церкви; мужчины варят и жарят мясо жертвованных ими животных, а женщины по домам в то же время занимаются приготовлением других кушаний, между которыми главное – «коливо» (вареная свежая пшеница). Все приготовленное сносят на площадь, где по окончании литургии, благословляется священником; после чего следует общественное угощение, раздача бедным, а главное – священно- и церковнослужителям, в пользу которых поступают все кожи принесенных животных» (Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Составил Генерального Штаба капитан А.Защук. Часть первая. Санкт-Петербург, 1862. С.506).

В приведенном описании «Общественного праздника», как видно, нет прямого указания о том, что это курбан и о том, что его справляли гагаузы. Однако, положенные в основу «праздника» идеологемы «жертвоприношение» и «посвящение «во имя Бога», а также ряд других косвенных свидетельств, позволяют думать, что в середине XIX века он входил составной частью в систему соционормативной культуры гагаузов. Обращает на себя внимание, во-первых, тот факт, что сам А.Защук уверен в том, что «общественный праздник» устраивается «почти в каждой колонии», во-вторых, в приведенном им «Списке колоний Задунайских переселенцев» по Верхнее-Буджакскому округу» перечисляются села (Комрат, Бешалма, Баурчи, Казаклия, Бешгиоз, Чадыр-Лунга, Гайдары, Томай, Джолтай, Авдарма, Кириет-Лунга, Чок-Майдан, Дезгинже), населенные во все времена не болгарами, а гагаузами (Материалы по географии и статистике ... Часть первая. Санкт-Петербург, 1862. С.512-513). А.Защук, разумеется, знает о существовании гагаузов и даже упоминает местное сказание, видимо, записанное им не со слов гагаузов, согласно которому гагаузы – «это незаконные дети турок от болгарок» (Там же. С.469). Но, похоже, ему не пришлось с ними сколько-нибудь обстоятельно познакомиться, и, вследствие этого, особой симпатии к ним не испытывает, характеризуя гагауза, как человека, который «кровожаден, хитер и туп» (Там же. С.169). Однако ценность его фундаментального описания Бессарабии, состоит в том, что в энциклопедической по содержанию книге в ряде мест (см., например, с. 501) содержится одно из ранних упоминаний этнонима «гагауз», и подчеркивается, что гагаузы «наружностью, характером и жизнью резко отличаются от прочих болгар».

Кроме того, в описании «праздника» внимание офицера и ученого акцентировано на религиозной стороне дела, и нет упоминания о собственно праздничной стороне дела, – о танцах, песнях, плясках. Скупость сведений относительно увеселительной стороны дела свидетельствует о том, что в своем эволюционном развитии «курбан» середины XIX века сохраняет в себе наследие прошлых веков, уходит корнями в языческие жертвоприношения и находится под влиянием православной церкви, ведущей дело к дальнейшему оцерковлению древнего обычая.

А теперь обратимся к воспоминаниям и размышлениям нашего современника – экс-президента Республики Молдова Петра Кирилловича Лучинского. В недавно опубликованной, но уже успевшей наделать много шума, книге, он с нескрываемой ностальгией и нежностью вспоминает о Празднике Храма, который проводится каждый год в честь святого или духовного покровителя церкви, если таковая в церкви имеется. Итак, принципиальное отличие молдавского Праздника Храма от гагаузского курбана состоит в том, что первый был посвящен конкретному святому, в то время как второй, в любых его вышеописанных формах посвящается Богу.

К селу, где празднуют Храм, – свидетельствует П.К. Лучинский, "стекаются потоки людей со всей округи. Пешком, на велосипедах, в автомобилях и автобусах, друзьям или просто на Хору, жок (этими словами обозначается так-

же место в центре села, где проводится хора). Вспоминаю об этом празднике, – продолжает П.К. Лучинский, – как о самом прекрасном из моих воспоминаний о родном селе, о детстве и юности" (Петр Лучинский. Молдова и молдаване. Кишинев, 2007. С. 276).

Разумеется, гагаузский курбан конца XIX века и молдавский праздник Храма середины XX века (по воспоминаниям П.К. Лучинского) отделены друг от друга хронологически, географически и этнически. Но как трудно удержаться от удивления, что они во многом похожи друг на друга, но вместе с тем и значительно отличаются, как уже отмечено выше, идеологией посвящения.

Накануне праздника Храма, – продолжим цитату П.К.Лучинского, "селяне приводят в идеальный порядок свои дворы, хозяйки готовят разнообразные блюда. Интересно, что в моем родном селе Рэдулений Векь, – гарантирует адекватность изображаемого сценария праздника Храма П.К.Лучинский, – никто никого на Храм не приглашает – гости сами собираются. Есть только инициативная группа, стоящая, как правило, из авторитетных парней. Они нанимают на Хору оркестр. После богослужения к центру села сходятся все рэдуленцы от мала до велика, а также их родственники и знакомые из соседних сел... Пока молодежь танцует, пожилые знакомятся, а старые знакомые находят друг друга. Так что Храм не сводится к застольям. Однако недаром же хозяйки приложили столько старания и воображения, готовя разнообразные разносолы. Вообще-то хозяин дома приходит на хору с определенной целью, а именно – пригласить домой родственника или друга, или просто гостя из соседнего села. Тем часом в каса маре (горнице) накрывается стол, скажем, на двенадцать человек. Через часполтора гости, выпив, закусив и пообщавшись, расходятся по домам. А женщины, убрав столы, накрывают их заново. Хозяин же снова отправляется на хору и приглашает еще шесть пар. Так и продолжается. Пока хватает на всех еды и выпивки" (Петр Лучинский. Там же. С. 276-277).

Корректность этнографического описания воспоминаний П.К.Лучинского лично у меня не вызывает сомнения, так как в пору, когда он учился на первом курсе историко-филологического факультета Кишиневского государственного университета, лекции по основам этнографии читал профессор Кишиневского государственного университета Виссарион Константинович Тотров. Он был крупным знатоком не только этнографии своего родного народа – осетин и других народов Кавказа, но и многих других национальностей Советского Союза. Его вдумчивые лекции, отличающиеся богатым содержательным и высоким концептуальным уровнем, оставляли глубокий след в душе и в профессиональной подготовке студентов. Более того, студенты первого курса под его руководством собирали в дни каникул этнографические сведения в своих родных селах. Так, например, по его заданию мной была написана курсовая работа, посвященная волчьим праздникам у гагаузов, и в день защиты курсовой Виссарион Константинович подарил мне фундаментальный по форме и содержанию учебник С.А.Токарева «Этнография народов СССР» с трогательной дарственной надписью «Мише Губогло – пионеру изучения этнографии своего родного народа» и обратился к ректору МГУ с просьбой перевести меня из КГУ на кафедру этнографии исторического факультета МГУ.

Однако, продолжим сравнительный анализ.

Таким образом, несмотря на различные в идеологическом оформлении, гагаузский курбан и молдавский храм похожи друг на друга по стилистике организации, по сценарию проведения.

Молдавский праздник Храма имеет аналоги и с русским храмовым праздником. Об одном из них, относящемся по времени к последнему десятилетию XVIII века, упоминает С.Т.Аксаков в автобиографической повести "Детские годы Багрова – внука», служащие продолжением его же "Семейной хроники". "Рождество Христово было у ней, – вспоминает С.Т.Аксаков о самой ближайшей родственнице, под

именем соответствующей литературной героини – Прасковьи Ивановны, – храмовый праздник в ее новой, самою ею выстроенной церкви, и она праздновала этот день со всевозможной деревенской пышностью. Гостей наехало столько [как и в молдавский храм – М.Г.], что в обоих флигелях негде было помещаться; некоторые мелкопоместные и бессемейные соседи жили даже по крестьянским избам. Все говорили, что никогда не бывало такого съезда, как в этот год" (С.Т.Аксаков. Избранные сочинения. М., 1984. С.495).

Вероятно, у этих праздников одни и те же языческие корни. Но молдавский праздник Храма, будучи сильно адаптирован православием, одновременно стал уже, и шире по смыслу по сравнению с гагаузским курбаном. Уже потому, что снизошел от Бога до того или иного святого, имя которого носит сельская церковь. Шире – по той причине, что стал более массовым, демократичным и праздничным, соединив в себе элементы православного богослужения и элементы светского хору. Вместе с тем в молдавском Храме присутствуют явные признаки гагаузской ярмарки, когда в Чадыр-Лунге четверги становились более воскресеньями, чем сами воскресенья.

Вспоминаю, что мой дед, как хозяин постоялого двора, принимая гостей из соседних сел, получал возможность на ответный визит и в связи с этим еще раз вернемся к воспоминаниям П.К.Лучинского.

"Предположим, что в храмовый день, – рассуждал свидетель молдавского храма, – порог твоего дома переступило 24 человека. Ты хорошо знаешь гостей-односельчан, запомнил также гостивших у тебя селян из соседних сел. А, скажем, через месяц храм приходит в Кейнарь. Вы с женой, празднично наряженные, едете туда, потому что дядюшка Георге, которого вы месяц или год тому назад принимали у себя, обязан вам ответным приглашением. Упомянутый Георге тоже знает, что, например, Петр Лучинский из Рэдулень скорее всего приехал на храм и гуляет по центру села в ожидании приглашения..." (Петр Лучинский. Молдова и молдаване. С. 277).

Итак, гагаузский курбан, идеологическим ядром которого выступает жертвоприношение, больше чем молдавский храм, обращен в прошлое, в языческие времена. В нем без труда угадываются старые кочевнические инстинкты, рожденные и воспетые в степной полосе, как классического «месторазвития» евразийства и евразийской ментальности.

Молдавский храм, хотя и сильно связан с церковью и богослужением, но в то же время, насыщен больше, чем гагаузский курбан, светским содержанием, что находит свое выражение в совмещении молитвы и хору с рациональной системой ответных визитов.

Можно полагать, что гагаузский храмовый праздник по сравнению с молдавским аналогом значительно отстал в своем цивилизационном развитии по траектории от древнего торжественного жертвоприношения к современному солнечному, более светскому, чем религиозному молдавскому празднику. Не исключено, что определенную роль в этом отстаивании сыграло насильственное, принудительное по разнарядке навязывание праздника Храма гагаузам в межвоенный период румынской администрацией и религиозными деятелями.

Такое предположение подтверждается, в частности, рассказом литературного героя из повести «Гвоздики расцвели вновь» известного гагаузского писателя Николая Бабоглу об освящении и открытии церкви в его родном селе Копчак, которое после торжества стала носить имя Богородицы. «Власти, – свидетельствует Николай Бабоглу, – рассчитывали, что ежегодно день 15 августа будет отмечаться населением как двойной праздник: день Храма и Богородицы девы Марии» (Николай Бабоглу. Гвоздики расцвели вновь. Кишинев, 1986. С.14-15).

От самой атмосферы праздника Храма, заорганизованного администрацией под наблюдением жандармов, отнюдь не веяло праздничным искрящимся, как в молдавском Храме, солнечным весельем. «В то утро, – полистаем страницы повести, – площадь в центре села была вся заполнена народом.

Примарь Ванчу Чювенжи, опоясанный трехцветным кушаком – цветов государственного флага [румынского триколора – М.Г.], – знаменующим полноту власти, давал последние указания. Несколько пожилых мужчин с хоругвями и крестами в руках выстроились перед входов в храм ... Поодаль стояли жандармы во главе с шефом при всех регалиях, в блестящих остроконечных шлемах, за плечами грозно торчали стволы винтовок» (Николай Бабоглу. Там же. С.15).

Однако праздник Храма в Копчаке завершился скандалом, даже несмотря на то, что три сельских богача в качестве жертвоприношения храму зарезали по быку. Подчеркнем, что в отличие от молдавского праздника Храма, в гагаузском варианте праздника, охраняемого жандармами, участники были разделены по социальному происхождению. «На окраине села, – продолжим цитату из повести Н.Бабоглу, – прямо под открытым небом, в наспех установленных котлах варили похлебку для бедняков, а во дворе примаря – сельского старосты, – готовили трапезу для Его Преосвященства Епископа Аккерманского и Измаильского и для сельской знати (Николай Бабоглу. Там же. С.17).

Художественное изображение подневольного праздника Храма, не лишенного иронии и ядовитого привкуса, позволяет читателям сделать важный вывод о том, что по сравнению с рядом других религиозных обрядов и праздников, храмовый праздник не укоренился ни в ментальности, ни в поведении, ни в системе институтов соционормативной культуры гагаузов. Еще раз вернемся к тексту повести, в которой, напомним, рассказывается о событиях в Буджаке перед Второй мировой войной, накануне вхождения Бессарабии в состав Советского Союза. «За вошедшими в церковь представителями власти, – рисует картину праздника Храма не без излишней идеологизации и не без черных красок Николай Бабоглу, – ринулся весь народ. Все спешили, каждый старался пролезть, впереди в дверях образовалась пробка. Теперь уже никто не мог сдвинуться с места. Были слышны крики и стоны. К толпе бросились жандармы и

гардисты [помощники жандармов из числа местного населения – М.Г.], и заработали палки и кулаки. Разогнав толпу, блюстители порядка стали пускать в церковь только прилично одетых крестьян, а босоногих бедняков, цыган, нищих отгоняли дальше от святого места» (Николай Бабоглу. Там же. С.18-19).

Более глубокие исторические корни гагаузского курбана, по сравнению с молдавским храмовым праздником, сказываются и в том, что формы "справления" курбана весьма разнообразны и многообразны. Так, например, наряду с общесельскими и частными курбанами, рассчитанные на массовые коммуникации при участии множества друзей, родных и других людей, среди гагаузов на рубеже XIX и XX столетий практиковались так называемые "венчальные" курбаны, как аналоги нынешним юбилейным "деревянным", "серебряным" и "золотым" свадьбам. Однако, время "венчальных" Курбанов обязательно совпадало с юбилейными датами официального венчания в церкви. По свидетельству В.А.Мошкова, "венчальные" курбаны устраивались хозяином в день какого-нибудь большого праздника. В этот день кололи барашка и созывали родственников. Собравшиеся гости отдавались веселью: ели, пили, танцевали и пели (ЭО. 1901. №2. С. 17). К конце XX века "венчальные" курбаны в большинстве случаев уступили место юбилейным торжествам. Неизвестно, какие песни пели гагаузы в ходе "венчальных" Курбанов. Сегодня чаще всего поют русские или молдавские песни, иногда – украинские.

Шагом вперед в эволюционном развитии гагаузского курбана, как важного института в системе соционормативной культуры, можно считать так называемые "аязмы" – религиозные освещения, предпринимаемые для здоровья хозяина и его семьи, для хорошего урожая и для того, чтобы Бог не забыл хозяина осчастливить своими милостями и благодеяниями. Сценарий "аязмы" был предельно простым. Приглашенный священник служил молебен, кропил дом святой водой, после чего следовало угощение (жертвоприношение)

для ближайших родственников. Надо полагать, что, во-первых, В.А.Мошков не упускал из поля зрения социальное расслоение среди гагаузов, во-вторых, подчеркнул, что зажиточные гагаузы могли себе позволить проведение "аязмы" до трех-четырех раз в год (ЭО. 1901. №2. С. 18).

Задача церкви в окультуривании жертвоприношения с его языческими корнями была чрезвычайно сложной. С одной стороны церковь стремилась вырастающему в языческом поле растению сделать религиозную прививку. В итоге родился праздник Храма. Но как только церковное руководство при поддержке светской администрации стало перегибать палку, эволюционный путь от древней идеологемы жертвоприношения к современному рационально-увеселительному празднику затормозился.

Как бы там ни было, если доверять, с одной стороны, описаниям В.А.Мошкова и Николая Бабоглу, посвященным празднику Храма «по-гагаузски» и воспоминаниям П.К.Лучинского и Иона Друцэ, с другой стороны, то напрашивается вывод о более глубокой трансформации молдавского варианта по пути его европеизации и модернизации, сокращении религиозного контекста и возрастанию светского начала по сравнению с гагаузским вариантом. Гагаузскому курбану, во многом совпадающему с молдавским храмовым праздником, недоставало во второй половине XX века процессов дооцерковления и тем более – постоцерковления.

В классическом описании Н.С.Полищук эволюции русских крестьянских праздников читаем: «В эпоху Петра I, для которой была характерна крутая ломка традиционного быта, резко активизировались начавшиеся еще в XVII веке процессы европеизации и модернизации русской праздничной культуры и усиление в ней светского, гражданского начала, получившего дальнейшее развитие в последующие годы» (Русские. Ответственные редакторы: В.А.Александров, ИВ.. Власова, Н.С.Полищук. М., 2005. С.576).

Как говорится, ничто не ново под луной. Гагаузско-молдавско-русские этнокультурные параллели налицо.

7. ЗЕМЛЯ И ХЛЕБ

Выпавший на землю дождь
Обратно не воротишь.
Древнегреческая пословица

Земля в представлениях и в культуре

В представлениях гагаузов, как и в целом народном поэтическом творчестве других народов мира, нет недостатка в понимании красоты и важности земли и хлеба для человеческого существования [А. Никольский, 1902; П. Бак, 1934; Г.И. Успенский, 1949; Думитриу, 1952; Е. Дорош, 1958, И.А. Бунин, 1961; Э. Золя, 1964; Ф. Абрамов, 1979; Д.М. Мамин-Сибиряк, 1981; В.И. Белов, 1982; И.М. Громыко, 1991; Ю.И. Семенов, 2003; Хлеб, 2004].

На закате XX века, когда оставалось всего два года до нового тысячелетия, один из лучших знатоков земли в Гагаузии, ее энергии и бонитета, ее бед и радостей, талантливый хозяйственник и крупный общественный деятель Михаил Константинович Пашалы со знанием дела утверждал: «Земля во все времена считалась и считается самым важным из средств жизнеобеспечения. За землю, за жизненное пространство происходили все войны. И сегодня [в конце последнего десятилетия XX века – М.Г.] мы еще раз убеждаемся, что все «горячие» точки появляются на карте мира из-за земли» [М.К.Пашалы, 1998. С.2].

Все, что гагаузы знали о земле, входило в систему их знаний о хлебе, который в их пищевом рационе занимал едва ли не главное место [Д.Е.Никогло, 2004].

«С древнейших времен хлеб сравнивали с золотом, солнцем, с самой жизнью. О хлебе слагали гимны, хлебом встречали гостей, новорожденного и его мать, с ним входили в

новый дом. Хлеб символизировал богатство и счастье будущей семьи. С хлебом начинали пахоту и посев, а также «зажинки», хлебом провожали пастуха на пастбище впервые весной и встречали со стадом по возвращении осенью. Хлеб обязательно присутствовал на поминках» [Хлеб в народной культуре, 2004. С.5].

На такой высокой романтической ноте читатель открывает книгу, по сути Антологию о хлебе, подготовленную коллективом авторов под руководством члена-корреспондента РАН С.А.Арутюнова и Т.А.Ворониной. И пока будет жив человек, он не перестанет посвящать земле и хлебу свой труд и талант, свои силы и умение, свои стихи и песни. Гагаузы в этом отношении ничем не отличаются от соседних и других народов. Преклонение перед хлебом и вместе с тем поклонение хлебу исходило из понимания того, что хлеб не дар природы или неба, а дело рук человеческих. Об этом, в частности, народная пословица: «Екмек елдän, су гölдän» (Хлеб – дело рук человеческих, а вода – из озера»).

Не случайно, еще в конце XIX века по представлениям одних гагаузов рай находится не на земле, а на небе, но со временем он будет на земле. Другие, напротив, были убеждены, что рай «находится на земле, на юге, но что на небе приготовляется новый рай, который будет украшен самыми драгоценными камнями» [Цит. по: В.А.Мошков, 2004. С.288].

Трудно найти хотя бы одного молдавского или гагузского поэта или писателя, который не воспел бы единожды или много раз землю, не только как свою родину, но и как кормилицу своего народа, как источник жизни, энергии и сил своего народа.

Отец в суровую годину
Под сердцем грусть земли носил,
Та горсть в огне хранила сына
И сыну придавала сил.

[С.Куроглу, 1988. С.7]

Песня о земле-кормилице, о земле – вдохновительнице, воспетая С.С.Курогло, находит отклик в душе другого гагаузского поэта – Мина Кеся:

Северим бäн Буджак топраа,
Ани курэр бана софра.
Ушаклыымдан гениш-гениш –
Аман терли битäрди иш.

[Мина Кöсä. Даттым ömÿрдän. Кишинев, 1991. С.5]

Люблю я землю Буджака,
Что стол накрыла мне сполна.
С тех пор, как с детства моего
Трудов не кончилась волна.

[Перевод М.Н.Губогло]

До конца XIX века среди гагаузов было распространено представление о земле, как о живом существе. Информаторы-гагаузы рассказывали В.А.Мошкову, «что когда землю начали впервые пахать, то она была живая и сильно причитала от боли, а борозды от плуга наполнялись кровью. Но явился Бог и сказал земле: «Не плачь и не пускай крови, ты будешь кормить людей, но ты же и съешь их всех. С тех пор земля утешилась и больше не кричит и крови не пускает» [В.А.Мошков, 2004. С.260].

Несостоявшийся соблазн

Одна из наших семейных легенд гласит, что в годы Второй мировой войны, когда города и села нынешней Гагаузии были оккупированы румынскими войсками, старший сын моего деда приезжал в наш дом, в Чадыр-Лунгу из Румынии и настойчиво убеждал своего отца (моего деда) продать земли, виноградники, недвижимость, лошадей, овец, коров и переехать на постоянное местожительство в Королевскую Румынию. Словом, уговаривал своего отца поступить таким же образом, как это сделали накануне войны и в годы войны богатые люди г.Чадыр-Лунги, владелец крупнейшего на юге Бесарабии мукомольного комбината Кусурсуз Савелий (Хаджи Савка), а также владельцы винзаводов, маслобоек, держатели небольших гостиниц и корчем, хозяева постоялых дворов, купечество.

Он предупреждал... Звал в эмиграцию.. 1960 г. XXV Международный конгресс востоковедов

Дальновидные люди понимали неизбежность грядущей коллективизации после завершения военных действий на территории Молдавии. Понятно, что человеку, успевшему к тому времени защитить кандидатскую диссертацию в Черновицком государственном университете и умеющему читать исторические источники и художественную литературу на русском языке, были известный «художества» и «технологии» сталинской коллективизации сельского хозяйства. Тем не менее образованному и прозорливому гагаузу не удалось сдвинуть своего родителя с насиженного места. Трудно себе представить гагауза или молдаванина Бесарабии, который мог бы так легко бросить свои с огромным трудом доставшиеся гектары земли! Кроме того, имея в своей собственности около 12 гектаров земли, дед, очевидно, полагал, что часть своей земли он уступит колхозу, а какая-то другая часть все же достанется ему. Кроме того, дед не верил ни в какие предсказания и пророчества. Прогнозам он тоже не доверял. Он привык больше всего доверять самому себе и верить в самого себя. Это был человек, о котором в западной социологии было принято говорить self-made, т.е. человек, сам себя сделавший известной личностью. Во время моих встреч с профессором М.П.Губоглу в Москве, в Бухаресте, в Молдавии, Румынии и Турции, мне не приходилось слышать какую-либо оценку процессов коллективизации в Советском Союзе. Однако знаменитая статья «Отца народов» «Головокружение от успехов», опубликованная в газете «Правда», похоже, была хорошо известна румынскому ученому, происходившему из ориентированной на российскую культуру среды. Более того, ему, как интеллигентному и хорошо эрудированному человеку, было известно художественное изображение «прелестей» коллективизации в Советском Союзе, в том числе отображенное лауреатом Нобелевской премии Михаилом Александровичем Шолоховым в двух его общеизвестных творениях – «Поднятой целине» (1932-1960 гг.), удостоенной Ленинской премии (1960 г.) и в фундаментальном романе «Тихий Дон», получившей Государственную премию еще в 1940 году.

Сегодня мне трудно определить, какие конкретные факторы сработали в том, что предупреждение будущего профессора своему отцу сбылось с «лихвой», и хозяйство отца было не только национализировано, но и сам хозяин был депортирован в Сибирь на «вечное поселение». В самом деле предсказание ученого имело отнюдь не мистический, а вполне рациональный характер, основанный на понимании «погоды» и состояния хозяйства гагауза, более чем середняка. Вместе с тем приглашение на выезд в Румынию было не пророчеством, а прогнозом, основанном на неплохом знании истории Советского Союза и технологий развития сельскохозяйственного производства.

Отличие прогноза от интуитивного предсказания и от мистического пророчества состояло в том, что прогноз исходил из того, что в распоряжении выпускника историко-филологического факультета Черновицкого университета имелись в распоряжении конкретные данные как о процессах коллективизации в соседнем государстве, так и о характере социально-имущественного расселения гагаузского крестьянства в межвоенный период. Это хорошо видно из его диссертационной работы «Gagauzii în lumea istoriei», в которой собраны и приведены уникальные сведения об имущественном положении населения гагаузских и болгарских сел в 1930-е годы. И, соединив одно с другим – раскулачивание в России и гагаузов, потенциально подходящих под «графу» «раскулачивание», давало ему основание предсказать судьбу своего отца.

Предсказание о депортации, увы, сбылось по совокупному числу факторов. В том числе определенную роль сыграла некая магическая сила слова, которую обычно приписывают таким словам, как «накаркать», «накликать», «напророчить». В представлениях гагаузов о предсказаниях и пророчествах, также как и в русской ментальности, употребление «каркать», «накаркать», «накликать» и «напророчить», обозначают не только предсказанное и сбывшееся событие, но и его роковые последствия в плохом, нежелательном смысле.

Мне до сих пор не удалось ознакомиться с архивным текстом, в котором формально обосновывалась депортация нашей семьи. Однако, помнится мне, что в большой комнате нашего дома, в которой мы с дедом спали, в документе упоминалось, что нас переселяют в дальние районы Советского Союза по причине наличия у нашей семьи родственника за границей.

В первые послевоенные годы, депортация населения из Республики Молдова – была целенаправленной политикой, «очищения территорий, прилегающих к западным границам СССР от потенциальных или реальных «вражеских элементов. Люди, в том числе и гагаузы, имеющие родственников за границей, автоматически причислялись к потенциально «враждебным элементам».

И если, прости меня Господи, подходить к предсказанию о депортации с точки зрения текста, зачитанного нашей семье в ту роковую ночь, где было сказано о родственнике за границей, получается, на самом деле сын накаркал отцу судьбу спецпереселенца.

Впрочем, если говорить серьезно, на самом деле речь идет не о магическом предсказании, не о мистическом пророчестве, и не о магической отрицательной силе слова «накаркал», а скорее всего о профессионально сделанной экстраполяции истории коллективизации в регионах Советского Союза на типологически сходные предстоящие после завершения войны процессы коллективизации в Бессарабии. Экстраполяция, как подтвердила история, особенно в 1949 году, оказалась вполне адекватной реальности.

Но тут же возникает другой вопрос: «Почему дед не поддался на экстраполятивное предсказание своего умного, талантливого сына? Размышляя о судьбе гагаузов, и прежде всего о неиссякаемом их трудолюбии и страсти к самодостаточности, приходишь к мысли о том, что у каждого времени и каждого народа востребованы свои ценности и свои идеалы, свой успех и свои герои. В то время, как в межвоенные годы в Советском Союзе всенародно ценилась воинская слава, кумиром были челюскинцы, Чкалов, Стаханов, Паша

Ангелина и другие герои воинской и трудовой славы, в Бесарабии, занятой Румынией, признаком успеха было наличие добротного хозяйства, обеспеченного дома, как можно больше земли и количества лошадей.

Культ земли

И дед, как мог, старался изо всех сил покупать и перепродавать лошадей, чтобы на заработанные деньги купить очередной клочок земли. Хорошо осознанно помню, что наши поля и наши земельные владения напоминали лоскутное одеяло. Из моих поездок с отцом по нашим владениям, припоминаю, что часть посевных площадей у нас были на Чадыр-Лунгской горе («подиш»), где-то по дороге на Болград, между болгарско-молдавским селом Валя-Пержей и гагаузским – Димитровкой. Оттуда привозили на араба кукурузные початки вместе со стеблями. Другая часть располагалась на противоположной стороне Чадыр-Лунги, по ту сторону нынешнего мясокомбината, где дорога от железнодорожного вокзала ведет в сторону села Гайдары и села Томай.

Впрочем, лоскутный характер земельных владений гагаузов в досоветский период и далее – в межвоенные годы, имеет не только частный характер, отраженный в спорадически приобретенных клочках земли тем или иным успешным хозяином, но и исторические корни. Немалую роль в этом сыграла аграрная политика царского правительства, в том числе земельная «реформа», проведанная в Гагузии в 1907 году под руководством Одесского генерал-губернатора, направившего в Гагаузию своего полномочного инженера-землеустроителя с целью справедливого наделения крестьян землей. М.К.Пашалы вспоминает, что техническим работником – землемером этого уполномоченного был назначен местный гагауз Дмитрий Иванович Кисеев, рассказавший, как очевидец и как участник, суть земельного передела, проведенного справедливо [М.К.Пашалы, 1998. С.2].

«Если семье полагалось, например, 10 га, то она, – по воспоминаниям Д.И.Кисеева, – получала их из разных массивов» таким образом, что эти 10 га располагались на 6-7 массивах. Идея такого «лоскутного» подхода к переделу и к наделению землей исходила из учета разного качества земли. Бонитет почвы (показатель ее плодородия) был далеко не одинаковым на разных площадях вокруг Чадыр-Лунги. Однако, несмотря на всю справедливость подобного раздела, как пишет М.К.Пашалы, «уже через 25-30 лет одни остались без земли, а другие за их счет расширяли свои владения. Произошло это по разным причинам. Тут и отсутствие у некоторых рабочего скота и инвентаря, и нетрудоспособность определенной части населения (часть собственников занялась ремеслом и свою долю продала). А кое-кто, как всегда, просто не любил трудиться, поэтому то ли продал свою землю, то ли сдал ее в аренду» [М.К.Пашалы, 1998. С.2].

«Мы знаем, – вспоминал П.В.Люленов, – что за кусок земли люди всегда дрались, а за захват больших земель шли кровопролитные войны. Значит кто-то тогда землю свою продавал. А кто-то ее покупал. Давайте спросим себя, кто земли продавал? Продавали ее, конечно, и по уважительной причине те, кто в большой нужде. Например, задолжал кому-то много денег. Или кто-то в семье заболел. Для его лечения нужны большие средства и т.д. Продает землю и тот, кто меняет место жительства. Но, как правило, таких людей в селе были единицы. Зато продает землю и ленивый человек, не желающий ее обрабатывать. И таких людей было немало. А теперь порассуждаем.

Кто покупает земли? В первую очередь тот, кто любит на ней работать, и кто имеет деньги. А имеет деньги тот, кто хорошо работает, много продукции производит, выгодно ее продает. Словом, кто разумно ведет свое хозяйство и умеет накапливать капитал. И умело пускает его в оборот, этим привлекая выгоду и приумножая свое богатство» [П.В.Люленов, 2003. С.30].

Лоскутная чересполосица земельных владений, приобретенная в разное время у разных хозяев, не мешала служить трудолюбивому хозяину основой его приличного экономического благосостояния и уверенного психологического настроя. Вспоминаю, что две стены дома в Чадыр-Лунге, откуда я родом, были из красного кирпича, что было редкостью для гагаузского жилища. В окрестных селах вряд ли в середине XX века можно было найти хотя бы один частный дом, сделанный из кирпича. Добротный и дорогой дом символизировал не только достаток, но и наличие земельных площадей. Престиж хозяина в немалой степени складывался от количества пахотной земли, виноградников и земель, занятых бахчевыми культурами. Мой дед был самым старшим и самым уважаемым среди своих семерых братьев. Его позитивную харизму дополнял не только просторный дом, который по четвергам, во время знаменитых Чадыр-Лунгских ярмарок, превращался то в корчму, то в постоялый двор, но и внушительный размер земельной собственности.

Своим старшим сыном особенно гордился его отец, мой прадед – Губогло Дмитрий Георгиевич. Каждое воскресенье, после завершения церковной службы, прадед с прабабушкой заходили в наш дом засвидетельствовать свое почтение старшему сыну, отдохнуть, полюбоваться хозяйственными делами. А мне, как одному из многочисленных правнуков, в первую очередь доставались сладости («халвица»), купленные возле церковной ограды.

Остатки культа земли, существовавшего у гагаузов по свидетельству В.А.Мошкова [В.А.Мошков, 2004. С.260], проявлялись в отношении деда к земле в том, что он целовал ее в момент заключения сделки или когда «бывал хороший урожай».

Приобретение земли стало упертой страстью, неизлечимой болезнью, счастливыми мгновениями жизни деда. Погоня за лишним клочком земли или целым гектаром, не изматывала его жизненные соки, не истощала жизнелюбивую

энергию, а, напротив, наполняла новой силой. Эта страсть была его судьбой и его счастьем, смыслом жизни. Приобретая очередные участки земли и иную недвижимость, он следовал народной пословице: «Чок мал гöз чыкармаз» («Большое богатство глаз не выколет»).

Земля в представлениях гагаузов всегда выступала главным показателем и символом богатства. И сам Бог, не всегда справедливо распределявший богатства между людьми, по свидетельству В.А.Мошкова, «к богатым и знатным благоволит иногда более, чем к бедным» [ЭО, 1901. №4. С.3].

Согласно представлениям гагаузов в рай, расположенный на земле, или на небе, будут входить в зависимости от богатства. Поскольку вход в рай будет через одну из трех дверей, в ту, что отпирается золотым ключом, будут входить цари, в другую – отпираемую железным ключом, будут входить бояре и богатые люди, и, наконец, бедняки, владеющие деревянным ключом, попадут в рай через третью дверь [В.А.Мошков, 2004. С.288].

Страсть к земле у деда зарядила его энергией на долгую жизнь, но вместе с ней она же его и погубила. Подобно киногероям Андрея Тарковского дед не задумывался над вопросом: в чем счастье человека. Для него счастье воплощалось в земле, которую он не мог ни продать, ни разделить между детьми, ни оставить бесхозной.

Земля как страсть и как судьба

Трепетная и безмерная крестьянская любовь к земле неоднократно воспевалась в мировой литературе. Возьмем, к примеру, первый попавшийся на глаза роман Эмиля Золя, озаглавленный «Земля», в котором проникновенно говорится о любви французского фермера к земле, как к женщине-матери.

«Ах, эта земля! – восклицает литературный герой и далее подробно раскрывает тайны своей души и своего отно-

шения к земле. – Как он ее в конце концов полюбил! Полюбил страстной любовью, любовью, которая питалась не одной лишь черствой мужицкой скупостью, любовью сентиментальной, почти духовной! Он чувствовал в земле мать всего сущего, – она дала ему жизнь, его плоть и кровь, в нее со временем он вернется... Позднее, сделавшись преемником отца, он полюбил землю, как женщину. Любовь стала более зрелой, точно земля была отныне его законной женой, которую он должен оплодотворить. Эта нежная привязанность к земле с течением времени все усиливалась, по мере того, как он отдавал ей свое время, свои деньги, самую жизнь, как хорошей и плодовитой жене, которой нельзя не простить ни капризов, ни даже измен. Сколько раз он выходил из себя, когда земля, высыхая, или же слишком набухая влагой, безвозвратно пожирала все семена и лишала его жатвы! ... Он все равно до конца останется пленником своей земли, своей жены, он отдаст ей на погребение свои кости» [Эмиль Золя. Т. 12, 1957. С.84].

По рассказам польского режиссера Кшиштова Зануси однажды на встрече молодой американец спросил Андрея Тарковского: «Что я должен сделать для того, чтобы быть счастливым?» – Андрей сначала вопроса не понял, а потом, немного подумав, сказал: «Сначала надо задуматься – для чего вы живете на свете? Какой смысл в вашей жизни? Почему вы появились на земле именно в это время? Какая роль вам предназначена? Разберитесь во всем этом. А счастье?.. Оно или придет, или нет» [http:kinocenter.rsuh.ru.Tarkovsky.htm.].

Дед, как владелец многих гектаров земли, не задумывался о смысле жизни и о счастье. Он был счастлив, пока у него насильно не отняли его земли, дом, имущество, а вместе с землей и смысл его жизни.

Мне не раз приходилось слышать ворчание своих родителей, дяди и двух тетушек, что, приобретая гектар за гектаром, дед пытался загнать своих детей в домашнее рабство. Одна из семейных легенд гласит, что однажды, ошалев от

изнуряющей полуденной жары, старший сын деда, будущий всемирно известный востоковед, профессор Бухарестского университета, держа опостылевшую сапу, в сердцах вымолвил: «Что бы мне эдакое предпринять, чтобы избавиться от необходимости полоть эту проклятую кукурузу». Когда же старший сын стал студентом Черновицкого университета, на долю младшего сына, т.е. на долю моего отца, досталось вести хозяйство, в том числе выращивать кукурузу и пшеницу.

Поэтому не единожды до депортации и особенно во времена депортации, мне приходилось слышать от отца, что из-за этих «проклятых» гектаров, кукурузных и пшеничных посевов у него, в отличие от старшего брата, не оказалось возможности поступить в какой-либо университет. Потому он батрачил на собственной земле.

Надо сказать, что в своей неутолимой страсти к обладанию землей, дед, как и многие гагаузы и болгары, а также и многие молдаване, совсем не был одинок.

Блестящий знаток культуры и быта молдавского села, повседневной жизни молдаван, выдающийся молдавский писатель, академик Ион Друцэ, воспевая в романе «Бремя нашей доброты», не только красоту и величие Сорокской земли, он воспроизвел «грамматику жизни» жителей, для которых эта степь стала родной.

Трудно удержаться, чтобы не привести несколько отрывков из песни о легендарной Сорокской степи, у жителей которой, оказывается, было так много сходств с теми, кто сделал своей Родиной Буджакскую степь.

«Сорокская степь... – многократно, рефреном повторяет, как заклинание, как молитву Ион Друцэ и пишет, как чародействует: «А кругом, насколько хватает взгляда и еще много дальше, до самой слезинки, широкие горизонты с синими мелкими холмиками. Не то они в самом деле есть, не то они снятся тебе. А меж этими широкими проломами неба – крутая, бескрайняя степь. Около тридцати деревень – то ли они бежали куда, то ли прибежали откуда-то и вдруг, увидев степь, замерли, да так и стоят. Одинокие деревья, рассыпан-

ные по всей степи, задумчиво грустят, выискивая глубокий смысл в своем, вынужденном одиночестве. Дороги новые и старые, безымянные и с громкими именами, проселки, тропинки и перекрестки – весь этот ползущий, идущий, бегущий мар лежит, намертво сцепившись друг с другом, как вздувшиеся вены на руках старого землепашца. Сорокская земля...» [Ион Друцэ. Поле души человеческой. Рассказы, Повести, Романы. Перевод с молдавского. М., 1977. С.444].

Однако вернемся к дедовской страсти к земле и найдем ей адекватное пояснение (или объяснение) в глубине Сорокской степи у жителей молдавского села Чутуры, что стали литературными героями Иона Друцэ – и также страстно «болели» землей, как и некоторые землепашцы в Буджакской степи.

«Без земли чутурянин себя не мыслит. Земля – это его способ жить, его умение, его фантазия. Из земли чутурянин может сотворить все, что душе угодно. Из этих тяжелых чугунных борозд он может вычеканить себе друзей, с которыми хорошо провести вечер, и друзей, которыми он дорожит всю жизнь. Земля для него – это упругая сила, дремлющая в плечах и просыпающаяся, когда нужно защищать честь чутурянина. Землю можно обработать в хорошее настроение, а еще земля нагоняет на чутурянина сладкую, туманную усталость, располагающую к самой буйной фантазии.

Земля есть закон сам по себе, и больше не применимы никакие законы, если речь идет о земле. С осени и до самой весны чутуряне находятся в дикой погоне за землей...

Круглую зиму с утра до ночи заседает суд в Памынтенах. Земельные тяжбы крестьян выкармливали до розовых, лоснящихся щек огромное количество адвокатов и удачно выводили в люди их потомство» [Ион Друцэ. Поле души человеческой. М., 1977. С.470].

Восхищаясь выразительным, ясным литературным языком Мопассана, изобилующим народными речевыми оборотами, его стилем и четкостью, Анатоль Франс писал, что в его произведениях ощущается «вкус родной земли» [См.: Анатоль Франс, 1960. С.779].

Сам же Анатоль Франц, прекрасно владевший французским языком, впитавшим в себя классические традиции французской литературы и вместе с тем обогащавшийся из живой разговорной речи, отмечал в своей автобиографии: «Я много слушал, как говорят ремесленники и люди из народа. Они наши учителя в языке. Они говорят естественно...» [Там же. С.575, 779].

Более того, несколько преувеличивая гипотетическую связь земли и языка, великий французский писатель вынес эти два слова в название одной из своих работ. «Вы спрашиваете, почему я соединяю эти два понятия? – отвечал он, упреждая заданный вопрос, – Сейчас скажу. Между землей-кормилицей и человеческой речью есть сокровенная связь. Речь человека родилась в борозде: она сельского происхождения; пусть города наделили ее некоторым изяществом, вся мощь ее – от полей, где она родилась. Язык, которым все мы говорим, – язык грубый, крестьянский; сейчас эта мысль меня особенно изумляет и трогает. Да, наша речь родилась в нивах, как песнь жаворонка» [Анатоль Франс, 1960. С.66].

Хлеб всему голова

«Хлеб наш насущный даждь нам днес» –
«Хлеб, нужный нам для существования,
дай нам на сей день»
(Из молитвы в Евангелии)

Ответственное отношение к хлебу у гагаузов выражалось в самых разнообразных формах, в том числе в почтительном к нему обращении. Центральное место, занимаемое хлебом в комплексе питания гагаузов, находило свое выражение и в терминологической системе. Завтрак и ужин назывались соответственно утренний хлеб («sabaa ekmää») и вечерний хлеб («avşam ekmää»).

Занимая центральное место в системе питания гагаузов, хлеб адекватно отображался в представлениях и ценностях гагаузов. Не случайно бытовало выражение: «Suylan ekmek varsaydı – kahırlanma, dost, ama onnar yoksaydı – ozaman iş prost». («Не горюй, друг, коли хлеб и вода водятся, но если их нет, дело никуда не годится»).

Как и среди русского крестьянства, у гагаузов бытовало «высокое» отношение к хлебу, когда говорилось «Пожалуйста, к нам нашего хлеба-соли откушать». Даже в тех случаях, когда трапеза состояла из самых разнообразных и изысканных блюд, говорилось «Они садятся есть хлеб» (Oturêrlar ekmek imää»), что означало: «Они садятся за стол»[1].

Вплоть до недавнего времени день, когда сельская хозяйка готовилась выпекать хлеб, приобретал некое сакральное значение. А сама процедура разжигания огня в печи, как ритуальная часть торжественного действа, в некоторых селах уважительно предоставлялась мужчине. Вероятно, это объясняется тем, как и в культуре всех северокавказских народов[2], особой сакральностью очага. Не случайно, например, у чеченцев существует едва ли не самое страшное проклятие, обычно обращенное к кровному врагу, в формуле: «Пусть потухнет огонь в очаге твоего отца»[3].

Об особой ответственности выпекания хлеба свидетельствует бытующий среди гагаузов афоризм: «Nicä pişirecän – ölä da iyecän» («Как испечешь, так и поешь»).

Почтительность к хлебу, как у некоторых других народов, например, как среди удмуртов[4], выражалась в том, что хлебный каравай резали на груди.

В годы депортации (1949-1958 гг.), когда мой дед работал в соседнем селении, у его в кармане всегда был складной нож, которым он, как сейчас вспоминается, резал, прижав к

[1] В.А.Мошков. Указ. раб. С.387.
[2] Цит. по: А.А.Никишенко. Указ. раб. С.112.
[3] Там же.
[4] Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России. XIX- начало XX вв. М., 1999.С.67.

груди, выпеченный дома каравай, или буханку, купленную в магазине.

Мне, конечно, трудно сегодня выяснить «внутренний замысел культуры», т.е. толковать смысловую нагрузку того, что приходилось наблюдать в экстремальной ситуации более полвека тому назад. Однако отчетливо помнится, что не только в доме у нас, но и в других семьях депортированного гагаузского населения, в отличие от местных жителей, за домашней трапезой мужчины чаще, чем женщины, резали хлебный каравай, прижав его к груди.

Гагаузы верили: «Хлеб – всему голова». Не случайно эта идеологема отражена в популярной поговорке: «Ballan kaymak islää, ama ekmeksiz yaşaymayacan» («И мед, и сметана – хороши, но попробуй без хлеба проживи»). Среди тюркоязычных балкарцев бытует афоризм: «гыржын къаг», что означает «крест хлеба», что по мысли признанного знатока представлений, этики и ценностей северокавказских народов Б.Х.Бгажнокова служит непререкаемым отображением в образе хлеба не только культа и святости пищи, но и всего разнообразия связанных с ним традиционных способов мышления и поведения[1].

Мне неоднократно приходилось рассказывать об искреннем удивлении, которое испытывали мои американские друзья, сталкиваясь с навыками коллективизма у советских людей во время наших путешествий по территории бывшего Советского Союза. Так, например, оказавшись в купе скорого поезда Москва-Кишинев с двумя незнакомыми попутчиками, мы, как-то без особой договоренности, не успев как следует познакомиться друг с другом, я и мои попутчики выставили имеющуюся снедь и приступили к совместной трапезе.

Улучив момент, мой друг, профессор Темплского университета (г.Филадельфия) Роберт Осборн с легким придыханием спросил, с каких пор я знаком с нашими попутчиками. «Я вижу и того, и другого в первый раз», – был мой ответ.

[1] Бгажноков Б.Х. Указ. раб. С.196.

Однако заинтригованного коллегу мой ответ, похоже, не убедил.

Когда же, через несколько дней, на обратном пути из Кишинева в Москву два новых случайных попутчика, не успев назвать свои имена, выставили на стол хлеб и домашнее вино, Роберт уже больше не сомневался в том, что советским людям в большинстве своем было присуще чувство солидарности в дорожной трапезе.

Выставленный хлеб располагал к доверительной беседе и знакомству без каких-либо церемоний, подобно тому, как это случается, когда человек, знающий языки, переходит с языка своей национальности на язык своих собеседников другой национальности.

Между тем ответственное отношение к хлебу в системе ценностей некоторых тюркских народов не предполагал форсированного сотрапезничества с незнакомыми людьми. К примеру, как рассказал Б.Х.Бгажноков, у балкарцев не рекомендовалось садиться за стол и есть с кем попало. Считалось, что совместная трапеза обязывает к дружбе и верности, и в последующем отношение к случайным сотрапезникам грозило наказанием. Как проклятье звучало выражение: «гыржын къаґы урсут»[1] («Пусть ударит (поразит) хлеб»).

Клятва именем хлеба или просьба во имя хлеба была чрезвычайно эффективной у многих народов Кавказа, видимо, подобно тому, как силой обладала клятва именем волка у гагаузов[2].

Так, например, среди адыгейских народов было принято отказываться от каких-либо действий, грозящих причинить вред или нанести ущерб другому человеку, в том случае, если с этим человеком когда-то вкусили хлеб-соль. В то же время обращение с просьбой приобретало силу и действенность в тех случаях, когда оно сопровождалось словами:

[1] Бгажноков Б.Х. Указ. раб. С. 196. Губогло М.Н. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М, 2006.

[2] Губогло М.Н. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М, 2006.

«Сделай это ради хлеба-соли, который мы с тобой вкусили». На такие просьбы, – как пишет Б.Х.Бгажноков, – трудно, почти невозможно было отказаться[1].

Ответственность перед хлебом в немалой мере вытекала из деликатного и священного отношения гагаузов к хлебу. Подобно традициям крестьянского населения Балкан и России[2] среди гагаузов принято было, начав есть кусок хлеба, доедать его до конца, недоеденный кусок хлеба нельзя было оставлять на столе, нельзя, не доев один кусок, браться за другой. Не принято было согласно библейскому предписанию макать хлеб в соль, доедать недоеденный кем-либо кусок, в особенности мужчине за женщиной и наоборот. В последнем случае считалось, что вкусивший остаток хлеба отнимает чужую силу. Даже в годы депортации гагаузы воздерживались жевать хлеб на улице, не поделившись с кем-либо. Не считалось приличным вкушать хлеб на улице. Человека, жующего на улице или в других общественных местах в одиночестве, уподобляли корове, жующей сено.

Ответственность, вытекающая из ценностного отношения к хлебу, складывалась в гагаузском менталитете из синтетического понимания его материальной ценности и знакового значения в духовной жизни. В самом деле, даже злоупотребляя чрезмерным теоретизированием, люди понимали, что хлеб – это не только продукт трудовой деятельности и вещество, обладающее калориями, вкусом, запахом, но и предмет человеческой потребности, важный элемент в системе жизнедеятельности социума.

В системе соционормативной культуры гагаузов существовало множество примет, требующих почтительного и уважительного отношения к хлебу. Частично они были зафиксированы В.А.Мошковым на рубеже XIX-XX веков. «Грешно немытыми руками брать хлеб», «Не нужно оставлять на столе недоеденный кусок хлеба, потому что в нем

[1] Бгажноков Б.Х. Указ. раб. С. 196-197.

[2] См., например: Никишенков А.А. Указ. раб. С.54

заключается счастье того, кто его ел. Если остаток съест кто-нибудь другой, то и счастье к нему перейдет» [В.А.Мошков, 2004. С.220].

Лучшие и худшие качества человека, контролируемые положениями соционормативной культуры гагаузов, яснее всего проявлялись в том, как человек, ребенок, мужчина или женщина, ведет себя по отношению к хлебу, начиная от выращивания зерна, обмолота, выпечки хлеба и угощения гостей. Можно сказать, что без культа земли и хлеба ущербной предстает вся система народной культуры, тускнеет трудовая и бытовая эстетика, снижается уровень нравственного состояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абрамов Ф. Дом. 1979.
2. Анатоль Франс. Собрание сочинений в восьми томах. Том восьмой. М., 1060.
3. Эмиль Золя. Собрание сочинений в 18 томах. Том 12. М., 1957.
4. Дорош Е. Деревенский дневник. 1958.
5. Димитриу. Фамильные драгоценности // Июньские ночи. 1952.
6. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
7. Никольский А. Земля, община и труд. Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. СПб, 1902.
8. Мамин-Сибиряк Д.М. Хлеб // Собрание сочинений в 6-ти томах. Том 6. М., 1981.
9. Хлеб в народной культуре. Этнографические очерки. Отв. ред. С.А.Арутюнов, Т.А.Воронина. Наука, М., 2004.
10. Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX – начала XX века. Том первый. Составитель тома, справки об авторах, глоссария, библиографического указателя и редактор Ю.И.Семенов. М., 2003.
11. Успенский Г.И. Власть земли (Очерки) // Избранные сочинения. М.-Л., 1949.
12. Никогло Д.Е. Система питания гагаузов в XIX – начале XX века. Кишинев, 2004.

13. Белов В.И. Лад. Очерки о народной эстетике. Молодая гвардия, Москва, 1982.
14. Бак П. Земля. 1934.
15. Бунин И.А. Деревня. 1961.
16. Пашалы М. Земля – достояние всеобщее // Знамя. 1998. 29 мая.
17. Куроглу С. Родословное древо. Стихи. Поэмы. Кишинев, 1988. Мина Кösä. Даттым ömÿрдän. Пеетлäр. Кишинев, 1991.
18. Люленов П.В. Времена. Кишинев, 2003.
19. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы. Кишинев, 2004.

8. САБУР: СПАСЕНИЕ ОТ ОТЧАЯНИЯ

Что счастие? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься – вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Александр Блок. Собрание сочинений. Москва-Ленинград. Том третий. 1960. С.41.

1. Переворошенный муравейник

Терпение и труд...
И люди... выживут

(Перефраз известного изречения времен депортации)

В дождливое июльское утро 1949 года над Чадыр-Лунгой и окрестными гагаузскими и болгарскими селами, как над переворошенными муравейниками, струился горький и зловещий гул разорения. Казалось, на Чадыр-Лунгу обрушилось вселенское зло, как океанское цунами, сметавшее лучших людей и все живое.

У людей без суда и следствия отнимали не только дома и землю, не только самими выращенный и испеченный хлеб, не только лошадей и кур. Нет. Отнимали право на привычную сельскую деятельность, право на будущее. А в Приговоре, отпечатанном на казенной бумаге, значилось: «Переселялись на вечное поселение!». Душа вскипала! Как ожог возникал вопрос: Куда? Почему? За что? По какому праву? Отнимали право на раздумье, на мышление, на самоопределение, на традиционную, естественную человеческую жизнь. Идти на самоубийство было бы грешно по православным канонам. Побег грозил военным трибуналом. Оставалось одно: «Аллах сабур версин»! («Дай Бог терпенья»).

Пока подводы с хозяевами и конвоирами тянулись из перекрестных улиц Чадыр-Лунги вниз к железной дороге, параллельно с которой пробегала грунтовая дорога, лишь урывками мощеная случайным булыжником, седоки бездумно смотрели прощальным взглядом на дома, палисадники, виноградники, которые в соответствии со сказанным в «документах», им больше никогда не придется увидеть.

Страшно было смотреть, как в некоторых домах поспешно выводили из конюшен лошадей, коров, отары овец, как выкатывали хозяйственные телеги и праздничные фаэтоны. Оглядываясь на свои разоренные гнезда, выселенцы запоминали распахнутые ворота, рвущихся с цепей собак.

Через какое-то время вся насильственно изъятая движимость и недвижимость должна была стать «колхозно-кооперативной» собственностью. Но не тут то было. Сегодня, по истечении полувека, тайное становится явным. Те местные активисты, кто вместе с вооруженными солдатами принимали участие в выселении «богачей» и были уполномочены регистрировать конфискованное имущество для передачи в колхоз, на самом деле «часть мелкого скота и птицы (овец, кроликов, кур) прихватили себе». При этом, как отмечали в мемуарной литературе очевидцы трагедии, часть награбленного шла «на шашлык и гулянки. Оставшееся принимали в колхозе. И там тоже его разбазаривали. Ведь мало скотину сосредоточить в одном месте. Ее еще надо кормить. За ней требуется уход. А кормов не было. Скот подыхал. Часть его разворовывали». Что же касается другой части имущества, – продолжает свои воспоминания живой свидетель выселенческой вакханалии Петр Васильевич Люленов, – «оставленного в своих домах выселенными людьми, такое как одежда, различная посуда с соленьями и другими продуктами питания в подвалах, а также мелкий домашний инвентарь, такой как мебель, ковры и другие домашние атрибуты, то все это было растаскано, присвоено и распродано моментально» [Люленов П.В., 2003. С.31].

Но не только соседи, родственники, озверелая голытьба принимала участие в растаскивании имущества выселенных

людей. «Не все желающие, – пишет П.В.Люленов, – могли взять то, что они желали заполучить из богатства, оставленного в домах выселенных. Потому что возле каждого такого дома была поставлена охрана. Это было престижное, и я бы сказал, хлебное поручение тогдашний властей... По описи, комиссионно, колхозу передавалась только земля и крупный инвентарь (подводы, сеялки, машины для теребления кукурузы, пресс для выжимки винограда и т.д.). Остальное богатство выселенного оставалось в распоряжении назначенных охранников этого дома. И потихонечку ими растаскивалось... Эти охранники неплохо тогда запаслись коврами, шкафами, кроватями и одеждой. А также продуктами оставленных в посудах и законсервированных для питания семьи выселенного хозяина (сало, брынза, мясо, туршу)» [П.В.Люленов, 2003. С.31-32].

Во второй половине 1990-х годов, в пору активного законотворческого процесса в Российской Федерации по поводу прав народов, активно обсуждались правовые аспекты полной реабилитации безвинно репрессированных народов. Разработчики законов, в том числе юристы, настаивали на том, чтобы наряду с политической и правовой реабилитацией закон утверждал и полную имущественную реабилитацию. Как эксперт Комитета Государственной Думы по делам национальностей, и как сам вместе с семьей депортированный и лишенный семейного имущества, я не во всем поддерживал «полную» имущественную реабилитацию. Я исходил из того, что значительная часть имущества выселенных людей не была отражена ни в каких списках, ни в каких описях и реестрах, так как была попросту разворована и растаскана организаторами выселения, соседями и другими лицами, охочими до чужой собственности. Я знал, что большая часть вещей навсегда исчезла, благодаря шустрой сметливости соседей, в том числе благодаря стараниям близких и дальних родственников, не терявших надежды в той или иной форме вернуть «спасенную» ими родственную недвижимость.

Российская история в ее советской форме подтверждала в середине XX века слова великого поэта, сказанные о ней на рубеже первого и второго десятилетия этого века:

«Не всякий может стать героем
И люди лучшие – не скроем –
Бессильны часто перед ней,
Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она
Внезапно тронуться готова,
На льдины льдины громоздить
И на пути своем крушить
Виновных, как и невиновных,
И нечиновных, как чиновных...
Так было и с моей семьей:».

[Александр Блок, 1960. С.314]

В мольбах о терпении и о снисхождении Божьем повозки со скарбом и скорбью двигались к товарнякам, что стояли на станции, готовые к погрузке. Народ безмолвствовал. И безмолвием своим, сопровождаемым рыданьями, отсутствием сопротивления, способствовал произволу и злодейству. Еще не успев уехать до места назначения, чтобы попасть в списки спецкомендатуры, в которой надо будет отмечаться ежемесячно, люди уже «сами себя боялись» и только на «сабур», т.е. на терпенье уповали. И нынешним поколениям вряд ли можно будет понять всю горечь и глубину несчастья, обрушившегося на мирное население, поднятое под дулами автоматов к отправке в Сибирь на «вечное поселение».Ужас перенесенной трагедии оставил неизгладимый след в душах спецпереселенцев, в том числе в облике моих родителей.

Со всех улиц двух сел – Чадыр-Лунги и Тирасполя (Трашполи), еще не слитых в тот год в единый город, к железнодорожному вокзалу стекались под конвоем, нагруженные нехитрым домашним скарбом подводы. Плакали дети, рыдали женщины, беспомощно выглядели унылые мужчины с побелевшими глазами. В опустевших дворах мычали раньше времени проголодавшиеся коровы, растерянно блеяли овечки, яростно перекликались ошалевшие петухи. Вслед за не-

Родители до депортации

которыми подводами, тянувшимися по дороге к станции вдоль железнодорожного полотна, двигались испуганные соседи и протягивали сидевшим на подводах кому – каравай хлеба, кому – калачи, кому – торбы с мукой или кукурузой. В осиротевших домах страшно, как люди, выли собаки, особенно те, которым не удалось сорваться с цепи, чтобы бежать вслед за хозяевами.

По мере того, как на востоке светлело небо и пробуждалось село, к плачу выселяемых и вою собак, присоединились причитания тех, в чьи ворота еще не постучались вооруженные солдаты и уполномоченный НКВД или МГБ по выселению. Когда из-за туч выглянуло покрасневшее от слез солнце, казалось, завыла вся Чадыр-Лунга от края и до края, от одной церкви до другой.

Опомнившиеся от первого шока ближние соседи и дальние люмпены кинулись в осиротевшие, наспех опечатанные дома и дворы, чтобы подобрать все, что плохо лежало. Хватали все, что пригодится в своем хозяйстве: добротный сельхозинвентарь, корма, запасенные на зиму или предназначенные для утренней кормежки. Иные соседи кинулись вылавливать домашнюю птицу, кур, гусей, уток и индюков.

У нас домашним курам, как и другой птице, в доме счет не велся. Однако, когда мой брат несколько лет тому назад

Родители после депортации с сестричкой Дорой и братиком Володей, 1958

обратился к архивным документам, оказалось, что в нашем хозяйстве, согласно описи, было зарегистрировано не несколько десятков, а всего две курицы. Остальные исчезли.

Свидетель выселения 75 семей из болгарского села Кортен, известный общественный деятель, талантливый организатор сельскохозяйственного производства Петр Васильевич Люленов в книге своих воспоминаний не прошел мимо того злопамятного утра, когда сельскую тишину разорвал душераздирающий крик и плач выселяемой соседки.

«Это было, – пишет наделенный хорошей памятью автор книги «Времена», – примерно в три часа ночи. Мы думали, что в их доме (в доме соседей – М.Г.) случилось несчастье или кто-то внезапно умер. Ведь просто так, и так сильно

никто не плачет. Притом с причитаниями. Отец и мать сразу, на ходу одевая верхнюю одежду, побежали к ним. И, конечно, я за ними тоже. Когда отец подошел к их калитке для входа во двор со стороны улицы, там уже стояли двое вооруженных солдат. Никого во двор не пускали...

Отец с матерью... убедившись, что помочь ничем не смогут, ушли домой. Я, конечно, не пошел домой. Приспособился возле нашего, глиняного забора, и оттуда все наблюдал, удовлетворяя этим свою, еще детскую любопытность. Картина была жуткая. Сосед, хозяин дома, метался во все стороны, не зная, что делать. Или плачущих жену и детей успокаивать, или в неизведанную дорогу собираться. На сборы давалось всего три часа. Уполномоченный от местной власти, житель нашего села торопил их быстрее собираться... Я слышал, как он властным голосом предупреждал, чтобы одежду брали только ту, что можно одеть на себя каждому из членов семьи. И питание брать не более чем на трое суток» [П.В.Люленов, 2003. С.36-37].

«До сих пор помню гудящую у двери машину и чьи-то слова: «двадцать минут». Оказывается столько времени давалось нам на сборы. Только начинало рассветать. Мать вынесла нас, троих несмышленышей на крыльцо, на кого-то накинула шаль, на кого-то полушубок, а сама металась в дом и обратно. Так мы уехали обживать новые земли. Да еще с клеймом на всю жизнь: «кулаки».

Выросли мы, – вспоминает В.Голикова, – в поселке, в далекой Сибири. Родители валили лес, иногда им удавалось приехать к нам. А мы в их отсутствие где голодали, где ягодами кормились» [Р.Сенченко. Реабилитация и порядок возвращения имущества // «Ленинское слово», 1989. 12 августа. С.2].

«Рано утром, – вспоминает П.Бузаджи, – всех подняли, погрузили на подводы, в последнюю минуту сюда посадили и престарелую бабушку, но дяди уговорили оставить ее. Взять что-нибудь из вещей? «Вам хватит и одной газеты, чтобы укрыться», – съязвили усердные исполнители воли вождя народов».

Отца в тот день не было с нами, его забрали перед этим. Мы были нагружены в товарные вагоны, стояли в Бессарабке, когда он нас нагнал, его выпустили. Он пришел в село, узнал, что нас уже отправили, и пошел на поиски. Так как нам всем твердили, переселяемым рабочую силу, он захватил с собой топор. Им и прорубили дыру в полу товарняка, отгородили «туалет» ширмой» [Ленинское слово, 1989. 11 июля. 3].

2. Аллах сабур версин. (Дай Бог терпенья)

Мой дед, как владелец более 12 га земли и значительного для зажиточного крестьянина имущества, был обречен для включения в депортационные списки даже несмотря на то, что в течение 1947-1948 гг. «добровольно» под дулами автоматов, сдавал последние зернышки хлеба представителям советской власти, МГБ и НКВД. Но в иных гагаузских селениях были люди, случайно попавшие в списки для выселения. «В 1949 году, – вспоминает П.Бузаджи, семья которого вторично подпадала под репрессии, – на нашу семью вновь обрушилась беда. Из всех Чок-Майданцев не нашли большего «кулака», чем мой отец, который первым подал заявление в колхоз, сдал всю тягловую силу, провел первую коллективную борозду. В сущности, бывший председатель колхоза тоже был поставлен в безвыходное положение. К нему пришли на «уточнение» списка: «А не найдешь, кого выселить, сам иди вместо него» – сказали ему. Вот и назвал он нашу семью, в которой было 11 человек» [Ленинское слово. 1989. 11 июля. С.3].

Вряд ли депортированные в Сибирь гагаузы подробно знали всю цепочку аббревиатур ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ, но мне в годы депортации, однако, приходилось часто слышать проклятия в адрес МГБ, представители которого с особой жестокостью отбирали хлеб в первые послевоенные годы и вели «воспитательные беседы» с теми из местных

жителей, кто категорически не хотел вступать в колхоз, чтобы не сдавать в «братскую могилу» колхозной собственности свое имущество.

Блестяще организованное злодейское выселение многих тысяч гагаузов, болгар, молдаван и представителей других национальностей не встретило сопротивления со стороны выселяемых. И дело было не только в тщательно спланированной операции, с учетом уже имеющегося опыта по депортации балкарцев, турок-месхетинцев, немцев Поволжья, крымских татар и ряда других народов, не только в привлечении к этой акции вооруженных сил. В основе оцепенения, охватившего обреченную социальную прослойку, лежал вековой страх, подобно страху безмолвствующего народа и народов России.

Корни этого страха, во-первых, залегали не только в роковой беде Императорской России в истории ее безмолвствующего народа, о чем, в частности, была написана опубликованная на Западе книга известного барда Александра Галича «Поколение обреченных» [Александр Галич, 1974; Григорий Свирский, 1979. С.472], но и, во-вторых, недавняя история, когда народы Бессарабии в межвоенном периоде оказались под оккупационным режимом, убивавшем любые проявления этничности и этнокультурной идентичности. Популярным ругательством в идеологии правящего режима Королевской Румынии было «minoritate» («меньшинство»), обреченное на ассимиляцию. В школах и официальных ведомствах, в больницах и магазинах запрещалось говорить на языке своей национальности. Была составлена программа выселения гагаузов за пределы Бессарабии.

В-третьих, в 1949 году население южных районов Молдавии, особенно те, из которых состоит нынешняя Гагаузия, не успели опомниться от жесточайшего голода 1946-1947 гг., случившегося как по причине невиданной засухи, так и по вине тогдашнего руководства Молдавской Республики, не сумевшего воспользоваться помощью, которое вполне могло бы организовать советское государство.

В рыдающем поезде то медленно, то рывками, день за днем продвигающемся на восток, плакали женщины, стонали старики и дети, скорбно думали о потерянном времени обессиленные мужики.

В городе Сызрани в городскую баню спецпереселенцев вели под охраной конвойных овчарок, словно боялись, что люди, вывалившись из телячьих вагонов, захотят убежать, или не захотят выскрести из себя многодневную грязь.

Содержимое горшков и ведер, приспособленных к туалетным нуждам, выплескивали и выбрасывали по ходу поезда через квадратную прорезь на боковой стенке телячьего вагона.

Когда нас построили в колонну для посещения городской бани, мы видели, что содержимое горшков и ведер желтыми пятнами запечатлелось на внешней стенке красного («телячьего») вагона, напоминая чем-то узоры, растянутые на ветру тканями маскировочных плащ-палаток. При виде такого вагона со стороны, в одно мгновенье и на всю жизнь остается тяжелая травма в душе, как будто тебя поместили жить в выгребной яме. Понятно, что после таких ощущений как-то не с руки думать о каких-то высших гуманитарных материях, о красоте и смысле жизни, об устоявшихся правилах «Грамматики жизни», или, говоря научным языком, об усвоенных в детстве принципах соционормативной культуры.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что после возвращения (снова под конвоем) из городской Сызранской бани все желтые пятна на стенке вагона были удалены. На Каргапольском полустанке часть спецпереселенцев из Чадыр-Лунги высадили ночью, поэтому вторично «разукрашенную» внешнюю стенку нашего вагона мне увидеть не привелось.

Под монотонный напевный стук колес веретено судьбы меняло устоявшиеся устои жизни. Наполнялось содержанием начертанные зодией дни твоего бытия на этой другой земле. Тебе оставалось только запоминать все это, чтобы когда-нибудь, если судьбе будет угодно, взяться за перо воспоминаний.

Оказавшись в иноэтнической среде, когда надо было думать прежде всего о том, как не входить в чужой монастырь со своим уставом. И снова, который раз в исторической судьбе гагаузов им на помощь пришла их православная вера, их терпение и любовь к труду.

В тесном вагоне («краснухе») по дороге в Сибирь оказались люди из разных деревень Чадыр-Лунгского района. Израненные душой и новым, свалившимся горем, люди временами ехали молча, лишь шепотом рассказывая страшные истории про голод 1946 года. В каждом селе первыми умирали самые слабые – дети и старики. Их сносили в общую могилу. У оставшихся живых членов семьи не было сил дойти до кладбища и рыть персональные могилы. Кто-то нес ребенка – родителя и бабушку с дедушкой.

Голод был настолько нестерпим и страшен, что варили сапоги, собирали старые кожи и варили из них бульон, драли и обсасывали кору деревьев, отлавливали собак, кошек, крыс, мышей, любую живность, что попадалась на глаза.

Даже зажиточные семьи страдали наравне со всеми. Сначала в годы войны расположенные в деревнях немецкие и румынские военнослужащие ходили по дворам и забирали, все, что находили. Отлавливали поросят, телят, коров, кур, гусей для армии.

Меленькие дети караулили, когда по улице пройдут лошади военных, чтобы выбрать непереваренные зерна кукурузы из оставленных после них следов.

В-четвертых, местное население было психологически парализовано жесточайшей деятельностью карательных органов, и прежде всего органов МГБ, по изъятию зерновых запасов, по выколачиванию двойных и тройных государственных поставок по мобилизации гагаузской и болгарской молодежи в трудовую армию, на работу в шахты Донбасса, в насильственное зачисление в ФЗО и ПТУ.

Накануне уборки урожая зерновых в 1947 году был обнародован жесткий Указ Верховного Совета СССР «Об ответственности за хищение государственной и колхозной собственности», в соответствии с положениями которого за 2-3 кг колосьев пшеницы людей осуждали на срок от 5 до 8 лет.

Даже в год жестокой засухи выращенный урожай в первом колхозе отбирало государство. Не случайно одной из первых комсомолок Е.Родионовой «Запомнилась сдача первого хлеба государству. На подводах, запряженных коровами, быками, – вспоминает пенсионерка, – везли мешки с хлебом под красным флагом через весь город на станцию» [Е.Родионова. 1989. 9 декабря. С.4].

В 1947 году, когда Е.Родионова вступала в комсомол, колхоз имени 28 (позднее «Маяк») начинался с двух ишаков и нескольких овец.

«... Пахали на коровах. Потом, чтобы не упустить время, сеяли хлеб вручную днем и ночью» [Е.Родионова. 1989. 9 декабря. С.4].

Отдельные случаи сопротивления, если и имели место, они носили единичный, неорганизованный случайный характер. Это были скорее вспышки отчаяния, чем осмысленное отстаивание прав человека, когда в доме болгарской семьи в с. Кортен (Кирютня) бесчинствовал уполномоченный местной власти по выселению, в него, как разъяренная львица, «набросилась жена выселяемого. Схватила его за горло и зубами вцепилась в щеку. Солдаты быстро на это среагировали и оттолкнули нападавшую женщину. Уполномоченный вынул из кармана носовой платок, приставил его к раненой щеке. Но большой крови не было. Видимо, укус женщины был не таким глубоким. Плачущая женщина, отталкиваемая солдатом, махала на уполномоченного своими, не совсем мощными кулачками» [П.В.Люленов, 2003. С. 37].

3. Спасение от отчаяния

Женщины беспрестанно плакали и молились, особенно в первые дни нашего бесконечного путешествия по запутанным дорогам Европейской части Советского Союза по дороге на ту сторону Уральских гор. От всех углов вагона доносилось «Аллахым сабур версин» («Дай мой Бог терпения»).

«Аллахым, вер сабур дайанмаа». Несколько лет тому назад, в ответ на мой запрос о смысловой нагрузке слова «сабур», Ольга Константиновна Радова в частном письме от 19.10.2005 года рассказала о своей бабушке, которая порой повторяла «Аллахым, вер бана сабур дайанмаа». По ее словам смысл этого обращения означала «Господи, дай мне силу воли все выдержать». Мне думается, что в вагонных стенаниях спецпереселенцев слово сабур означало не только терпение, как это обозначено в гагагузско-русском и турецком словарях, но и более емкое понятие «сила воли». Несколько производных слов (словосочетаний) с участием слова сабур означают, в частности, сабурум олсун – вооружиться терпением, сабурум калмады – терпение лопнуло, сабурсуз калдым – обессилел.

В русском языке нет адекватного слова.

В турецком языке sabır означает терпение.

Однако я обнаружил это слово в арабском языке благодаря исследованиям М.Б.Пиотровского, в том числе в его кратком эссе с красноречивым названием «Ислам и судьба» [См., например: Пиотровский М.Б., 1974. С.119-128; Ислам и судьба // 1994. С.92-97].

Отношение человека к судьбе (доисламского периода) и к воле Аллаха обозначается в исламе сабр. В самом этом слове М.Б.Пиотровский выделяет доисламский (языческий) и канонический (по Корану) смыслы. Согласно доисламским представлениям сабр – «это мужественное терпение, гордое терпение бедуина перед лицом превратностей и произвола судьбы, это его вызов ей. Это выносливость и безразличие к

бедам. Так человек, но человек особенный, не такой как все, преодолевает проблему собственного бессилия перед судьбой. Уже в доисламское время появилось и понимание сабр, близкое к христианскому смирению, покорности судьбе, лишенного бедуинского к ней презрения. Это был уже шаг по направлению к Корану».

Постязыческая смысловая нагрузка слова сабр по заключению М.Б.Пиотровского, означает – согласно Корану – терпение. Сабр в Исламе – «стойкое терпение, собирание всех сил, чтобы дождаться милостия Аллаха, той самой милости, которая в той или иной форме обязательно будет явлена и снимет проблему кажущегося противоречия между догматом предопределения и догматом справедливости Аллаха» [Пиотровский М.Б. Ислам и судьба. С.96].

«В поведении высшей силы, как и в поведении человека, – делает заключительный вывод М.Б.Пиотровский, – ислам внес новый смысл, легший в основу образа жизни мусульманской цивилизации. Судьбу заменил Аллах, – более могущественный, более справедливый и более добрый, чем она» [сама судьба – М.Г.] [Пиотровский М.Б. Ислам и судьба, 1994. С.96].

Возвращаясь памятью в годы депортации и особенно в путешествие в телячьих вагонах из Молдовы в Сибирь, невольно приходит в голову мысль о том, что сабур, «по-гагаузски» – это самое популярное понятие насильственно изгнанных из родных очагов людей, это – мера всех сил и слабостей, страстей и нервов, это способность смотреть в глаза смертельной опасности и не томиться по утерянному счастью, которое осталось где-то там далеко, под тем предутренним дождливым небом Чадыр-Лунги. Одним из великих грехов, которому нет прощения, согласно Евангелию и толкованиям богословов, считается отчаяние. Акцентируя внимание на этой ипостаси, Анатоль Франс говорил, что церковь остерегается его совершать и призывает паству никогда не отчаиваться [Анатоль Франс, 1960. С.583]. Безвинно наказанные народы, попав из теплого намоленного

Буджака в пустеющие деревни Зауралья, как будто ударом судьбы, низвергнутые в омут, тем не менее не впали в отчаяние, а, засучив рукава, принялись усердно работать, находя в труде спасительный сабур, то необходимое терпение, без которого можно было бы заживо добровольно ложиться в могилу.

«Отчаянье рождает вдохновенье», – недавно сказал известный русский кинодрамматург Юрий Арабов, автор киносценария «Доктор Живаго», по роману Бориса Пастернака [http: //grani.ru/Culture/Cinema/p.99122.html].

На Каргапольском полустанке разгрузили из вагонов ночью и тут же на колхозной подводе повезли в село. Позднее, попав в Тамакулье, спецпереселенцы прежде всего были потрясены повседневной нецензурной руганью. Ругались стар и млад. Овдовевшие бабы матерились и страшно пили, чтобы не думать о своей горькой судьбе и сломанной, безутешной жизни.

Так, например, после возвращения из депортации в 1958 году наш родственник Губогло Савва Константинович, младший сын младшего брата моего деда, вернул нам комплект оборудования для виноделия. Все орудия по переработке винограда, в том числе шарапана (прямоугольная полубочка, в которой накапливался сок (шыра) раздавленного винограда), ручной винтовой пресс («тяску»), дробилка с двумя горизонтально крутящимися валками. Будучи страстным любителем лошадей, дед одновременно любил закупать гектары земли. Однако из сельскохозяйственных занятий он отдавал предпочтение земледелию и виноградарству и был равнодушен к садоводчеству и огородничеству. Во дворе нашего дома, рядом с крыльцом, росла всего одна чахлая груша и в палисаднике сливовое дерево. Я помню, как накануне депортации он протестовал, когда мы с мамой пытались часть нашего хармана, выведенного за пределы двора, приспособить под грядки для перца и арбузов, помидор и огурцов.

Весь сельскохозяйственный инвентарь дед закупал в немецких селах, самым любимым из которых у него было село

Чокрак (Анчокрак по источникам середины XIX века). Он был частым гостем в этом селе, там у него были друзья, с которыми он общался, по его словам, на немецком языке. В 1958 году, когда его дочери, моей тете Любе с семьей разрешили выехать из Курганской области, но без права возвращения в родную Чадыр-Лунгу, она со своим супругом – Петром Петровичем Димовым-Грековым, сыном Петром и дочерью Валентиной, родившейся в Сибири, поселилась по совету своего отца в Тарутино (бывший Чокрак).

В отличие от перечисленных механизмов для переработки винограда, сохраненных заботливыми родственниками, остальные механизмы бесследно исчезли, в том числе веялка, с помощью которой наша семья ранее других перешла от ручного к машинному обмолоту зерна. Исчезли так называемый колонистский плуг («немцä пулугу»), борона, жатвенная и косильная машины, молотильные катки, молотильная доска (дювен).

На лицевой части этого приспособления в виде доски (или щита) были вмонтированы кремневые вкладыши с острыми, как лезвие бритвы, краями. В том далеком детстве среди немногих моих игрушек у меня был небольшой набор таких кремневых вкладышей, с помощью которых я высекал искры, ярко светящиеся в темноте кухни и затемненной спальне, даже чем-то отдаленно напоминая гирлянду бенгальских огней в химкабинете Каргапольской средней школы, или салюта в Московском небе на Воробьевых горах в пору, когда я был старостой химического кружка и готовился к поступлению в Свердловский политехнический, пользующийся не меньшей популярностью, чем МГУ.

4. Поколение обреченных

По рассказам Ираклия Андроникова, Алексей Толстой в 1922 году, когда жил в голодном тогда Ленинграде, попал в следующую «историю». Семья сидела без денег. Но вдруг нашелся десятирублевик, «провезенный через все революции», и он был отправлен («Алеша, поди купи детям молока») менять монету в банк.

«А в ту пору, – продолжал далее свой рассказ А.Толстой, – у нас на пустыре за Ждановкой раскинулся табор цыганский... Смотрю – за мной увязалась старая страшная цыганка – патлы распущены, клыки торчат: «Барин, покажи ручку».

– Да не верю я, говорю, твоим гаданиям, и денег у меня нет».

– «Неправду говоришь, бариночек, у тебя в левом кулачке денежка золотая. Вынь кулачок, покажи ладошку». При этом она делает отвратительные крючки пальцами, и я иду за ней, как в гипнотизме. И чувствую неестественная сила побуждает... вынул кулак, разжал...

А старуха быстро так бормочет: «Знай, красавец, будешь ты знаменитый, счастливый, а через восемь лет будешь богатый, напишешь книгу в двух томах про высокого царя. А звать тебя Алексеем!» И я вот до сих пор не пойму, откуда эта жуткая старуха с Петроградской стороны за восемь лет могла предвидеть, какие будут дела в советской литературе, что времена РАППа кончатся и напечатают моего «Петра» [Ираклий Андроников, 1981. С.14-15].

Люди в южных районах Молдавии, обессиленные военным лихолетьем и голодом 1946 года, не могли оказать какого-либо сопротивления решительно и профессионально действующим, специально подготовленным военизированным службам.

В книге «Воспоминания. О прожитом и пережитом», экс-председатель колхоза Г.И.Болокан характеризует канун депортации 1949 года следующим образом.

«Семья питалась в основном мамалыгой, реже малаем (хлеб из кукурузной муки с небольшой добавкой муки пшеничной). К мамалыге подавали фасоль, картошку, борщ с кукурузной мукой с добавкой капусты с рассолом. ... Страшно тяжелые были годы войны. А послевоенный 1946-й был просто жутким для села Дезгинжа. Жестокая засуха погубила почти весь урожай. Начался голод, люди едва выживали, особенно тяжело приходилось многодетным семьям. В частных складах хранилось зерно, а в кукурузохранилищах – кукуруза в початках, предназначенная для посева. Голод, крайняя нужда заставила людей, а это были в основном женщины, пойти на крайность. Произошло нападение на склады. Кукурузу растаскивали, кто в чем мог: мешками, корзинами и даже в фартуках. А через два часа все начальство района уже было на месте «ЧП». Вскоре в село прибыли представители ОВД и КГБ из Кишинева. В две грузовые машины погрузили участников «погрома», в том числе председателя сельсовета и старика-инвалида первой мировой войны. Через две недели в клубе села состоялся показательный суд. Председателю дали «вышку», женщинам – по 8 лет, старику-ветерану – 8 лет. Позже смертная казнь председателя была заменена 10 годами тюрьмы. Все осужденные отсидели свои сроки от «звонка» до «звонка» [Ю.Бобырь, 2005. С.2].

Движение Молдовы курсом европейской интеграции предполагает преодоление той части советского прошлого, что связана с массовыми необоснованными репрессиями. Без полной политической, идеологической и имущественной реабилитации, без хотя бы частичного возмещения морального и материального ущерба, вряд ли можно серьезно говорить об утверждении принципов демократии и о построении гражданского общества. В Республике Молдова, в том числе в Гагаузии, предпринимаются продуктивные попытки по восстановлению справедливости, в том числе в деле восстановления доброй памяти репрессированных граждан.

Так, например, неправительственная организация «Доорулук» («Справедливость») Чадыр-Лунгского района добилась

наделения реабилитированных жителей Чадыр-Лунги долей земли. В 4-х томном издании «Cartea memoriei» («Книга памяти») были опубликованы списки граждан, подвергшихся репрессиям по Гагаузии в 1940-1941, и 1944-1949 г.г. Из числа жителей Чадыр-Лунги в списки вошли имена 355 граждан, Баурчи – 171, Бешгиоза – 55, Казаклии – 171, Кириет-Лунги – 57, Джалтая – 81, Томая – 145 [М.Митиоглу, 2007. С.3].

29 июня 2006 года Парламент Республики Молдова принял закон о внесении дополнений и изменений в ранее принятый закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Статья 12 этого закона имеет исключительно важное значение для понимания реальных намерений депутатов Молдовы преодолеть последствия былых репрессий. В первой редакции данная статья звучит следующим образом: «Гражданам Республики Молдова, подвергшимся политическим репрессиям, на основании заявления, поданного ими или их наследниками, возвращается конфискованное, национализированное или любым иным способом изъятое из их владения имущество.

... В случае, если конфискованное, национализированное или любым иным способом изъятое из их владения в связи с политическими репрессиями имущество не может быть возвращено, его стоимость возмещается путем выплаты компенсации на основании заявления реабилитированных лиц или их наследников.

В случае, если имущество не сохранилось или не может быть возвращено в натуре, так как было приватизировано в соответствии с законом, его стоимость возмещается в виде денежной или материальной компенсации, исчисляемой в рыночных ценах, действующих на момент рассмотрения заявления.

В случае, если стоимость имущества не превращает 200 тыс. леев, выплата компенсации осуществляется в рассрочку в течение не более трех лет, а для имущества, стоимость которого превышает 200 тыс. лее, – в течение не более пяти лет» [Цит. по: Вести Гагаузии, 1007. 5 января.].

Этот, проникнутый призрачным гуманизмом и заботой о человеке, вдохновляющий закон не лишен некоторых недостатков. Во-первых, он умалчивает о значительном контингенте лиц, освобожденных из мест высылки по амнистии, в связи с награждениями правительственными наградами и по другим причинам. Во-вторых, из текста закона не вполне понятно, какие категории лиц подходят под категорию «политических репрессий». Не секрет, что большинство лиц, репрессированных из сел Молдовы, были раскулачены не из политических, а скорее из экономических соображений. Конфискованное имущество, не разворованное сельским люмпеном, поступило в качестве материальной или денежной инвестиции в колхозно-кооперативную собственность.

В годы депортации у всех спецпереселенцев была одна, по выражению Л.Н.Толстого, «больная мысль»: за что разлучили с родиной, с родными полями и родным очагом. Моя личная «больная мысль», как уже приходилось жаловаться любимой учительнице в одном из писем в середине 1990-х годов, состояла в том, что я не испытал в школьные годы сладости пионерского лагеря, которым во времена летних каникул упивались мои сверстники. Родители целыми днями пропадали на колхозных полях. Я оставался «на хозяйстве». Надо было кормить малолетнюю сестренку и двоюродного братика, рубить и варить крапиву для поросят, бдительно следить за курами, что норовили снести яйца под бревенчатым домом, сходить в соседнее село на молокозавод за бидоном обрата, чтобы, смешав его с отрубями, накормить теленка. Вырваться из этого «кольца обид» помогла оттепель, но не только она. Вырвавшись из депортационного режима с колхозной справкой, разрешившей сдавать вступительные экзамены в Институт восточных языков при МГУ, я уехал из Москвы не в Курганскую область, где оставались родители, а в родную Чадыр-Лунгу, где проживали многочисленные родственники, избежавшие депортации.

Трудно с позиций сегодняшнего дня, когда прорастают первые ростки демократического обустройства новой жизни,

оценить огромный нравственный урон, который привнесла в Буджакское сообщество злодейская депортация лучшей части населения. Разорение гагаузских и болгарских сел, подобно смерчу, пронесшемуся под мирным небом, закрутило в воронку и отдалось измельчанием душ, люмпенизацией бывших сельских трудоголиков.

В гагаузских представлениях о смерче существует поверье, согласно которому, если кинуть в круговерть стихии любой, даже перочинный ножик, он обязательно обагрится кровью черта. Смерч – это пляски взбесившейся нечистой силы. Именно под свист и визги этого смерча происходила депортация и первые шаги коллективизации в полувымерших селах Буджакской степи после невиданного в их истории голода 1946-1947 гг.

Живой свидетель той преступной акции, мудрый человек, проживший интересную жизнь, понимающий природу, свою среду обитания и свой народ, П.В.Люленов имел полное право на страницах своих воспоминаний с горечью сказать: «... во всем мире власти ведут борьбу за то, чтобы было как можно больше богатых людей. И этих людей поддерживают. А советская власть их разоряет» [П.В.Люленов, 2003. С.47].

Как тут не вспомнить вскрик, вырвавшийся из израненной души Владимира Максимова в его романе «Семь дней творения». В уста своего литературного героя режиссера Кренса Владимир Максимов вложил ставшую крылатой фразу: «Да мир до самого светопреставления обязан благословлять Россию за то, что она адским своим опытом показала остальным, чего не следует делать» [Владимир Максимов, 1971; Цит. по: Григорий Свирский, 1979. С.523].

Замордованный депортацией 1949 года Буджак, позволил себе насильно загнать в колхозы. Но с первых же дней колхозного строительства в крестьянских душах, вкусивших воздух свободной жизнедеятельности еще с императорских времен вселения в опустевшие после ногайцев степи, зародилось сомнение в истинности, надежности и справедливости избранного пути. Несмотря на крупные достижения

в сельскохозяйственном производстве, благодаря плодородной земле и трудолюбивому в основной массе населению, быстро по историческим меркам, уже через десятилетие началась эрозия колхозного образа жизни.

Два вектора этой разрушительной эрозии, разлагающей нравственные устои народа, нашли выражение, во-первых, в едва ли не узаконенном массовом воровстве самими колхозниками с полей, ферм и виноградников колхозной продукции и, во-вторых, в масштабном «кормлении», как проявлении псевдогостеприимства, за счет колхозного бюджета значительной прослойки городских нахлебников, от чиновников так называемого партийно-хозяйственного актива и контролирующих инстанций, до высоких гостей из сферы науки, культуры и спорта.

Итоги двух разнонаправленных процессов – формирующейся бездуховности, с одной стороны, и ростом самосознания и рядов национальной интеллигенции, с другой стороны – являлась маргинализация населения как в социально-психологическом, так и в этнокультурном аспектах.

Не от этих ли изначальных сомнений и прозрений, запавших в ментальность честного, трудолюбивого, законопослушного во все времена населения, ведет свое начало скоропостижный развал колхозов, случившийся при первом дуновении демократического ветерка, закружившего над Буджакской степью сразу же после развала могущественного государства?

Сегодня, не слишком краснея от стыда, я оправдываю свои бывшие наезды на свою родину, угощения и подарки, которые мне доставались бесплатно в студенческие, аспирантские годы и далее вплоть до развала Советского Союза, компенсацией за разграбленное родовое гнездо, за растасканное имущество моей семьи, за построенный дедом своими руками дом, который не вернули до сих пор, как и участок земли, на котором этот дом был возведен.

Из-под осколков рухнувшей колхозной системы сегодня сельское население Буджакских сел спасается бегством,

превращается в бездомных гастарбайтеров, ринувшихся в Россию, Турцию и другие страны в поисках приложения своих сил ради куска хлеба. В 1949 году трудовая миграция под политическими предлогами была осуществлена насильственно карательными органами. Сегодня демографическое самоубийство гагаузских и болгарских сел происходит под ударами безработицы и неспособности органов власти наладить рабочие места в самой Гагаузии и в самой Молдове.

Но в отличие от сталинских времен, когда «народ безмолвствовал», сегодня звучит голос академической науки, предупреждающей о грозящей катастрофе – депопуляции Буджакских сел. [Ирина Субботина, 2007; Гастарбайтерство, 2006; Гастарбайтерство, 2008].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андроников Ираклий. А теперь об этом. М., 1981.
2. Блок Александр. Собрание сочинений. Том третий. Москва-Ленинград, 1960.
3. Бобырь Ю. И лавры, и венец его терновый. // Единая Гагаузия. 2005. 4 февраля. С.46.
4. Галич Александр. Поколение обреченных. Стихи, песни, поэмы. Изд-во «Посев». Том 1. Франкфурт-на-Майне, 1968.
5. Гастарбайтерство. Факторы адаптации. Составитель Н.А.Дубова. Под общей ред. М.Н.Губогло. М., 2008.
6. Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. Составитель Н.А.Дубова. Ответ. ред. М.Н.Губогло. М., 2006.
7. Люленов П.В. Времена. Кишинев, 2003.
8. Максимов Владимир. Семь дней творения. Изд-во «Посев», 1971.
9. Пиотровский М.Б. Ислам и судьба. // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
10. Родионова Е. ... И сказка стала былью // Ленинское слово. 1989. 9 декабря. Пиотровский М.Б. Тема судьбы в южноарабском предании об Асаде ал-Камиле // Палестинский сборник. Т.25, 1974. С.119-128.
11. Свирский Григорий. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления (1946-1976 гг.) Новая литературная библиотека. London, 1979.
12. Субботина Ирина. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация. М., 2007.

9. ВИНОГРАД: СИМВОЛ МАЛОЙ РОДИНЫ И ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

В тетрадках второго класса у меня было записано две «жены». В тетрадке по чистописанию «скрытой камерой» было записано: «Моя жена – Таня Иванова». Видимо по той причине, что русская девочка будучи дочерью агронома, присланного откуда-то из глубинки России для оказания помощи в деле колхозного строительства Гагаузии, лучше и громче всех читала тексты на русском языке. Я не завидовал, но хотелось читать не хуже. Однажды, как вспоминает М.К.Пашалы, одно из стихотворений той поры: «Летней ночью на рассвете, когда мирно спали дети, Гитлер дал войскам приказ, это значит против нас» я прочитал так громко, что потом по поручению моей учительницы молдавского языка Домники Христофоровны я повторил это стихотворение перед всей школьной линейкой.

Школа была меленькая, из красного кирпича, напротив нашего дома, в котором я родился. Сейчас на месте этой бывшей школы высится многоэтажная мэрия г.Чадыр-Лунги, а рядом воздвигнута церковь. И само село Тирашполи давно стало частью города Чадыр-Лунги.

В тетради по арифметике была другая, тоже каким-то образом зашифрованная запись: «Моя жена – Люся Иджилова». Эта девочка была лучшей в классе по части решения арифметических примеров. Кажется, у нее был старший брат Вася, их семья жила в доме, что напротив тираспольской церкви, освященной в 1911 году, в том же году, когда родился и был в ней крещен первым старший брат моего отца Михаил Петрович Губоглу, имя которого теперь носит Чадыр-Лунгский лицей.

Кажется, Люся Иджилова со временем стала то ли известным экономистом, то ли первоклассным бухгалтером. О судьбе Тани Ивановой мне ничего не известно.

В третьем классе (1949-1950 гг.) Тамакульской начальной школы, куда попал после депортации в 1949 году, свирепствовал педикулез, на котором было сосредоточено внимание всей школы и родительского собрания. Никаких гендерных воспоминаний этого периода в моей памяти не сохранилось. Зато хорошо помню морозные полотна выстиранного белья и вывешенного на веревках во дворе дома. Однако даже 40-градусный мороз не всегда помогал избавляться от зловредных насекомых. В полузаброшенных домах, в осколках семей, оставшихся в живых после войны, царило равнодушие и не было сил бороться с этой напастью.

В четвертом классе я впервые жестоко влюбился в девочку из соседнего класса. Ее звали Инесса Марковских. Она была дочерью учительницы. Жили они с мамой в с.Тамакулье на Двоеданской улице. Отец, то ли погиб на фронте, то ли сгинул в лагерях, то ли попал в списки отправляемых в трудармии для заготовки древесины родине.

Худенькая, светловолосенькая, прозрачная, как янтарное колье, всегда опрятненькая и прибранная, никоим образом не замечала меня, черного, как Отелло, и настойчивого, как капитан Швабрин из «Капитанской дочки».

Шла вторая осень нашего безвинно наказанного времени. Шел 1950-й год. И вот однажды, Бог весть, каким-то чудом из села Кирсово Комратского района, где родилась моя мама Димитра Степановна Стойнова, и где прожили всю свою жизнь двое ее братьев – Степан Степанович и Георгий Степанович, и три сестры, мы получили в осеннюю пору посылку, в которой каким-то чудом из южной Молдовы в Западную Сибирь доехала коробка с виноградом, грецкими орехами, несколькими крупными плодами айвы. В опилках и стружках сохранилась гроздь столового винограда, чем-то напоминающая молдавский «гамбургский мускат» или болгарские «дамские пальчики».

В Зауралье была глубокая холодная осень. Рано темнело. И моим горячим желанием было угостить Инессу Марковских невиданным в Тамакулье чудом – гроздью молдавского

винограда. Однако она категорически отказалась принять мой дар. Я бегал за ней во время перемен, после уроков отлавливал ее в закоулках школьной сцены, где обычно за красными столами заседала избирательная комиссия в дни важнейших праздников, когда голосование за «единый блок коммунистов и беспартийных» сопровождалось распродажей всяческих вкусностей: пряников, печенья, конфет, дешевых сигарет от «Тайги» до модных папирос «Казбек», когда можно было купить до полукилограмма сливочного масла или несколько вкуснейших колечек полукопченой «Одесской» или «Прикарпатской» колбасы.

Именно в эти запоминающиеся торжественностью и щедростью великие праздничные дни всенародного голосования я получил психологическую травму на всю оставшуюся жизнь. Я мертвел от обиды и стыда, ужаса и горя. Ну, почему она не хотела принять гостинец? И чем настойчивее я безумствовал, тем яростнее она отказывалась от грозди винограда.

С тех пор эта гроздь виноградная, привезенная из горячих Буджакских степей в холодную Западную Сибирь, стала для моей души виноградной гроздью, выбитой на мраморе или отлитой в керамической чаше, как это принято в Грузии, или можно увидеть на моих домашних сувенирах из керамики, привезенной из Тбилиси.

Я не почитаю любимых женщин Чехова за то, что они ему изменяли то душой, то телом. И я понимаю и принимаю его трактовку о том, что любовь – «тайна сия велика есть». Но тогда, в четвертом классе, моя тайна сводилась к предельно простой разгадке: ее согласию взять в дар гроздь винограда.

От поразившей душевной болезни меня долго, всю зиму, до самого лета следующего года, настойчиво и терпеливо пытался лечить мой кумир и ангел-спаситель Володя (Владимир Константинович) Шахматов. В Каргаполье где-то за спиртзаводом, в одном из прилегающих к МТС домов проживала его двоюродная сестренка – Люся Шевелева, во

много раз симпатичнее Инессы. Весной, когда все зацвело, мы завалили Люсю белой черемухой с моими призывами, давай, мол, знакомиться и дружить. Но и тут меня ждало равнодушие. Слава Богу, не лютая ненависть. Знакомство состоялось, до дружбы не дошло.

Сам Володя Шахматов в это время, между 4 и 5 классом, был безнадежно влюблен в Галю Ташкову. Через двадцать семь лет, когда я приехал на юбилейный вечер нашего выпуска, я, к сожалению, Володю не встретил, но узнал, что он женат на Тоне – младшей сестре Гали Ташковой.

Короче говоря, пережив две душераздирающие любовные катастрофы, я переходил из провинциальной Тамакульской в «столичную» Каргапольскую школу с израненной душой и немым, как бесконечность, вопросом: «Что делать, чтобы я нравился и чтобы меня любили?». И в первые два года (5 и 6 классы) в Каргаполье потребовались силы для адаптации к новой среде, коллективу, экологии, ученикам и учителям. Вместо одной универсальной учительницы в Тамакулье, тут, в Каргаполье, оказалась целая гирлянда – по каждому предмету. Это было потрясающее взросление. Ничего из таинства этих двух лет в душе не зацепилось.

С самым близким другом Володей Патраковым, 1953

И только в 7 классе я штопором начал выходить из синдрома неполноценности. Мой донжуанский список к этом времени был чист, как утренний снег. Душа, истерзанная неудачной любовью, кровоточила, наполненная настоящим горем. На одной из фотографий того времени стоим мы, пьяненькие, с лучшим моим другом – Володей Патраковым.

Галстуки в клеточку: у него в бордовую, у меня в красную, впервые надетые фабричные носки, тоже в клеточку, на лицах – идиотская улыбочка. Петушиные галстуки, пенистая брага, имитированная лжелюбовь – вот атрибуты переломного времени, не дающие никаких оснований гордиться ими. Потребовались три последних класса степной школы, чтобы из нас выпалывать этот чертополох взросления.

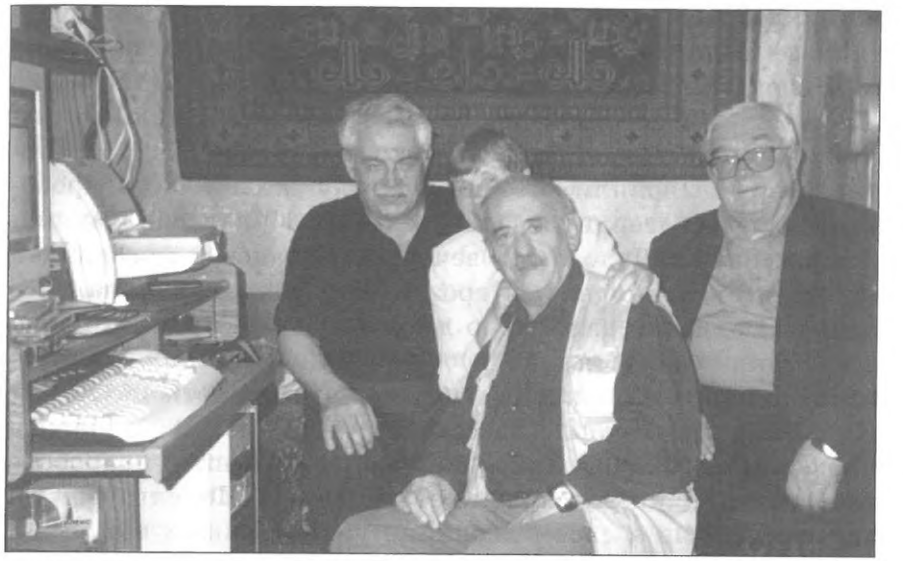
Первый галстук. С. Тамакулье, 1955 г.

В 7 классе в меня влюбилась отличница – Лариса Быкова. Я повел себя так мелко и так подленько, что до сих пор уши горят, когда вспоминаю, как я делал вид, что будто бы «дружу» с ней, в то время как на самом деле снова сох и страдал уже совсем по другой красавице. Прости меня, Лариса, и, если жива, прими мое покаяние и благодарность за то, что ты первая вывела меня из кризиса. Кто из нас не эгоист и не желает быть обласканным, разве только наши родители и наши учителя? Так приятно, когда ты любим. Хотя на самом деле не менее важно любить самому.

Потом, после 7 класса, пошли удачи. Влюбчивостью, фантазией и напором я был наделен природой. Частично я об этом уже рассказал. Я не мазохист, но в кругах своей памяти я снова и снова возвращаюсь к той злополучной осени 1950 года, которую заполнила в моей души Инесса, отказавшись попробовать молдавский гостинец из Буджакских виноградников.

Школьные друзья. 1957 г. Слева направо: Володя Патраков, я, Толя Юркин, Алеша Лукинов

Это была моя вторая осень в оковах депортации. Родители ежемесячно отмечались в спецкомендатуре. Там, где была Каргапольская раймилиция. Срок пропустишь, все равно, что шаг вправо, шаг влево, исход один – тюрьма 10 лет и коми лесозаготовок. До смерти Сталина оставалось 3 зимы. До доклада Н. С. Хрущева о культе личности – немногим более. Может быть, для части немногочисленной интеллигенции Тамакулья я виделся сыном врагов народа. И это отразилось в детской душе Инессы и проявилось в ее отношении ко мне. Хотя сам я никогда, ни одного раза, ни от кого из местных не услышал что-либо обидное в свой адрес, связанное с депортацией и с нашим спецпереселенческим статусом. И в Тамакулье, и в Каргаполье жили добрейшие люди. Не жалели, не хулили, не дразнили, глаз не кололи. Принимали как равные равных. Может быть, среда



Встреча с выпускниками Каргапольской средней школы в Москве через полвека. Слева направо: Миша Губогло (выпуск 1957 г.), Галя Лукинова (выпуск 1956 г.), Валерий Лялин (выпуск 1956 г.), Володя Шестаков (выпуск 1955 г.)

и люди, экология и идеология Каргапольского края были тем прекрасным бульоном, в котором варился феномен успеха Каргапольской средней школы. Лишь несколько раз меня обозвали молдаванином, скорее по географии, откуда я приехал. Но поскольку я не был молдаванином по национальности, то эта кличка меня ничуть не обижала. Как если бы любую русскую из Кургана где-нибудь в Молдавии или Прибалтике обозвали бы «зауралкой». Ну и что?

Может быть, наслушавшись разговоров, Инесса держалась в школе подальше от сыночка репрессированных родителей. И ее холод ко мне был не психологического, а социального свойства? Кто знает?

Рана первой неудачной любовной травмы давно зарубцевалась. Хотя я о ней не забываю и никогда не забуду. Инесса с мамой, говорят, куда-то уехала из Тамакулья, и я

потерял ее из виду навсегда, как и многих других тамакульских детей, с кем проходил период моего отрочества.

Но судьбе было угодно несколько раз напоминать мне о той далекой детской любовной трагедии. Дотошные исследователи биографии великого мыслителя Артура Шопенгауэра выяснили, что на 43 году жизни он попробовал завоевать сердце очаровательной 17-летней девушки Флоры Вайес. Дело было вечером. Катаясь с красавицей в лодке, он преподнес ей гроздь винограда и признался в любви. Родители дали волю девушке самой принять решение. Однако попытка философа закончилась полным провалом. Флора заявила родителям, что терпеть не может Шопенгауэра. Прошло несколько десятилетий. Однажды племянница Флоры Вайса попросила тетушку подробнее рассказать, как происходило ее общение с Шопенгауэром и зафиксировала в своем дневнике убийственный тетушкин ответ: «Мне не хотелось никакого винограда. Мне был отвратителен этот виноград, потому что старик Шопенгауэр к нему прикасался, так что я тихонько, чтобы он не заметил, опустила его за спиной в воду» (Цит. По: НГ EX LIBRIS. 2008. 21 февраля).

«Виноградная история» Артура Шопенгауэра оказалась гораздо более трагичной моей истории. Не странно ли, что судьбе было угодно сделать его автором теории о том, что «священный долг каждого – изо всех сил противостоять «высказываемому гениталиями половому влечению»? Разгадка истоков этой теории, однако, состоит в том, что самому известному женоненавистнику в истории философии в действительности нравились женщины. Более того, в минуту откровенности он признавался: «Я обожал их. Если бы только они хотели меня!». Мне, в отличие от великого философа, не довелось стать ни великим мыслителем, ни стать женоненавистником, может быть, по той причине, что я следовал его же завету, хотя и, сказать по правде, без некоторого эвфемизма: «желать как можно меньше, знать как можно больше».

Воспоминания сегодня пишут все, кому не лень. Как правило, люди любят свое прошлое, а те, что родом из Молдавии, из ее кодр, Буджака или берегов Днестра, чаще всего начинают свое повествование с описания виноградника. Я бы тоже хотел украсить свои осколки памяти красотой дедовских виноградников. Однажды, накануне операции по удалению желчного пузыря, мне приснилось мое полное семейство, каковым оно было в Сибири, и я рассказывал давно ушедшему в мир иной деду, отцу и матери о том, каким прекрасным был виноградник, на солнечной стороне холма, наклоненного в сторону соседнего с Чадыр-Лунгой болгарского села Кирютня. Наш виноградник состоящий из местного «зайбера», отличался от соседних тем, что его дополняли два ряда европейского винограда, которые называли «кечи мемеси» («вымя козы»). В Болгарии этот сорт, кажется, именовался более деликатно «дамские пальчики».

Большинство пионерских мероприятий в Тамакульской школе носили хозяйственно-огородный характер. У школьной калитки выстраивались строем по классам и с песнями поднимались в ближайшую гору собирать на скошенных полях колоски. По дороге учительница и пионервожатые строго-настрого инструктировали, что ни один колосок не должен быть пропущен или съеден. Последнее считалось преступлением против советской власти и против колхозного строительства.

Это было в конце 1940-х годов, когда пятиклассников и шестиклассников выводили на картофельные поля. Можно было в поле, около гуртов накопанной картошки, выпекать целыми ведрами печенки.

Перед соревнованиями. Слева направо: Миша Губогло, Володя Куликов, Володя Патраков

Первый взрослый велосипед. 1955 г.

Сначала она являлась в грёзах. 1956 г.

В Каргапольском парке. 1957 г.

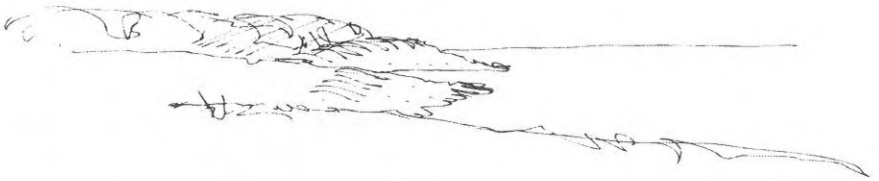
10. АЛЬБОМ

Более полвека тому назад, в 1951 г. после окончания Тамакульской начальной школы Каргапольского района Курганской области, я попал сначала в восьмилетнюю, а затем окончил десятилетнюю Каргапольскую среднюю школу. По воспоминаниям тогдашнего директора этой школы, моей любимой учительницы Постоваловой Ульяны Илларионовны, с которой меня связывала более чем 40-летняя послешкольная переписка и дружба, особое место в системе школьного образования занимала воспитательная работа, в том числе в деле трудового и патриотического, нравственного и эстетического воспитания учащихся. «В те годы, – с полным знанием дела пишет У.И. Постовалова в одном из своих очерков, посвященных легендарному учителю Зауралья, как и она сама, познавшему нелегкий хлеб директорства, Ю.М. Рабиновичу, страстному кинолюбителю и пропагандисту кинообразования и киновоспитания, – был всплеск тяги к искусству, ко всем его видам. Повсеместно развивалась художественная самодеятельность, хоровые, танцевальные, драматические коллективы объединяли сотни учеников. Но если во многих школах эстетическое воспитание осуществлялось через отдельные мероприятия, эпизодично, а работа кружков проходила изолированно друг от друга, то в Макушкинской школе [где директором был герой ее очерка – М.Г.] была именно система, в которой все взаимосвязано. В основе ее – новое преподавание литературы, с широким привлечением всех видов искусств. Изучая, скажем, «Евгения Онегина», драматический кружок готовил инсценировки, танцевальный – отрывки из оперы, готовились выставки художников и т.д. В Макушкинской и многих других школах традиционными становились литературно-музыкальные лектории. Каждую субботу проводился танцевальный вечер, перед

которым – лекция об искусстве. С легкой руки Ю.М. Рабиновича в школах появились «малые Третьяковские галереи», где регулярно, по тщательно продуманному плану проводились беседы и лекции.

Используя его опыт, – продолжает свой рассказ У.И. Постовалова, – во многом повторяя этот уникальный опыт воспитательной работы и в Каргапольской средней школе, – умело сочетая преподавание литературы с различными видами искусств, многие передовые учителя тех лет добились значительных успехов. Литература для их учеников стала интереснейшим из учебных предметов, результатом чего было пробуждение у них тяги к прекрасному, воспитание чувств, вкусов, устремлений» [У.И. Постовалова. 1995. С. 65-66].

Именно об этом периоде моей жизни, в котором, как в перехлесте дорог, слились воедино мрак депортационного режима и свет в конце тоннеля, излучаемый приближающейся Хрущевской оттепелью, пойдет рассказ в моих воспоминаниях. Свобода инициативности и творчества, исповедуемая моими школьными учителями, преданными своему делу, родному краю, как своей Малой Родине, своей великой стране, сыграла огромную мобилизующую роль в судьбах выпускников – птенцов гнезда Каргапольской средней школы. В широком смысле школы Зауралья, подобные той, в которой мне посчастливилось учиться, воспитали поколение людей, готовых к восприятию открытого общества в послесталинский период в жизни Советского Союза.



От Александровской «весны» к Хрущевской «оттепели»

12 марта 1801 г. на Российский престол вступил внук Екатерины Великой, будущий реформатор – Александр I, которого В.О. Ключевский называл «романтически-мечтательным и байронически-разочарованным Гамлетом».

В 1814 г. русская армия вместе с союзными войсками вступила в Париж, разгромив перед этим французскую армию и изгнав ее из России.

14 декабря 1825 г. младший брат Александра Николай I подавил на Сенатской площади восстание декабристов.

30 апреля 1945 г. советские войска штурмом овладели рейхстагом и водрузили на нем Знамя Победы. 8 мая в пригороде Берлина представители германского верховного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии. Указом Президиума Верховного Совета СССР день 9 мая был объявлен днем всенародного торжества – Праздником Победы.

5 марта 1953 г. ушел из жизни И.В. Сталин. XX съезд КПСС осудил культ личности, а 30 июня 1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий».

25 февраля 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС Н.С. Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях», который потом был оглашен перед 7 миллионами коммунистов и 18 миллионами комсомольцев. Сталинская зима сменилась короткой хрущевской оттепелью [Оттепель. 1953-1956, 1989; В.Я. Лакшин, 1991; Ю. Аксютин, 2004].

Вместе с отставкой Н.С. Хрущева в 1964 г. закончился период «Оттепели» и наступила пора Брежневского застоя.

Типологическое сходство двух последующих судьбоносных периодов российской истории, связанных с царствованием Николая I (1825-1855 гг.) и с правлением Л.И. Брежнева (1964-1982 гг.), состоит в том, что они выявили неспособ-

ность государства и общества к конструктивным переменам. Ориентация на застывшую силу николаевского режима, по мысли А.С. Ахиезера, «стала отправной точкой движения России в пропасть» [А.С. Ахиезер, 1997. С. 624].

Отсутствие концептуальных идей в период брежневского застоя и последующей горбачевской перестройки привели к катастрофе государственности и распаду Советского Союза.

В предлагаемой работе затрагивается одна из самых сложных и одновременно интересных тем – как народы Советского Союза вставали с колен, преодолевая разруху в первые послевоенные годы, накануне смерти И.В. Сталина и в первые годы хрущевской оттепели. Анализируя процессы формирования патриотических, нравственных и эстетических черт и чувств на примерах сельских школьников Каргапольского района Курганской области конца 1940-х – начала 1950-х годов, пытаюсь определить признаки и призраки восстановления некоторых исторических традиций из богатейшего арсенала классической русской культуры первой четверти XIX в., путем сравнения двух эпох, подкрепляя свои выводы личными воспоминаниями, мемуарами своих школьных учителей и сверстников, сведениями из публикаций современных специалистов по мемуаристике и знатоков истории тех времен [И.И. Подольская, 1989; Ю.В. Аксютин, 2004. С. 12-13].

От обозрения имеющейся литературы, посвященной «оттепели», остается досадное впечатление о якобы резкой грани между предшествовавшим сталинским мраком и наступившим немедленно, после смерти «вождя народов», весенним просветлением. Никоим образом не выступая адвокатом тоталитарного режима и не пытаясь обелить тяжелейшие послевоенные годы, я все же хочу думать, что победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов вдохнула жизнь в духовную культуру советских народов, что нашло наиболее заметное выражение в настроениях первого, вступившего в жизнь послевоенного поколения.

«Очень наивно пытаться понять людей, – писал, отвечая на вопрос ребенка «зачем нужна история», выдающийся

французский историк феодального общества Марк Блок, – не зная, как они себя чувствовали» [М. Блок, 1973. С. 128].

Можно согласиться с категоричным суждением крупнейшего специалиста по истории средних веков в том, что, действительно, трудно понять душу чужого человека. Ситуация существенно облегчается, когда исследователь, обращаясь к своей памяти и к своим испытанным в полувековом прошлом чувствам, сравнивает их с представлениями своих сверстников и современников.

Немаловажную роль в приближении «оттепели» сыграло обращение школьной системы в своей воспитательной работе к культурному достоянию и к славной истории страны, победившей фашизм. Вместе с пробуждающейся жаждой знаний у молодежи идеологическая пропаганда и воспитательная работа стали питательной средой для манифестации своего достоинства и формирования гордости за свою могущественную страну и ее всемирно признанную культуру. Мне кажется, что одним из первых заметил предтечу оттепели как процесс наполнения духовных сил известный писатель и журналист И.Г. Эренбург в повести «Оттепель», опубликованной в журнале «Знамя». Его крылатые слова, прозвучавшие в этой повести, вызвали большой общественный переполох. Вот эти символические слова: «А высокое солнце весны пригревает и Володю и Танечку, и влюбленных на мокрой скамеечке, и черную лужайку, и весь иззябший за зиму мир» [И.Г. Эренбург, 1954; Цит по: Ю. Аксютин. 2004. С. 85].

Победоносное завершение войны 1812 года и Великой Отечественной войны 1941-1945 годов вызвало небывалый подъем патриотических чувств и нравственных исканий в двух разделенных полуторавековым временем послевоенных эпохах – первой четверти XIX в. и в 1940-1950-е годы XX в. В первом случае созрели объективные условия для постановки вопроса об отмене позорного крепостного права, во втором – для преодо-

ления тоталитарного наследия, сталинизма и движения за права и свободы человека.

В отечественной мемуаристике содержится огромное количество воспоминаний о том, как в первом десятилетии после Отечественной войны 1812 г. в определенных кругах российского общества установилась свежесть чувств и мыслей и атмосфера социального обновления. «Я слышал, – вспоминал Н.И. Тургенев, хотя и не участвовавший в восстании на Сенатской площади, но очень много сделавший для уничтожения крепостного права в России, в том числе своей знаменитой книгой «Россия и русские», – как люди, возвращавшиеся в С.-Петербург после нескольких лет отсутствия, выражали свое изумление при виде перемены, произошедшей во всем укладе жизни, в речах и даже поступках молодежи этой столицы: она как будто пробудилась к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и чистого в нравственной и политической атмосфере. Особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте, или в частной гостиной, слушали ли их сторонники, или противники их воззрений» [Н.И. Тургенев. 1989. С. 273].

В первой четверти XIX в. были созданы гениальные произведения родоначальников русской профессиональной художественной литературы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, и других, менее именитых, но не менее патриотично настроенных писателей и поэтов, явно или тайно симпатизирующих декабристам и их доктринальным принципам и идеям во имя свободы и любви к Отечеству. А.С. Пушкин не читал ни дневников Н.И. Тургенева, ни его книги «Россия и русские», написанной в духе «Философских писем Чаадаева» и увидевшей свет через десять лет после гибели поэта, но в бессмертном романе в стихах «Евгений Онегин» прозорливо предугадал социальную миссию Н.И. Тургенева в деле отмены крепостного права:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

[А.С. Пушкин, 1954, Том 3. С.163]

В 10-й главе, изданной сначала отдельно от канонического текста великого романа в стихах, содержалось немало критики в адрес существующего режима и патриотических чувств.

Важную роль в оздоровлении российского общества первой четверти XIX в. играло не только создание и тиражирование художественных произведений, но и формирование читательских навыков, в том числе такое своеобразное историко-культурное, окололитературное явление, как создание семейных и личных альбомов.

И хотя «альбомную культуру» не принято рассматривать в одном типологическом ряду с выдающимися достижениями золотого века в истории русского искусства первой половины XIX в. в сфере литературы, архитектуры, живописи, скульптуры и музыки, с этнологической точки зрения рукописные альбомы, как письменный фольклор, представляют собой неотъемлемую часть соционормативной культуры дворянской повседневной жизни.

Более сотни рукописных альбомов, хранящихся в фондах Государственного музея А.С. Пушкина, представляют собой ценнейшее достояние русской культуры пушкинского времени. Достаточно назвать имена автографов и авторов

акварельных рисунков. В числе первых – Н.В. Гоголь, Н.М. Языков, П.А. Плетнев, Н.И. Надеждин, В.И. Панаев, в ряду вторых – О. Кипренский, автора портрета А.С. Пушкина, А. Брюллов, тот самый, чья картина «Последний день Помпеи» стала для русской кисти «первым днем», К. Кольман, В. Корпеев и другие известные художники и деятели культуры [Н. Михайлова, 2008. С. 1].

Рост патриотизма после 1812 г., национального самосознания и укрепление гражданской позиции в некоторых социальных слоях российского общества, несомненно, был связан с гигантским взлетом художественной культуры. Он нашел отражение в творчестве родоначальников различных отраслей литературы, в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, в гражданском подвиге декабристов, а также в становлении традиции «уездных барышень альбомов».

Время нашей истории, получившее название «оттепели», видимо, с легкой руки И.Г. Эренбурга, разумеется, не ограничивается сроком пребывания Н.С. Хрущева на посту Первого секретаря ЦК КПСС и отстранения его от этой должности.

Оно началось до Хрущева и продолжалось какое-то время после него. Богатейший опыт деревенской и военной прозы, безусловно, имеет связи с нравственным раскрепощением национального духа граждан Советского Союза. И хотя современные поэты Евгений Евтушенко и Андрей Дементьев, не без оснований могли сказать, что они вместе с Робертом Рождественским и другими поэтами, вступившими на стезю творчества в 1950-е годы, «надышали оттепель», вклад деревенской прозы был не менее значителен и не менее значим в просветлении умов советских людей.

Выдающуюся роль в раскрепощении умов сначала – творческой интеллигенции, а затем и более широких кругов народных масс, сыграла система школьного образования и особенно до сих пор не оцененная по достоинству подсистема воспитательной работы.

Школьные годы Ф. Абрамова (род. 1920 г.) пришлись на начало 1930-х годов, В.П. Астафьева (род. 1924 г.), В.М. Шукшина (род. 1929 г.), В.И. Белова (род. 1932 г.), Е.А. Евтушенко (род. 1933 г.) – на 1930-е годы, В.Г. Распутина (род. 1937) – на рубеж 1940-х – 1950-х годов. В творчестве этих писателей нашли отражение не только традиции классического русского реализма, но их произведения стали духовной основой для продолжения этой традиции в современных произведениях Владислава Отрошенко, Олега Павлова, Василия Голованова, Светланы Василенко, Василия Кислякова, Лидии Павловой [А.И. Чагин. 2007. С. 41].

В тесной связи с оздоровляющейся общественной атмосферой и вершинными достижениями русской художественной литературы двух послевоенных эпох в начале XIX и в середине XX вв. находится и развитие традиции литературных рукописных альбомов. Разница в развитии «альбомной культуры» в двух разных эпохах состояла в том, что в первом случае она была уделом дворянских элитных кругов, тогда как во втором случае, на рубеже 1940-х – 1950-х годов, она «спустилась» в толщи народных масс, сосредоточившись преимущественно в подростково-молодежных кругах.

К сожалению, тексты в этих альбомах, как великолепные образцы устного прозаического и поэтического творчества, до сих пор не попали в должной мере в предметное поле этнографических исследований.

Между тем в альбомной культуре первой половины XIX в. и второй половины XX в. обнаруживаются интереснейшие черты сходства и различий. Так, например, в каждом случае при оформлении каких-либо «секретных» или «полусекретных» посланий юноши и девушки прибегали к «языку символов» или «языку цветов». Мне уже приходилось в письмах своей учительнице более 10 лет тому назад расска-

зывать о том, что белые цветы, подаренные девушке или нарисованные в ее альбоме, означали предложение «давайте дружить», красные розы – «я вас люблю», желтые лютики – «я вас больше не люблю», хотя это и не означало выхода из системы альбомной культуры.

В дворянской альбомной культуре пушкинских времен рисунок, изображающий крест, якорь или сердце, означал соответственно «Веру», «Надежду», «Любовь». Цветок незабудки, вложенный в альбом или поднесенный вживую, означал просьбу «помни обо мне», рисунок розы расшифровался как: «Вы прекрасны, как этот цветок» [Л.И. Петина, 1985].

Обращение к своим воспоминаниям о «взлете» альбомной культуры на рубеже 1940-х – 1950-х годов среди сельских школьников вызвано тем, что, во-первых, соотношение письменного фольклора и повседневной жизни послевоенного периода не стало предметом этнографического исследования, во-вторых, отставанием этнологии от литературоведческих исследований, в которых проблемы взаимодействия быта и литературы породило интересную литературоведческую традицию, заложенную в трудах Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума и продолженному в исследованиях В.Э. Вацуро, Л.И. Вольперт, Л.И. Петиной и ряда других авторов.

Однако, в отличие от трудов, посвященных преимущественно структурному и технологическому анализу альбомной культуры пушкинской эпохи, я пытаюсь сосредоточить внимание на совпадении двух периодов нашей истории, завершившихся победой русского оружия в отечественных войнах и наступившими потеплениями, получившими название Александровской весны и Хрущевской оттепели.

Иными словами, внимание сосредоточено не столько на альбомах, хотя и на них тоже, сколько на «времени славы и восторга», наступившем после побед над Наполеоном и Гитлером.

По свидетельству Анны Чекановой, традиция рукописных альбомов пришла в Россию в середине XVIII в. из Западной Европы и живет уже более двух столетий, не теряя своей популярности и притягательности [А. Чеканова, 2001].

На заре становления «альбомной культуры», в конце XVIII в., составлением альбомов занимались мужчины – хозяева усадеб и поместий, но уже в первой четверти XIX в. «уездной барышни альбомы» стали важным элементом семейного быта, уделом юных барышень.

Так, например, активной читательницей была Татьяна – литературная героиня в пушкинском «Евгении Онегине».

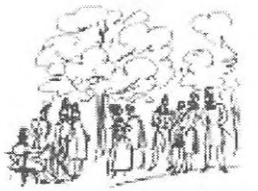
Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона, и Руссо.

Ее родительница «была сама от Ричардсона без ума», но вдобавок:

Бывало писывала кровью
Она в альбомы нежных дев...

Однако чтение и альбомоведение осталось в молодости, когда родительницу выдали замуж, а муж привез ее в деревню.

Но скоро все перевелось:
Корсет, альбом, княжну Алину,
Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла...
[А.С. Пушкин, 1954, С.37-39]



Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. пробуждала патриотизм, сильные гражданские чувства, требующие выхода в той или иной форме, в зависимости от таланта, возраста, окружающей среды и личного темперамента. Но полем для выхода молодой энергии и полем приложения сил не могла быть сфера экономической, политической и общественной жизни, выход нашелся в обращении к духовной сфере и в стремлении погружаться в богатства и ценности культуры. Подобно иссохшему полю, страдающему от отсутствия влаги, молодые души, пострадавшие в военное лихолетье от голода и холода, от сиротства и беззакония, устремились к налаживанию жизни в духовной сфере, компенсируя бедность и материальные лишения обращением к литературе, живописи, кино и устному народному поэтическому творчеству.

Сходные по масштабам и жанру катаклизма события двух эпох, разделенных полуторавековым периодом российской истории, позволяют мне, свидетелю второй из них, с известными ограничениями говорить от имени целого поколения, экстраполируя частную биографию сына депортированных родителей на общую судьбу своего поколения.

Наглядным признаком потепления политического и психологического климата стали книгомания, киномания и интерес к искусству, выплеснувшийся в широком распространении возрожденной традиции «уездных барышень альбомов» среди детей и подростков.

Типологическое сходство устремлений избавить российское общество от Павловского периода в начале XIX века сопровождалось среди молодежи пронзительным желанием приобщаться к культурным ценностям.

Подобно тому, как мрак непредсказуемости и придурковатости сына Екатерины II Императора Павла сменился правлением ее внука Александра I и в России наступили времена общественно-политического потепления, сходным образом после смерти И.В. Сталина народ, хотя и продолжал пребывать в тревожном состоянии, но все же почувствовал облегчение и первые признаки перехода от тирании к свободе. Анализируя инициативную роль воспитательной работы учителей Каргапольской средней школы, роль литературы и кино вместе с нахлынувшими «альбомными» страстями, я не акцентирую внимание на роли средств массовой информации, в том числе радио, в воспитании чувств патриотизма, гражданственности и достоинства у молодежи тех лет.

В центре села, где я жил в мои школьные годы, между двумя магазинами – продовольственным и промтоварным, – на высоком телеграфном столбе висел репродуктор – «черная шляпа», постоянно вещающая днем и даже ночью, когда случалось, что ночной сторож бывал в нетрезвом состоянии.

Радиопередачи была настолько неотъемлемой составной частью сельского быта, что сельские жители, особенно дети и подростки, перестали обращать на них внимание. В первые послевоенные годы, когда прекратились передачи «сводки с фронта», убавился интерес к политической и идеологической трескотне, лишь изумительные песни довоенного и военного времени слушались по радио с большим воодушевлением. Мало кто из людей нынешнего пенсионного возраста на рубеже веков не знает ставшие всенародными песни М. Исаковского о войне: «Прощание» (Дан приказ ему на Запад, Ей – в другую сторону...), «До свиданья, города и хаты», «Катюша», «Ой туманы мои, растуманы», «Огонек» (На позицию девушка провожала бойца...), «В лесу прифронтовом»; о родине, дружбе и любви: «Каким ты был», «Лучше нету того цвету», «Услышь меня, хорошая», «Одинокая гармонь», «И кто его знает», «Ой, цветет калина».

Вдохновляющая и мобилизующая энергия песни М. Исаковского «Летят перелетные птицы» неоднократно, по словам Н.В. Корниенко, упоминались в отечественной литературе [Н.В. Корниенко, 2008. С. 166-167].

Книгомания

Культура – это умение материться без мата.
Большая книга афоризмов. М., 2000. С. 81

На берегу речки Лунга, рядом с мостом, соединяющим Чадыр-Лунгу с селом Трашполи (Тирасполь), в таких же обычных, как у гагаузов, домах проживало несколько цыганских семей, составлявших особый анклав. В повседневных общениях этой группы населения, в частности, в наборе употребляемого им вокабуляра, не было принципиальной границы между нормативной и ненормативной лексикой. И ту, и другую, особенно вторую, они произносили с легкостью, с каким-то особым удовольствием и придыханием.

По соседству с ними проживал шустрый и хамоватый мужичок. Его звали Дюльгер Санди. Кажется, двое его хулиганистых детей – младший Ваня и старший Вася – учились в одной школе со мной. Как сложилась их судьба, мне не известно.

Иногда, проходя мимо нашего дома по дороге на маслобойку или на мукомольный завод, он заходил к нам во двор и, увидев меня, шести- или семилетнего, у раскрытого окна, через палисадник спрашивал, чувствую ли я себя мужчиной, и пытался учить меня бранным словам. Когда я сообщил о содержании моих с ним разговоров маме, мой отец вытолкал шаловливого не в меру, бесстыжего соседа за ворота нашей усадьбы.

С детства я усвоил, что у гагаузов не принято было ругаться, особенно в присутствии женщин и детей. Позднее я, конечно, узнал, что это не совсем так. И уже в первые студенческие годы, когда мне в руки впервые попали номера журнала «Этнографическое обозрение», в котором была опубликована монография В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», я узнал, что в конце XIX в., пребывая в с. Бешалма, В.А. Мошков собрал целую коллекцию ругательств. Не исключено, что сидя за бочкой домашнего вина в одном из подвальчиков, с развеселившимися молодыми мужчинами, в отсутствие женщин, Валентин Александрович действительно составил, как он сам пишет, «возможно полный список гагаузских ругательств». По его убеждению, гагаузы прибегали к ненормативной лексике в конфликтных ситуациях, во время ссор и скандалов. «В обществах, – объяснял он, – где очень строго общественное мнение, всегда открывается широкое поле для взаимных пересудов и сплетен. А потому, – продолжал он свой анализ, – иногда одно только неосторожное слово может повлечь между людьми ссору, которая потом может перейти во вражду и взаимную ненависть» (В.А. Мошков, 1901. С. 22-23).

По мысли В.А. Мошкова выходило, во-первых, что у гагаузов имеется в наличии «полная чаша» бранных слов, во-вторых, они прибегают к ругательствам преимущественно «со зла», т.е. в конфликтных ситуациях, в-третьих, «самым крепким и самым оскорбительным ругательством у гагаузов считается все-таки матерное слово, произнесенное по-русски» (Там же. С. 24).

Не смею возражать автору первой монографии о гагаузах в том, что «как и многие другие наши инородцы, гагаузы, даже не знающие русского языка, прекрасно произносят это слово». Соглашусь и в том, что это слово «говорят с полным пониманием». Однако, позволю себе усомниться в его утверждении о том, что употребление ругательства на инонациональном языке «срабатывает» сильнее, чем на языке своей национальности.

Во время полевых исследований в провинциях Северного Вьетнама в 1970-е годы мне неоднократно приходилось слышать русскую ненормативную лексику в устах вьетнамцев, нунгов, таев и тхаев. Они произносили ее на русском языке, понимая ее смысл, но не испытывая при этом какого-либо стыда или неловкости. Ругательство на чужом языке не несет в себе такой же сильный заряд табуированности, как на языке своей национальности. Депортиро-

ванные из Гагаузии в полузаброшенные деревни Западной Сибири спецпереселенцы, в самом деле, быстро усвоили ругательства на русском языке, но при этом продолжали ограничивать себя в их употреблении на языке своей национальности.

В сибирской же деревне Тамакулье и стар, и млад в то время, когда гагаузы туда были заброшены злой судьбой, в страшные послевоенные годы, ругались не столько «со зла», сколько из доброго и сочного «дружеского расположения», хотя, конечно, крупные скандалы и кровавые драки сопровождались вихрями матерных слов. Генералу Александру Лебедю приписывают афоризм: «Мы матом не ругаемся, мы им разговариваем» [Большая книга афоризмов. 2000. С. 81], отражающий стиль речевого поведения в армейской среде. Однако, вспоминая тамакульскую речевую стихию, я могу сказать, что крылатые слова боевого и отчаянного генерала вполне адекватно отражают речевую практику тамакульцев, практически независимо от их пола, возраста и степени литературной начитанности.

Белой вороной в Тамакулье выглядели подросток или юноша, или взрослый человек, приветствовавшие своего доброго приятеля без матерного слова и не пересыпавшие свою речь ругательствами, потерявшими всякий свой ненормативный смысл, а ставшими обычными словами речевой практики населения. Речь тамакульца, не приправленная и не пересыпанная ругательными словами, могла показаться самим собеседникам такой же безвкусной, как паровые котлеты в кардиологическом санатории.

Но, увы, не всегда бранные слова в сталинские времена, в годы депортации оставались безнаказанными. 12 марта 1950 г. в день всенародного праздника в связи с выборами кандидатов в депутаты Верховного Совета Союза ССР, один из депортированных, Калын Иван Дмитриевич, родом из с. Бешгиоз Чадыр-Лунгского района, приняв изрядное количество горячительного, позволил себе вслух, при свидетелях высказать пожелание вступить в определенную

связь с покойной матерью Вождя народов. Буквально через несколько дней он исчез из села, и еще через некоторое время его семья получила весточку из «почтового ящика», расположенного в Коми АССР. Все его письма в течение последующих 7 лет, пока я не уехал из Тамакулья, начинались словами: «Моя дорогая жена Ирина! Я живу хорошо, не голодаю, у меня хорошие друзья и добрые начальники». Значительная часть писем, порой до четверти листа, было замарано черной краской. В ответ, под диктовку его жены Ирины и дочери Анны, я перечислял, сколько трудодней заработала его семья, сколько яиц снесли их курочки и чем кормили поросенка, без мяса которого семье грозила голодная зима. Коровы у них не было, так как без мужика в семье некому было заготавливать около 3,5 тонн сена для зимнего периода.

Впрочем, в годы тотального террора сажали не только за нецензурные слова в адрес «вождя народов» и более мелких «граждан-начальников». Тюрьма, «лесозаготовки», «трудовая армия», «ГУЛАГ» грозили и рассказчику и слушателю за простой анекдот, за еретическую мысль, за усмешку или насмешку по поводу тех или иных проявлений советской власти [Григорий Свирский, 1979. С.92].

В пятом классе, оказавшись в сообществе детей районной элиты, я с удивлением обнаружил, что речевая практика «Тамакульского разлива» здесь не к месту и в школьной среде не имеет применения. Более того, духовная атмосфера Каргапольской восьмилетней и средней школ не была насыщена ароматами ненормативной лексики.

Я умел читать еще до поступления в школу. Этому меня научили моя мама и проживавшая в нашем доме до депортации моя двоюродная сестра Дан Варвара Георгиевна (дочь старшей дочери моего деда). Мне уже приходилось рассказывать, что при депортации в 1949 г. две детские книги «Чук и Гек» и «Дальние страны», взятые мной из Чадыр-Лунгской библиотеки, оказались со мной сначала в с. Сухановка, потом в с. Тамакулье.

Однотомник избранных произведений А. Гайдара я вернул Чадыр-Лунгской библиотеке через много лет вместе с несколькими своими опубликованными к тому времени книгами. Немного в иной, полусерьезной и полушутливой окраске и упаковке (без Буджакского «зла» и без Тамакульско-Каргапольской «любви») преподносит обычаи применения ненормативной лексики в молдавском селе классик молдавской литературы Ион Друцэ. Приглядимся к изображению соответствующей ситуации в его знаменитом романе «Бремя нашей доброты», описывающем события в послевоенном молдавском селе Чутуря, что когда-то возникло в бескрайней Сорокской степи.

Литературный герой Иона Друцэ Костаке Михай, старый возница, когда «проезжал мимо двух домиков братьев Морару, увидел посреди дороги чумазого мальчика, сгребающего пыль в кучки. Мальчик был юркий и носил такую короткую рубашку, что немыслимо было ошибиться относительно его пола. Его двоюродный родственник сидел на заборе и ждал, когда братика переедет телега. Костаке Михай не знал, какие у них счеты, а кроме того опасался за свою старую и дряхлую телегу. Потому-то он и остановил лошадку, крикнул чумазому, чтобы убрался побыстрее с дороги, но тот сказал сердито, не оборачиваясь: не хоцу.

Костаке Михаю ничего не оставалось, как спрыгнуть с телеги, взять его подмышки и поставить у ворот с таким расчетом, чтобы стоял он там долго и смирно. Но когда Костаке Михай возвращался

к телеге, услышал за своей спиной популярное молдавское ругательство, в котором речь шла об определенных отношениях между этим карапузом и давно усопшей матерью Костаке Михая» (И. Друцэ, 1977. С. 455-456).

Нельзя без смеха и некой доли горечи и грусти читать эти строки, и далее, без сожаления, их продолжение. «Костаке Михай знал, да и сама Чатура знала, что ругаются решительно все. Наиболее трусливые ругаются про себя, другие – чуть слышно, под нос, и только сильные натуры, люди, знающие себе цену, ругаются во весь голос, если что не так» (Там же. С. 456).

В жизни любого человека всегда есть место выбору. Хотя периоды жизненного цикла нередко определяются помимо воли человека. Итак, на склоне лет, накануне инфаркта, пожалуй, я впервые четко осознал, что мне мало меня. Эта мысль возникла из понимания трех моих едва ли не основополагающих качеств: эгоизма, романтизма и необузданного трудоголизма, которые в то же время сочетаются или неразрывно связаны с неистребимой ленью, постоянно преследующей инфантильностью, как недостатком, и последовательным служением своему духовному росту. Инфаркт, как я понимаю, стал итогом гордыни: Успеть! Успеть! Успеть! Это не смешно, это обидно и требует осмысления.

Имеет смысл пояснить, что недостаток, проявляющий себя в веренице событий и хронике повседневной жизни, представляет собой, как считают философы, «социально-бытовой термин», определяющий утилитарное отношение человека к окружающей среде или общественного мнения к самому человеку.

В отличие от порока, как этической категории, греха, как религиозного термина, и свободы, как психофизической интенции, недостаток представляется гораздо более заземленным понятием. Бабушка любит внука безусловной любовью за сам факт его существования. Дедушка тоже любит внука, но скорее за его достоинства, ниспосланные судьбой и генами, и за текущие достижения. Эгоизм и гордыня с особой нагляд-

ностью проявляются в том, что значительное большинство людей хотят быть любимыми безусловной любовью, но сами предпочитают любить рационально. Однако, безусловная любовь не сводится только к бабушкиной любви к внуку.

Нередко она настигает взрослеющего человека помимо его воли. Примеров тому ... несть числа. Особенно в русской литературе. В качестве выхода предлагается воспринимать безусловную любовь как выбор. Кому-то нравится запах спелой айвы, а кому-то цвет или вкус спелой вишни.

Первой такой моей безусловной любовью стала охватившая меня страсть к чтению, страсть, которая родилась из иррациональной тяги к чтению и превратилась в дар судьбы, во многом определившей течение последующего жизненного цикла. Эта страсть, доводившая меня до исступления, стала причиной второго социального переворота (если первым считать депортационное путешествие), случившегося в моей душе, когда из Тамакульского «болота» с его ненормативной лексикой, и блатной песней, я перешел в Каргапольскую «крутизну», открывшую путь в великую художественную культуру России.

Я затрудняюсь сказать, что именно во мне пробудило страсть к чтению. Но эта жажда уже охватила меня во втором классе. Я полюбил книги какой-то ненасытной любовью. Я читал без какой-либо системы, запоем детские книжки из Чадыр-Лунгской районной библиотеки накануне депортации.

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверье Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер – до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

[Александр Блок, 1960. С.21]

Своей привязанностью к книгам я обязан Чадыр-Лунгской районной библиотеке, в которой в пору зарождения моей книгомании царила, или лучше сказать парила одна из легендарных гагаузских женщин Елена Семеновна Генова. По свидетельству В.Константинова в начале января 1918 года в Чадыр-Лунге был образован местный совет, который возглавляла Елена Семеновна Генова. Однако советская власть просуществовала всего три недели. Подстрекаемая Антантой и при ее поддержке, Королевская Румыния оккупировала Бессарабию во второй половине января этого года [В.Константинов, 1989. 14 марта]. Прежде чем стать директором районной библиотеки, она прожила удивительную для гагаузской женщины жизнь. Окончив в Москве Институт востоковедения, она проработала несколько лет в Советском полпредстве Саудовской Аравии, позднее – переводчиком в пограничных войсках СССР, заведовала кафедрой турецкого языка в Высшей школе НКВД [История и культура гагаузов, 2006. С. 314].

Трудно сказать, сколько гагаузских детей, подобно мне, обязаны ей любовью к книге и к чтению. Флюиды обаятельной вальяжности и необычной для Чадыр-Лунги ауры интеллигентности притягивали к ней, и малолетние читатели толпами устремлялись в библиотеку, желая во чтобы то ни стало понравиться ей и заслужить ее похвалу.

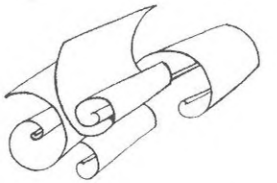
Свое понимание предназначения книги в судьбе человека Елена Семеновна вполне могла бы передать словами Орлеанского библиотекаря, которые с энтузиазмом и воодушевлением повторял Анатоль Франс, в том числе при торжественном открытии народной библиотеки в Кибероле. «Книги, – как повторял великий француз, – это летопись народов. Они передают из века в век несметные богатства опыта, накопленного всем человечеством. Они обращены не к одним ученым, которые находят в них пищу для возвышенных и плодотворных размышлений. Они приходят на помощь самым скромным из нас, они облегчают работу на любом поприще. Книги способны удовлетворить все вкусы, утолить любую жажду [Анатоль Франс, 1960. С.726].

После окончания уроков в маленькой двухэтажной школе из красного кирпича, что находилась через дорогу напротив нашего дома, в котором я родился, я шел не домой, а устремлялся к Елене Семеновне, из бывшего села Трашполи в нынешний город Чадыр-Лунгу. Сначала пробегал мимо нескольких богатых домов на центральной улице, затем мимо цыганского анклава, пересекал мост через речку Лунгу, через железнодорожное полотно и попадал на площадь, где еще не было здания, ставшего впоследствии райкомом партии. На этой площади в 1950-1980-е годы проходили первомайские и иные праздничные парады и митинги. Этот мой «книжный» маршрут был прерван после окончания 2-го класса в пору летних каникул накатившейся на Чадыр-Лунгу, подобно цунами, депортационной волной.

Конечно, в моей дальнейшей судьбе определенную роль сыграла не та белая мышь, что «нагадала» из моей «зодии» (предначертанной судьбы) три «пробоины» на моей голове, а страсть к чтению, вспыхнувшая во мне сначала при посещении Чадыр-Лунгской библиотеки в конце 1940-х годов, а затем и Каргапольской в начале 1950-х годов. Лишь частично она поубавилась после развала Советского Союза, но, отнюдь, не исчезла, подобно исчезновению «советского народа, как самого читающего народа в мире». Пристрастие к чтению не может окончательно угаснуть, пока сохраняются усилия по охвату жизненных явлений, или струится желание не забывать прошлое, а время от времени встречаться с ним.

В юном Иване Бунине любовь к книгам пробудил его старший брат Юлий, хорошо эрудированный, активный участник общественной и политической жизни.

Сергею Тимофеевичу Аксакову пристрастие к чтению пришло от принятых в дворянской семье совместных чтений по вечерам. В автобиографической повести «Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники» Аксаков подробно рассказал о генезисе своей страсти к чтению.



Немалую роль в возгорании этой страсти у малолетнего Аксакова сыграл сосед С.И. Аничков, просвещенный русский интеллигент, в свое время делегированный депутатом от Оренбургского края в известную комиссию, собранную Екатериной Второй для анализа существующих законов. Именно он подарил мальчику связку книг, в том числе «Детское чтение для сердца и разума» в двенадцати частях. «Боясь, чтоб кто-нибудь не отнял моего сокровища, – вспоминал позднее, на склоне лет, С.Т. Аксаков, – я пробежал прямо через сени в детскую, лег в свою кроватку, закрылся пологом, развернул первую часть – и позабыл все окружающее. Когда отец воротился и со смехом рассказал матери все происходившее у Аничкова, она очень встревожилась... Меня отыскали лежащего с книжкой. Мать рассказывала мне потом, что я был точно помешанный; ничего не говорил, не понимал, что мне говорят, и не хотел идти обедать... После обеда я опять схватил книжку и читал до вечера... Я читал эти книжки с восторгом и, несмотря на разумную бережливость матери, прочел все с небольшим в месяц. В детском уме моем произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир» (С.Т. Аксаков, 1984. С. 231-232).

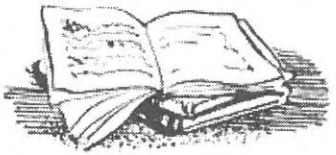
Страсть к чтению сохраняется у некоторых ученых на протяжении всей жизни. Каждый раз, когда выдающийся российский ученый Юрий Иванович Семенов, автор ряда фундаментальных исследований, вошедших в золотой фонд отечественной этнологии, входил в мой служебный кабинет в Институте этнологии и антропологии РАН, он мгновенно рассматривал книги, оказавшиеся на моем столе, и тут же принимался перечислять и рассказывать о новейших изданиях. У меня всегда возникало ощущение, что некоторые тексты он читает не словами, не абзацами, а мгновенно схватывает суть всей страницы.

После окончания начальной школы в с. Тамакулье, где, наряду с адаптацией к местной разгульной речевой практи-

ке, я, похоже, начал различать две разные речевые стихии – местную-бытовую и каргапольскую литературную... Чтение книг в 5-6 классах обернулось исступленной страстью. Легко заучивались стихи, рассказы, содержания коротких повестей и длинных романов.

Будучи уже накануне подросткового возраста, я влезал на табуретку и декламировал: «Летней ночью на рассвете, когда мирно спали дети, Гитлер дал войскам приказ, это значит против нас», и от слезливых слушателей получал аплодисменты, пряник, печенье или конфету.

Каждое лето, будучи переведенным в другой класс, я с нетерпением ждал, когда в книжный магазин привезут новые учебники. Я млел от типографской краски, от запаха новых учебников и еще до начала занятий успевал перелистать даже такие учебники как «Алгебра» Ларичева, «Физика» Перышкина и все остальные учебники – от «Ботаники» до «Истории СССР», подготовленной под руководством академика М. Панкратовой. Взрослым я уже хорошо понимал И.А. Бунина, воспевшего свою любовь к книгам, «один вид которых давал ему физическое наслаждение».



Читая запоем все, что подвернется под руку, доставая те или иные книги повсюду, я, понятно, получал удовлетворение от самого процесса чтения и от уподобления себя тому или иному литературному герою. Например, вырабатывал походку, подобно Григорию Александровичу Печорину, стараясь ходить, не размахивая руками. Не подозревая, что мне самому когда-либо придется писать об увиденном или прочитанном, я сызмальства любил покупать книги. В этой связи вспоминается страсть к чтению и книгообретению, о которой вспоминал Н.А. Добролюбов.

Так, например, однажды вернувшись домой от нижегородского книгопродавца, библиотека которого восхищала мальчика, он записал на клочке бумаги:

О, как бы я желал такую способность иметь,
Чтоб всю эту библиотеку мог в день прочитать.
О, как бы желал я огромную память иметь,
Чтобы все, что прочту я, всю жизнь не забыть.
О, как бы желал я такое богатство иметь,
Чтобы все эти книги себе мог купить.
О, как бы желал я иметь такой разум большой,
Чтобы все, что написано в них, мог другим передать.
О, как бы желал я, чтоб сам был настолько умен,
Чтоб столько же я сочинений мог сам написать.

(Цит. по: В. Жданов, 1961. С. 23)

В этих корявых стихах, написанных экспромтом, когда Добролюбову было 14 лет, говорится не только о неутолимой страсти к чтению, но и о том, что чтение дало импульс несостоявшемуся священнику (на что надеялся его отец) для выбора своей судьбы – судьбы выдающегося литературного критика, своими трудами во многом повлиявшего на развитие русской реалистической литературы.

В школьные времена, в те дивные сказочные годы среди учеников и выпускников Каргапольской средней школы было заведено иметь альбомы подобно салонным традициям русской художественной элиты начала XIX в. Такая вот была мода среди деревенских детей в селениях, прилепившихся к берегам сибирских рек – Миасса, Исети, Течи, Тобола, а, может быть, и других рек и речушек Западной Сибири.

В эти «Альбомы» мы, подростки, заносили полюбившиеся стихи из классической поэзии, местные, порой сильно наперченные народные частушки, самодеятельные рифмы, тексты отправленных и неотправленных посланий друзьям и подругам. В них мы рисовали танки, пушки, самолеты, розы, ромашки, полевые колокольчики, березовые колки, маслят в молодом сосняке, Доты на крутых обрывах Тамакульских оврагов, и особенно часто – знаменитый Каргапольский деревянный ажурный мост, построенный, по преданию, белогвардейцами.

В послании к своему (самому) близкому другу И.И. Пущину преданный ему А.С. Пушкин писал:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил.
Когда мой взор уединенный,
Печатным слогом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

[А.С. Пушкин. 1951, Т.2, С.15]

Речь идет о смелом и мужественном поступке И.И. Пущина, когда он, вопреки официальному запрету, приехал к опальному поэту в Михайловское в январе 1825 г. до восстания декабристов. В ответ Пушкин отправил вышеприведенное стихотворение с женой декабриста Н.М. Муравьева, поехавшей к нему на каторгу в Сибирь.

Подражая великой дружбе гениального поэта с мужественным декабристом И.И. Пущиным ученики Каргапольской средней школы переписывали из своего альбома в альбом ближайшего друга стихотворение, написанное А.С. Пушкиным на больничной дощечке над кроватью, когда И.И. Пущин лежал в лицейском лазарете.

В альбом Пущину

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья.

[А.С. Пушкин, 1951. Т.1. 257]

В этих же альбомах коллекционировали свои и полученные от друзей и подруг красочные открытки на лакированной бумаге с изображением популярных в те времена артистов и артисток кино – Марины Ладыниной, Любови Орловой, Валентины Серовой и многих других. На некоторых открытках красовались цветы, классические натюрморты, сердечки, разного рода птички, голубки, окаймленные дурашливыми записями, типа: «Лети с приветом, вернись с ответом» и т.п. Иногда уголки отдельных страниц Альбома загибали и на отогнутой стороне делали такую надпись: «Секрет: Входа нет!».

Тем не менее, накануне таких великих в 1950- годы праздников, как 1-е и 9-е мая, как дни «всенародных выборов», когда все голосовали за блок «партийных и беспартийных», а также в связи с наступающим своим днем рождения, владельцы альбомов доверяли «по секрету» их своим самым близким друзьям, надеясь получить письменный подарок в виде дружеского сочинения, классического стихотворения или цитаты из изречения мудрецов. Получилось почти так, как в пушкинские времена, например, как слова, вписанные щедрым на надписи поэтом в альбом Елизавете Ушаковой, младшей сестры Екатерины Ушаковой.

И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком –
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.

[А.С. Пушкин, 1954, Т.2. С.71]

Совершенно очевидно, что взаимные послания ко дню рождения, которыми обменивались в альбомах сельские дети в середине XX века очень сильно напоминали традиции первой половины XIX в.

Долго сих листов заветных
Не касался я пером;
Виноват, в столе моем
Уж давно без строк приветных
Залежался твой альбом.
В именины, очень кстати,
Пожелать тебе я рад
Много всякой благодати,
Много сладостных отрад, –
На Парнасе много грома,
В жизни много тихих дней
И на совести твоей
Ни единого альбома
От красавиц, от друзей.

[А.С. Пушкин, 1954, Т.2. С. 138]

В день именин Екатерины Бакуниной А.С. Пушкин записал ей в альбом:

Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей.

В альбоме драматической актрисы Е.Я. Сосницкой навеки остался пушкинский экспромт:

Вы соединить могли с холодностью сердечной
Чудесный дар пленительных очей.
Кто любит вас, тот очень глуп, конечно;
Но кто не любит Вас, тот во сто раз глупей.

[А.С. Пушкин, 1954, Т.1. С. 278]

С детских лет помнятся экспромты М.Ю. Лермонтова, оставленные в альбомах – Э.К. Мусиной-Пушкиной:

Графиня Эмилия –
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится,
И небо Италии
В глазах ее светится,
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

[М.Ю. Лермонтов, 1961. Т I. С. 465]

В альбом сестрам Дарье и Наталье Ивановой:

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет –
Ты не забудь на этот лист взглянуть,
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.

[М.Ю. Лермонтов, 1961. Т. I. С.451]

В альбом Н.Ф. Ивановой:

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести?
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: Прости.

И страх безумный, страх прощальный
В альбом твой бросил для тебя.
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.

[М.Ю. Лермонтов, 1961. Т. I. С.450]

В довоенные и первые послевоенные годы стихами классиков русской поэзии увлекались не только сельские мальчишки и девчонки, но и их городские сверстники.

«До войны, – вспоминал Григорий Свирский, – я знал несколько мальчишек, которые декларировали наизусть всего Пушкина, продолжали с любого места Лермонтова. И вот прошло каких-то пять или шесть лет, и такие же ребята

почему-то декларировали в ночи уже не Пушкина и Лермонтова, которых «проходили» по официальной программе, хотя вспоминали и их, а более всего – Гумилева, Цветаеву, снова Гумилева» [Григорий Свирский, 1979. С.94-95].

Не хлебом единым жив человек.

«Свои первые в жизни апельсин и банан, – пишет академик В.А.Тишков, родившийся на Урале, – я съел, уже будучи студентом МГУ, ибо в небольшом уральском городке, кроме яблок и новогодних мандаринов, фруктов не продавали» [В.А.Тишков, 2003. С.416].

Я – как выпускник сельской школы и моя жена, закончившая одну из элитных московских школ, едва ли не впервые стали читать Булгакова, Гумилева, Пастернака, Цветаеву в поздние студенческие и в аспирантские годы. Из этого следует, что социальное созревание сельской и определенной части городской молодежи происходило далеко не синхронно. Хотя не могу не обратить ревностное внимание на то, что чтение «запретной» литературы в сталинские времена представителями золотой (или просто части городской) молодежи происходило, судя по воспоминаниям Григория Свирского, «в Геленджике, университетском доме отдыха на Черном море» [Григорий Свирский, 1979. С.94] .

Смакуя по-солженицынски все ужасы сталинского времени, автор не замечает того, что запретная литература читалась в период летних каникул, когда сельские мальчики его возраста косили сено, метали стога, заготавливали дрова на зиму, собирали колоски или пропалывали картошку или свеклу на колхозных полях. Стоит над этим поразмыслить, прежде чем изображать советское прошлое сплошной черной краской. «Эта ялтинская осень, – писал один из тех, произведения которого не издавали в центральных издательствах, – запечатлелась мне на всю жизнь. Спала жара. Запах нагретой хвои умиротворял. В Москве шли дожди, думать о ней не хотелось» [Григорий Свирский, 1979. С.218].

А на колхозных полях в эту промозглую дождливую погоду ученики и колхозники убирали все ту же картошку...

Киномания. Магия мифов и мифы магии

О едва ли не тотальной киномании и связанном с ней коллекционировании открыток с актерами советского кино, охвативших сельскую молодежь средней школы, в том числе и многих сверстников в Каргаполье, следует сказать особо. Можно думать, что в генезисе альбомов в начале 1950-х годов у части сельской молодежи импульсивную роль сыграли три взаимосвязанных фактора – школа, книгомания и киномания.

Не случайно, высоко оценивая роль кино в жизни советского общества времени своей молодости, Е.Евтушенко в одной из телепередач назвал кино – «поэзией, запечатленной на пленке».

Центральное место в коллекциях альбомов школьников занимали изображения популярных кинозвезд довоенного и послевоенного кино.

Наряду с симпатией, зреющей в те годы в сердцах и обращенной к кинозвездам Любови Орловой в фильмах «Цирк», «Волга-Волга», к красавице Марине Ладыниной в фильмах «Трактористы», «Свинарка и пастух», в альбомах мальчиков обязательно поселялись лакированные открытки с изображением – Валентины Серовой, исполнительницы роли Кати Ивановой в фильме «Девушка с характером». «Песня о Москве» из кинофильма «Свинарка и пастух», спетая Мариной Ладыниной, сразу же стала всенародным достоянием и вошла в классический репертуар официальных концертных программ и многих неофициальных тусовок по той причине, что это была песня о дружбе советских людей.

Хорошо на московском просторе,
Светят звезды Кремля в синеве.
И, как реки встречаются в море,
Так встречаются люди в Москве...

... И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним повстречался в Москве.

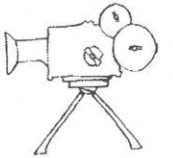
Девчонки и девушки всегда кем-то увлекались. Иногда надолго. Они страстно влюблялись в молодого в те годы, неотразимого Олега Стриженова в фильме «Сорок первый», в статного и мужественного Павла Кадочникова с его ярко выраженной маскулинностью в фильмах «Укротительница тигров», где он играл Ермолаева, или героического Алексея Маресьева в фильме «Повесть о настоящем человеке», или майора Федотова в фильме «Подвиг разведчика».

Сотни девушек, если не больше, сразу же влюблялись в молодого, обаятельного Николая Рыбникова, как только он сыграл роль сталевара Саши Савченко в фильме «Весна на Заречной улице». А исполненную им песню «Когда весна придет», подхватили не только девушки, но и молодые люди. Песня стала популярным гимном Малой Родине, символом любви к родному очагу и дому, своему краю, своей профессии.

Я не хочу судьбу иную.
Мне ни на что не променять
Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня.

На свете много улиц славных,
Но не сменяю адрес я.
В моей судьбе ты стала главной,
Родная улица моя.

Не всегда вкусы и предпочтения девушек совпадали с пристрастиями юношей. Так, например, несмотря на невероятное обаяние французского актера Жерара Филипа, блистательно сыгравшего роль Фанфана в фильме «Фанфан – тюльпан» и роль Жульена в фильме «Красное и черное», он и его «подвиги» нравились советским девушкам меньше, чем юношам. Сочетание в исполняемых им ролях героического пафоса с романтической меланхолией и буйным темпераментом, мужественности и отваги с чувством юмора и иронии мальчики тех лет ценили выше, чем девочки. Я помню, как некоторые из моих сверстников шагали, не размахивая руками, подобно походке Григория Александровича Печорина, или же копировали характерные жесты героев Жерара Филипа.



Напротив, роли несчастной проститутки, сыгранные женой выдающегося итальянского кинорежиссера Федерико Феллини Джульеттой Мазини в фильмах «Ночи Кабирии», «Они бродили по дорогам», вызывали более глубокие, до слез, переживания и сочувствие в сердцах девушек, чем у взрослеющих юношей.

Патриотические чувства, любовь к истории своей страны, к своей Малой Родине, вселял в души юношей и девушек Николай Черкасов, блистательно играя роли великих русских полководцев – Александра Невского, Александра Суворова, российского царя Ивана Грозного с его глубоко противоречивым характером и кровавой жестокостью, но раздвинувшего границы русских земель на восток, на север и на юг.

Никому в те послевоенные годы не приходила в голову социально грешная мысль о том, что через одно-два десятилетия легендарный герой Гражданской войны Василий Иванович Чапаев, его боевые товарищи Петька и Анка-пулеметчица станут во времена Брежневского застоя хроническими персонажами бесчисленных анекдотов. Популярнейший артист Борис Бабочкин, блистательно и вдохновенно сыгравший роль Чапаева, как человека необычной судьбы и широкой души, сочетающего в себе эпическую легендарность с живой достоверностью, социально-политическую мобильность с внутренней психологической, стержневой стабиль-

ностью, был в начале 1950-х годов поистине всенародным кумиром. Особой симпатией у кинозрителей пользовался неподражаемый Борис Чирков, наделенный природным даром обаяния и юмора в роли Максима в трилогии «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона», в роли профессора Чижова в фильме «Верные друзья», академика Верейского в фильме «Суд чести».

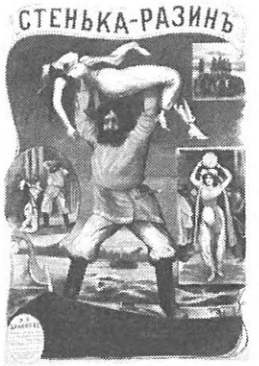
Мы, подростки начала 1950-х годов, об истории Российской Империи первой половины XVIII в. узнавали порой из школьных учебников меньше, чем из кинофильма «Петр Первый», в котором Николай Симонов и Михаил Жаров играли роли соответственно Петра Великого и его сподвижника Александра Меньшикова.

Нам, молодым, ничего не стоило выучить наизусть на всю оставшуюся жизнь довоенные и послевоенные песни в исполнении Леонида Утесова, Рашида Бейбутова, Клавдии Шульженко, Марка Бернеса. Навсегда поселилась в наших сердцах песня «Темная ночь» в проникновенном исполнении Марка Бернеса в роли Аркадия Дзюбы в кинофильме «Два бойца». В условиях острейшего дефицита доверительности в нынешних постсоветских условиях гимном доверительности звучат чудные слова этой песни:

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила...
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою:
Знаю, встретишь с любовью меня,
чтоб со мной ни случилось.

Можно лишь сожалеть, что сегодня, на заре XXI в., в России нет исполнителей, равных по обаянию Марку Бернесу.

Слащавые песни Раджа Капура из кинофильма «Бродяга» распевали, каждый раз переиначивая некоторые слова на свой лад. В зависимости от деревни проживания, пели про «яркожелтые ботинки»: то с «Каргапольской», то с «Тамакульской», то с «Чадыр-Лунгской» душой.



Распевая на вечеринках классические романсы и полублатные песни, одни оправдывали в душе Степана Разина за то, что он утопил в Волге персидскую княжну, другие ее жалели, третьи разочаровались в нем, как в человеке, совершившем поступок, не приличествующий сильному, настоящему мужчине. Красавицу-княжну, считали эти, надо любить, а не за борт бросать в набежавшую волну.

Однако, когда застолье набирало полную силу, и те, и другие, и третьи с воодушевлением пели:

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На красавицу, возьми!

Мощным взмахом поднимает
Он красавицу княжну
И за борт ее бросает в набежавшую волну.

Что ж вы, братцы, приуныли,
Эй ты, Филька, черт, пляши!
Грянем песню удалую
На помин ее души!

Вопреки цензуре и остракизму, в сельские избы-читальни каким-то попутным ветром заносило красивые и нервные песни Вертинского. Вместе с местными частушками и песнями, вырвавшимися из гулаговских обледенелых застенков, песни Вертинского считались запретными и их распевали в дружеских компаниях с доверительным составом участников.

Собравшись в крохотной избе-читальне, окруженной вековыми тополями на краю села Тамакулье, под негромко звучащую гармошку пели песни из репертуара осужденных:

Я помню тот Ванинский порт,
Гудок парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные, мрачные трюмы.
От качки страдали зэка,
Обнявшись как родные братья,
И только порой с языка
Срывались глухие проклятья.

В слове «родные» ударение делалось на первую фонему «о», что придавало самой песне дополнительную ауру запретности и флер (пелену) доверительности.

В мрачные послевоенные годы, когда до смерти «вождя народов» оставалось совсем немного времени, вышел на экраны фильм «Кубанские казаки», в котором одну из главных ролей (Даши Шелест) сыграла молодая Клара Лучко. Песня из этого кинофильма, воспевающая открытость советского общества и безграничное доверие людей друг другу, звучала резким диссонансом с затаившейся в городских кухнях и дворах подозрительностью и мнительностью.

Твоя печаль, твоя обида,
Твоя тревога ни к чему:
Смотри, смотри, душа моя открыта,
Тебе открыта одному.

К слову сказать, всенародной стала еще одна песня из этого кинофильма – «Ой, цветет калина».

Школьные годы были временем подростковой и юношеской влюбленности. Нашими кумирами чаще всего становились артисты советского кино и герои отечественной истории исполняемых ими ролей. Еще не наступила эпоха всепроникающего телевидения. В селах Зауралья, Сибири, Дальнего Востока не было театров, концертных залов, филармоний. Были избы-читальни, с комнатой для шахмат и шашек и маленьким кинозалом. Не удивительно, что мотивации к знанию, к любви, к любознательности удовлетворялись книгами и кинофильмами. Книгомания и киномания были важной социокультурной потребностью тех, кому в 1950-е–1960-е годы довелось быть в подростковом и юношеском возрасте. В отличие от городской молодежи, выбор культурных благ в сельской местности был крайне ограниченным. Но жажда приобщения к культуре, мудро внедряемая не столько учебными программами, сколько стратегией воспитательной работы, была чрезвычайно велика, порой ненасытна. Один и тот же фильм в Каргапольском кинотеатре шел целую неделю. И надо было ухитряться, всеми силами выпрашивать у родителей лишний рублик, чтобы просмотреть один и тот же фильм по нескольку раз. Велико было искушение каждый раз, особенно при повторных демонстрациях фильма, попасть на сеанс зайцем, незаметно прошмыгнуть мимо порой не очень строгого контролера.

Некоторые кадры из зарубежных фильмов врезались в память на всю жизнь. До сих пор перед глазами поток, уносящий тела погибших влюбленных, из аргентинского фильма «Текут мутные воды». Изначально эти кадры там, в Сибири, ассоциировались с моими воспоминаниями, впечатлениями из додепортационного детства, когда с пригорка нашего Хармана я наблюдал за взбесившейся после сильной грозы речкой Лунгой, заливающей мутной водой место хору на цветущем лугу и подрывающей на изгибе полотно железнодорожной линии Кишинев-Рени.

В Каргапольской средней школе под руководством ее директора моих школьных лет – мудрой и талантливой Ульяны Илларионовны Постоваловой – был создан дружный коллектив учителей, преданных своему делу и своей профессии. Вплоть до конца 1950-х годов школа настраивала своих питомцев не только на сельскохозяйственное производство, но и завораживающе влекла в сферу культуры, науки, общественной деятельности. В этой необычной для сельской местности стратегии воспитательной работы коллективу школьных учителей и их методическим приемам помогали,

в частности, фигуры выдающихся деятелей отечественной культуры и науки, воплощенные на экране неподражаемым Николаем Черкасовым, в том числе в роли М.Горького в фильме «Ленин в 1918 году», академика Ивана Павлова в одноименном фильме, Александра Попова в фильме «Александр Попов», Стасова в фильме «Мусоргский».

Людям моего поколения, особенно тем, у кого появилась страсть к чтению, к познанию, к науке, особенно притягателен был профессор Полежаев, роль которого обворожительно сыграл Николай Черкасов в довоенном фильме «Депутат Балтики». Этот фильм беспрерывно шел в прокате на рубеже 1940-х – 1950-х годов.

В некоторых фильмах режиссера И.А. Пырьева снималось одновременно целое созвездие кинозвезд 1930-х – 1940-х годов. Так, например, ни один дружеский обед или ужин в Институте этнологии и антропологии РАН долгие годы не обходился без песни «Три танкиста» из кинофильма «Трактористы», в котором снимались Борис Андреев в роли Назара Думы, Николай Крючков в роли Клима Ярко, супруга режиссера – Марина Ладынина в роли Марьяны Бажан.

Там живут – и песня в том порука,
Нерушимой крепкою семьей
Три танкиста, три веселых друга –
Экипаж машины боевой.

Замечательные фильмы знаменитого режиссера Пырьева «Трактористы», «Свинарка и пастух» с Мариной Ладыниной в главной роли, снятые накануне Великой Отечественной войны, никакого отношения к селу, к сельскохозяйственному производству и повседневной жизни сельчан не имели. Но они задавали пусть призрачные, но заманчивые ориентиры будущей жизни. Молодые бойцы на фронтах Отечественной войны поднимались в атаку «За Родину!», «За Сталина!», жертвуя собой во имя тех чарующих женщин, образы которых были воплощены на экране Ладыниной, Орловой, Серовой и другими кинозвездами довоенных кинолент.

Неизменное восхищение вызывали И. Кузнецов, П. Алейников, О. Жаков в фильме «Семеро смелых». Трудно назвать сельского зрителя тех послевоенных лет, кто бы не смотрел этот фильм многократно, иногда до 7 и более раз.

Когда я жил в Сибири, вероятно, больше всего у меня вырабатывался адреналин перед спуском с самой крутой Тамакульской горы и перед прыжком с самого высокого трамплина. Это, как говорится, дух захватывало. Но и радость была ни с чем не сравнима после удачного спуска или от приземления с неплохим результатом по дальности полета.

В редкие дни, когда трескучие морозы достигали тридцатипятиградусной отметки, школьные занятия отменялись. Можно было целыми днями кататься на лыжах. Но... увы, только в тихую, безветренную погоду. Лыжное «мародерство» заканчивалось, как только с севера, с просторов Западно-Сибирской низменности, налетал, как злой стервятник, обжигающий стужей ветер. Никакие снежные компрессы и растирания не помогали. Носы, уши и щеки трудно было уберечь от побеления, что неизменно грозило кровавыми подтеками и пятнами после вхождения с обмороженным лицом в домашнее тепло.

С Юрой Мкртумяном, 1959 г.

Тем не менее, никакая леденящая стужа, никакие обжигающие ветра не могли помешать посещению кино,

На лыжне будущий Чрезвычайный и Полномоченный посол Армении в России Юра Мкртумян пытается догнать меня, а в политической и научной карьере я не успевал за ним, 1959 г.

если в избу-читальню приезжала кинопередвижка с очередной кинолентой, с отечественными или зарубежными кинодивами и кинокумирами. После каждого очередного фильма возникала новая гонка за открыткой с изображением полюбившегося исполнителя роли для коллекции в своем альбоме. Просмотр «Тарзана» заканчивался тем, что школьные коридоры превращались в джунгли и оглашались окриками и звуками, при помощи которых исполнитель роли Тарзана общался со своими лесными друзьями.

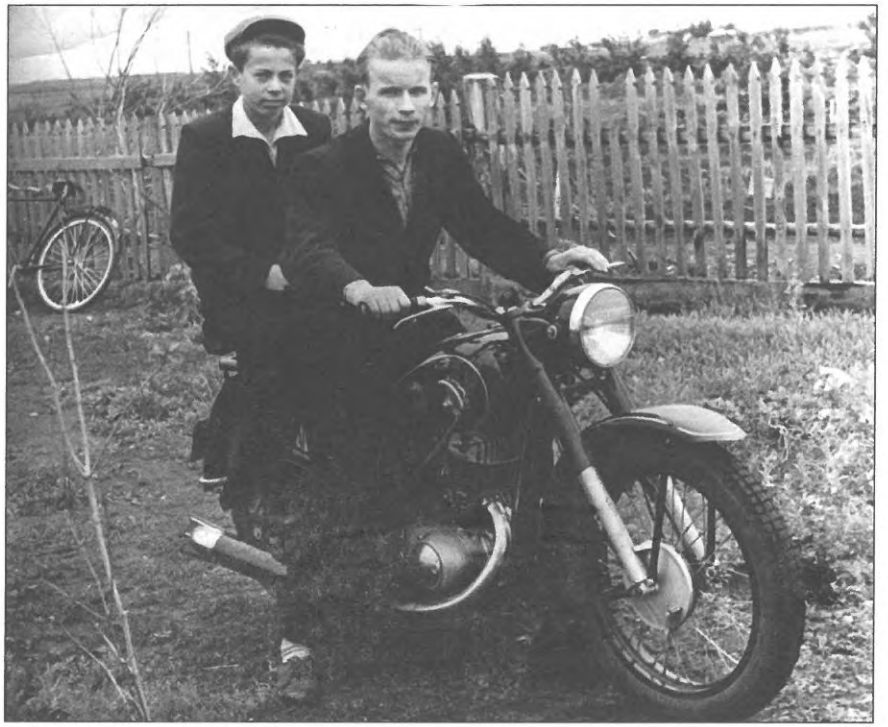
Скоростной спуск, 1959

В подмосковных лесах. 1960 г.
Слева направо: Юра Мкртумян, Миша Губогло, Игорь Гришин.

Словом, притягательная магия кинолент оказывалась сильнее любых морозов и родительских сетований и запретов.

Пленительная жажда красоты

В начале 1950-х годов жизнь на просторах Сибири, в колхозной деревне, мало помалу налаживалась. Хотя школьники продолжали вслед за комбайном собирать колоски на колхозных полях, а родители еще пекли в весеннюю пору черные, как антрацит, лепешки из мороженой картошки, никто в деревне уже не голодал. Гарантированное наличие пищи, утоляя голод, одновременно служило основой для возникновения новых потребностей, в том числе в сферах общественной жизни и культуры. На голодный желудок, пожалуй, трудно было бы посещать занятия всевозможных кружков, ходить на вечера танцев, петь в школьном хоре, писать стихи и коллекционировать в альбомах открытки с популярными киноартистами.



Первый раз на мотоцикле. 1956 г.

Стремление к красочной, цветистой пасторальности выступало контрастом с изумительной, хотя и не яркой, как в тропиках, матовой красотой окружающей природы. Серая гамма красок в палисадниках обнищавшей до крайности деревни компенсировалась, как заманчивым лакомством, яркими рисунками в альбомах той части сельской молодежи, которая сознательно сделала свой выбор в отношении культурных ценностей, что черпала из книг и кинолент. Открытки, рисунки, тексты, фотографии в альбомах свидетельствовали о пробуждении эстетических потребностей, о стремлении к красотам жизни, будили в юных сердцах жажду познания, открытий, закрепление в памяти событий из реки повседневной жизни.

Своим соседкам, ученицам 4-го класса Тамакульской начальной школы Шуре Уфимцевой и Тамаре Киприяновой, я записывал в альбомы невесть откуда засевшую в голове частушку:

Дуб зеленый, не качайся,
Алой лентой подвяжу,
Ты, уж Шура, не печалься,
Стих на память напишу.

Альбомы, как технологии социокультурного самообразования, становились показателем зреющих эстетических потребностей и одновременно строительным материалом для формирования характера. Источниками вдохновений юных летописцев выступали, наряду с природой, литературой и кинопродукцией, школа и внутреннее социальное созревание. Укреплялась потребность в знании, осмыслении и конструировании собственной жизненной позиции. В итоге расширялись связи с внешним миром, раздвигая границы родной деревни и сельской среды. Аскетизм материальных благ в известной мере восполнялся гедонизмом культурных потребностей.

Разумеется, большинство авторов экзотических рисунков в Каргапольских альбомах понятия не имели ни о методичности немецкой живописи, ни об итальянской виртуозности, ни о русском натурализме, хотя с картинами многих отечественных и зарубежных художников можно было знакомиться в читальном зале Каргапольской районной библиотеки. Многие официально изданные сборники произведений художников поступали не только в городские библиотеки Европейской части Советского Союза, но порой переваливали по ту сторону Уральских гор. Впрочем, на дом их не выдавали. Цветные, богато и роскошно иллюстрированные издания можно было перелистывать только в читальном зале.

Многие рисунки в наших альбомах напоминали скорее схематические наскальные изображения зверей, птиц, сце-

ны охоты, подобно петроглифам и писаницам, обнаруженным археологами и историками первобытности на отдельных камнях, в пещерах, на открытых скальных поверхностях в регионах Советского Союза и в странах Европы и Африки. Вряд ли кому-либо из нас, и прежде всего мне самому, могло в школьные годы прийти в голову, что настанет время и эти примитивные альбомные рисунки я буду вспоминать и сравнивать с наскальными изображениями, чтобы сдать нелегкий экзамен по археологии выдающемуся советскому археологу Артемию Владимировичу Арциховскому по его знаменитому учебнику: «Основы археологии», выдержавшему несколько изданий, но не очень популярному среди студентов исторического факультета МГУ из-за чрезмерной перегруженности фактическим материалом.

Много позднее, когда уже в постсоветский период я приобрел великолепно изданное 3-х томное сочинение выдающегося русского художника, театрального деятеля А.Н.Бенуа – «История живописи всех времен и народов», впервые вышедшее в свет в 1912-1917 гг. и переизданное в 2002 г. с адаптированным алфавитом и орфографией, я с удивлением и с какой-то скрытой радостью прочитал его вступительное слово к первому тому.

«Первые страницы книги истории мирового искусства, – подобно откровению звучали для меня слова А.Н. Бенуа, – вырваны и навеки затеряны. Правда, если мы обратимся к изумительным изображениям животных, – оптимистично продолжал создатель гигантской «Истории живописи всех времен и народов», – бизонов, мамонтов, оленей и диких лошадей, которые встречаются в виде живописи на стенах пещер и в виде выцарапанных рисунков – на всяких предметах каменного века, то мы скажем, что именно с «нечеловеческого», с «посторонней» человеку природы, с «пейзажа

в широком смысле» начинается история живописи» [А.Н. Бенуа, 2002. С. 9-10].

И думалось при этом, что те далекие рисунки в альбомах учеников 5-6-х классов Каргапольской средней школы отражали заключительные моменты длительного периода доисторической (первобытной) культуры, сметенной и уничтоженной временем, но возродившейся в генетической памяти детей и подростков середины XX века.

В наших взрослеющих сердцах стремление отображать боевых слонов, хищных крокодилов и древних мамонтов вместе с экзотическими павлинами и пальмами, вечнозелеными папоротниками, безусловно, проявляли себя сполохи «затаенного огня» нарождающейся чувственности, признаки и призраки пламенения и одухотворенности. В каждом из нас, владельце альбома, зарождалась расширяющаяся идентичность, выводящая личность за пределы замкнутого сельского мирка.

Где-то на рубеже 1940-1950-х годов ученики 3-4 классов с большим энтузиазмом рисовали танки, самолеты, пушки, корабли, подводные лодки и подписывали эти «военные рисунки» псевдонимами или самоприсвоенными прозвищами, заимствовав фамилии прославленных полководцев Великой Отечественной войны. Чаще всего это были фамилии маршалов Советского Союза, командующих 1 и 2 Украинскими фронтами – Конева И.С. и Малиновского Р.Я., командующих 1 и 2 Белорусским фронтами – Жукова Г.К. и Рокосовского К.К.

И хотя Зауралье географически было очень далеко от берегов океана и ближайшего моря, а также и от ближайшего военного аэродрома, некоторые рисунки в альбомах подписывались фамилиями адмиралов, например, фамилией главкома ВМФ адмирала флота Кузнецова Н.Г., командующего ВВС маршала авиации Новикова А.А.

И когда сельские детишки «штурмовали» очередной Измаил на крутых склонах Тамакульских оврагов, невдомек им было, что не могли адмиралы флота Кузнецов и маршал

авиации Новиков побеждать армии Османской Империи, как это сделал в свое время А.В. Суворов.

Играя в «партизаны» и в «войну» в глубоких Тамакульских оврагах и в прилегающих к ним колках и перелесках, каждому хотелось воевать прославленным партизаном, подобно Заслонову К.С., Ковпаку С.А., Кузнецову Н.И., Рудневу С.В., или легендарными трижды Героями Советского Союза И.Н. Кожедубом или А.И. Покрышкиным.

Про подвиг Рихарда Зорге, похоже, тогда, в те времена еще никто из школьников не слышал и ничего не знал. Не помню, чтобы кто-то из моих сверстников присваивал себе фамилию и повторял подвиги Александра Матросова, Николая Гастелло или генерала Карбышева.

Неотъемлемой частью содержания альбомов середины XX в. были высказывания выдающихся деятелей истории и культуры по самым разнообразным вопросам повседневной жизни и художественного творчества. Видимо эта отрасль и спрос потребительский к цитатам привела позднее – в нынешнее время на рубеже веков – к появлению многочисленных антологий афоризмов и мудрых мыслей, в каждой из которых перечень источников доходит до 200-300 наименований [Большая книга афоризмов, 2000; Энциклопедия афоризмов, 2001].

Этими, порой излишне роскошными фолиантами, как прямыми потомками альбомной культуры», сегодня, на заре нового тысячелетия, заполнены книжные магазины, уличные прилавки, иногда и полки домашних библиотек.

Легко вписывались на страницы своего альбома и в альбомы ровесниц красочные цветы, напоминающие перевернутый с ног на голову пионерский значок, например, фиолетовые или темно-голубые колокольчики, бордовые тюльпаны, темно-синие воронковидные васильки, желтые многолепестковые кувшинки.

Каждому такому цветку соответствовал текст песни или прекрасные слова из какого-либо великого русского романса:

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
... Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом

...Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать,
Бег неукротимый!

Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,
А куда? Не знаю!

Пройдет более полувека с тех пор, как мы, ученики начальной и восьмилетней школы, заполняли альбомы друг другу рисунками и «объяснительными» стихами и песнями, и на заре нового тысячелетия я заинтригованно прочитаю в интернете содержательную статью Л.И. Петиной, в которой раскрывается тонко подмеченная диалогическая связь между рисунком и сопровождающим его текстом, как будто если бы она анализировала не структурные особенности альбома пушкинской эпохи, а изучала альбомную культуру сельских школьников Каргапольского района Курганской области.

«Кроме словесных (поэтических и прозаических) записей в альбоме, – ведет свой рассказ Л.И. Петина, – содержатся рисунки. Характер рисунков в литературных альбомах во многом соответствует характеру словесных текстов: в одном случае подчеркнута автографичность, в другом смысловая сторона записи. Темами многочисленных альбомных рисунков являются факты домашней жизни, бытовая обстановка, реальное окружение владельца. Рисунки в альбомах нередко бывают объединены с текстом. Целый ряд подобных объединений имеет явно диалогическую природу. Сначала одним лицом вписаны, например, стихи, затем другим пририсована к ним картинка, и наоборот. Второй текст данном случае рождается как результат «прочтения» первого, которое может полностью или частично совпадать с первоначальным текстом, либо не совпадать с ним вообще. Рисунок и альбомная запись, сделанные одновременно и вдобавок одним и тем же лицом, соотносятся иначе, поскольку в основе своей призваны разными способами сказать то самое. В этом случае изображение как бы повторено словами и, наоборот, словесный текст – изображением» [Л.И. Петина, 1985].

Особой популярностью среди моих сибирских сверстников пользовались мои яркие и сочные розы алого или темно-красного цвета на густом черном фоне, обрамленном зелеными листьями. Этот необычный для Западной Сибири красно-черно-зеленый триколор, хорошо знакомый мне по коврам, что остались висеть в родном доме в одной из комнат моих родителей, а также в комнате, в которой гостили родственники или постояльцы по четвергам в дни Чадыр-Лунгской ярмарки, завораживал сверстников и сверстниц необычным сочетанием цветов так же, как сегодня привлекают внимание гагаузские ковры в музеях и на международных ярмарках.

Моему деду, страстному любителю и знатоку лошадей, в моем альбоме нравились рисунки различных пород лошадей, которые я срисовывал или просто копировал из учебников, из различных иллюстрированных изданий. Особенно его восхищал вороной конь, на котором в величественной позе восседал мощный Илья Муромец. Нравилась лохматая белая лошадь Добрыни Никитича, вместе с седоком устремленная за горизонт, и несколько менее выразительный конь с золотой гривой самого младшего из богатырей Алеши Поповича.

В первые годы депортации, до смерти И. Сталина, дед вынужден был стать колхозником. И его, как знатока лошадей, назначили «бригадиром» (проще говоря – сторожем) колхозной конюховки. В его распоряжении было несколько колхозных лошадей, запасы кормов, с десяток телег и саней, а также вся полагающаяся упряжь. Пользуясь своим «служебным» положением, он обучал меня езде верхом на лошадях, объясняя правила езды на разных скоростях.

И когда я мчался, нетерпеливо набирая скорость, вдоль картофельных и клеверных полей, дед сильно сердился и ругал меня за то, что я сгорбленно сидел верхом на скакуне, или очень быстро переводил его бег с «каменистой» рыси на мягкий и плавный галоп. Он не скрывал досады, когда я не понимал того, что вальяжно-торжественная рысь куда более благородна, чем тривиальные взмахи аллюра. А мне-то, бедному, без седла, на вечно голодной, поэтому с острым горбом лошади, каково было, когда бег рысцой, казалось, вот-вот раздробит мне то, что должно было быть в седле, а не на спине костлявой лошади.

Если я сегодня правильно понимаю свои представления тех школьных лет, то мне кажется, что на стыке между исходом сталинского периода нашей истории и грядущей Хрущевской оттепелью картина Васнецова «Богатыри» была величественным символом и знамением советского патриотизма в 1940-е–1950-е годы. Широко раскинутая степь, плывущие облака по небу, зеленая трава под копытами лошадей, невообразимая мощь, исходящая от легендарных (русских) богатырей и их доспехов, не только радовали глаз яркими красками, но и вселяли в душу какую-то уверенность и гордость за свою страну. Можно предположить, что в военные и послевоенные годы копии этой картины тиражировались в миллионах экземпляров. Репродукции этой картины висели в школьных коридорах и кабинетах чиновников, в библиотеках и избах-читальнях, порой едва ли не успешно конкурируя с портретами «вождя народов». Невольно думается: где она теперь эта символика, воспитывающая любовь к отечеству и солидарность сограждан российский нации?

В пушкинские времена «альбомная культура» в известной мере подпитывалась перенесением в сферу любительских занятий определенных профессиональных навыков. Для многих дворянских юношей и девушек умение владеть кистью, копировать образцы живописи, подбирать рифмы считалось естественным навыком. В этом им помогали репетиторы, профессора и преподаватели из Академии художеств. Однако во второй половине XIX в. масштабы массового дилетантизма начали сокращаться и совсем исчезли в XX веке. Уроки рисования в начальной и средней школе советского времени находились далеко на периферии учебного и, пожалуй, воспитательного процесса. Советская семья и сельская школа, в отличие от аристократических семей в начале XIX в., не ставили себе цель научить навыкам владения техникой карандашного рисунка или владению пером и тушью. Копировали кто как мог.

Нынешней молодежи, имеющей в своем распоряжении сканеры, цветные принтеры и цифровые фотокамеры, гораздо легче, чем полвека тому назад, иллюстрировать свои альбомы красочными географическими изображениями флоры и фауны, историческими изображениями событий и портретов, фантастическими изображениями космоса и хаоса, но, увы, очарование сотворчества, наверняка, исчезает, или сокращается до минимума. Каждому поколению – своё.

Наши школьные (сельские) альбомы не были дневниками, но в них зеркально отражалась духовная жизнь той части сельской молодежи, которую каргапольская школа увлекла высокой духовностью отечественной культуры. И в этом была немалая заслуга директора КСШ – У.И. Постоваловой.

Понятно, в этих альбомах, очень отдаленно напоминающих салонные традиции более чем полуторавековой давности, трудно было найти шедевры, подобные тем, что на одном дыхании создавались гением А.С. Пушкина («Черноокая Россетти, в самовластной красоте», Все сердца пленила эти, те, те, те и те, те, те) или экспромт М.Ю. Лермонтова «Любил и я в былые годы», попавший в альбом Софьи Карамзиной.

В самом начале XIX в. Пушкин четко разграничивал альбомы столичных и альбомы провинциальных сограждан. Обращаясь к издателю и книгопродавцу И.В. Слёнину, он признавался:

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.

Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной простотой.

Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться, впрочем, не хочу;
Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.

[А.С. Пушкин, 1954, Т. 2. С. 51, 491]

В Государственном мемориальном историко-литературном и природно-ландшафтном музее-заповеднике А.С. Пушкина в Тригорском, в одной из комнат усадьбы друзей А.С. Пушкина Вульфов «уездной барышни альбом», о котором в «Евгении Онегине» хрестоматийно сказано:

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом...
Тут непременно вы найдете
Два сердца, факел и цветки;
Тут верно клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски;
Какой-нибудь пиит армейский
Тут подмахнул стишок злодейский,
В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я.

[А.С. Пушкин, 1954. Т.3. С. 68]

Великий Пушкин десятки раз возвращался к проблеме судьбы, отмечал ее власть над человеком в экспромте записанном в альбоме к лицейскому товарищу А.Д. Илличевскому.

Не властны мы в судьбе своей,
По крайней мере, нет сомненья,
Сей плод небрежный вдохновенья,
Без подписи в твоих руках
На скромных дружества листках
Уйдет от общего забвенья...

[А.С. Пушкин, 1954. Т.1. С. 256]

В четверостишии «Надпись на стене больницы»:

Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима.

[А.С. Пушкин, 1954. Т.1. С. 257]

Альбомы заводили не только в высших кругах Санкт-Петербурга, но и в провинциальных культурных центрах. Так, например, в альбом Софье Васильевне Скалон, в пору ее проживания в отцовском имении Обуховке в Полтавской губернии, известном в культурном мире Императорской России как одно из «дворянских гнезд», Г.Р. Державин вписал в 1816 г. следующий экспромт:

В книжке сей зеленой
Дядя, старичок седой,
Софьюшке бесценной
Поклон свидетельствует свой.

[Русские мемуары. 1800-1825, 1989. С.329]

Тем не менее, смею думать, что альбомы сельских детей были в определенной мере далекими отголосками той части великой русской культуры, которую, по словам А.А. Блока, можно было бы определить как русско – дворянское education sentimentele (чувствительное воспитание) [А. Блок, 1960. С. 298].

Но думается мне, что каждый такой альбом сельских мальчиков и девочек представлял собой диалог со своим внутренним миром и с внешней средой. Пробуждающееся самосознание искало ответы на вызовы времени. Никто не знал и не должен был знать, что ветвистые черные рога на золотистой голове оленя, поселившегося в моем альбоме, напоминали мой дом родной в Чадыр-Лунге, в той комнате, которая «принадлежала» нам с дедом, и которой нас лишили при депортации. Мощное раскидистое дерево с гирляндами белых цветов, которое никто не видел воочию в селах Западной Сибири, изображало родное намоленное село в Буджакской степи, в моем альбоме – мою родину, мою малую Родину, которая всегда во мне, а не только я в ней. В желтых цветках кустарниковой акации, посаженной вдоль забора вокруг Каргапольской восьмилетней школы, не было той упоительной сладкой капельки меда, которую

я в детстве добывал из гроздьев белой акации. Дерево росло на задворках нашей усадьбы, рядом с тутовым деревом, между шопроном (постройкой для содержания сельскохозяйственного инвентаря и транспортных средств) и читеном (плетеный амбар для хранения кукурузных початков, запасов зерна, половы). И сегодня, когда я с наслаждением и умилением слушаю чудный романс «Белой акации гроздья душистые» в исполнении «серебряного голоса» России Олега Погудина, я вспоминаю вкус цветов той акции, и тот свой рисунок в своем альбоме, как символ моей Малой Родины.

Белой акации гроздья душистые
Вновь аромата полны,
Вновь разливается песнь соловьиная
В тихом сиянии чудной луны.
...
Годы давно прошли, страсти остыли,
Молодость жизни прошла,
Белой акации запаха нежного,
Верь, не забыть мне уже никогда...

При этом я отнюдь не чувствую себя ни архивом, ни хранилищем древностей, ни манкуртом, забывшим символы и ценности своей молодости и своего детства.

Сложившийся в моей детской памяти образ большой акации, как мощного дерева с раскидистой кроной и красивейшими листьями, никак не корреспондирует с тем, что писал литературный критик В. Дементьев о гагаузах и акации: «Словно низкорослая, с перекрученным стволом акация, выдержавшая напор степных ураганов и бурь, устоял этот народ против испытаний и бед, выпавших на его долю» [История и культура гагаузов, 2006. С. 514].

«Низкорослые акации с перекрученными стволами» действительно росли в изобилии в лесопарках Южной Молдавии и Одесской области Украинской ССР. Они были посажены в начале 1950-х годов вперемешку с дикими абрикосами (зердели) и вишневым кустарником в ходе реализации в Буждакских степях «Великого Сталинского плана преобразования природы». Часть этих лесополос с чахлыми на вид деревьями акации сохранилась до сих пор, другая часть была выкорчевана в 1970-е–1980-е годы и вместо акации были посажены ряды грецкого ореха.

Единственное дерево белой акации, растущее в Москве, на Воробьевых горах, каким-то чудом разместилось между бывшим зданием Дворца пионеров и корпусами Академической поликлиники на ул.Ляпунова. Каждой весной, когда я подхожу к этому дереву, я вспоминаю стихи моего земляка, выдающегося гагаузского поэта Дмитрия Карачобана, творчество которого мне чем-то отдаленно напоминает философскую тональность зрелого А. Блока:

Расти, акация,
Стройна и высока.
Достань, акация,
Вершиной облака.

Во второй половине XIX в. в Альбом редактора «Русской старины» М.И. Семевского вписали сведения о себе, воспоминания и анекдоты, эпиграммы и шутки 850 человек. В 1888 году, как бы завершая век альбомов повседневной художественной культуры, М.И. Семевский, по свидетельству Ираклия Андроникова, издал альбом в виде книги и назвал эту книгу: «Знакомые» [М.И. Семевский, 1883-1884; Ираклий Андроников, 1981. С. 401].

Коллекция Александра Сергеевича Вознесенского, по сценариям которого в 1911-1918 гг. было поставлено более 20 фильмов, состоит из 24 альбомов. Будучи страстным коллекционером, он на протяжении всей жизни собрал большое

количество автографов, фотографий, большие подборки вырезок из газет со статьями и портретами известных писателей, режиссеров, художников и других деятелей науки и культуры. Так, например, в одном из альбомов, хранящихся в архиве и до сих пор не опубликованном, автограф широко известного стихотворения А.А. Блока «Унижение».

В черных сучьях дерев обнаженных
Желтый зимний закат за окном
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

По словам Т.Л. Степановой, листавшей страницы неизданных альбомов А.С. Вознесенского, в рукописном тексте имеются отклонения от канонического текста стихотворения. Так, например, в 3-й строке эпитет «осужденные» заменен другим, и мы читаем:

К эшафоту на казнь обреченных
Поведут на закате таком.

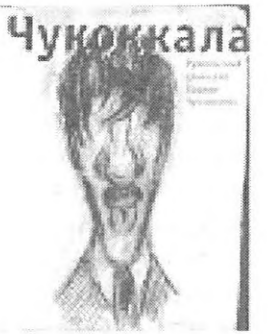
[Т.Л. Степанова, 1971. С. 143]

В альбом вклеено много фотографий и писем известных писателей, поэтов друг другу, в том числе адресованных самому А.С. Вознесенскому, например, письма Л.Н. Андреева, И.Е. Репина, Вл.И. Немировича-Данченко, И.П. Павлова. Содержащиеся в альбомах материалы дают хорошее представление о художественной жизни России в первой четверти XX в.

В 1919 году у знаменитого советского клоуна В.Е. Лазаренко, имя которого занимает одно из первых мест в истории советского цирка, возникла мысль собирать автографы деятелей литературы и искусства и просто интересных и талантливых людей разных профессий, с которыми сталкивала его судьба. В созданном альбоме сохранились записи А.В. Луначарского, А.И. Куприна, В.В. Каменского, В.Э. Мейерхольда,

А.Я. Таирова, А.И. Южина, А.Б. Мариенгофа, популярных клоунов Бима и Бома, С.С. Альперова, борцов И. Лебедева и П.Ф. Крылова и многих других известных деятелей культуры, спорта и науки [Встречи с прошлым, 1971. С. 192].

Блестящим завершением этой салонно-повседневной художественной традиции XIX в., более чем через столетие, стала знаменитая «Чукоккала» Корнея Ивановича Чуковского. Дело было так. Оказавшись по соседству с дачей И.Е. Репина под Петербургом, в Куоккала, Корней Иванович завел тетрадь для автографов (будущий альбом, как потомок альбомов предыдущего века) и дал ей шаловливое название «Чукоккола». И началось чудо XX в. Уникальность вереницы последовавших за многие годы автографов состояла в том, что таланты адресовали свои искрометные шедевры не прелестным дамам, а Корнею Ивановичу. Таланты обращались к таланту.



Шутливая тетрадь наполнялась нешуточными рисунками И.Е. Репина, шаржами В.В. Маяковкого, стихами А.А. Блока, Андрея Белого, Осипа Мандельштама, экспромтами и записями А.М. Горького, Леонида Андреева, И.А. Бунина, Алексея Толстого и многих других выдающихся деятелей художественной культуры начала XX в. Что ни стих, рисунок, надпись или заставка – то шедевр. И чтобы вдохнуть жизнь в эту полувековую летопись художественной жизни страны, Корней Иванович решает издать этот «Альбом» с собственными комментариями. В итоге читатели получают «Чукокколу», которая, по словам Ираклия Андроникова, стала неоценимой «биографией времени», «историей литературной жизни», «автобиографией самого Корнея Ивановича», «Альбомом соревнования талантов», и одновременно, добавим от себя, достойной продолжательницей изображения салонно-художественной жизни русской культуры [Ираклий Андроников, 1981. С. 85-86].

Сегодня мне остается лишь тяжко вздыхать и горько сожалеть, что через год после моего «исхода» (об этом ниже) из Каргаполья, мой альбом не вернулся в Чадыр-Лунгу вместе с моими вернувшимися родителями.

В этой далекой детской альбомомании сельских детей и подростков, которые хотели «поймать миг за хвост», был глубокий социокультурный смысл. Всем хотелось объять необъятное. Из одной человеческой жизни сделать две. Я не был в той страсти ни одинок, ни оригинален. Альбомомания была знаком изменившегося времени: то ли встречей светлой Хрущевской оттепели, то ли проводами прежнего зимнего мрака.

Охватившую меня, как и некоторых моих сверстников, альбомоманию, вместе с книгоманией и киноманией в первой половине 1950-х годов можно сравнить с весенним половодьем, с радостно несущимися потоками воды навстречу новым впечатлениям и ощущениям. В самом деле, едва ли не самым величественным природным впечатлением моего зауральского детства было весеннее половодье. Великим, с самых разных точек зрения: с Моста, как с капитанского мостика, с ледокола, встречающего наплывающие льдины, с Высокой Тамакульской горы, когда вода накрывала ближайшие луга вплоть до горизонта, превращая два села – Каргаполье и Тамакулье – в подобие полуостровных земель, с трех сторон окруженных торжественно повествующей о себе водой; с насыпи дороги, как «дороги жизни», соединяющей село Зырянку с селом Каргапольем и иногда, в пору особого буйства половодья, уходящей вместе с дорогой под воду. Уютная, миловидная река Миасс с редкими омутами и с умиротворяющим течением в летнее время, с едва шевелящимися водорослями возле некоторых берегов, в половодье раздувалась, наполнялась сокрушающей силой, выходила из берегов и уносила с юго-запада на северо-восток весь накопившийся за длинную зиму культурный хлам: оборванные куски натоптанных тропинок, куски санных дорог с ошметками соломы и коричневой прослойкой, оставленной лошадьми.

Однако, глядя на это буйство природы, сердце трепетало от мощи, энергии и невиданного раздолья. Вода несла и крутые льдины, которые каждой весной на подходах к мосту взрывали, поднимая огромные столбы, смешанные из воды и крошек льда. Некоторые хозяева отлавливали плывущие по реке куски поленниц с дровами, сорванные тыны, заборы, прясла.

После того, как вода сходила, заполнив все низменности на ближайших лугах, от старицы и до странных, неизвестного происхождения абсолютно круглых озерец, в мутной воде ловили щурят, не унесенных общим потоком.

Когда половодье истощалось, Миасс входил в свои обычные берега, и по нему плыли последние льдины, мы спускались с быков Каргапольского моста и плыли на такой льдине от моста до спиртзавода, где река делала крутой изгиб, в сторону деревни Вороново, льдину прибивало к берегу, и мы возвращались в школу как раз к концу занятий.

Но однажды одна такая льдина не зацепилась за берег и понеслась дальше, мимо следующих по берегу деревень. И горе-моряков пришлось догонять взрослым верхом на колхозных рысаках. Подвиг не остался незамеченным, о чем свидетельствовали следы вожжей на спине каждого из отчаянных мореплавателей. Зато в школе долго об этом плавании говорили, кто с тихой завистью, кто с открытым осуждением. Сами же «челюскинцы» видели себя героями.

Как бы там ни было, альбомомания, подобно весеннему половодию, была пробуждением таких свежих и новых чувств и устремлений в душах юношества, о которых страстно тосковал преждевременно стареющий душой С. Есенин:

Дух бродяжий! Ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

От «уездных барышень альбомов» к альбомам в Интернете

Мои воспоминания и размышления о широком распространении альбомов в среде сельской молодежи в середине XX в. могли бы показаться сегодняшнему читателю малоактуальными или праздными. Однако вряд ли читатель оказался бы прав.

Стоило мне по яндексу кликнуть три слова знаменитой фразы в романе «Евгений Онегин»: «уездной барышни альбом», как на меня навалилось более 11 тыс. страниц с интригующей информацией о прошлом и настоящем альбомной культуры, ее инкорпорированности в ткань нынешней повседневной жизни, о мире и о чувствах современной молодежи.

Феномен альбомной традиции, как это видно даже из пестрой и неравноценной по качеству интернетовской информации, состоит в том, что она (традиция) представляет собой целый пласт русской культуры XVIII-XX вв., носителями которой в различные периоды истории были разные социальные слои населения.

Сначала в конце XVIII в. в Екатерининские времена сама императрица и ее фрейлины, позднее – великосветские дамы и барышни далеких деревень и провинциальных городов заводили альбомы в роскошных кожаных переплетах с золотым тиснением.

По мере распространения грамотности среди населения альбомная культура перемещалась на более нижние этажи социальной лестницы из княжеских и графских дворцов в купеческие хоромы и мещанские избы. На это «вертикальное передвижение» ушло почти столетие. В середине XX в. альбомная культура стала достоянием сельской молодежи, активно изучающей русскую литературу и культуру по школьной программе.

Излюбленными темами альбомов в дворянских кругах в начале XIX в., наряду с талантливыми экспромтами классиков русской поэзии, как, например, А.С. Пушкина, М.Ю.

Лермонтова, были самодельные стихи друзей и подруг владельцев альбомов. Это были родительские наставления и дружеские пожелания здоровья и счастья, клятвы верности и преданности, восхищение красотой и умом владельца альбома, воспоминания о детстве – как лучшей поре человеческой жизни.

Вряд ли мать поэта Мария Михайловна Лермонтова, даже будь она Жюль Верном или Алексеем Толстым, могла бы в своих фантазиях предположить, что ее душевные стихи в собственном альбоме будут помещены на нескольких сайтах Интернета, и на заре XXI в. с ними сможет познакомиться любой подросток, побуждаемый вызовами взрослеющего самосознания и формирования идентичности человека нового тысячелетия.

Между тем, сообщение Тамары Мельниковой, исполненное в духе пленительных рассказов Ираклия Андронникова о том, как случайно был найден и передан в Пензенский музей альбом, условно названный «Уездной барышни альбом», представляет значительный интерес не только для взрослых любителей старины и специалистов в области русской культуры [Т. Мельникова, http:www.mk- penza.ru/catalogul/print.php?id=96].

Особый интерес представляет, в частности, опыт учителя русского языка и литературы из Омска Инны Николаевны Макаровой по созданию и реализации проекта «Летучие листки альбома уездных барышень и кавалеров», в одном из вариантов которого приняли участие более 40 учащихся [http:www.sibadi.omsk. ru/scool/; И.Н. Макарова И.Н. // http:www. omsknet.ru/acad/conf2/makarova.html].

Цель издания электронного эквивалента альбома, из которого были извлечены вышеприведенные примеры, состояла в том, чтобы повторить образцы альбомов, популярных во времена А.С. Пушкина, с тем, чтобы не только «оживить» те времена, но и «стать на время человеком другого века, почувствовать себя частью истории».

Тематика альбомных текстов молодежи школьного возраста послевоенного периода, накануне и в первые годы хрущевской оттепели сильно изменилась по сравнению с содержанием альбомов дворянской и купеческой поры. Наряду с традиционными сюжетами о любви и дружбе, о преданности и верности, в альбомах появились тексты, наполненные гордостью за свою страну, за великую победу, с панегириками в честь прославленных героев истории и героев Великой Отечественной войны.

Анализ тематики стихов более сорока омских учащихся – создателей электронной версии «Летучие листки альбома уездных барышень и кавалеров» показывает, что чаще всего стихи, пожелания и послания адресуются или посвящаются другу или подруге, восхвалению родной земли, своей Малой Родины, в частности, городу Омску, России и ее славной, но противоречивой истории, родной природе, своим увлечениям, душе и душевным порывам. Немало признаний в любви к родной школе и любимым учителям.

Подростковые альбомы – это звуки того романтического времени, которое состоялось и больше не вернется. В узком смысле – это увлекательные затеси мыслей, настроений и чувств, прописанных в ту или иную, сельскую или городскую среду. В широком смысле эти «затеси» – своеобразные отклики взрослеющей души на вызовы времени.

Школьница Юлия Елисеева вполне как взрослый человек помещает в электронной версии альбома серьезные стихи:

Как в дни минувшие бывало
Писали барышни в альбом
Про кавалеров, про гусаров
И мало ли еще о чем.
Альбом, конечно, символичный,
Его уж так не назовешь,
Однако стал бы нам привычным
Коль ты в XX веке живешь.
Все изменилось, я не скрою,
Коль вспомнить сто последних лет.
Плывут по морю пароходы,
Сверхзвуковые самолеты,
Разрезав небо пополам,
Снуют то здесь, то там, то там.

Еще одна юная омчанка в этом же омском альбоме озабочена отсутствием гражданского патриотизма. Она, в частности, пишет:

А были ж времена –
Другие были нравы.
Все люди – патриоты
Стояли за державу.

Традиции письменного душеизливания, видимо, не прекращались на протяжении двух веков. Не случайно у нынешних исследователей творчества А.С.Пушкина, в том числе в сфере «альбомной культуры», возникает в памяти описание альбома Евгения Онегина.

Опрятно по краям окован
Озолоченным серебром,
Он был исписан, разрисован
Рукой Онегина кругом.

Меж непонятного маранья
Мелькали мысли, замечанья,
Портреты, числа, имена,
Да буквы, тайны, письмена,
Отрывки, письма черновые,
И, словом, искренний журнал,
В которой душу изливал
Онегин в дни свои младые...
Дневник мечтаний и проказ...

[А.С. Пушкин, 1954. Т.3. С. 437.
Цит. по: http:hghltd.yandex.net/yandbtm?url]

Как сообщала И.В. Андреева, изучающая феномен «девичьих альбомов», она их обнаружила в трех библиотеках г. Челябинска. Так, например, в одном из факсимильно опубликованных в Интернете альбомов Веры Смолиной, звучало обращение хозяйки альбома:

Пишите, милые подруги,
Пишите, милые друзья.
Пишите все, что вы хотите,
Все мило будет для меня.

[http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url]

На рубеже веков альбомная культура стала не только выражением душевных волнений молодежи, отражением и выражением внутреннего мира девушек, но и свидетельством гражданского взросления молодежи, ее способности трезво судить о добре и зле, о смысле жизни, о славных победах и горечи поражений, о позитивных и негативных последствиях происходивших изменений.

Трудно лучше сказать о современной альбомной традиции, чем это получилось у ученицы 11 класса омской школы № 76 Лагутиной Натальи:

Это лишь вступление к моей поэме,
Где хочу о жизни рассказать,
Где хочу поведать тайны все я,
Прошлое и настоящее понять.

[Летучие листки альбома уездных барышень и кавалеров. http://mon149.omsk.edu.ru/arhiv/list15.htm]

Анализируя содержание, смыслы, комплиментарный и развлекательный характер «уездных барышень альбомов», исследователи альбомной культуры еще в первой половине XIX в. давали им следующую характеристику: «Все альбомы написаны лестно» [Яковлев П.Л., 1828; Цит. по: В.А. Черкова, 2000. С. 2].

В известных мне альбомах сельских школьников Каргапольского района в середине XX века исключена была какая-либо критика в адрес своего или прошлого времени, в адрес государства, руководителей партии и правительства.

Между тем в альбом, помещенном во всемирной паутине, читаем стихотворение Юлии Питч:

И не дадим забыть
Стране своих героев.
Спасем от нищеты,
От грабежей, разбоев.

Обличительное стихотворением Ольги Торбиной:

Россию-мать всю олигархи распродали,
Отдав алмазы, нефть и газ,
А нам оставили болезни,
Голод и печали...
Россия, узнаю тебя едва ли?
Ну что сказать?
Про Россию мать.

Хоть много сказано, обещано нам всем,
Да мало сделано до сих времен.
Живут лишь хорошо все те,
Кто власть в руках имеет,
А кто работает, не покладая рук,
Те, в чьих руках трясется плуг,
Уж ничего они тут не имеют.

Вступление в новое тысячелетие эта девушка, рано задумавшаяся о судьбе и смысле жизни, встречает с энтузиазмом и оптимизмом:

Приходит Новый век к нам
А вместе с ним и новое тысячелетие.
Мы все надеемся, что худшее уж позади,
Что впереди лишь будущее светлое,
Что новый век нам принесет
Одни отрадные события.

Итак, воспоминания о рубеже 1940-1950-х годов, т.е. о «времени славы и восторга», позволяют более критично характеризовать этот период нашей истории. Общий вывод напрашивается в связи с тем, что, восстанавливая свои духовные силы, советский народ опирался на мощную корневую систему, подпитывающую развитие послевоенного искусства. Страна была «обречена» вступить в новую эпоху, независимо от того, как Оттепель называлась: фамилией генерального секретаря компартии или руководителя Советского правительства.

Два вектора отечественной культуры – соционормативная и профессиональная – способствовали просветлению умов, что с особой наглядностью проявлялось на примере послевоенной молодежи, в том числе в ее увлечениях чтением, посещением кино, жаждой красоты, стремлением к эстетическому самообразованию, в том числе с помощью «альбомной культуры», имеющей не менее двухсотлетний стаж.

Духовное воспитание первого послевоенного поколения шло на основе и образцах классической русской культуры, тем более любимой, что именно она, особенно русская литература, как и русская живопись, становились синонимом Родины.

При этом, погружаясь в богатства русской культуры, мы все питались ощущением причастности к великому поколению, выигравшему войну. Вместе с тем приходило понимание того, что правда может быть только на стороне этого народа, народа – победителя, выстоявшего против чудовищной военной машины, покорившей пол-Европы перед нападением на Советский Союз, но сломавшей себе шею на берегах Волги, на Курской Дуе, а перед тем еще на подступах к Москве.

Вряд ли это поколение, будь ему известна парадоксальная мысль А.Солженицына: «... благословенны не победы в войнах, а поражения в них» [А.Солженицын. Аргипелаг Гулаг. 1918-1956. Опыт художестеннго исследования. Том I-II. Вермонт, Париж, 1989. С.267], могло бы согласиться видеть свой советский народ потерпевшим поражение.

По парадоксальной, на первый взгляд, логике великого русского писателя, лауреата Нобелевской премии выходило, что «Полтавская победа была несчастьем для России: она потянула за собой два столетия великих напряжений, разорений, несвободы – и новых, и новых войн. Полтавское поражение было спасительно для шведов: потеряв охоту воевать, шведы стали самым процветающим и свободным народом в Европе» [А.Солженицын. Там же.].

Наши мозги и душевные силы были настроены иначе: мы с воодушевлением гордились как полтавской победой, так и победами над Наполеоном и Гитлером.

Состояние души молодого поколения после каждой такой эпохальной победы с присущей ему прозорливостью выразил Андрей Тарковский. «Русские люди, – писал он, раскрывая центральную идею выдающегося фильма Андрей Рублев», снятого в 1966 году, – уверовали в свою силу, в свое окончательное освобождение. Вот эту веру, это пред-

чувствие перемен выразил в своем творчестве Рублев. Он прозрел утро в самый темный час ночи» [Цит. по: http://www.ozon.ru/context/detail/id/2470890].

Трудно удержаться от впечатления, что талантливого кинорежиссера в предчувствии перемен вполне обоснованно можно отнести к той части первого послевоенного поколения, которое под влиянием школьных программ и воспитательной работы талантливых педагогов пополняло великие творения деятелей отечественной культуры.

Эта культура развивалась едва ли не автономно от идеологического воздействия, которое уже подавало первые признаки сбоя, что отразилось на равнодушии населения к радиопередачам.

Разумеется, понятия «Александровской весны», «Хрущевской оттепели», равно как и предтечи каждой из них, нуждаются в дополнительных исследованиях, особенно в связи с актуальной на заре нового тысячелетия проблематикой этнической и гражданской идентичности и динамичными трансформациями в повседневной жизни и в ментальности граждан постсоветского пространства.

Оба периода, характеризуемые переходом от тоталитаризма с его монолитным единством, с загнанными глубоко внутрь социальными противоречиями, сыграли важную роль в движении Российского государства и его народов в первом случае – к отмене крепостного права в середине XIX века, во втором – к построению институтов гражданского общества на рубеже XX-XXI вв., к оптимальному этническому и демократическому многоцветию.

ПРИМЕЧАНИЯ

Авилова О.Б. Пушкинская эпоха домашнего альбома // Декоративное искусство СССР. 1985. №6.

Аксаков С.Т. Избранные сочинения. М., 1984.

Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2004.

Алешина Т. Уездной барышни альбом // Статья в газете «Комок», 2003. №41.

Анатоль Франс. Собрание сочинений в восьми томах. Том восьмой. М., 1960.

Андронников Ираклий. А теперь об этом. М., 1981.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Том 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

Бабоглу Николай. Гвоздики расцвели вновь. Кишинев, 1986.

Баурчулу Л.К. Отражение народных традиций в произведениях гагаузских писателей Н. Бабоглу и С. Куроглу. // Курсом развивающейся Молдовы. Том 4. 2008.

Бенуа А.Н. История живописи всех времен и народов. Том 1. История пейзажной живописи. СПб., 2002.

Блок Александр. Собрание сочинений. Том 1. М.-Л., 1960.

Блок Марк. Апология истории или ремесло историка., 1973.

Большая книга афоризмов. М., 2000. 1055 с.

Борисов С.Б. Эволюция жанров девичьего альбома в 1920-1990-е годы // Шадринский альманах. Вып 1. Шадринск, 1997.

Буджактан сеслäр, Кишинев, 1959.

Булгар Степан. Жанавар йортулары. Аннатмаклар. Кишинев, 1990.

Вацуро Б.Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.

Вацуро В.Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750-1840-е гг.) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л., 1979.

Встречи с прошлым. Издание второе, исправленное. М., 1971.

Говорит элита республик Российской Федерации. Сто десять интервью Леокадии Дробижевой с политиками, бизнесменами, учеными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений. М., 1996

Губогло М.Н. Утомленные оглядом на запад. // Курсом развивающейся Молдовы. Т.4, М., 2008. С.21-56.

Девичий альбом XX века // Русский школьный фольклор: От «высказываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998.

Дионис Танасоглу. Узун керван (Долгий караван). Кишинев, 1985.

Друцэ Ион. Поле души человеческой. Рассказы. Повести. Романы. М., 1977.

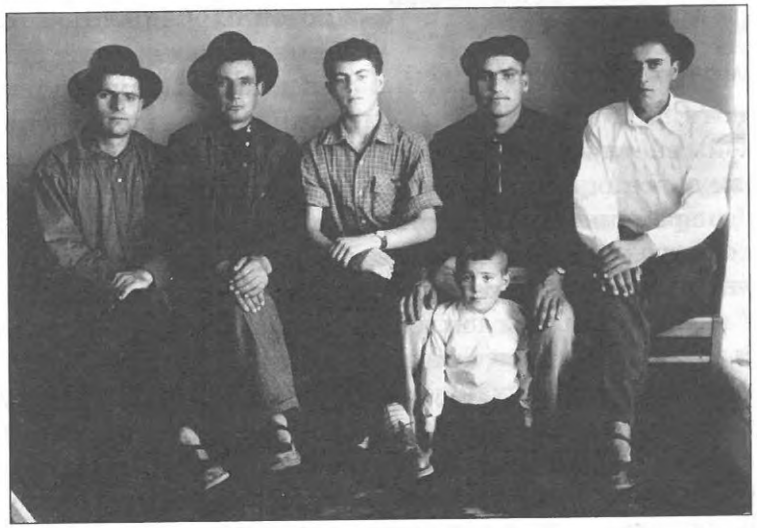
Жданов В. Добролюбов. М., 1961.
История и культура гагаузов. Очерки. Книгу подготовил к изданию С.С. Булгар. Комрат – Кишинев, 2006.
Кантемир Д. 1956; Цит. По: Э. Королева. Хореография. Рукопись 2008.
Квилинкова Е.Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии. (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău, 2005.
Квилинкова Е.Н. Социорегулятивные функции гагаузских и болгарских общесельских и межсельских праздников и их сохраняемости во времени // Diversitatea Expresiilor culturale ale Habitatului Tradițional. Chişinău, 2007.
Керн А.П. Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974.
Ключевский В.О. Русская история. М., 2006.
Корниенко Н.В. Михаил Исаковский и «женская лирика» // Горизонты современного гуманитарного знания. К 80-летию академика Г.Г. Гамзатова. М., С.152-168.
Корнилова А.В. Мир альбомного рисунка. Русская альбомная графика конца XVIII – первой половины XIX века. Л., 1990.
Курсом изменяющейся Молдовы. Том 1. Материалы I–го Российско-молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного 40-летию этносоциологических исследований. М., 2006.
Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953-1964). М., Книжная палата, 1991.
Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Том первый. Стихотворения 1828-1841. М.-Л., 1961.
Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской Империи. Пер. с английского М. Пальникова. М., 1999.
Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре // Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). С-Пб, 1995.
Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителей. Л., 1983.
Маанелäр. Одеса. 1998.
Макарова И.Н. Литература, информатика, изобразительное искусство. Взаимосвязь дисциплина на уровне ЗНАК – ЦВЕТ – СИМВОЛ // http:www.omsknet.ru/acad/conf2/makarova.html.
Мановъ Атанасъ И. Потеклото на гагаузите. Техните обычаи и нрави във две части. Варна, 1938.
Мариноглу Федор. Ўрек далгасы. Кишинев, 1990.
Маруневич М.В. Материальная культура гагаузов XIX – начала XX вв. Кишинев, 1988.

Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. Сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна. М., 2004.
Мельникова Т. Альбом уездной барышни //http:www.mk-penza.ru/catalogul/print. php?id=96
Михайлова Наталья. Альбом есть памятник души // http:hghltd.yandex.net/yandbtm?url.
Модзалевский В.Л. Рукою Пушкина. Не собранные и не опубликованные тексты. М., Л., 1935.
Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. 1901. №1.
Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. 1902. №4.
Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.Радловым. Часть X. Наречия бессарабских гагаузов. Тексты собраны и переведены В. Мошковым. С-Пб., 1904.
Оттепель. 1953-1956. Страницы русской советской литературы / Сост., авт. вступ. статьи и хроники С.И. Чупринин. М., 1989.
Перспективы социальной психологии. Второе международное издание. М., 2001.
Петина Л.И. Структурные особенности альбома пушкинской эпохи // Проблемы типологии русской литературы. Тарту, 1985. С.21-36. (Ученые записки Тартусского гос. ун-та, вып.645. Труды по русской и славянской филологии). (http:hghltd.yandex.net/yandbtm?url)
Постовалова У.И. Очерки по истории народного образования Зауралья. Курган, 1995.
Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Том 1, 2, 3. М., 1954.
Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825. Составление, вступительная статья и примечания И.И. Подольской. М., 1989.
Свирский Григорий. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления (1946-1976 гг.). Новая литературная библиотека. London, 1979.
Семевский М.И. Очерки, рассказы из русской истории XVIII в., 2-е изд., Т.1-3. СПб., 1883-1884.
Степанова Т.Л. Листая страницы альбома… (Блок, Чехов, Репин в альбоме А.С. Вознесенского) // Встреча с прошлым. Изд. втрое, исправленное. М., 1971.
Стойнов Г.С. Кирсово в прошлом и настоящем. 180 лет Башкўў. Кишинев, 1990.
Танасоглу Д.Н. Чал тўркўм [«Звени моя песня»], Кишинев, 1966.
Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. М., 2008.

Тишков В.А. Реквием по этносу и исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
Тодур Занет. Заманнайэрсын, евим.
Тургенев Н.И. Россия и русские // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825. М., 1989. С.261-328.
Филиоглу Васи. Айдыннык.
Цявловская. Рисунки Пушкина. М., 1986.
Чагин А.И. Русская литература на переломе эпох: основные векторы развития // Русский язык в странах СНГ и Балтии. Под редакцией академиков А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, член-корр. В.А. Тишкова, 2007. С.40-47.
Чеботарь П.А. Гагаузская художественная литература / 50-80-е годы XX века. Очерки. Кишинев, 1993.
Чеканова Анна. Альбомы милые преданья старины // Родина. 2001. №12.
Шкуратов В.А. Историческая психология. 2-е, переработанное издание. М., 1997.
Элиот Т.С. К определению понятия культуры // Звучащие смыслы. Альманах. СПб., 2007. С.7-60.
Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М.:ООО «Изд-во АСТ», 2001. 717 с.
Эренбург И.Г. Оттепель // Знамя. 1954. №5..
Яковлев П.Л. М., 1828. Кн. 1-2.
Gagauz halk türküleri. Hazırlayan hem basım için sorumnu – Lüba Çimpoeş, Chişinău, 2001.
Mihail Çakir. Gagauzlar: istoriya, adetlär, dil hem din. Chişinău, 2007. P. 55-151.
Mihail Guboglu. Găgăuzii în Lumina istoriei. Doctorand în litere (Рукопись). 1938.
Moldova gagauzların halk türküleri. Toplayan hem hazırlayan Elizaveta Kvilinkova. Kişinöv, 2003.

11. О НАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПАСПОРТЕ

В конце августа 1957 года, сразу после завершения 7 Всемирного фестиваля молодежи в Москве, активным наблюдателем которого мне довелось побывать, не выдержав вступительных экзаменов в Институт восточных языков при МГУ, я отказался возвращаться в Тамакулье, где оставались мои родители, и приехал в г.Чадыр-Лунгу, где проживало множество моих родственников. Школьные краски жизни, насыщенные больше радостями познания, чем горестями повседневного быта, увы, показались не вполне сочетаемыми и несовместимыми с душевным омертвлением родителей, как и остальных депортирвоанных земляков. На Чадыр-Лунгском железнодорожном вокзале меня встречал человек отчаянной удали и смелости – мой двоюродный дядя Николай Николаевич Губогло, сын брата моего двоюродного дедушки – Николая Дмитриевича (на фото второй слева).



Приютили после бегства из депортации и помогли получить паспорт. 1957 г.

Приютили меня дядя Савва Константинович с молодой тогда супругой Любой, сын самого младшего из 5-ти братьев моего деда Константина Дмитриевича, который, к сожалению, трагически ушел из жизни раньше остальных братьев моего деда.

Знаменосец Каргапольской средней школы

Согласно колхозной справке, я должен был в том же 1957 году беспрепятственно вернуться в Тамакулье Каргапольского района, где оставалась моя семья на положении спецпереселенцев и ежемесячно регистрировалась в подтверждение того, что никто из членов семьи не выезжал за пределы Каргапольского района. Тот факт, что меня не арестовали, можно считать чистой случайностью. Выручил комсомольский билет и объединенные усилия родственников разного калибра и разной генетической близости. Определенную роль сыграла и гражданская смелость, воспитанная на закате депортационного времени, когда мне, как одному из лучших учеников Каргопольской средней школы, была оказана честь нести школьное знамя во время первомайского парада.

У нынешнего осведомленного о масштабах и технологиях сталинских репрессий читателя неизбежно должен был возникнуть вопрос, как удалось колхозному мальчику вырваться из депортированного заточенья и выжить, несмотря на суровую слежку, установленную в те времена за каждым репрессированным элементом.

Я допускаю, что в торжестве справедливости и в том, что меня не выдали властям на растерзание и на обратную высылку Сибирь, сыграли два обстоятельства. Во-первых, Чадыр-Лунга в 1957 году гремела на всю страну выдающимися сельскохозяйственными успехами по сдаче молока и мяса на каждые 100 га пашни. Не важно, что предприимчивые и шустрые руководители колхозов, часть из которых даже стали героями социалистического труда, закупали молоко и скот в соседних районах Одесской и Николаевской области и таким образом добивались «выдающихся» успехов в деле производства сельхозпродукции, их достижения были отмечены такой высшей государственной похвалой, как наградой – телеграммой Первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева. Она торжественно и величаво гласила: «Вы проявили государственный подход к делу, глубокое понимание интересов нашего народа, показали хороший пример для всех районов нашей страны» [Правда, 1957. 25 апреля].

Во-вторых, по воспоминаниям А.Чебаники, «в 50-е годы спортсмены Чадыр-Лунги по всем видам спорта занимали ведущие места в Молдове. На футбольные встречи приезжали команды Москвы («Динамо», «Спартак», и «Торпедо», СКА (Свердловск), СКА (Одесса)» [А.Чебаника, 2004. С.4].

В-третьих, мои наиболее продвинутые земляки, уже успевшие осознать вкус фактора образования для социально-политической карьеры, высоко ценили, что единственный гагауз попробовал самостоятельно поступать в Московский государственный университет, одно имя которого произносили с придыханием, а на меня смотрели то как на придурка, то как на национального героя. Хотя на самом деле мой высокий авторитет среди местных гагаузов и многочисленных родственников, по правде сказать, складывался не столько из того, что – неслыханное дело – «поступал в МГУ», сколько из того, что был внуком безбедного Кара-Петри, известного знатока и ценителя лошадей, владельца небольшого конного завода, некоторого количества виноградников местного и европейских сортов и до 12 гектаров пашенной земли.

Начальником паспортного стола в тот год был Михальчук, по рассказам, друг моего дяди Михаила Петровича,

старшего сына моего деда, из-за которого нас и депортировали на «вечное» поселение в Сибирь.

Вместо моей колхозной справки, из которой следовало, что «дана Губогло Михаилу Николаевичу, жителю села Тамакулье Каргапольского района Курганской области, РСФСР, колхознику колхоза им.А.А.Андреева для выезда за пределы Каргапольского района в связи со сдачей вступительных экзаменов в МГУ», мне необходимо было получить полноценный советский паспорт, удостоверяющий, что я являюсь гражданином Советского Союза.

Однако, поскольку я, не поступив в университет, не вернулся в Тамакулье на основное место жительства, возникли бюрократические трудности с оформлением и самого паспорта, и записью в нем моей национальности. Поскольку наряду с колхозной справкой у меня был комсомольский билет, я обратился в Чадыр-Лунгский райком комсомола и стал на регистрацию. Паспорт, кажется, не потребовался. Мне немедленно выдали имеющую магическую силу «Комсомольскую путевку» на Всесоюзную комсомольскую стройку Чадыр-Лунгского мясоптицекомбината. Строительством занималось СМУ-6 Молдавпромстрой. В это время мясоптицекомбинат перестраивали из несостоявшегося завода по переработке хлопка. Хлопок не захотел расти в безводной Буджакской степи.

«Не все, вероятно, помнят, – пишет А.Чебаника, – что в эти годы [1950-е – М.Г.] в нашем районе выращивали хлопок. Рядом с аэродромом была хлопкосушилка, а затем начали строить и завод по переработке хлопка. В дальнейшем его перепрофилировали в мясокомбинат» [А.Чебаника, 2004. С.4].

В беспрепятственном получении комсомольской путевки, с направлением на Всесоюзную комсомольскую стройку мне помог секретарь Чадыр-Лунгского РК КСМ Иван Пинти. Благодаря этой чудодейственной красочно украшенной строительными кранами бумаге, у меня в трудовой книжке, что хранится до сих пор в отделе кадров Института этнологии и антропологии РАН, появилась первая запись: «Зачислен на должность инспектора отдела кадров СМУ-6 Молдпромстроя». Хотя на самом деле первые полгода разгружал песок, цемент, котелец, щебенку и другие строительные материалы, был кладовщиком, хранителем лопат, топоров, пил и других инструментов, исполнял (без избрания) обязанности председателя профкома и через полгода был избран освобожденным секретарем комсомольской организации Чадыр-Лунгского строительного участка СМУ-6 Молдпромстроя.

Обе конторы, в том числе и бухгалтерии – и СМУ-6, и «Молдпромстроя», находились не в Чадыр-Лунге, а в Кишиневе. Они и стали первыми пунктами назначения моих первых командировок, куда я привозил и отвозил всяческие чертежи, преисполненный неимоверной гордости от выполнения «ответственнейших поручений». Правда, должен признаться, вместо кожаного портфеля я переносил эти строительные чертежи за пазухой, в завернутом ватмане.

И хотя с рождения я рос в гагаузской семье и считал себя истинным гагаузом, мудрейший начальник паспортного стола, хорошо осведомленный в интригах межэтнических отношений, того легкого, но далеко не безоблачного времени Хрущевской оттепели, все же предложил в графе «национальность» написать «болгарин».

Благожелательному начальнику, знатоку национальной политики того времени, было виднее. Ему, видимо, казалось, что с национальностью болгарин, мне будет легче, чем гагаузу устроить свою судьбу. Так я, гагауз по национальности отца, русский по культуре, с некоторыми урывками молдавской речи и островками молдавской культуры, преданный комсомолец, стал болгарином по национальности, каковой была моя мама [Стойнова (в девичестве) Димитра Степановна]. Болгарином в паспорте, русским по культуре, но с родным гагаузским языком я оставался вплоть до отмены национальности в соответствующей графе моего нынешнего гражданского паспорта, свидетельствующего, что я – гражданин Российской Федерации.

Таким образом, получению паспорта я был обязан комсомольскому билету, комсомольской путевке на Всесоюзную

стройку и трудовой деятельности по разгрузке огромных каменных котельцов для возведения забора вокруг строительной площадки Чадыр-Лунгского мясоптицекомбината. Этот забор, кажется, стоит до сих пор. Но у репрессированных были и другие модели получения документа, удостоверяющего личность и национальную принадлежность. Когда осенью 1954 года двум братьям, немцам по происхождению, таким же по статусу, как я, спецпереселенцам, пришла пора получать паспорта, их, как и остальных спецпереселенцев и поселенцев, как и полагалось, поставили на учет и потребвоали ежемесячно приходить для отметки. Однако отец этих ребят, смелый, ловкий и шустрый немец, написал письмо на имя Председателя Верховного Совета СССР Климента Ефремовича Ворошилова с просьбой дать паспорт хотя бы младшему сыну, поскольку вместе со старшим отец уже отмечался в спецкомендатуре. И хотя родители не рассчитывали на успех, произошло чудо. Спустя месяц ответ из Москвы в Копейск пришел. В нем Климент Ефремович предложил братьям оставить фамилию отца, что же касается национальности, то, поскольку мать братьев была русская (в девичестве – Сомова) – избрать любую из национальностей. С тех пор автор Игорь Винк носит немецкую фамилию, являясь по паспорту русским по национальной принадлежности [Игорь Винк, 2006. С.110].

Чрезвычайно интересна судьба того, как сложилось разночтение фамилий двух сыновей моего деда. Фамилия моего отца Николая Петровича, как и моя, звучит – Губогло. Фамилия старшего брата отца Михаила Петровича звучит – Губоглу. Согласно семейным легендам, в том числе нередко звучащему ворчанию моего отца, для поступления Михаила Петровича в Черновицкий университет требовалось, чтобы в паспорте он значился румыном по национальной принадлежности или, по крайней мере, имел румынизированную форму своей фамилии; типа Садовяну, Ионеску, Эминеску, Понеску и т.д. Мой отец никак не мог забыть, что для изменения последней буквы в дядиной фамилии с «о» на «у», деду пришлось продать пару лошадей с упряжкой.

Я эти разговоры из семейной хроники хорошо помню, но никогда практически не связывал их с ассимиляторской политикой Румынского Королевства, когда Гагаузия в течение всего межвоенного периода оказалась оторванной от России. Другое дело – рассказы отца о его школьных годах. В 1920-е годы, когда за разговоры в классе или в коридоре на гагаузском языке, учителя больно били его линейкой или пеналом по ладони, или «ставили в угол» на колени на сухие зерна кукурузы.

Каково же было мое удивление, когда, вспоминая семейные легенды о рациональной «оптимизации» фамилии Михаила Петровича Губоглу я столкнулся с типологически сходной ситуацией в судьбе известного гагаузского писателя и общественного деятеля Николая Бабоглу. В автобиографическом очерке «Божьим произволением» Николай Игнатьевич с сарказмом и легкой грустью рассказывает о том, как его – малолетнего «гагаузенка» со всеми дедами и бабками с той и другой стороны гагаузами, записали в румынском паспорте румыном по этническому происхождению. Дело было так. Заметив в гагаузском ребенке великолепную память и незаурядные способности, в том числе и к постижению закона божьего, копчакский священник Илья Тудоран, симпатизирующий отцу Н.И.Бабоглу и безжалостно эксплуатирующий его неподдельную честность, решил оказать содействие его сыну в поступлении в духовную семинарию.

В основе чудесного превращения Н.И.Бабоглу из гагауза в «чистого» румына лежали по его собственным воспоминаниям «две бараньи туши, стремление попа Ильи воспитать из меня своего преемника, подкрепленной неистовым желанием моей матери видеть меня попом, и уступчивый, до робости, характер моего отца» [Николай Бабоглу. Гвоздики расцвели вновь. Повесть, рассказы. Кишинев, 1986. С.244].

Трудно удержаться от искушения воспроизвести искрящуюся юмором процедуру смены этнической принадлежности и перехода Н.И.Бабоглу из гагауза в румыны.

Несмотря на то, что Н.И.Бабоглу блестяще сдал вступительные экзамены в духовную семинарию, по телефону его

покровителю сельскому попу разъяснили, что «в духовную семинарию принимаются только подростки румынской национальности». Попа это, видимо, крепко заело и он попросил зарезать двух самых упитанных баранов из без того немногочисленного стада и принести туши в дом к попу с тем, чтобы одну оставить в доме попа, а другую взять с собой для нотариуса. Дальше диалог между попом и нотариусом продолжался в духе шедевров Василия Шукшина, например, как это было в рассказе «Верую».

«А ведомо ли Вам, – произносил [поп], настраиваясь прямо на какой-то торжественный тон, – что поименованный мальчик Николай Бабоглу, господин нотар, отлично учится и весьма преуспевает в законе божьем?

– Наслышан, наслышан, Ваше преподобие.

– Та-ак! – едва ли не взревел поп. – А может ли нищий гагаузеныш проникнуться святостью и мудростью закона Божия не по летам своим?

– Не может, – почти механически согласился нотар.

– Стало быть, – продолжал [поп], – мальчик произволением Божьим создан румыном, а нам ли не верить в промысел Всевышнего?

– Никак невозможно, батюшка, чуть не испуганно сказал господин нотар перекрестясь и залпом опрокинул стакан вина.

– А следовательно, – прямо грозно сделал Тудоран паузу... и нотар подхватил:

– Смеет ли бумажка рукотворная спорить с божьим произволением? Все понял, батюшка, бумаги исправим! Дабы не противоречить промыслу Божию.

– Умно рассуждаете, – крякнул от удовольствия поп, опрокидывая очередной стакан. – Могли бы по уму своему и пастырем быть.

– Но, отче, заулыбался нотар, – согласитесь, что в пользу румынского этнического происхождения не хватает аргумента. Во всех документах написано, что отпрыск он гагаузский.

– Да, да и в церковных книгах родители его – гагаузы. А отпрыск сей все-таки румынского происхождения... Недостающий же аргумент, господин нотар, в прихожей.

Нотар выглянул и, моментально вернувшись, произнес: – Истинно, отец мой, чудеса такие бывают! Вы правы, мальчик румын по происхождению, и это бесспорно.

– Надеюсь и верую, – подобно проповеди протянул Тудоран, – что из сего отрока Николая возрастим мы плод благолепный и по обучению и воспитанию станет он достойным пастырем сих глупых овец гагаузских...

– Завтра нужная бумага будет – почти пропел нотар, – но церковные книги с записью о крещении?...

– В моих руках! – басисто, точно провозглашая аминь, закончил поп.

– Выпьем за сие... [Николай Бабоглу, Там же. С.253-254].

Через неделю, как изложено в очерке, Н.И.Бабоглу получил извещение и поехал учиться в духовную семинарию... Однако учеба его прервалась не божьим проявлением, а по воле народов: 28 июня 1940 года Бессарабия воссоединилась с Советской Родиной и несостоявшийся священник стал сначала учителем, а потом профессиональным писателем.

Первомайский парад. Справа директор Каргапольской школы Постовалова Ульяна Илларионовна. 1956 г.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Мне остается выполнить приятный долг – выразить в заключение моих воспоминаний слово благодарности прежде всего тем, кто дал мне жизнь и кто давал мне путевки во взрослую жизнь на всех этапах моего очеловечивания и деятельности.

Первое слово благодарности, разумеется, моим родителям, судьба которых подвергла их страшному испытанию, лишив их родного, намоленного очага, ухоженных полей, живности и виноградников, отняв у них хлеб и родину, забросив помимо их воли из теплого Буджака в холодные просторы Сибири. Благодаря накопленным трудовым навыкам и героическим усилиям, они сумели вместе с другими страдальцами приспособиться к новому климату, новой иноэтничной среде, новому образу жизни, который приходилось начинать с построения землянки, т.е. практически, с нуля.

Обладая мощным потенциалом приспособляемости, они повторили за свою короткую жизнь судьбу тех своих предков, которые, спасаясь от религиозного и иного преследования, двинулись со своей балканской родины, чтобы освоить пустовавшие Буджакские степи. Генетическая память приспособляемости сработала таким образом, что менее чем через десятилетие жизни на чужбине, они вновь оказались на коне, хотя и сильно надорвали при этом свое нравственное и физическое здоровье, значительно сократив предназначенные им судьбой годы своей жизни.

Было бы несправедливо не выразить слова благодарности коренным сибирякам – жителям Каргапольского района Курганской области за их доброе, чуткое отношение к молдавским и гагаузским изгнанникам, попавшим по воле истории в их среду. Не припоминаю ни одного случая, чтобы простые сельские люди заснеженного края, сами находившиеся в состоянии ужасной послевоенной разрухи и беспросветной нищеты, упрекнули хотя бы намеком спецпереселенцев в каком-либо предательстве или не пришли бы

на помощь в трудную минуту. Беспредельное трудолюбие, законопослушание и благородство спецпереселенцев стало залогом доверительного отношения местного населения к насильственно привезенным мигрантам. Более того, сами по собственной инициативе стремились оказать самое широкое содействие.

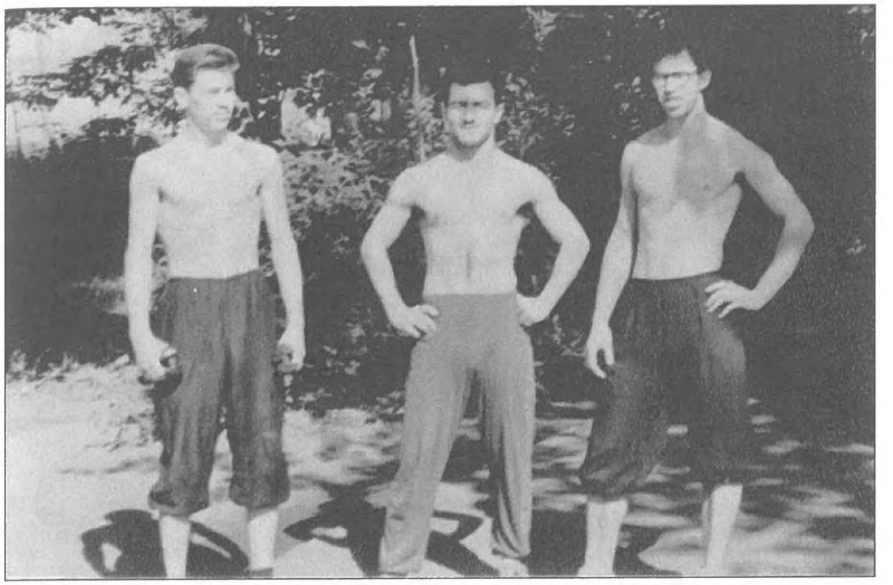
Мне невероятно повезло с учителями Каргапольской средней школы, с профессорами и академиками исторического факультета МГУ. Иногда судьбу интерпретируют как некое проявление воли и каких-то высших сил. В древности порой сравнивали судьбу с игрой богов. Моими божествами, как я сегодня понимаю, были мои учителя, мои профессора, мои руководители. Всем им – низкий поклон, нежная и глубокая признательность.

Мой нравственный долг не был бы исполнен до конца, если бы не сказал о духовной подзарядке, которую я получал от своих друзей. В школьные годы в неразлучную четверку входили – Володя Патраков, будущий выпускник Тимирязевской Академии, ныне – пенсионер Газпрома, проживающий в Москве, Алеша Лукинов, поэт, кандидат в мастера спорта по борьбе, ныне пенсионер, Толя Юркин – директор спорт-школы, оба проживают в Каргаполье.

В студенческие и последующие годы моими друзьями стали Саша Рудь, будущий секретарь комитета комсомола МГУ и далее секретарь парткома Института народного хозяйства им.В.Г.Плеханова, ныне профессор, пенсионер, читающий лекции в ряде университетов г.Москвы, Анатолий Фомичев – после окончания МГУ – знаменитый лектор общества «Знание», лекции которого пользовались неизменным интересом в самых различных аудиториях во всех регионах Советского Союза от Прибалтики до Сахалина. Особо скажу о самом близком из моих университетских друзей – Юре Мкртумяне (Царствие ему небесное). Уехав после окончания кафедры этнографии в Армению, он создал в Ереванском университете кафедру этнографии, воспитал целую плеяду армянских этнографов, стал крупным общественным деяте-

лем, став сначала секретарем парткома Ереванского университета, затем членом ЦК Компартии Армении и членом ЦК КПСС. В постсоветский период Армения направила его в Москву в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла Армении в Российской Федерации. Я никогда не забуду ни наших юношеских встреч, поучительных бесед, ни многочисленных совместных поездок, ни его бескорыстной помощи мне и очень многим, окружающим его лицам – от дальних родственников до близких друзей. Известный ученый, солнечный человек, полиглот, авторитетный общественный деятель, он прославил свою Армению, нашу этнографическую науку. В советской литературе не иссякают ссылки на его научные труды, на выдвинутые им концепции о типологизации элементов этнической культуры и о месте культуры в системе жизнедеятельности. Разве это не везение, подаренное мне судьбой, быть современником и одним из самых близких друзей человека такого крупного масштаба.

Студент первого курса. Кишиневский ГУ. Слева Петя Железняков, справа Юра Беловолов. 1958 г.



Студент 2-го курса МГУ. Общежитие на ул. Стромынка. Утренняя зарядка

Студент 2-го курса исторического факультета МГУ, 1959 г. С друзьями. Юрий Исраелович Мкртумян, Владимир Алексеевич Илюшин.

Студент 4 курса МГУ.
Путешествие Москва – Смоленск – Витебск – Москва, 1962 г.

Студентка исторического факультета Таня Долгих и аспирант. МГУ, 1964 г.

Вернувшись в 1957 году из депортации к себе на родину, в Чадыр-Лунгу, увы, не вполне легитимным путем, а скорее по причине юридического невежества, чем по мотивам мужества или храбрости, я и здесь, в родном краю, обрел новых друзей, как показало время, – лучших, самых талантливых людей Буджакских степей. Первым среди них оказался Михаил Константинович Пашалы, тогда секретарь комитета комсомола колхоза им.С.М.Кирова, впоследствии – депутат Съезда народных депутатов СССР. Какие бы должности он ни занимал, вступив во взрослую посткомсомольскую жизнь, он был признанным лидером, истинным «хозяином» Чадыр-Лунгского района, строгим, но справедливым «начальником», добрым, душевным человеком с неисчерпаемым, одаренным от природы чувством юмора. Думается, что работая с ним в комиссиях Съезда народных депутатов СССР в пору его депутатства и моего пребывания на съезде в качестве эксперта по проблемам национальных отношений и национальной политике, мы смогли внести посильный вклад в дело этнической мобилизации гагаузского народа в дело сохранения им своей самобытности и обретения своего национального достоинства. Конституированный сегодня статус нынешней Гагаузии – реальное тому подтверждение.

Неоценимую помощь в перипетиях моей судьбы, в моем духовном становлении и социальной карьере сыграл мой родственник и мой друг Николай Михайлович Кисеев.

Талантливый и щедро одаренный природой человек, сделавший головокружительную карьеру от самого известного в Чадыр-Лунге злостного хулигана, исключенного из средней школы, до следователя, судьи и секретаря райкома партии в родном городе и далее до авторитетного судьи, члена Конституционного суда Республики Молдова. Сегодня он, пенсионер, востребованный преподаватель Комратского университета, автор огромного не только по весу, но и по общественной и научной значимости фолианта – учебника «Уголовное право», пользуется любовью студентов и поклонников своего таланта.

Не могу без волнения вспоминать наши с ним приключения во время упоительных поездок «за бугор», на его трехколесном мотоцикле, когда на закате солнца кромка неба окрашивалась цветом спелой вишни. Мы ездили в соседнее село для ознакомления с местной интеллигенцией с целью вовлечения ее в художественную самодеятельность в районном доме культуры и творчества.

Однажды под утро, когда мы вернулись из соседнего села Гайдары, мы решили зайти к нашему общему другу – Михаилу Константиновичу Пашалы, чтобы сделать отчет о проделанной работе. Однако, спросонья, услышав стук в окно, хозяин тут же пригрозил спустить собаку с цепи. Но потом оделся, и мы вместе пошли ко мне домой. Увидев нас, мама начала накрывать стол. Она очень гордилась моей дружбой с такими влиятельными и известными людьми в Чадыр-Лунге.

Третьим в моей гагаузской «четверке» друзей стал Георгий Дмитриевич Табунщик, уроженец села Копчак. Когда впервые избрали его секретарем Комратского Райкома партии, я отправил ему из Москвы телеграмму: «Поздравляю с серединой пути Копчак – Чадыр-Лунга –Комрат – Москва», намекая и вместе с тем выражая пожелание, чтобы он вырос от руководителя районного до начальника общесоюзного масштаба. Я с благодарностью вспоминаю встречу, организованную им в Гагаузии для членов Оргкомитета во главе с академиком Ю.В.Бромлеем по проведению конференции «Национальное и интернациональное в современном мире», материалы которой были изданы в Кишиневе в 1981 году.

Мне, тогда Ученому Секретарю Научного совета по национальным проблемам при Президиуме АН СССР, не обремененному финансовыми возможностями, очень хотелось пригласить к себе на родину к гагаузам членов бюро этого влиятельного Совета, участников кишиневской конференции, виднейших специалистов, определяющих погоду в сфере национальных отношений. Академик Ю.В.Бромлей согласился ехать ко мне на родину при условии, что к обеду мы вернемся в Кишинев. Однако, оказавшись пленниками в подземном дворце под яблоневым садом села Бешалма, где наряду с обычным банкетным залом были биллиардная, сауна, бассейн и другие комфортные условия, наша делегация вернулась в Кишинев ближе к полуночи. Эта поездка к гагаузам, как оказалось позднее, когда решался вопрос о предоставлении автономии, сыграла свою роль, подобно выстрелу ружья, выставленному на сцене театра в начале спектакля.

Конечно, так распорядилась судьба, что я, разумеется, люблю свою вторую и третью малые родины – соответственно – Каргаполье и Москву. Однако на старости лет меня все сильнее и сильнее тянет в Гагаузию, как исконную первую малую родину. Притягательную роль при этом играют не только «запахи спелой айвы», как сказал бы о своей родине классик молдавской литературы, не только фрукты цвета спелой вишни, но и мои дружеские отношения с великим сыном великого отца – с Петром Михайловичем Пашалы, экс-спикером Народного Собрания Гагаузии, руководителем авторского коллектива по разработке Уложения (Конституции) автономного территориального образования Гагаузии («Гагауз Ери»), директором Торгово-промышленной палаты, автором многочисленных публикаций, авторитетным общественным деятелем. Трудно удержаться, чтобы не выразить слова благодарности за его поддержку и непосредственное участие в ряде крупномасштабных этносоциологических исследований, в инициировании и организации нескольких, в том числе международных, научных и научно-практических конференций и симпозиумов.

Мне хочется, в заключение, выразить надежду, что адресованные мной здесь благодарности «четверкам» моих друзей – школьной, студенческой и «гагаузской», найдет добрый отклик среди тех читателей, кто понимает толк в радости человеческих отношений и не равнодушен к своему народу, давшему миру замечательных и интересных людей, каковыми были мои друзья, учителя, профессора и коллеги по работе.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Губогло Михаил Николаевич (1966-2008 гг.)

№ п/п	Наименование труда	Название издательства, журнала	Год издания, номер журнала	Кол-во печ. листов	Примечание (указание соавторов)
		1966			
1.	К вопросу о происхождении каракачан (краткий обзор работ о каракачанах	Сов.этнография	1966, № 4	1.0	
		1967			
2.	Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы)	Сов.этнография	1967, № 3	1.0	
3.	К вопросу о периодизации этнической истории гагаузов	В сб.: "Этническая история и современное национальное развитие народов мира".	М., 1967	0.1	
4.	О происхождении гагаузов Ку привире ла орижиня ГЭГЭ-УЗИЛОР	Коммунист Молдавии Коммунистул Молдовей	1967, № 2 1967, №2	0.7	
5.	Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова	Изд-во МГУ. Рукопись авторефератов диссертации	1967	1.0	
		1968			
6.	Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов	В сб.: "Археология, этнография и искусствоведение Молдавии".	Кишинев, 1968	1.0	

7.	Путь социологии села в Югославии	В кн.: "Социология изучения села:культура, быт, расселение" (Материалы к Всес.симп. по проблемам села в Краснодаре)	М., 1968	1.0	
		1969			
8.	О влиянии расселения на языковые процессы	Советская Этнография	1969, № 5	1.0	
9.	Опросный лист для изучения этнолингвистических процессов в Молдавии		М.- Кишинев, 1969	1.7	
10.	Гагаузы	Наука и жизнь	1969, № 10	0.7	
		1970			
11.	Гагаузская терминология по скотоводству	В кн.: "Тюркская лексикология и лексикография.	М., 1970	1.5	
12.	Этносоциальные аспекты языковых контактов	Доклад на VII МСК в Варне	М., 1970	0.7	
13.	Взаимодействие языков и межнациональные отношения в советском обществе	История, СССР	1970, № 6	1.2	
14.	Урбанизация села в СССР и некоторые проблемы социального управления	Доклад на VII МСК в Варне	М., 1970	0.7	(в соавторстве с Ю.В. Арутюняном)
15.	"Вопросник" для изучения уровня владения вторым языком		М., 1970	1.0	
16.	Ленинская национальная политика и проблема языка межнационаьного общения у народов Поволжья	В кн.: "Тезисы докладов и сообщений "Торжество ленинской национальной политики"	Чебоксары, 1970	0.1	

		1971			
17.	Раздел "Югославия"	В кн.: "Социология села. Библиография"	Киев, 1971	2.6	
18.	Элементы этнической идентификации в оценках экспертов	В кн.: "Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археолог. и этногр. исследов. 1970 г.	Тбилиси, 1971	0.2	
19.	Буджак, Буджак-степь и гагаузы	"Кодры"	1971, № 1	1.0	
20.	Опыт предварительной типологии этнических сред для экспериментального исследования этнолингвистических процессов	В кн.: "Итоги полевых работ Института Этнографии в 1971 г.	М., Наука, 1971	0.4	
21.	Гагаузы	Молдавская Советская Энциклопедия.	1971	0.8	в соавторстве (на молдавском языке)
22.	Организация опроса в этносоциологическом исследовании	В кн.: "Итоги полевых работ Института Этнографии в 1971 г.	М., Наука, 1971	0.2	В соавторстве с В.Н. Шамшуровым
		1972			
23.	Социально-этнические последствия двуязычия	Советская Этнография	1972, № 2	1.2	переведена в США на англ.яз.
24.	Этнолингвистические процессы на юге Молдавии	В кн.: "Этнография и искусство Молдавии".	Кишинев, Штиинца, 1972	1.0	
25.	Развитие многонациональной советской печати	История СССР	1972, № 6	1.4	
26.	Ленинская национальная политика и проблемы языка межнационального общения (из опыта изучения языковой жизни народов Поволжья)	В кн.: "Торжество ленинской национальной политики".	Чебоксары, 1972	1.2	

		1973			
27.	Этнолингвистические контакты и двуязычие	В кн.: "Социальное и национальное (опыт этносоц. исслед. по материалам Татарской АССР).	М., Наука, 1973	3.0	
28.	Языковые контакты и элементы этнической идентификации	Доклад на IX МКАЭН в Чикаго	М., 1973	0.75	переведен на англ. яз.
29.	Этническое сознание в условиях двуязычия	В кн.: "Мышление и общение. Материалы Всесоюзного Симпозиума".	Алма-Ата, 1973	0.1	
30.	Этнокультурные контакты многонационального населения МССР (опросный лист)		Кишинев, 1973	3.2	в соавторстве с Ю.В. Арутюняном и др.
31.	Гагаузская антропонимия как этногенетический источник	Советская тюркология.	Баку, 1973, № 2	1.0	
32.	Некоторые вопросы методики при социологическом анализе функционального развития языков (о социолингвистических исследованиях в Сибири)	Советская этнография.	1973, № 2	1.0	
33.	Союз народов – братство культур	Коммунист Молдавии.	1973, № 9.	1.0	В соавторстве с В.С. Зеленчуком и Р.В. Даниленко
34.	Язык в коммуникациях многонационального общества	В кн.: "Всесоюзное археологическое, этнографическое совещание по итогам полевых исследований. Тезисы докладов и сообщений по этнографии"	Ташкент, Фан, 1973	0.1	

		1974			
35.	Вопросы методики исследования этнолингвистических процессов	В кн.: "Доклады советских социолингвистов на YIII Всемирном социологическом конгрессе".	М., 1974	1.0	
36.	Этнодемографические и этнолингвистические процессы в СССР	Доклад на YIII Всемирном социологическом конгрессе в Торонто.	1974.	1.0	В соавторстве с С.И.Бруком на англ. яз
37.	Опыт выделения типов этнических сред и построения выборки в этносоциологическом исследовании (по материалам МССР)	Известия АН МССР, серия общест. наук.	Кишинев, 1974, № 1	1.0	В соавторстве с В.С. Зеленчуком и В.С. Кондратьевым
38.	Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе на современном этапе	История СССР.	1974, № 4	1.5	В соавторстве с С.И.Бруком
		1975			
39.	Этнолингвистические процессы	В кн.: "Современные этнические процессы в СССР". 1-е изд.	1975	3.5	
40.	Интегрирующая функция языка	В кн.:"Социолингвистические проблемы в развивающихся странах".	М., Наука, 1975		
41.	Этноязыковые процессы	В кн.: "Современные этнические процессы в СССР", 2-е изд.,	1977.	3.5	Переведена на англ., франц. языки
42.	Двуязычие и сближение наций в СССР	В кн.: "Тезисы докладов Всесоюзной конференции, посвященной этнографическому изучению современности"	М.-Нальчик, 1975	0.1	

		1976			
43.	Опросный лист (для изучения этнолингвистических процессов среди корейского населения)		М., 1976	2.0	В соавторстве с И.Г.Югаем
44.	Знание и употребление второго языка при двуязычии (по материалам этносоциологических экспедиций)	В кн.: "Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974-1975"	Душанбе, Дониш, 1976	0.1	
		1977			
45.	О роли языковой компетенции и речевой деятельности в освоении культуры (по материалам Молдавской ССР)	В кн.: "Полевые исследования Института этнографии. 1975"	М., Наука, 1977	0.6	
46.	Национальное и интернациональное. К итогам Всесоюзной научной конференции в Таллинне	Известия АН Эстонской ССР	1977, №4	1.0	В соавторстве с В.А. Маамяги, на эстонском языке
47.	Национальная политика КПСС: никаких привилегий никакому языку	Советская панорама.	М., 1977, № 118	0.2	Переведена на иностр. языки
48.	Социально-культурное развитие гагаузов. (Программа исследования и некоторые вопросы методики)	Известия АН МССР. Серия общест. наук.	Кишинев, 1977, № 5	1.0	
49.	К изучению двуязычия в истории народов мира	Советская этнография	1977 № 5	1.1	

		1978			
50.	К изучению двуязычия в культурно-историческом аспекте	В кн.: "Национальный язык и национальная культура".	М., Наука, 1978	1.5	
51.	К изучению перспектив развития двуязычия у народов СССР	История СССР	1978, № 1	1.5	
52.	Интернациональный характер языковой политики КПСС и Советского государства	В кн.: "Братское сотрудничество народов Советского Союза – интернационализм в действии"	М., Наука, 1978	1.0	
53.	Тенденции развития национально-русского двуязычия (по матер. УзбССР)	В кн.: "Полевые исследования Ин-та этнографии 1976 г."	М., Наука, 1978	0.8	
54.	Типология этнических сред при этносоциологическом изучении языковых процессов (на примере Молдавской ССР)	В кн.: "Проблемы типологии в этнографии".	М., Наука 1978	1.0	
55.	Современные этноязыковые процессы (опыт, уроки и задачи этносоциологического изучения)	В кн.: "Расы и народы".	М., Наука, 1978	1.5	Переведена на вьетнамский язык
56.	Вопросы прогнозирования двуязычия у народов СССР	В кн.: "Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1976-1977"	Ереван, изд-во АН АрмССР, 1978	0.1	
		1979			
57.	Развитие двуязычия в Молдавской ССР	Монография	Кишинев. Штиинца. 1979	10.7	
58.	Историографические проблемы двуязычия	В кн.: "Основные направления изучения национальных отношений в СССР"	М., Наука, 1979	2.5	

59.	Предисловие	Там же		0.3	
60.	Актуальные проблемы национальных отношений в свете Новой Конституции СССР	Общественные науки	1979. № 5	0.4	
61.	Национальное и интернациональное в советском образе жизни		Кишинев. Штиинца. 1979	3.5	В соавторстве с В.С. Зеленчуком
62.	Язык единства и единство языков.	В кн.: Актуальные проблемы национальных отношений в свете новой Конституции СССР.	М., Наука, 1979	1.0	
		1980			
63.	Единство национального в социально-культурном развитии народов СССР	Геожурнал. Перепись населения СССР, 1979.	Висбаден. 1980, № 1.	1.0	Издано в ФРГ на англ.яз.
64.	Двуязычие и процессы культурной интеграции	В кн.: "Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур.	М., Наука, 1980	1.1	
65.	Двуязычие в советском образе жизни	В кн.: "Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по матер. Молдавской ССР)"	1980	2.0	
66.	Изучение двуязычия в СССР	Общественные науки.	1980, № 4	1.0	
67.	Советский образ жизни и тенденции интернационализации	Коммунист Молдавии	1980, №6	0.7	
68.	Современные этноязыковые процессы	Журнал Ин-та этнографии КОН	1980, № 3. СРВ, Зан Ток. Ханой	1.0	На вьетнамском языке
		1981			
69.	Национальное и интернациональное в языковой жизни народов	В кн.: "Национальное и интернациональное в современном мире.	Кишинев. Штиинца. 1981	1.0	В соавторстве с Ю.Д. Дешериевым и Н.Г. Корлэтяну

70.	Развитие языковой жизни советского общества в свете Конституции СССР	В кн.: "Актуальные проблемы национальных отношений в свете Конституции СССР	М., Наука, 1981	1.4	
71.	Сближение наций в СССР и основные тенденции развития двуязычия	В кн.: "Этнокультурные процессы и национальные проблемы в современном мире".	М., Прогресс, 1981	0.3	В соавторстве с С.И.Бруком на англ.языке
72.	Совершенствование бытовой сферы советского образа жизни	Коммунист Молдавии	1981, № 6	0.6	
73.	Развитие языковой жизни советского общества в свете Конституции СССР	В кн.: "Актуальные проблемы национальных отношений в свете Новой Конституции СССР"	М., Наука, 1981	1.1	
74.	Предисловие	Там же		0.4	
75.	Двуязычие как фактор советского образа жизни	В кн.: "Социально-лингвистический аспект советского социалистического образа жизни. (Тезисы докл. и выступлений на Всесоюзной научно-теор. конф. "Интернациональное в образе жизни советского народа")	М., Наука, 1981	0.1	
		1982			
76.	К изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы в свете современных задач балканистики	В кн.: "Исторические и историко-культурные процессы на Балканах".	М., Наука, 1982	0.8	
77.	Общее и особенное в развитии языковой жизни советского общества	В кн.: "Социальные аспекты истории советского народа – как новой социально-интернациональной общности людей".	1982	0.8	

78.	Развитие национального и интернационального в советском образе жизни	В кн.: "Развитие национальных отношений в свете решений XXYI съезда КПСС".	М., Наука, 1982	1.5	
79.	Изучение национальных отношений в свете новейшей историографии	Там же		1.4	
80.	Предисловие	Там же		0.5	
81.	Великий русский язык – язык межнационального общения, язык дружбы и братства народов	Коммунист Молдавии	1982, № 11	1.0	
82.	Национально-языковая политика и развитие двуязычия в СССР	В кн.: "XI МКАЭН Ванкувер-Квебек, август 1983. Доклады по этнографии и антропологии участников конгресса". ч.1.		0.5	На англ.языке
83.	Этносоциологическое изучение национальных меньшинств СРВ	В кн.: "Всесоюзная сессия, по итогам полевых этнографических исследований 1980-1982, посвящ. 60-летию образования СССР. Октябрь, 1982. Тезисы докладов"	Нальчик, 1982	0.2	В соавторстве
		1983			
84.	Основные направления этнографических исследований в СРВ.	Сов.этнография	1983, № 3	1.5	В соавторстве с Бе Вьет Дангом
85.	Укрепление единства национального и интернационального в образе жизни советского народа	История СССР	1983, № 6	1.8	

86.	Социально-культурные аспекты развития двуязычия в СССР	В кн.: "Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития. Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной конференции"	Новосибирск, 1983	0.2	
		1984			
87.	Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия	Монография	М., Наука 1984	22.3	Рец.: В. Увачан. Язык братства и братство языков // Советская культура, 1984, 6.10.1984; Коммунист Узбекистана. 1985. №7. С.91-93.
88.	Ленинская национально-языковая политика – интернационализм в действии	Сов.этнография	1984, № 1	1.0	
89.	О роли национально-русского двуязычия в формировании духовного облика советского человека	В кн.: "Актуальные проблемы национального и интернационального в духовном мире советского человека".	Баку, вып.1,1984	1.0	
90.	Предисловие	Там же.		0.5	В соавторстве
		1985			
91.	Предисловие. "Расскажи, караван, расскажи..."	К роману Д.Танасоглу "Узун Керван"	Кишинев, 1985.	0.8	Предисловие на русском яз., роман – на гагаузском
92.	Этнические группы в иноэтнической среде	Доклад на XYI Междунар. конгрессе историч.наук	М., 1985	1.5	

93.	На двуединой основе: совершенствование языковой модели периода развитого социализма	Советская Эстония	1985 26 – II	0.8	
94.	Тенденции и закономерности развития национально-вьетнамского двуязычия в СРВ	Социологические исследования	№ 4	1.0	
95.	Предисловие	В кн.: "Актуальные проблемы национального и интернационального в духовном мире советского человека".	Баку, вып. IV, 1985	0.5	В соавторстве с Л.М. Дробижевой
		1986			
96.	Двуязычие у национальных меньшинств Вьетнама: факторы распространения	Сов.этнография	1986, № 1	1.0	
97.	Историография развития национальных отношений в Молдавской ССР	В кн.: "Национальные отношения в СССР в трудах ученых союзных республик"	М., Наука, 1986	1.5	
98.	Предисловие	Там же		0.5	
99.	Двуязычие: направление и результаты развития	В кн.: "Социально-культурный облик советских наций. По материалам этносоциологических исследований".	М., Наука, 1986	3.0	
100.		В кн.: Language and Education in Multilingual Settings	London, 1986, p.23-31	0.4	
101.	Факторы развития билингвизма в развитом социалистическом обществе	В кн.: "Язык и образование в многонациональных обществах"	Лондон, 1986	0.4	на англ.языке

102.	Политические аспекты этнографических исследований	Коммунист Молдавии	1986, № 7	0.5	В соавторстве с Ю.В.Бромлеем
103.	Языки и коммуникация в советском обществе	Многоязычие: межличностные и межгрупповые аспекты коммуникации в многонациональных обществах	М.,1986	0.5	(на англ.яз.)
104.	Национально-языковая политика в Советском Союзе в современных условиях	Там же		0.5	на англ.яз.
		1987			
105.	Факторы и тенденции развития двуязычия русского населения, проживающего в союзных республиках	История СССР	1987, № 2	1.5	
106.	Воплощение в жизнь ленинских принципов языковой политики КПСС на современном этапе	В кн.: "Ленинизм и проблемы этнографии".	Л., 1987	1.3	переведена на чешский язык
107.	Этноязыковые аспекты антикоммунистических фальсификаций национальных отношений в СССР	В кн.: "Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма".	Киев, 1987	1.0	
108.	Особенности распространения двуязычия и многоязычия в этноконтактной зоне	Там же		1.0	В соавторстве
109.	Интернациональное воспитание: достижения и актуальные проблемы	Коммунист Молдавии	1987, № II	1.0	

110.	Предисловие к книге	"Совершенствование национальных отношений в СССР в свете решений XXYII съезда КПСС".	М., 1987	0.5	
111.	Национально-русское двуязычие как фактор динамизма национальных культур и укрепления интернациональной сплоченности советского народа	Там же		1.0	
112.	Заключение	Там же		1.0	
113.	Предисловие к книге	"Вопросы совершенствования национальных отношений в СССР".	Ташкент, 1987	0.9	
114.	Интернациональное воспитание – составная часть обновления и развития	В кн.: "Вопросы совершенствования национальных отношений в СССР".	Ташкент, 1987	1.0	
115.	О разработке проблем национальных (этносоциальных) процессов. Вместо заключения	Там же		1.5	В соавторстве
116.	Билингвизм на различных этапах жизненного цикла	В кн.: "Доклады советской делегации к III междунар. конгрессу фольклористов"	Цюрих, 1987	0.4	На англ. яз.
117.	О взаимосвязи теоретических и прикладных исследований бытовой сферы советского социалистического образа жизни	В кн.: "Этнокультурные традиции и совершенствование социалистического образа жизни"	Вильнюс, 1987	0.2	
118.	О разработке научной основы вопросов интернационального воспитания	В кн.: Актуальные проблемы формирования интернационалистической зрелости учащейся молодежи"	Рига, 1987	0.1	
		1988			
119.	Актуальные задачи разработки национальной проблематики	Коммунист Молдавии	1988, № 5	0.4	

120.	Концептуальные глоссарии: цели и принципы создания		М., 1988	11.2	В соавторстве
121.	Как два крыла в полете	а) Правда, б) перепечатано: в газете Советская Молдавия, в) в кн.: "Перестройка и межнациональ-ные отношения", г) в кн.: "СССР – наш общий дом".	1988, 25.08 27.08.88 Минск, 1989 М., 1989	0.6	
122.	Перестройка в науках, изучающих национальную проблематику	Общественные науки	1988, № 6	0.5	
123.	Ключ к сердцу народа	Советская Литва	08.04.88	0.1	
124.	Неподнятая целина	Газета "Червоны штандер"	14.06.88.	0.5	на польском яз.
125.	Первый русскоязычный глоссарий об этносе и этнических процессах	В кн.: "Терминология и знание"	Франкфурт на Майне, 1988	0.2	В соавторстве на немецком языке
126.	Русскоязычный и немецкоязычный глоссарии по этническим процессам: сходства и различия	Там же		0.2	
127.	Двуязычие в иноэтническом окружении (на примере СССР)	Доклад на международном конгрессе этнологов и этнографов в Загребе	1988	0.4	На агл. яз.
		1989			
128.	Понятийно-терминологическое обеспечение исследований бытовой сферы советского народа	В кн.: "Этнокультурные традиции и современность".	Вильнюс. 1989	1.0	
129.	Национальные группы и меньшинства в системе национальных отношений в СССР	Сов.этнография	1989, № 1	1.1	

130.	Национальные процессы в обществе и их отражение в прессе	В кн.: "Роль средств массовой информации в совершенствовании межнациональных отношений".	М., ч.1, 1989	1.0	
131.	Научно-исследовательский проект: "Современные национальные движения в СССР"	В кн.: "Академическая программа "Человек, наука, общество".	Программа 1. Вып. 4., М., 1989	0.1	
132.	В поисках новых форм взаимодействия науки и практики	В кн.: "Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР".	М., 1989	0.5	
133.	О создании Всесоюзного Центра научно-прикладных исследований национальных процессов	Там же		0.5	
134.	Экспресс-опрос специалистов по национальной проблематике (анкета)	Там же		0.1	
135.	Современные межнациональные отношения в СССР в работе Первого съезда народных депутатов СССР	Анкета.	1989	1.0	в соавторстве
136.	Язык – дух и гордость нации. О чем говорят материалы переписи 1989 года	Союз.	№48, 1989	0.6	
137.	Национальные группы в СССР	Коммунист	1989, № 10	0.5	
138.	Язык, право, перестройка	Советская Молдавия	1989. 24 мая	0.8	

139.	Национальные группы в СССР и обеспечение их прав	В кн.: "Через перестройку к новому облику социализма: теоретические и методологические проблемы общественных наук. По материалам Всесоюзной научно-практической конференции".	М., 1989	1.0	
140.	Общее и особенное в этнической функции родного языка	В кн: "Советская антропология и археология. Журнал переводов".	1989	1.2	
		1990			
141.	Проект – платформа – реальность (о некоторых вопросах национальной политики КПСС в современных условиях)	Коммунист Молдавии	1990, № 4	0.8	
142.	Национальные движения – развивающийся процесс	В кн.: "Гражданские движения в Латвии".	М., 1990	0.8	
143.	Платформа КПСС и реальность	Общественные науки	1990, № 2	0.3	
144.	Корни. Кто мы, откуда мы, зачем мы?	Союз	1990, № 1	0.8	
141-259.	Абазины. Абхазы. Аварцы. Агулы....		Серия статей в газете "Союз"- 242.1990, №№ 1-52; 1991, №№ 1-52; "Жизнь" – 1992, №№ 1-13	18.3	В соавторстве с Ю.Б. Симченко
260.	Demography & Language in the Capitals of the Union Republics	Journal of Soviet nationalities, vol 1	№ 4 1990	2.0	
261.	От корней до кроны. Задачи изучения этнополитических ситуаций	В кн.: "Гражданские движения в Таджикистане"	1990	0.6	

262.	Что такое этнополитология.	Союз	1990, № 26	0.4	
263.	Язык – душа и гордость нации	Союз	1990, № 48	0.5	
265.	Экспертное заключение по вопросу о создании национальной государственности гагаузов в СССР	Знамя. 1990. 7 июля	1990	0.2	В соавторстве
		1991			
266.	Предисловие	В кн.: "Гражданские движения в Белоруссии"	1991	0.2	
267.	Предисловие	В кн.: "Гражданские движения в Кыргызстане"	1991	0.1	в соавторстве
268.	Предисловие. Русский фактор	В кн.: "Русское дело сегодня" т.1	"Память", 1991	0.5	
269.	Предисловие к книге "Национальные процессы в СССР"	В кн. "Национальные процессы в СССР".	М., 1991	0.1	
270.	Предпосылки изучения современной этнополитической ситуации в СССР	Там же		1.8	
		1992			
271.	Вопросы двуязычия русских	В кн.: "Русские. Этносоциологические очерки".	М., 1992	1.6	
272.	Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик (по материалам переписей населения СССР)	Межнациональные отношения в современном мире.	Серия А, 1992, № 32	2.0	

278.	Изменения в национальном составе автономных республик Российской Федерации в 1959-1989. К изучению демографической основы современных этнополитических процессов	Там же		2.5	
279.	Вместо заключения	Там же		0.1	
280.	От составителя	В кн.: "Этнополитическая мозаика Башкортостана", т.2	1992	1.2	
281.	Происхождение народов. Кто мы? Откуда мы? Какие мы?	Этнополитический вестник России	1992, № 1	0.2	
282.	Этностатистические портреты. Народы в таблицах, или таблицы о народах	Там же		0.1	
		1993			
283.	От составителя	В кн.:"Этнополитическая мозаика Башкортостана", том 3	1993	1.0	
284.	Вместо заключения	Там же		0.7	
285.	Открывая политическую историю Литвы конца XX века	В кн.: "Гражданские движения в Литве", т.1	1993	0.8	
286.	Вопросник по исследовательскому проекту "Язык, национальность и бывший Советский Союз"; Башкортостан – 2		1993	1.5	В соавторстве
287.	Вопросник по исследовательскому проекту "Язык, национальность и бывший Советский Союз"; Татарстан – 3		1993	1.5	В соавторстве

288.	Вопросник по исследовательскому проекту "Предвыборная ситуация в России"		1993	1.5	В соавторстве
289.	Вместо предисловия. К изучению относительно стабильных этнополитических ситуаций (О межнациональных отношениях в Дагестане)	В кн.: Дагестан: этнополитический портрет, том 1	М., 1993	0.4	
290.	Вместо предисловия. Реабилитация репрессированных народов. Надежды. Реальность. Иллюзия.	В кн.: Конференция репрессированных народов Российской Федерации 1990-1992. Документы и материалы.	М., 1993	0.9	
291.	Этнополитические портреты репрессированных народов	Там же		1.9	
292.	От редактора. Мордва в Мордовии и в финноугорской семье народов	В кн.: Общественные движения в Мордовии	М., 1993	0.1	
293.	Переломные годы. Том 1. Мобилизованный лингвицизм		М., 1993	24.6	
294.	Вместо предисловия. Дезинтеграционные и реинтеграционные функции государственных языков	В кн.: Переломные годы, том 2	**М., 1994**	0.5	
		1994			
295.	От редактора. Национальное возрождение и межнациональное сотрудничество – гарант стабильности этнополитической ситуации в Коми Республике	В кн.: Штрихи этнополитического развития Коми Республики том 1	М., 1994	0.5	

296.	Вводное слово	В кн.: Язык и национализм в постсоветских республиках	М., 1994	0.1	
297.	Башкортостан. Штрихи к этнополитическому портрету	Там же		4.0	
298.	Sprachengesetzgebubg und Sprachenpolitik in der UdSSR und in den Nashfolgestaaten der UdSSR seit 1989	Koln	1994, № 6	2.4	
299.	Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк 1. Плоды суверенизации.	Исследования по прикладной и неотложной этнологии.	1994, №78	2.0	
300.	Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк 2. Ростки демократизации.	Исследования по прикладной и неотложной этнологии.	1994, №78	2.0	
301.	Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк 3. Урожай дезинтеграции.	Исследования по прикладной и неотложной этнологии.	1994, №79	2.0	
302.	Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк 4. Всходы реинтеграции.	Исследования по прикладной и неотложной этнологии.	1994, №80	2.1	
		1995			
303.	Этнополитическая ситуация в Казахстане в представлениях граждан	В кн.: Казахстан: реалии и перспективы независимого развития	М., 1995	7.0	

304.	От редактора. К изучению многообразия форм национально-культурных автономий и объединений	В кн.: Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. Антология. Т 1.		0.4	
305.	От составителя. К расширению информационно-правовой основы отношений между государством и национальностями.	Там же		0.4	В соавторстве
306.	Вместо предисловия. Тактика и стратегия национальной автономизации и деавтономизации в постсоциалистической России.	Там же		3.0	
307.	От редактора. Национально-культурные автономии или/и национально-культурные объединения	В кн.: Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. Антология. Т 2	М., 1995	0.3	
308.	Национальное право и вопросы национально-культурных объединений в новейших Конституциях республик Российской Федерации (1993-1995 гг.)	Там же		2.5	
309.	От редактора.	В кн.: Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. Антология. Т 3	М., 1995	0.2	
310.	Вместо предисловия. Правовые основы формирования индивидуальной и групповой идентичности национальных меньшинств в постсоветском пространстве	Там же		1.8	

311.	Национальное право в конституциях республик России (1993-1995 гг.)	Этнополитический вестник	1995, №6	0.7	
312.	Язык, национальность и бывший Советский Союз (Результаты исследования в Казахстане)	Этнополитический вестник	1995, № 2	0.1	
313.	Защита и самозащита национальностей	Этнополитический вестник	1995, № 4	0.9	
314.	Три линии национальной политики в посткоммунистической России	Этнографическое обозрение	1995, № 5, № 6	1.3	
		1996			
315.	Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Том 1. Итоги.		М., 1996	25.7	
316.	Тревожный выбор России (Вместо предисловия)	В кн.: Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Т 3. Выборы – 95. Выпуск 1.		19.8	
317.	От редактора.	В кн.: Пробуждение финно-угорского Севера. Т.1. Национальные движения Марий Эл.		0.2	
318.	Вместо предисловия. Национальное возрождение – примирение прошлого с настоящим	В кн.: Амелин В.В., Торукало В.П. Оренбуржье в этнонациональном измерении. Т.2. Очерки. Документ. Материалы.	М., 1996	0.1	
319.	Государство, нация, этнос. Вместо послесловия	В кн.: Валентина Торукало. Нация: история и современность	М., 1996	0.3	

320.	The Disintegration and Synthesis of Identity in Post-Soviet Space and Time (The Case of Ukraine)	В: Peoples, Nations, Identities. The Russian-Ukrainen Encounter. The Harriman Review Volume 9, Numbers 1-2, Spring	1996	0.7	
321.	Межэтнический мир: организационно-правовые основы и реальность	В кн.: Межэтнический мир Прикамья, том 1	М., 1996	0.3	
322.	О проекте "Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве"	Вестник РГНФ	1996, № 1	0.5	
323.	Национально-культурная автономия как форма разгосударствленного самоопределения	В кн.: О национально-культурной автономии	Оренбург, 1996	0.3	
324.	От редактора	В кн.: Крымскотатарское национальное движение, том 3	М., 1996	0.2	
		1997			
325.	Деинфантилизация этничности	В кн.: Вестник АН Республики Башкортостан, том 2	1997, Т.2. № 4	0.5	
326.	Деинфантилизация этничности	В кн.: Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Резюме докладов и сообщений. Часть 1.	Уфа, 1997	0.5	
327.	Тающие ресурсы мобилизованной этничности.	В кн.: Известия Башкортостана.	1997. 1 июля.	0.9	
328.	К изучению ресурсов мобилизованной этничности. Вместо предисловия	В кн.: Ресурсы мобилизованной этничности	М., 1997	1.4	
329.	Болевые точки Башкортостана в представлениях его граждан	Там же		5.6	

330.	Представления о способах и механизмах преодоления межэтнических конфликтов	Там же		0.5	
331.	Многонациональный Одесский край. К изучению этнополитического опыта Украины на примере Одесской области	В кн.: Многонациональный Одесский край. Документы. Очерки. материалы. Том 1. Этнополитическая модернизация.	М., 1997	0.3	
332.	От редактора. К изучению этнических конфликтов в синхронном и диахронном планах	В кн.: В.В.Амелин. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности.	М., 1997	0.9	
333.	От редактора. Политические технологии в утверждении суверенитета	В кн.: Становление государственности Адыгеи. Т.1.. Очерки и документы этнополитической истории (1990-1995 гг.), том 1		1.4	
334.	От редактора. Язык в идеологии этнической мобилизации	В кн.: Г.П.Лежава. Между Грузией и Россией	М., 1997	1.3	
		1998			
335.	Языки этнической мобилизации.		М., 1998	59.5	Рец.: Ю.И. Семенов Этнополитология: трудный путь становления новой научной дисциплины // Отечественная история. 2001. №4.

336.	Формирование гендерной идентичности. Эмпирический опыт молодежи России	В кн.: Гендерные проблемы в этнографии	М., 1998	1.7	
337.	От редактора. По следам наказанных народов.	В кн.: Н.Ф.Бугай. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев России).	М., 1998	0.8	
338.	Деинфантилизация менталитета (Вместо предисловия)	В кн.: Т.М.Полякова Менталитет полиэтнического общества (опыт России)	М., 1998	0.9	
339.	Нужен механизм новой этнополитики.	В кн.: Патернализм и этническая мобилизации в развитии народов России (Модель Башкортостана)	М., 1998	0.2	
340.	Развитие народов России. Симбиоз патернализма и этнической мобилизации	В кн.: Патернализм и этническая мобилизация в развитии народов России.	М., 1998	0.9	В соавторстве с В.А. Тишковым
341.	Исламский мир и тюркский Восток в контексте актуальных проблем этнической идентичности.	В кн.: Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире	М., 1998	0.1	
342.	Демократизация России и суверенизация Татарстана	В кн.: Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Том 1. Суверенизация и движение к национально-культурной автономии.	М., 1998	0.3	
343.	Реальность в представлении граждан	В кн.: В.В. Амелин, Э.М. Виноградова. Оренбуржье в системе региональных интересов России.	М., 1998	0.4	

344.	От этнической мобилизации к гражданской войне. Трагический опыт Грузии. От редактора.	В кн.: Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос. Очерки. Документы.	М., 1998	0.8	
345.	Редеющие тени конфронтации. От редактора.	В кн.: Л.В.Остапенко, И.А. Субботина. Русские в Молдавии: миграция или адаптация?	М., 1998	0.8	
346.	На перекрестке этнической и молодежной политики. Вместо введения.	В кн.: Идентификация идентичности. Том 2. Этнический ракурс.	М., 1998	0.8	
347.	Этнология и современность. К тогам работы Второго конгресса этнографов и антропологов Росси (Уфа, 1-5 июня 1997 г.)	Этнографическое обозрение	1998, №3	1.0	
348.	Гагаузы	В кн.: Народы и религии мира. Энциклопедия.	М., 1998	0.1	
349.	Этничность, гражданственность, идентичность		М., 1998	3.2	
350.	Эрозия этнической мобилизации	В кн.:С.М.Червонная. Крымскотатарское национальное движение, Том 4	М., 1998	0.3	
351.	Формирование гражданской индентичности (Опыт молодежи России) См. перевод в США на англ. языке: The formation of Civil identity (The eperience of Russian Jouth)	Этнографическое обозрение Anthropology Archeology of Eurasia Deyound our Wildest dreams. Winter, 1999-2000, vol 38, №3, p. 38057	1998, №6	1.0	

		1999			
352.	О глобализации этнологии на рубеже тысячелетий	В кн.: Третий конгресс этнологов и антропологов России. Тезисы докладов.	М., 1999	1.0	
353.	Двуязычие: кооперация или конкуренция языков.	Там же.		0.1	
354.	Ассамблея народов России. Концептуальные размышления	Этнопанорама	1999. №1.	1.0	
355.	Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей	В кн.: Непризнанная республика Т.3. Документы общественно-политических объединений Приднестровья.	М., 1999	4.5	
356.	От редактора	кн.: Непризнанная республика. Т.5. Документы общественно-политических объединений	М., 1999	0.1	
357.	Формирование этнических представлений (опыт Башкортостана),	В кн.: Из критики этнической мобилизации (Республика Башкортостан). Т.1	М., 1999	4.6	в соавторстве
358.	От редактора	В кн.: Из хроники этнической мобилизации (Республика Башкортостан). Т.2.	М., 1999	0.2	
359.	О парадоксах этнической мобилизации	В кн.: С.М.Червонная. Тюркский мир в центре Северного Кавказа. Парадоксы этнической мобилизации	М., 1999	2.9	
360.	Этническая идентичность и мобилизация: элементы взаимодополняющей теории. Вместо предисловия	В кн.: Этническая мобилизация и межэтническая интеграция	М., 1999	1.0	

361.	Вопросы теории и практики этнической мобилизации (К истории национальных движений в России).	Там же.		2.6	
362.	Ассамблея народов России. Теория и практика.	Там же.		1.6	
363.	К изучению идентичностей. Вопросы теории.	Там же.		2.6	
364.	Результаты исследования по проекту: Национальные процессы, языковые отношения и идентичность.	Там же.		2.3	
365.	Формирование этнической ситуации. Т.1. Очерки по истории постсоветской Тувы		М., 1999	26.5	в соавторстве.
		2000			
366.	Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере межэтнических отношений		М., 2000	29.8	
367.	Принудительный лингвицизм. Социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920-1930-е годы		М., 2000	20.4	В соавторстве с Ф.Г. Сафиным
368.	От редактора	В кн.: Технологии этнической мобилизации. Из истории становления гагаузской государственности (1987-1993 гг.).	М., 2000	0.3	

369.	В лабиринтах этнической мобилизации	Отечественная история.	2000. № 3	2.0	Перевод на венгерский язык: www. hhrf. org/kissebb-segkutatas// kk_2000_03/cikk. php&id=310_11k
370.	Религиозность, этничность, государственность.	Этнопанорама	2000. №3.	0.8	
371.	Этничность, конфессиональность, гражданственность: ЭКГ России.	В: Россия в условиях трансформаций: историко-политический семинар	М., 2000 Вып. 5.	2.0	
372.	Толерантность, доверительность, солидарность – в идеологии и технологиях Ассамблеи народов России	В кн.: Ассамблея народов России. Дружба народов – единство России	Саратов, 2000	1.0	
		2001			
373.	Панорама этнической жизни Кабардино-Балкарии (в соавторстве).	В кн.: Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. Т.1.	М.-Нальчик, 2001	2.7	в соавторстве.
374.	Панорама этнической жизни Пермской области во второй половине первого постсоветского десятилетия	В кн.: Межэтнический мир Прикамья. Опыт деятельности администрации Пермской области. Т.3.	М., 2001	1.2	в соавторстве.
375.	Этничность и религиозность в сфере этногосударственных отношений Прикамья.	В кн.: Межэтнический мир Прикамья. Опыт деятельности администрации Пермской области. Т.4.	М., 2001	2.3	

376.	Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитических трансформаций на исходе XX века.		М., 2001	39.3	в соавторстве с С.К. Смирновой
377.	Законотворчество и законопослушание в сфере этногосударственных отношений.	В кн.: IV Конгресс этнологов и антропологов России. Нальчик. 20-23 сентября 2001 г.	М., 2001.	0.6	
378.	Этническая социолингвистика или социальная этнолингвистика	Там же.		0.4	
379.	Предмет и перспективы национальной политики	В: Марий Эл.	2001. 3 марта.	1.0	
380.	М.Н.Губогло. Язык, двуязычие и этническая мобилизация.	В кн.: Федерализм в России. Под ред. Рафаэля Хакимова. Казань, 2001 (на русском я англ. языках)			
		2002			
381.	К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России. Замысел, методология и инструментарий исследования.	Отечественная история	2002. №6	2.1	
382.	Диаспоральная доктрина России. Проект	В кн.: Г.А.Комарова. Русский Бостон.	М., 2002	4.1	в соавторстве.
383.	Постижение суверенности.	В кн.: Феномен Удмуртии. Т.2. Постижение суверенности: становление государственности Удмуртской Республики. Кн. 1. Сфера законодательной власти	М.-Ижевск, 2002	1.1	в соавторстве

384.	О формировании сферы этногосударственных отношений (в соавторстве).	В кн.: Феномен Удмуртии. Т.3. Идеология и технологии этнической мобилизации. Кн.1. Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии	М.-Ижевск. 2002	2.2	в соавторстве
385.	Толерантность сознания молодежи: состояние и особенности	В кн.: Толерантное сознание и формирование толерантных отношений. (Теория и практика).	Москва-Воронеж, 2002	3.7	
386.	Мобильность и мобилизация	В: Исследования по прикладной и неотложно этнологии	№150. 2002.	2.0	
387.	Кто отнял родной язык	Независимая газета.	2002. 2 июля.	0.6	
388.	Комрат – цитадель самоопределения гагаузов	В кн.: Город – контрапункт цивилизаций: европейское, азиатское и российское измерения. Опыт миллениума	М., 2002.	0.9	
389.	Толерантность представлений и представления о толерантности	Этнопанорама	2003. №3-4.	1.5	
390.	Республика Татарстан: Русский язык в трансформационных процессах. Русский язык в формировании межэтнической солидарности.		М., 2002	3.1	В соавторстве с С.К. Смирновой
391.	Республика Башкортостан: Русский язык в трансформационных процессах. Русский язык в формировании межэтнической солидарности.		М., 2002	3.8	В соавторстве с С.К. Смирновой

		2003			
392.	Национальные меньшинства Молдовы: генезис и типология идентичности	кн.: В лабиринтах самоопределения. Т.1. Этническая мобилизация национальных меньшинств	М., 2003	1.5	
393.	Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки.		М., 2003	63.3	Рец.: М. Шорников. Приручение пантеры// Исторический альманах Приднестровья. 2005. №5
394.	Русский язык и толерантность		М., 2003	25.0	
395.	Федерализм в представлениях молодежи России.	В кн.: Феномен Удмуртии. Т.5 Нациестроительство и межэтнические отношения	М.-Ижевск, 2003	0.3	
396.	Русский язык «без галстука» – социальный капитал толерантности и доверительности.	В кн.: V Конгресс этнологов и антропологов России	М., 2003.	0.4	
397.	Этническая социолингвистика. 1970-1980-е годы	В кн.: Академик Ю.В.Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы.	М., 2003	2.5	
398.	Электрокардиограмма этнополитических трансформаций: из опыта нациестроительства Удмуртии	В кн.: Этнос. – Культура. – Человек	Ижевск, 2003	0.5	в соавторстве.
		2004			
399.	Русский язык в этнополитической истории гагаузов (Вторая половина XX века).		М., 2004	27.0	

400.	Предвестник социальных перемен (О вкладе Ю.В.Арутюняна в развитие социологии села и этносоциологии).	В кн.: Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. Сборник в честь Юрия Вартановича Арутюняна	М., «Старый сад», 2004	0.5	
401.	Контуры этнической социолингвистики	Там же		2.3	
402.	Концептуально-понятийное переоснащение этнической проблематики в научных исследованиях и политической практике.	М., 2004		3.0	
403.	Драма собственника нашего времени.	Отечественная история	2004. №1.	2.2	
404.	Язык солидарности и солидарность языков.	Вопросы филологии.	2004. №2	1.0	
405.	Солидарность: о формировании общероссийской гражданской лояльности.	Ежегодник Института этнических меньшинств. Т.5	Кишинев, 2004	0.4	
		2005			
406.	Предисловие	В кн.: Русский язык в тюркославянских этнокультурных взаимодействиях (Этнологические очерки).	М., 2005	0.4	в соавторстве.
407.	Этноязыковая и этнодемографическая панорама тюркского мира России.	Там же.		2.5	
408.	Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире.	Там же.		2.4	

409.	Солидарность. О формировании гражданской лояльности. (О Концепции законопроекта).	Жизнь национальностей	2005. №3.	0.5	
410.	От редактора. Бегство от фрустрации.	В кн.: Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации. Этносоциологические очерки	М., 2005	0.4	
411.	Бегство от фрустрации	Этнопанорама	2005. №3-4.	1.0	
412.	Этнополитическое взросление. Полувековой опыт гагаузов. (1948-1998 гг.).	Вести Гагаузии	2005. 28 января.	0.8	
413.	Культ волка в евразийском пространстве. Эксклюзивы и универсалии в этногенезе гагаузов.	VI конгресс этнографов и антропологов России	Санкт-Петербург, 2005	0.1	
		2006			
414.	Этносоциология и этнополитология в орбите социологического знания	В журнале: Русин.	Кишинев, №5 (5), 2006	0.6	
415.	О солидарности в межэтнических отношениях	Первый Всемирный конгресс гагаузов.	Кишинев, 2006	0.3	На гагаузском и русском языках
416.	Концептуально-методическая ответственность в познании этнического фактора	В журнале: Русин	Кишинев, 2006, №4 (6)	1.3	
417.	Временные трудовые мигранты: созидание или разрушение?	В кн.: Гастарбайтерство: факторы выталкивания и притяжения.	М., 2006	1.8	В соавторстве

418.	Предисловие.	Там же.		0.4	
419.	Социально-экономическая и культурно-бытовая привлекательность Москвы: факторы притяжения гастарбайтерства	Там же.		1.1	
420.	Консолидация общества – вызов времени.	В: Жизнь национальностей	М., 2006	0.5	
421.	Национально-культурная автономия.	Государственная дума Российской Федерации 1993-2006. Энциклопедия в двух томах. Отв. ред. А.Н. Аринин, А.С. Косопкин. Том 2. 1993-2006.	М., 2006.	0.6	
422.	Предисловие.	В кн.: Курсом изменяющейся Молдовы.	М., 2006.	0.1	
423.	Тропой этносоциологии.	В кн.: Курсом изменяющейся Молдовы.	М., ИЭА РАН, 2006.	1.0	
424.	О религиозной (ли?) идентичности. Методологические заметки в связи с изучением ментальности гагаузов.	Там же.	М., 2006	1.2	
425.	Всемирный конгресс гагаузов как стратегия самовыражения	Там же. См. также «Вести Гагаузии»	2006, 24 октября	1.2	
426.	Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов.		М., Наука, 2006	31.5	
427.	Феномен Удмуртии. Том 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований.		Москва-Ижевск, 2006	45.0	В соавторстве с С.К. Смирновой

428.	Двуязычие как национальное достояние.	В кн.: Феномен Удмуртии. Т.9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований	Москва-Ижевск, 2006	4.6	
		2007			
429.	Наша Родина – русский язык	VII конгресс этнографов и антропологов России	Саранск, 9-14 июля 2007 г.	1.0	
430.	Нравственная ответственность субъектов адаптации	В: VII Конгресс этнографов и антропологов России.	Саранск, 9-14 июля 2007 г.	0.1	
431.	Этнополитические и социально-культурные условия формирования гражданской солидарности	В кн.: Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности	М., 2007.	2.6	
432.	Языки гастарбайтерства	В кн. Языковая политика в современном мире	С-Пб., Златоуст, 2007	0.7	
433.	Год русского языка: во имя сотрудничества и солидарности.	В.:Этнопанорама»	Оренбург, 2007, N2,3-4	1.1	
434.	Адаптации: от инфантилизма к мобилизму	В кн.: Курсом развивающейся Молдовы. Т.2. Материалы II-го российско-молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации».	М., 2007.	0.5	
435.	Апология труда	В кн.: Курсом развивающейся Молдовы. Т.2. Материалы П-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации».	М., 2007	2.8	

436.	Гагаузы и Гагаузия в контексте российско-молдавских отношений	В кн.: Курсом развивающейся Молдовы. Т.3. Материалы П-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации».	М., 2007.	1.0	
437.	Ответственность культуры и культура ответственности	В кн.: Курсом развивающейся Молдовы. Т.3. Материалы П-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации».	М., 2007	2.0	
438.	Молдаване и молдавизм. Устойчивость и динамизм этнической самобытности	В кн.: Курсом развивающейся Молдовы. Т.3. Материалы П-го российско-молдавскога «Трансформационные процессы в Республике Молдова», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». М., 2007		0.4	
439.	Гагаузы. (Культурно-антропологические истоки, динамика и итоги формирования евразийской идентичности. Проект концептуальной схемы тома "Гагаузы" для серии "народы и культуры")	В кн.: Курсом развивающейся Молдовы. Том 3.	М. 2007	0.3	
440.	Русский язык – национальное достояние народов России	Русский язык в странах СНГ и Балтии.	М., 2007.	0.8	

441.	Предисловие	И.А. Субботина. Гагаузы: Расселение. Миграция. Адаптация.	М., 2007.	0.4	
442.	Год русского языка – 2007: во имя сотрудничества и солидарности	В кн.: Русский вопрос: история и современность. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск, 1-2 ноября 2007 г.	Омск, 2007.	0.5	
443.	Рец. на: Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005, 383 с.	Чувашский гуманитарный вестник.	Чебоксары, 2007. №1	0.5	
444.	Этнические качели. Проблемы смещения этнической специфики с материальной в духовную сферу и обратно	Diversitatea expersșalor culturule ale Haditatuluə Traditional Materiale conferenței Internaționale. Chișinău. 2-4 august. 2007. p.275-283.	Chișinău. 2007	0/5	
		2008			
445.		См. также: Горизонты современно гуманитарного знания. К 80-летию академика Г.Г.Гамзатова. М., 2008	М., 2008. С.641-647	0.5	
446.	Энергия и инерция соционормативной культуры		М., 2008	9.4	

ИЗ ПЕРЕПИСКИ (1957-1997) С УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ ИСТОРИИ ПОСТОВАЛОВОЙ УЛЬЯНОЙ ИЛЛАРИОНОВНОЙ

Племена уходят в могилу,
Идут, проходят года,
И только любовь не вырвать
Из сердца никогда.
Александр Блок. Собрание сочинений. Том третий. М., 1960. С.383.

Летом 1957 года, через 8 лет «наказанного» времени, я навсегда распрощался С Каргапольским краем, ставшим моей второй Малой Родиной. Однако память о счастливых школьных временах, прожитых в кругу любимых учителей и друзей, навсегда остались незабываемыми страницами судьбы.

Сегодня она здесь, во мне, в этой книге: частично отражена в моей переписке с дорогим мне человеком – самой любимой учительницей истории – Ульяной Илларионовной Постоваловой.

Гимн Каргапольской средней школы

Здравствуй, школа!

1. Милые края, к вам вернулся я,
Сколько грозных, радостных минуло годин,
Что молчите вы, иль не рады вы?
К вам пришёл через полмира любящий ваш сын.

ПРИПЕВ
Родина моя! Сибирь! Миасс!
Сердцу здесь теплее, чем в Крыму.
Школа встретит нас вновь в вечерний час,
Вспомним дружною семьёю наш последний класс.

2. Школу не узнать, вырос юный сад,
А ведь этот сад и я помню, как садил,
Вот берёзок ряд шепчут у оград,
И мне кажется, приветом головы клонят.

3. Здравствуй, милый клён, помню, как влюблён,
Ждал её под ветвями я свидания час.
Где она теперь? Милый клён поверь:
Я тоскую днём и ночью без любимых глаз.

4. Вот учитель мой, бодрый и седой,
Выступит непрошенной тёплая слеза,
Сердцем и душой я навеки твой,
Сколько вспомнишь, сколько жизни ты отдал, родной.

5. Я к тебе пришёл, я тебя нашёл,
Сердце плещет радостью, счастия обвал.
Где б я ни бывал, я не забывал,
Всюду знанием учитель в памяти вставал.

6. Милые края, школьная семья,
Сколько силы, молодости взял я у тебя.
Школьные года, юности года,
Вспоминать я буду вечно, радуясь, любя!

Письмо 1. 02.01.1991 г.

Дорогая Ульяна Илларионовна!

Мне очень стыдно, что я до сих пор не ответил на Ваш вопрос, заданный в одном из Ваших писем, относительно происхождения моего родного народа. Должен Вам откровенно сказать, что мне в этой тайне многое неясно. Существует до 20 всевозможных предположений и гипотез. Однако ни одна из гипотез не получила сколько-нибудь убедительного подтверждения. Я написал на эту тему несколько статей, но пока не сумел вызвать сколько-нибудь оживленную дискуссию. Чем больше пишу, тем больше сомневаюсь. Дело в том, что изучение этого запутанного вопроса требует знания одновременно греческого языка для чтения византийских источников – по истории средневековых тюрок; знания китайского языка для познания истории древних тюрок, и, наконец, знания турецкого языка для чтения источников по истории Османской империи, огузов и сельджуков. Я не уверен, что в ближайшие времена появится полиглот, одновременно владеющий тремя этими языками и прояснит истинную историю моего народа.

Итак, прежде чем мне, ученику 10 «А» класса Каргапольской средней школы, решиться писать сочинение на заданную Вами тему: «Кто такие гагаузы?», позвольте еще раз повторить проникновенные некрасовские слова: «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колена» и обратиться с просьбой не судить меня строго за попытку своими словами рассказать об истории своего народа своими словами. Тем более, что здесь эта история мне видится, в том числе через призму истории моей семьи и моих предков. В письме я использовал материалы из моей ранней статьи, опубликованной в популярном журнале «Наука и жизнь», 1969, №10, и в молдавском журнале «Кодры», 1971, №1.

Сначала, как полагается, три справки из популярных энциклопедий.

Итак: В Энциклопедии Брокгауза и Эфрона в начале XX века было сказано коротко: «Гагаузы – отуреченные болгары. Их немало в Измаильском уезде Бессарабской губернии. Они православные, но в дни храмовых праздников совершают курбаны – род языческих жертвоприношений».

«Раньше полагали, что гагаузы – отуреченные болгары; в настоящее время думают (К.Иречек), что они скорее являются потомками куман или половцев. По мнению Мошкова, предками гагаузов скорее следует считать: узо-торков или черных клобуков. История застает гагаузов на западном берегу Черного моря; в Россию они переселились в 1750-1846 гг.». (Новый энциклопедический словарь. Под. Ред. К.Арсеньева. СПб, 1906. Т.12. С.320).

«Часть исследователей считает гагаузов отуреченными болгарами, сохранившими христианство, большинство – потомками средневековых тюрков (в частности, узов или торков), воспринявших элементы славянской (болгарской) культуры». (БСЭ. Том 5. М., 1971. С.624 (1860).

I. Постижение

Пути и нити, связывающие далеких предков и нынешних потомков, поистине труднообозримы. Перелистывая страницы истории народа, мы неизбежно попадаем на однажды и навсегда избранную и проторенную им дорогу.

У каждого народа впереди очень многое, но многое уже позади. И при встрече возникает желание проследить ход событий, постигнуть смысл пройденных дорог. Можно, например, вообразить себе путь от истоков к дням сегодняшним. Можно и наоборот, спускаться с вершины наших дней к корням бездонной старины. И чем больше испытал народ, чем больше выпало на его долю радостей и огорчений, боли и счастья, слез и любви, потерь и находок, тем богаче сама история, и тем интереснее следить за ней, а представителям этого народа – гордиться своей насыщенной историей.

Судьба народа, как и судьба каждого из нас – это в конечном итоге состоявшиеся пути-дороги, трудом и кровью

взятые подъемы и пороги. Дороги во времени и в пространстве, дороги в душе и дороги по земле.

Около 150 проживающих в Советском Союзе народов и национальных групп – это более 150 самобытных дорог на карте Родины и на сцене всемирной истории. Над описанием каждой из таких дорог неустанно трудится дружная семья исследователей, в том числе современников, живущих под единой крышей увлекательнейшей из наук – науки этнографии.

Итак, происхождение и пройденный путь, или словами профессионала-этнографа – этногенез и этапы этнической истории. Нет слов, тема эта поистине неисчерпаема и будет вдохновлять еще многие поколения неутомимых исследователей.

Выберем и мы в безбрежном мире дорог одну, ту – по которой проследовали предки гагаузов. И не обольщая себя тем, что мы увидим ее целиком, от края и до края, приглядимся хотя бы к ее отдельным отрезкам и поворотам.

II. Возвращение как возрождение

Над степью Добруджи догорают последние звезды. Навстречу Полярной звезде, прямо на север, медленно, но упорно движется караван. Надрывно поскрипывают старинные, груженые домашней кладью кочевые повозки с древним названием «араба» – четырехколесные телеги с решетчатыми боковыми стенами и высоким крытым кузовом. Порой от монотонного переката колес степная тишина наполняется гулкой тоской. Накрывшись домотканными одеялами, в неспокойном сне забылись женщины, старики и дети,

По бокам каравана, раскачиваясь в такт шагам, чутко дремлют на спинах лошадей крепкие и ловкие мужчины. Даже предрассветная мгла не может скрыть бронзы загорелых лиц. Грустная песня караван-баши (руководителя переселенцев) слышится то громче, то тише. Она снова и снова возвращает память к родным, покинутым местам. Журчит, переливаясь в небольших деревянных бочонках («батлак») вода. Шуршит по стенкам высушенной тыквы («сусак») крупная, голубого цвета соль.

Плывут, плывут в ночной степи редеющие тени каравана... За спиной остается истерзанная османским рабством балканская земля, а впереди – еще не освобожденные, но пустующие степи. Гагаузы возвращаются в Бессарабию, на места кочевий и становищ, покинутых их пращурами несколько веков тому назад.

Когда началась дорога на север – за Дунай, и далее к полынным степям Буджака? Откуда и кто первым двинулся тропой весенних табунов навстречу утренней звезде? Сейчас уже хорошо известна эта дорога гагаузов на свою прежнюю родину. Тут история раскрыла многие свои секреты. Но еще не дала полного ответа на вопрос о том, какую роль сыграли дороги в судьбе народа, и с кем пересеклись более ранние пути?

А между тем кончался XVIII век. Были уже на исходе его многочисленные пути-дороги. – Шло последнее десятилетие XVIII века – века, когда Европа с ее учеными и алхимиками, общественными деятелями и дипломатами в напудренных париках, дуэлями и маскарадами, великими открытиями и публичными казнями любила и писала письма, взволнованно говорила и возвышенно философствовала, богатела и нищала, а в конечном итоге подводила к величайшему рубежу – к революции 1789 г., положившей начало сильнейшим социально-экономическим потрясениям, изменившим облик континента и облик живущих на ней народов.

У истории оставалось в запасе совсем немного времени до того момента, когда русские казаки, проскакав по всей Европе, вступят в Париж, и до Бухарестского мира 1812 г. – мира, который окончательно принес свободу многострадальной Бессарабии под защитой российского оружия.

... Утром, после непродолжительного, но, как всегда, опасного переезда, группа повозок останавливается неподалеку от берега высохшей речушки. «Косые лучи солнца приветливо греют, но еще не палят. Зной еще не набрал свою беспощадную жгучую силу. Из прошлогодней сухой травы буйно прорастает загустевшая, свежая зелень. Весенний воздух до того чист и прозрачен, что, кажется, оглянись назад, и увидишь

(увы, быть может в последний раз) сквозь голубовато-розовую пелену громаду Старой Планины – горную цепь Балканского полуострова А впереди необъятная дикая степь, словно море, нагоняет одну на другую седые волны полыни и яркие гребни весенних трав. С каждым днем эта степь, как память, надрывно и сильно зовет и манит, ждет и тянет к себе. И хотя до Дуная, на левом берегу которого кончается опасная дорога и начинается опустевшая без ногайских татар Буджакская земля, осталось совсем немного, днем в ту сторону ехать очень опасно. Надо поворачивать обратно. Сделать вид, будто караван спешит на юг. Ночью быстро, быстро к Дунаю на север, днем – медленно, как будто от Дуная на юг.

Стараясь не оставлять заметных следов, люди повернули повозки и, немного отъехав назад, стали распрягать волов и лошадей. В любую минуту могли нагрянуть янычары. И не миновать беде, если они догадаются о том, что караван движется на север.

Пока мужчины возились с повозками, поили лошадей, коров и овец оставшейся с весны грязноватой водой, женщины принялись собирать нехитрый походный завтрак – «сабаа екмяя» – (утренний хлеб). Испеченные из пшеничной муки на углях костра «чёреки» давали только самым маленьким. Перед всеми остальными был «тепсидя малай» – желтоватый на вид хлеб из кукурузной муки, весьма тяжелый для желудка, но вкусный, привычный и сытный. Еще перед дальней дорогой, в родном селе, раскинувшемся неподалеку от Варны, его наготовили впрок, а теперь каждый раз поджаривали на сковородке, смазанной салом или маслом. Завтрак дополняла дорожная брынза («пиинир»). Обычно брынзу размешивали и в полужидком виде сохраняли в мехах («тулум»). Отправляющимся в многотрудный, дальний путь, следуя примеру своих же далеких предков-пастухов, брынзу кипятили, и, когда она желтела, делалась тягучей, ее отливали в формы. Получившийся «кашкавал», известный на Балканах, хорошо хранился и был незаменим в тяжелом и длинном странствии. По обычаю требовалось, чтобы завтракали сначала мужчины,

потом женщины, Но здесь, в дороге, принимались за еду все вместе. Дорога освобождала переселенцев от неволи социальной и неволи бытовой.

Устало прислонясь к повозке, красивая, рано поседевшая женщина, закрыв глаза, думала, сумеет ли она прокормить и вырастить на новой родине своих малолеток. Их было у нее четверо. В памяти который раз, снова и снова, мелькали картины страшной трагедии, когда ее муж Атанас Байгын, защищая от позора молодую жену и детей, встретил свой последний час. В ту ночь овдовели многие гагаузки и болгарки.

Было лето, была горячая пора жатвы, и все взрослые с раннего утра находились в поле.

Отряд вооруженных янычар ворвался в село как всегда неожиданно. Прихватив с собой несколько красивых женщин и совсем еще юных девочек, всадники исчезли за ближайшим холмом. Только одному из них «не повезло». Когда он попытался, свалив на пол, связать Иленку Байгын, так звали молодую гагаузку, оставшуюся в тот» роковой день дома, она, уже теряя дыхание, последним усилием, круто по-мужски, ударила его ниже живота, И пока он приходил в себя, успела скрыться у соседей.

Такого позора насильники не могли простить. На следующую ночь горели не только ближайшие гагаузские селения, но и села их земляков-болгар. Зарево ярких пожаров, как кровью, окрасило варненское небо. Две банды башибузуков, одной из которых командовал Кара Феиз, а другой – Токакчи, лютовали совместно.

12 лет пылали пожары вслед за копытами их лошадей. Но на этот раз ярость разбойников не знала границ. Оскорбленный в своем мужском достоинстве бандит не мог забыть привлекательную гагаузку и свое неслыханное поражение. Вернувшись в село, он привел десяток своих приятелей-башибузуков, пообещав им на глазах мужа обесчестить приглянувшуюся ему красавицу.

Увидев жену в руках злодея, Атанас Байгын раскидал державших его воинов и, прежде чем обезумевшая Иленка

успела подняться с земли, насильник покатился по траве с расколотым черепом. Этим же камнем Атанас отправил на тот свет еще двоих. Но остальные турки, опомнившись, выбили из его рук случайное оружие, изрубили кривыми саблями его самого, а затем и рванувшегося ему на помощь молодого брата Иленки. Так ее дети остались сразу и без отца и без дяди.

Кошмарные воспоминания молодой женщины, вернувшие ее к невообразимому ужасу той драмы, неожиданно прервали всадники. Они появились из-за расположившегося табором каравана и быстро-быстро окружили переселенцев. Один из них, вероятнее всего главарь, спрыгнул с коня, и разминая ноги, подошел к повозкам.

– Кимсиниз? (»Кто такие?) – как удар кнута, прозвучал вопрос на турецком языке. Испуганно закрывая лица и руки, женщины стали поспешно прятаться в палатках повозок и за спинами своих мужчин.

– Куда путь держите? – снова проскрипел надменный окрик. Навстречу всаднику поднялся высокий старик, с седой головой, но еще крепкий и статный, и, спокойно отвечая грозному незнакомцу турецким приветствием, тихо пояснил: «От Ивана домой возвращаемся». Чтобы окончательно снять подозрение, старик небрежно махнул рукой на север, а затем на юг: «В Варну, поближе к родственникам». Справедливость его слов нетрудно было проверить. Дышла всех телег в самом деле были повернуты на юг – в сторону Турецкой империи. И как только всадники исчезли, гагаузы, быть может, рискуя в последний раз, опять, повернув повозки, устремились на север.

Кто такие гагаузы? Какие только догадки не рождала тайна их происхождения? Отуреченные болгары или оболгаренные турки, исламизированные христиане или мусульмане, перешедшие в православие, остатки аспаруховых булгар или тюркоязычных кочевников южнорусских степей, потомки турецкого султана Изеддина Кейкавуса или наследники средневековой Огузской державы, как первой государственнос-

ти гагаузов, раскинувшейся в Добрудже на западном берегу Черного моря в средние века? Исконные обитатели Кумании, или хозяева обширных степей Восточной Европы?

III. Весна как надежда

Каждая весна – это в своем роде конец какой-то одной и начало новой, совсем иной дороги. И кажется, что вместе с дождливым апрельским днем завершается полоса прежней, совсем не нужной суетливой жизни и наступает канун новых, совершенно необходимых дум и дел, забот и хлопот.

Так вот чаще всего и группы балканских переселенцев подчиняясь зову предков, большими и малыми караванами, отправлялись в манящие неизведанные края ранней весной. Так начинался рывок от прошлого к будущему, рывок из неизвестности и темноты к самому себе.

Первое переселение гагаузов в Буджакские земли, как свидетельствуют исторические данные, относится к концу XVIII в. До этого они жили в селах на западном берегу Черного моря от мыса Емина до устья Дуная, в городах Варна Балчик, Каварна и в их окрестностях.

Тяжесть османского ига, усилившегося на рубеже XVIII и XIX вв., постоянные попытки ассимилировать гагаузов и превратить их в турецкое население, вероломные набеги банд разбойников в села гагаузов за их твердый отказ сменить православную религию на ислам, грабежи, насилия, активизация в связи с обострением политической обстановки на Балканах, деятельности многочисленных банд башибузуков, вынудили гагаузов бежать под защиту России.

Закат эпохи, совпавшей с агонией одряхлевшей Османской империи, стал одновременно зарей возрождения многих балканских народов, среди которых были и двинувшиеся на север, навстречу свободе и Полярной звезде, – гагаузы.

К этому времени, т.е. к концу XVIII в. уже исполнилось сто лет вхождения Сибири в состав России. Почти одновременно с балканскими переселенцами на другом конце России русские первопроходцы двинулись на Аляску. В 1784 г. было основано

русское поселение на острове Каяк. В 1799 г. учреждена русско-американская торговая кампания и основан Ново-Архангельск, ставший центром русских поселений на Аляске.

Заселением Аляски, обследованием побережья Америки вдоль Тихого океана, началом кораблестроения, добычи здесь полезных ископаемых, воздвижением первых церквей и школ для новых поселенцев завершилось великое движение русских «навстречу солнцу».

А на крайних южных и западных границах России, почти в самом центре Европы, еще оставались незаселенные районы. Им надо было вернуть их прежних тюркоязычных хозяев.

После русско-турецких войн 1768-1774 гг. и 1787-1791 гг. в седой Буджак прибыло около двух тысяч человек. Не сумев оказать организованного сопротивления янычарам – притеснителям, гагаузы вместе с молдаванами и некоторыми другими православными народами нашли покровительство у русской армии.

Присоединение Бессарабии к России по Бухарестскому миру 1812 г. вдохновило второй поток балканских переселенцев. Численность их была не велика. Самое крупное массовое переселение состоялось в 1828-1834 гг. У гагаузов до сих пор живет в памяти народной, как османские чиновники и сторожевые отряды препятствовали их дедам и прадедам передвигаться в пределы России и часто возвращали их с половины пути, если обнаруживали, что они направляются за Дунай.

Пройдет около полутора сотни лет после деколонизации гагаузами Буджакской степи на юге нынешней Молдавии и Одесской области Украины, за это время часть семей из Бессарабии успеет переехать в бескрайние казахстанские степи, а там и того дальше – на землю Узбекистана. И попав в 1963 г. в село Майское, что в Ташкентской области, там, где гагаузы живут под именем болгар, студент Московского университета запишет у себя в полевом этнографическом дневнике одну из народных легенд, повествующую, как гагаузы вынуждены были осторожно продвигаться из Османской империи к русской границе со своими обозами только

в ночное время, прибегая при этом к несложной хитрости. Останавливаясь на дневной отдых, они всякий раз поворачивали дышла своих повозок в сторону, противоположную России. На вопрос османских пограничных отрядов, откуда едут, неизменно отвечали: «Ивандан» – т.е. от Ивана, (Иваном в те времена называли в Турции каждого русского). Удивительно, как долго живут легенды.

...В ходе упомянутого последнего переселения Буджакские степи пополнились 26 новыми гагаузскими и болгарскими селами. Многотрудный путь преодолевали вместе, но, приехав в Буджак, предпочитали селиться отдельно. Только в нескольких селах, как, например, в с. Кирсово Комратского района, гагаузы и болгары поселились вместе. Так вместе и живут до сих пор.

В окончательном оседании переселенцев на новых местах немалую роль сыграл богатый урожай 1835 г. Благодаря ему был успешно преодолен серьезный психологический барьер. Успокоившись, люди, засучив рукава, начали с энтузиазмом осваивать целинные земли своей обретенной родины.

Для вновь поселившихся в Буджакской степи гагаузов была создана особая система управления во главе с верховным попечителем. Из покровителей наиболее широкую известность среди гагаузов и болгар завоевал русский генерал И.Н.Инзов.

На Буджакской земле каждая семья получила бесплатно участок земли и денежную ссуду сроком на 10 лет. Предусматривалось освобождение колонистов от налогов на семь лет и от воинской повинности на 50 лет. Эти льготы в сочетании с плодородной землей привлекали в Бессарабию не только болгар и гагаузов, но и греков, немцев, албанцев, украинцев и других,

В незасушливые, урожайные годы земля щедро одаривала труд поселенцев. Климат, хотя и был несколько более суровым, чем на Балканах, все же был терпим. «Здесь долго светится небесная лазурь, здесь кратко царствует жестокость зимних бурь», – писал о климате края А.С.Пушкин.

После Крымской войны 1853-1856 гг. в последний раз докатилась сюда миграционная волна, в составе которой, так же как и в прежних переселениях, находились предки гагаузов.

После оставленных на Балканском полуострове пашен и огородов, садов и виноградников, возделанных трудом многих поколений, неуютной и неласковой показалась поначалу полупустынная Буджакская степь.

Все ее речушки начисто пересыхали в летнюю жару. Не было ни естественных, ни рукотворных водоемов с пресной водой. Попадая на новые земли», гагаузы находили здесь лишь пепелище редких кочевий ушедших к тому времени крымских татар и ногайцев.

Не выдержав суровой борьбы со степью, часть переселенцев возвращалась обратно, другая часть уходила дальше и дальше в пустующие земли Юга России. Так, например, в потоке столыпинских переселенцев в самом начале XX в. часть гагаузов оказалась в степях Казахстана. Но для тех, кто оставался здесь, на юге в Бессарабии и своими руками создавал то, чего не предусмотрела природа, земля навсегда становилась родиной.

Самозабвенный, повседневный труд, а не завоевание и не сам факт поселения, сделали землю частью судьбы, частью истории и души народной. И сегодня, где бы ни оказался гагауз, он помнит свою Буджакскую степь. Конечно, отдельные гагаузские села сегодня встречаются на Украине, Северном Кавказе, в Приазовье, в областях целинного края и в некоторых республиках Средней Азии. За рубежом больше всего гагаузов в Болгарии и Румынии, меньше – в Турции и в странах Америки.

Невероятно тяжелый труд предков, пройденные ими дороги на север, то есть с северо-восточной части Балкан на Юг России, их страдания и лишения не пропали даром. Они навсегда отложились в памяти народной. Приятна память проделанной работы – гласит латинская пословица. Она прекрасно объясняет, как в самосознании своем гагаузы навсег-

да связали свою судьбу с Буджакским краем и с Россией. Буджаксхая степь стала колыбелью возрождения народа, основой его территориального единства, его малой родиной.

В наши дни Буджак – символ родины гагаузов. Его именем названы улицы, дома культуры, предприятия и учреждения.

IV. Миграция как мобилизация

В движении гагаузов на север самой историей был заложен глубокий смысл. И сами переселенцы скорее всего не подозревали, что именно они творят своим передвижением. Рывок на север содержал в себе нечто большее, чем обычное заселение пустующих земель. Это был путь народа к самому себе, одновременно в свое прошлое и в свое будущее. Чтобы познать радость свободной и вольной жизни, надо было еще раз пройти караванной тропой далеких пращуров, тропою вольных степных табунов. Невероятно трудным был путь в неизвестность. Но это была дорога к самососредоточенности, к сохранению и осознанию своей самобытности, и своего единства с теми народами России, с которыми когда-то дружили и ссорились, конфликтовали и мирились их далекие предки. Степь тоже ждала своих прежних обитателей, потому что без людей и табунов она оставалась сиротой.

Дороги прошлого вливались в дорогу нынешнюю, чтобы стать началом дороги в завтрашний день. Этот завтрашний день приближается сегодня.

...Если выехать из Кишинева прямо на юг, по направлению к Дунаю, пройдет не более двух часов, как прямо перед путником возникнет город Комрат – один из старинных населенных пунктов южной Молдавии. Зеленые холмы, среди которых причудливо извивалась асфальтированная дорога, здесь, на юге, постепенно исчезают, а местность, заметно сдерживая свой волнообразный бег, мягко и плавно переходит в Буджакскую степь.

Тысячи лет назад здесь жили скифы. Их сменили сарматы. Почти две тысячи лет назад хозяйничали римские легионеры. С тех самых римских времен остались в южной

части Буджака два огромных земляных вала, называемых по сей день Траяновыми, по имени легендарного римского императора. Потом вихрем пронеслись гунны, затем были славяне. За славянами, а порой и вместе со славянами по этой земле побывали печенеги, узы, половцы, и другие тюркоязычные племена, одно за другим прошедшие из южнорусских степей на юг и на запад в сторону Балкан, Румынской Добруджи и Венгерской Паннонии.

С XVI в. вместе с ногайскими и крымскими татарами, разводившими стада баранов и скота, табуны лошадей и кобыл («челджи») и двугорбых верблюдов, здесь хозяйничали турки-османы.

Кого только не повидала многострадальная земля! В старинных русских летописях она была известна под именем «Угол». Впоследствии это название было переведено на турецкий язык и в форме тюркского слова «Буджак», означавшего – угол (часть Бессарабии), дошло до нас.

Здесь на юге Молдавии, в непосредственной близости с Одесской областью Украинской ССР, с той и другой стороны границы между соседними республиками, расцвечивая этническую панораму края, вперемежку с молдаванами, болгарами и украинцами живут гагаузы. В 60-80-е годы, т.е. за 30 лет между переписями населения 1959 и 1989 гг. их численность в Советском Союзе возросла с 124 почти до 200 тысяч человек. Основная масса гагаузов – более 150 тыс. человек – на исходе 80-х в начале 90-х годов проживала в Молдавии, составляя немногим более или без малого половину населения Чадыр-Лунгского, Тараклийского, Комратского, Вулканештского районов, а также часть населения Бессарабского, Чимишлийского, Кантемирского и Кагульского районов.

Любуясь сегодня бело-розовым кипеньем цветущих садов, золотыми полями пшеницы, со всех сторон окаймленными бархатно-зелеными полосами жерделей или грецкого ореха, вряд ли можно поверить, что в 1900 г. могли родиться об этом крае такие горькие, безутешные строчки: «Голая, вы-

жженная солнцем, скучная степь... Одна за другой тянутся в бесконечную даль тощие десятины крестьянских посевов. Ни одной зеленой травки, ни одного деревца, на котором мог бы отдохнуть глаз, утомленный скучным однообразием степного пространства». Как и тысячи лет назад, над судьбой земледельцев-одиночек в прошлом постоянно висел дамоклов меч – тяжелые климатические условия. Убогая простота обнищалых полей укладывалась в сознании крестьян в предельно бесхитростную рифму. И криком души горько рассказывал о себе несчастливый хозяин этой земли: «Хлеб я сеял яровой, а взошел ковыль степной. Сеял жито и овес, а собрал бурьян с полос. Кукурузы сеял клин, а взошла одна полынь».

Перед войной в начале 30-х годов южные районы Бессарабии посетили американские и французские экономисты. Они пришли к безжалостному выводу: «Вряд ли этот край сулит перспективу, а Буджакская степь обречена на верную смерть». Но грустному предсказанию не суждено было сбыться. На помощь гагаузам, обитателям Буджакских степей, пришла наука. Мощным заслоном на пути губительных суховеев стали рукотворные полезащитные лесные полосы. В балках и долинах заплескалась волна искусственных водохранилищ. Несмотря на колебания климатических условий, земледельцы за счет широкой механизации, умелой агротехники и солидного опыта, мастерства квалифицированных специалистов из года в год выращивают высокие урожаи.

Набирает силу появившаяся за годы Советской власти своя промышленность. Два современных города – Комрат и Чадыр-Лунга – еще с середины прошлого столетия соревнуются между собой за право быть лидером Гагаузии. В братском соперничестве ни один из них не желает уступить первое место другому. Так и считается в народе, что столицей гагаузов оба города являются то попеременно, то одновременно.

В живописном Комрате набирает силу пищевая промышленность: винодельческий и маслодельные заводы, комбинат хлебопродуктов, известный далеко за пределами республики крупный завод по калибровке кукурузных семян. Широко

славится Комрат своей ковровой фабрикой, продукция которой известна в Кишиневе и Киеве, Москве и Ленинграде, пользуется успехом на международных ярмарках в Европе, Японии и странах Ближнего Востока.

Город Чадыр-Лунга известен винными заводами и мукомольным комбинатом, крупнейшим на юге Молдавии мясокомбинатом и другими предприятиями пищевой и легкой промышленности. В северной части города, по соседству с мясокомбинатом, выросли свои Черемушки – новый жилой район с многоквартирными домами. Продукция Чадыр-Лунгского завода электротермического оборудования – единственного во всей Молдавии – пользуется спросом не только в различных районах СССР, но и в зарубежных странах. И если в Комрате вскоре начнет работать Гагаузский Государственный университет, то в Чадыр-Лунге непременно должен распахнуть двери гагаузский филиал Академии наук.

В гагаузских селах появляются квалифицированные трактористы, комбайнеры, инженеры-механики, агрономы, зоотехники, строители. Массовыми стали профессии учителей, врачей, экономистов-плановиков, монтеров, электро- и газосварщиков. Хотя мало, очень мало, пожалуй, даже преступно мало, своих писателей, композиторов, художников, ученых» – выразителей народных дум и чаяний. И не их гагаузов в этом вина.

Индустриальным почерком пишется современная история Буджакской степи. Ей посвящен труд, песни, с нею связано будущее. И тем настоятельнее зов души – желание знать прошлое. Прошлое земли и прошлое народа. Как часто бывает, что дорога в будущее успешно продолжается только после возвращения в прошлое. Возвращения, когда люди очищают в прошлом, как в детстве своем, совесть свою. Возвращения, когда идти по своим же следам назад легче, чем двигаться вперед, но без рывка в будущее нет источника для новых сил. Возвращения, когда, прильнув к тайникам душ и закоулкам забытой памяти, и воспоминанием первого труда и первой любви люди лучше знают, что делать и как жить дальше.

V. В мареве воображения

В культурном облике гагаузов – переселенцев из Балкан – в укладе их жизни, в языке, в легендах и преданиях, в бытовом жизнеобеспечении и в поверьях сконденсировались существенные черты накопленного опыта, пройденных дорог, спасенной этнической самобытности, закрепленного единства с другими народами. Словом, этничность гагаузов, как и всякая иная этничность, – это первооснова считаться самостоятельным народом, право, в котором отказывали некоторые недружелюбно настроенные зарубежные исследователи как гагаузам, так и многим другим народам в различных уголках земли. Право, на защиту которого перестройка всколыхнула весь народ, подвигнув его к созданию собственной республики.

Этничность – это емкое слово. Понятие, охватывающее всю совокупность черт, отличающих один народ от другого, представителей одной нации от другой.

Этничность – это не только опредмеченные результаты деятельности многих поколений, это не только отголоски пройденных путей-дорог, а также многообразная символика, форма, манеры, способы поведения, это строй мыслей и чувств, это ценности и образ жизни народа, уверенность в себе и в своем завтрашнем дне.

Этничность – это гарантия того, что ничто не должно бесследно кануть в Лету, гарантия всему прогрессивному, всему передовому в жизни народа, в его дороге, гарантия дружбы и братства с народами, идущими к общей цели.

Если у народа, как и у отдельного человека, спросить, кто он такой, то народ, как документ, может предъявить свою этничность, свою культуру и свой язык. Этничность находится в тесной взаимосвязи с историей, с дорогами народа, поэтому его история объясняется этничностью, а этничность – историей. Историческая судьба народа, его победы и поражения, горечи и радости, труд и отдых – все находит отражение в этничности, все имеет в ней свое место. И даже соседние народы оставляют в этнической сути

друг друга память о дружбе и вражде, о добрых контактах и периодах отчуждения. Недаром в исторической, а точнее в этнографической науке издавна существует традиционный «угол зрения», согласно которому язык, как и этничность в целом, – надежный летописец, своеобразно отразивший каждый миг народа в его беспрестанном движении вперед. Указанный угол зрения во многом сродни воображаемому этноскопу – прибору, на каждом кадре которого последовательно запечатлены страницы истории и многообразные особенности народа. Его с успехом можно применять для познания этничности. Такой прибор нужен исследователям, чтобы они, уплотняя время, не скользили взглядом по поверхности вещей и явлений, и не доверяли внешнему облику предметов и отношений. Читателю же он позволяет заглянуть по ту сторону очевидного, подступиться к тайне происхождения, к тайнам пройденных дорог и прожитых веков, связать воедино современников с давними предками.

Этноскоп неоднократно выручал тех, кому приходилось восстанавливать изрядно потускневшую панораму давно прошедших событий. Его кадры и его необыкновенная способность особенно незаменимы тогда, когда история народа, не попав на страницы средневековых хронистов и летописцев, теряется в веренице вымышленных ориентиров, и когда в пыли и в пелене столетий погребены дела и дни давно минувших царств и государств.

И лишь по этничности, да по отдельным словам, как слабым фонариком в густой ночи, можно шагать от поздних к более ранним предкам. Народ должен знать свою историю, чтобы оставаться самим собой. Мысль о позабытых дорогах, и даже об исчезнувших с лица земли народах, утешает слабо. Ступить на тропу далеких предков гагаузов сегодня особенно сложно, так как в беспрестанных дорогах, в борьбе за жизнь, за свою самостоятельность, народы нередко, чтобы сохранить себя, меняют имена.

Приходится сожалеть о том, что некоторые авторы, соблазнившись экзотикой поисков, отправлялись в путь, не ут-

руждая себя особым вниманием к самому надежному источнику – этничности и языку народа. И совсем не удивительно, что такие поиски кончались неудачей. И беда была не в том, что терпела крах очередная предвзятая схема, а в том, что, безнадежно заблудившись, неудачники вели за собой в тупик и начинающих.

В самом деле! Сколько времени ушло на поиски предков гагаузов среди оседлых народов Балкан. На страницах разных изданий предками гагаузов объявляли то болгар, то греков, то румын, то оседлых турок-осман. Между тем этничность гагаузов, и прежде всего их тюркский язык, подсказывали идею искать их предков среди кочевых пришельцев Балкан – тюркоязычных кочевников южнорусских степей. Конечно, рискованно было решаться на такие поиски, зная, что вот уже несколько веков гагаузы ведут оседлую жизнь.

Итак, вглядываясь в кадры этноскопа, постараемся прочесть страницы истории, увидеть совсем иные дороги, иные занятия, быт и культуру.

1. Анализ лексики современного гагаузского языка показывает, что исконным занятием далеких предков гагаузского народа было скотоводство. А сами они вели в далекие времена кочевую жизнь. Многовековое кочевничество, жизнь в степных просторах, не прошли бесследно. Через всю народную поэзию проходят сюжеты, навеянные топотом степных табунов, постоянной тревогой пастухов, отчаянной борьбы со степными хищниками. Словом, степь со всех сторон!

2. В словах гагаузского языка мы читаем, что скот являлся центральным средством жизнеописания, на который ориентирована была вся остальная жизнь. Встречаются, например, десятки слов для описания различных оттенков, тонов, размеров, форм, породы и поведения скота и степных табунов. Установим кадр этноскопа в зеркало гагаузской терминологии по скотоводству и увидим...

Еще совсем недавно, в конце прошлого столетия каждая порода скота пасется отдельно и различные пастухи являются специалистами своего дела: «чобан» – пасет овец, «бузааджы» – телят, «кысырджы» – маленьких бычков и телят 3-х летнего возраста, «ёкюзчю» – волов, «хергеледжи» лошадей, еще не используемых в хозяйственных работах. Воспеваемая в песнях, популярная в легендах и народных сказках не специальность, а призвание пастуха передается от отца к сыну и является доброй семейной традицией.

3. Поэтизированному образу «великолепного», «очаровательного», «бесстрашного» пастуха посвящены многие варианты популярной гагаузской песни «Оглан». Этого степного красавца, как поется в десне, горячо любит самая лучшая девушка и готова пройти с ним любые степные дороги. В одном из вариантов этой же песни воспевается мать Оглана – женщина степного каравана.

4. Сдвинем кадр. И снова увидим, что лошади, овцы, верблюды имеют густо разветвленные пучки названий. Отдельные признаки животных, требующие развернутых описательных предложений в русском языке, в гагаузском – именуются краткими, устоявшимися, лаконичными, недвусмысленными терминами: «Бир ени» – конь, впервые меняющий зубы, «елек тай» – двухгодовалый конь, которому впервые подстригают гриву, «тек» – белая лошадь с темносерымм яблоками-пятнами, «аладжа» – черная лошадь с белой или светлой полосой на спине.

5. Через многие произведения устного народного творчества кочевых народов красной нитью проходит отношение к скоту. При этом собственность на скот определяет, пожалуй, всю систему социальных отношений в кочевом обществе. «Если поймать конокрада, – гласило совсем недавно бытовавшее обычное право гагаузов, – так, чтобы никто этого не видел, то лучше всего с ним тут же на месте и покончить». Позабытая норма обычного права встречается чаще у кочевых, нежели у оседлых народов.

6. Следы прошлого скотоводческого хозяйства и обусловленного им подвижного кочевого быта оказались крепко вплетенными в ткань современного устного народно-поэтического творчества. В сюжетах многих песен, легенд, сказок

воспевается тяжелый труд и широта характера мужчины-степняка и его мужественной степной подруги «кыр карысы» (дочери степей), готовой в любое время года и суток разделить с ним все невзгоды кочевой жизни.

7. В космогонических представлениях гагаузов также немало отголосков былой степной жизни. Одну из ярких звезд западной части небосклона называют «Кыр керван йылдызы» – звезда степного каравана. Млечный путь известен как «Саман йолу» – соломенная дорога. По преданию, на ней когда-то паслись отары овец. Созвездие Большой Медведицы именуется «араба», и ассоциируется с символом кочевой повозки.

8. Велика была зависимость кочевников от степных хищников. Культ волка до последнего времени занимал видное место в народных представлениях гагаузов. Его старались не называть своим именем, а иносказательно: «кудураджаа», т.е. тот, который может взбеситься, вздуреть. Осенний цикл «джанавар йортулары» (волчьи праздники) у гагаузов значительно шире, чем у восточных и южных славян. В эти дни существовал строгий запрет на работы, связанные с шерстью. Гагаузы верили, в то, что если мужчина выедет в дорогу в одежде, сшитой во время «волчьих праздников», то на него обязательно нападут волки или же причинят вред его скоту.

9. Человек рождается этнически нейтральным существом, из которого в ходе социализации и этнизации вырастает представитель той или иной этнической общности. У гагаузов память народная прочно хранит следы и отзвуки далекой степной этнизации. К суровой жизни в неспокойных степях надо было приучать с детства. Недаром мальчику, как только он достигал шестилетнего возраста, еще недавно давали первый глоток вина, предварительно нагретого над полевым костром, чтобы ребенок «краснел от вина, а не бледнел», и еще, чтобы оставшись в бескрайней степи, не робел, а знал как идти по следам потерянного стада или по «кыр керван йлдызы» – по звезде степного каравана.

10. Как у многих в прошлом кочевавших народов, в этничности гагаузов можно составить длинный перечень отголосков кочевой жизни. Они накладывают своеобразный отпечаток на фольклорное творчество гагаузов. Большинство из них своими корнями восходят к средневековым представлениям тюркоязычных кочевников южнорусских степей. При рождении ребенка гагаузы наблюдали за погодой: верили, что если ребенок родился в дождь, то его ждут многие неприятности в жизни, если в холод, – у него будет суровая жизнь, если в летнюю жару, – он будет легко идти по жизни. Аналогичные поверья известны у средневековых половцев. Родившегося в дождь ребенка они называли «Яамурта» – (йаамурда – «родившийся в дождь»), «Аяз» – родившийся в мороз. Половецкие имена Аяз и Каар тюркоязычного происхождения встречаются в списках варненских гагаузов XVII в. и у буджакских гагаузов середины XIX в. Вряд ли случайна эта преемственность.

11. Многие наблюдатели отмечали в прошлом фанатичную приверженность гагаузов православной религии. Широко известна крылатая фраза: «дилимиздян дёнеджейз, динимизи дёнмейджейз» – «язык сменим, веру сохраним», которую якобы неоднократно произносили гагаузы, спасаясь бегством в Россию от османской ассимиляторской политики исламизации. Смысл, конечно, в этом есть. Однако религиозность была скорее манифестируемой или мнимой, нежели чувственной или реальной. Приверженность православию была формой противодействия попыткам турецкой мусульманизации, идеологическим обоснованием сохранения своей самобытности, сохранения исконной этничности. Несмотря на то, что отдельные богослужебные книги («Библия», «Евангелие») были переведены на гагаузский язык еще в XIX в., основная масса населения оставалась равнодушной к малопонятной христианской догматике. В то же время еще в бытность на Балканах гагаузы, как и многие кочевые народы, высоко чтили небо, солнце и луну.

12. Кроме конкретных деталей материальной и духовной культуры, есть в каждом народе что-то неуловимое свое, отличающее его от соседей. «Сквозь внешнюю оболочку зем-

ледельца-гагауза, – писал первый автор капитальной монографии о гагаузах В.А.Мошков в начале XX в., – все чаще проглядывает закоренелый кочевник».

Итак, 12 приведенных здесь кадров этноскопа – это 12 свидетельств кочевого прошлого в оседлой жизни гагаузов. Эти кадры уводят дальше в седое марево веков и выхватывают из бездонной глубины новые дороги. Только эти безымянные пути-дороги ведут не с Балкан, а совсем в противоположную сторону – на Балканы.

Пройдем и мы по ним.

VI. Уйти, чтобы вернуться

Каждый вечер, собравшись у походных шатров или у костров, кочевники пытливо вглядывались в небо, надеясь уловить еле заметные приметы приближающейся грозы.

Когда земля истосковалась по влаге, степному человеку до боли в висках был нужен дождь. Там, где дождь, там и пастбища и трава, там и спокойная жизнь. А если земля высыхает, чтобы не умереть самому и не погубить скот, надо искать другое пастбище.

Весной 972 года Киевский князь Святослав попал в печенежское окружение. «Нападя на ня Куря, князь печенежьский и убиша Святослава, и взяша голову его и во лбе зделаша чашу, оковавшие лоб его золотом и пьеху в нем». (Ипатьевская Летопись, стр.48). Так трагически закончился еще один враждебный акт бушующей кочевой степи против Киевского государства. И, наверное, с тех пор как печенежский князь выпил победный тост из черепа прославленного древнерусского полководца, многие оптом возненавидели всех кочевых тюрок – печенегов, узов (торков), куман (половцев), которые беспрерывно сменяли друг друга в южнорусских степях, наводя ужас на славянские народы своими необычными манерами, молниеносными и воинственными набегами. Немаловажную роль в этом сыграла далеко не лестная характеристика, данная этим кочевникам русскими летописцами, византийскими хронистами, а так же скептическая оценка,

содержащаяся в трудах арабских и персидских географов и в записках западноевропейских путешественников.

Но с вершины нашего времени, пожалуй, пора по-иному взглянуть на этот вопрос: так, как это уже сделали Олжас Сулейменов, Л.Н.Гумилев, С.А.Плетнева. Кочевые тюрки юга нашей страны скорее достойны сожаления, чем ненависти. Не вина, а беда этих народов в том, что не сумев оперативно перейти на оседлость, они не смогли подняться до такого уровня общественно-экономического развития, чтобы создать государство и сформироваться в самостоятельный народ. И еще их беда состояла в том, что порой они оказывались послушным орудием в нечистых руках. Недаром же один из коварнейших врагов Киевского государства византийский император Константин Багрянородный написал для своего сына специальный трактат о том, как следует жить с печенегами и использовать их с выгодой для себя в международных отношениях.

В течение нескольких столетий, после того как тюркоязычные племена заселили южнорусские степи, они продолжали кочевую жизнь в полном соответствии с их скотоводческим хозяйством. Обработанные поля с квадратами лесонасаждений, столь характерные в наше время для степной части юга нашей страны, в те времена были местом вольных и обильных пастбищ. По ковыльным степям гуляли ветры и стада кочевников, разыгрывались драматические события в постоянной борьбе за скот и за обладание новыми пастбищами. Ни один кочевник не мог спокойно оставаться в безбрежной степи, чтобы в беззащитном одиночестве приступить к обработке земли. Годы сменяли друг друга в бесчисленной очередности, но ни одно поселение кочевых тюрок не могло приветствовать утро следующего дня из своего постоянного, оседлого жилища без опасения за свою жизнь.

Только год от года росла численность населения степей, да размножались их обширные стада. В небе полыхали поюжному яркие звезды, но ни одна из них не вела, не звала на север, где на пути к новым пастбищам мощной преградой

стояло Киевское государство, порой враждуя, порой братаясь с кочевыми соседями.

На юге бушевала морская стихия, и ни один кочевник не решался направить свою лошадь навстречу вздымающейся груди черноморской волны, чтобы на том берегу присоединиться к своим соплеменникам, сельджукским всадникам, несущимся на запад на маленьких, но выносливых лошадках, чтобы ускорить предсмертную агонию дряхлеющей Византийской империи.

С востока постоянно накатывались все новые и новые волны хорошо организованных в военном отношении тюркоязычных кочевников. Несмотря на генетическое родство, схожий образ жизни, одинаковые языки, они безжалостно сметали со своего пути более слабых предшественников. Окончательный удар был нанесен в 1224 г. в битве на берегах Калки. Спасение от поражения было на юге и на западе.

Итак, перед печенегами и узами оставался единственный путь. Путь на Балканы. Волею роковой судьбы через несколько десятков лет этот же путь пришлось повторить их вчерашним противникам – кочевым тюркоязычным куманам. Ни тем, ни другим переправа через реки, даже такие большие, как Дунай, не составила особых затруднений. Вот запись византийского летописца: «Куманы вместо плотов употребили наполненные соломой кожи и переправились через Истр (Дунай) вместе с женами и детьми».

Так, около тысячи лет тому назад тюркоязычные народы, чья кровь течет в жилах многих наших народов, попали на Балканский полуостров. Географические и климатические условия вполне благоприятствовали для ведения кочевого хозяйства, а у местного населения по привычке можно было отбирать или обменивать необходимые продукты земледельческого производства, в которых скотоводческое хозяйство испытывало острую необходимость.

У страха глаза велики. Но автор византийской хроники действительно был насмерть перепуган ураганным нашествием тюркоязычных всадников, которые «по многочисленности соперничали с количеством весенних цветов», а коней и других домашних животных у них было такое множество, «как звезд на небе». Еще сильнее был ужас византийского императора Алексея Комнина, доведенного до крайнего отчаяния одновременным наступлением кочевых тюрок с Балканского полуострова и сельджуков – со стороны Малой Азии. Знаменательно его послание к главам западных государств о помощи: «Святейшая империя христиан сильно притесняется печенегами и турками. Они грабят ее ежедневно и отнимают ее области... Почти вся земля Иерусалима до Греции и вся Греция с верхними (азиатскими) областями... подвергалась их нашествию. Константинополь подвергается опасности не только с суши, но и с моря. Я сам не вижу никакого спасения...

Кто бы вы ни были, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам. Спешите со всем вашим народом...». В награду за помощь император соглашался отдать империю и все ее богатство.

Откликом на этот крик помощи был первый крестовый поход. Западное рыцарство должно было явиться на берега Босфора для спасения Византии от печенежского плена. Но их опередили два половецких хана Боняк и Тугоркан в союзе с русским князем Василько Ростиславичем...

VII. Самоопределение

За крутыми поворотами дорог открывается история, культура, расцветает этничность народа. В ней, как и в дорогах, видны не только народы, одаривающие, но и народы, дары принимающие, а также народы-посредники, дары передающие. Для кочевых народов жизнь без дорог – не жизнь, для оседлых – жизнь без дороги – тоже дорога. Дороги расширяют наши представления о духовном мире народа, дают возможность увидеть нечто такое, из чего состоит этничность. Более того, откуда есть и пошла самобытность и целостность народа.

По кадрам этноскопа можно проследить, как враждуя и мирясь друг с другом, воинственные кочевники – тюркоязычные печенеги, узы (торки) и половцы (куманы) на протяжении X-XIV веков шли и шли по южнорусским степям на Балканы навстречу новой судьбе. Там они сыграли значительную роль в образовании государственности и в истории местных народов. В плодородных земледельческих долинах, главным образом на северо-востоке Балкан, они перешли на оседлость и, приняв христианство, дали этноязыковую основу группе «хасыл» (настоящих гагаузов). Такова была одна из дорог. Здесь, на Балканах, с ней пересеклась и другая. Под влиянием хозяйственных, культурных и иных форм контактов на более поздних перекрестках в состав гагаузов, вероятно, влилась дополнительная группа из частично ассимилированных болгар. Это и придало некую двойственность и одновременно единство этничности гагаузов. Это же стало поводом для некоторых исследователей искать пращуров гагаузов не только среди широких дорог, но и среди узеньких тропинок, так родилась идея о болгарских предках.

Меняют свое направление дороги, спешат едущие по ним народы. Теряются порой прежние имена, приобретаются новые. Что осталось от аспаруховых булгар, примчавшихся на выносливых быстрых лошадках с берегов Волги в пределы нынешней Болгарии? – болгары. Одно лишь тюркское имя!

И хотя сменяются занятия, дела, запечатленные в этничности предков, проявляются в быту потомков. И как бы скоро ни чередовались идущие за веком века, язык народа, его культура и его история связаны неразрывной цепью. И если вдруг из поля зрения исчезает одно звено, – не беда. Другие звенья помогают восстановить связи между поколениями, между дорогами, даже между разными, на первый взгляд, народами, если пращуры и потомки двигались к одной цели, к самообретению, шли к самому себе.

Вот и в наши дни, в пору повсеместного роста национального самосознания, в пору, когда на этнополитическую арену выходят новые и новые народы, по одной из дорог, подобно

многим другим народам, уверенно набирая темп, идут гагаузы. Достаточно взглянуть всего лишь на несколько кадров этноскопа, чтобы понять многое в нынешнем движении гагаузов. 12 ноября 1989 г. делегаты Чрезвычайного съезда гагаузского народа единогласно и единодушно приняли Декларацию «О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской Советской Социалистической Республики». Главные цели создания Гагаузской Республики, в том числе по обеспечению самостоятельного экономического развития на основе функционирования всех форм социалистической собственности, по утверждению подлинного народовластия в республике, по строительству социалистической правовой автономной республики, по созданию равных условий для свободного развития всех народов, по возрождению гагаузской политико-правовой формы государственности, по восстановлению национальной культуры, традиций, языка гагаузского народа, оказались неприемлемыми для молдавских руководителей Республики Молдова.

Верховный Совет Республики Молдова аннулировал решения всех трех заседаний Чрезвычайного съезда представителей гагаузского народа, отказав ему в праве быть самостоятельным народом, сохранять самостоятельный этноним, иметь свою историю, любить и лелеять земли своих предков. Последней каплей в невнимании к проблемам гагаузского народа, в потоке унизительных выпадов и политических оскорблений явилось антидемократическое постановление Верховного Совета республики Молдова от 27 июля 1990 г., в котором еще раз гагаузскому народу было отказано в праве считать себя самостоятельным народом, в общепризнанном праве на национальное самоопределение, в праве сохранять за собой в качестве национальной территории буджакские степи, в которых гагаузы и их предки живут с незначительными перерывами около тысячи лет.

Доведенный до отчаяния глухотой и немотой Молдавского парламента, его нежеланием понять национальные заботы гагаузов, неспособностью лидеров Народного Фронта

Молдовы обеспечить правовые гарантии малочисленному народу, резким поворотом курса национальной политики на первоочередное создание приоритетных условий для развития национального большинства, гагаузы решили взять самоопределение в свои собственные руки.

Объединенный Съезд народных депутатов сельских, поселковых, городских и районных Советов, а также Верховных Советов Республики Молдова и Союза ССР, как законных представителей народной власти на всей территории компактного проживания гагаузского народа, 19 августа 1990 г. принял Декларацию «О свободе и независимости гагаузского народа от Республики Молдова».

Она (Декларация) могла бы, как в ней подчеркнуто, стать основой для разработки и принятия Конституции Гагаузской Республики, организации и проведения выборов ее высших органов государственной власти и управления, развития самостоятельной системы законодательства, участия делегации Гагаузской Республики в заключении союзного договора. Но всего этого не случилось. На пути воплощения Декларации о независимости и вместе с тем и на пути надежд и чаяний гагаузского народа непреодолимой стеной снова стал Молдавский парламент...

Указ Президента СССР М.С.Горбачева от 22 декабря 1990 г. «О мерах по нормализации обстановки в ССР Молдова» отменил все «анти-» и «про-» постановления в связи с рождением на этнополитической карте страны автономии гагаузского народа. В преддверии нового 1991 года вся этнополитическая борьба истекшего года с ее взлетами и падениями, надеждами и отчаянием, отодвинулась на исходные позиции. Начинается новый год, а вместе с ним новый этап борьбы гагаузов за возрождение. Дорога к предкам не кончается. Национальное самоопределение продолжается.

Ваш ученик 5 «А» – 10 «А» класса Каргапольской средней школы Миша Губогло, 02.01.1991

Письмо 2 от 20.11.1995.

Дорогая Ульяна Илларионовна!

Отныне добрый, не по годам строгий и пронзительный взгляд совсем еще юной дочери Зауралья – Ульяны Постоваловой обращен на меня с 4-й страницы обложки очередной, написанной Вами книги. Какая сладкая истома в сердце от новой встречи со временем, что безвозвратно ушло, с учителями, которые никогда не забудутся, со школой, пробудившей страсть соединять прошлое с будущим. Спасибо за все: за Вашу умную, пронизанную светлым оптимизмом книгу, за высокие гражданские чувства и память, за мою неискалеченную душу, закаленную в мрачные годы депортации и одновременно в те прекрасные Каргапольские времена, которые и для Вас и для меня столь трепетны и неисчерпаемы. В моей домашней библиотеке наши книги теперь рядом. И это навсегда, потому что это – судьба, соединившая учителя и ученика в постижении смысла жизни.

От Вашей эмоциональной, но без капли фальши книги, как от сильного духом человека, исходит могучая сила. Она мне нужна. Без нее трудно вести трагическую летопись межнациональных отношений в прекрасной стране, ввергнутой толпой несостоявшихся политиков в немыслимую вакханалию. Энергия, исходящая со страниц Вашей книги, поможет довести до конца задуманную мной 50-томную серию очерков, документов и материалов «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», 38 томов которой уже, слава Богу, увидели свет. Прочитав Вашу книгу: «Очерки по истории народного образования Зауралья» (Курган, 1995), подумалось, что Вы не будете меня осуждать, что не поддался модным улично-митинговым страстям и лозунгам, призывам и шествиям, и не променял перо научного работника на микрофон политического деятеля. В этом Вы сможете лично убедиться, заглянув в трехтомную Антологию (Национально-культурные автономии и объединения: историография. Политика. Практика: Антология. Отв. ред. М.Н.Губогло. Том

1, С. 9-14, 21-64, 221-227; т. 2, с. 14-17, 33-69; т. 3, с. 9-12, 271-297), которую я со смешанным чувством радости и тревоги дарю Вам и одновременно выношу на Ваш суд.

И, наконец, едва ли не о самом важном. В том, что мальчик нерусской национальности, заброшенный крутой волной необоснованных репрессий в запустевший после войны уголок Западной Сибири из теплой и уютной Молдавии, не пополнил ряды диссидентов-шестидесятников, жадно расхватывающих сегодня, в середине закатного десятилетия XX века, портфели, кабинеты, ваучеры, мерседесы – заслуга Ваша – мудрого директора Каргапольской средней школы, директора, взявшего некогда на себя неслыханную смелость доверить сыну депортированных родителей престижную миссию – нести знамя школы на первомайский парад. Это знамя стараюсь не выпускать из рук. Фотографию с этим знаменем берегу как святыню. Партбилет не сдавал. Ни в какой партии не состою. Некогда. Зам. директора, Руководитель Центра по изучению межнациональных отношений, консультант Госдумы, эксперт Газпрома, зам. главного редактора журнала «Этнополис» – этот неполный список занятий и еще многое другое, что требуется нынче для выживания, лишили меня практически возможности читать художественную литературу и толстые журналы, ходить в театры, посещать выставки (кроме служебных), испытывать иные радости жизни, от хронического душевного и временного цейтнота спасает семья: жена (помощник депутата), дочь (аспирантка истфака МГУ), зять (аспирант мехмата МГУ), теща (начальник домашнего быта) – путем жесточайшей самоэксплуатации вместе со мной за 3-мя домашними компьютерами изо дня в день набирают тексты собранных документов, изготовляют оригинал-макеты очередных книг из моей серии. В прошлом году Таня побывала со мной в 12 американских городах, в университетах которых, в том числе в Гарвардском, я выступал с лекциями и докладами о двуязычии и межнациональных отношениях в Российской Федерации и в странах ближнего зарубежья.

В ближайшее время готовлюсь переходить из состояния немолодого уже отца в статус юного деда. Жизнь продолжается.

Всем семейством разделяем скорби Вашей семьи, радуемся Вашим успехам и достижениям, желаем несокрушимого здоровья и нескончаемых лет творческой жизни.

Целуем. Обнимаем. Ждем встречи.

Ваш неизменный ученик,
учащийся 10 «А» класса Каргапольской средней школы
– все тот же Миша Губогло и солидарное с ним семейство.

Письмо 3 от 25.12.1995

Дорогая Ульяна Илларионовна!

Легко быть Вашим учеником, а потом стать юристом, биологом, музыкантом, генералом и еще кем угодно, хоть клоуном, хоть космонавтом. Но как трудно быть Вашим учеником – историком. Больно заданная планка высока! Когда лепилась моя Антология, я находился в таком азартном угаре и яростном полемическом задоре, так решительно был настроен на бескомпромиссный спор с чиновниками из Миннаца, что как-то упустил из вида остальных оппонентов и заинтересованных читателей. А выходит зря! Все то, что с миннацовскими экспертами мы понимаем с полутона и полуслова, оказывается не всегда понятно нормальному человеку с трезвым рассудком и холодной головой. И, перелистывая собственные писания перед тем, как их отправить Вам, я, конечно, обнаружил немало досадных ляпов и «очепяток», которыми Вы по щедрости душевной не захотели колоть мне глаза. Я принимаю и с благодарностью ценю Вашу снисходительность учителя-историка к нерадивому и ленивому ученику-историку. И еще я понимаю, что часто расставленные Вами восклицательные знаки на полях моих сочинений не вполне мной заслужены. Тем не менее, что уж тут лукавить, идущие от Ваших похвал энергия, тепло

и нежность до слез приятны. Я в плену. Примите исповедь мою. Возникающая при этом аура выданного мне аванса мобилизует, прибавляет силы, возвышает и вдохновляет. Так устроен человек! И психологически это ясно.

Еще раз низкий Вам поклон, Ульяна Илларионовна, за то, что Вы есть. Столетия и стопятидесятилетия Каргапольской школы приходят и уходят, а Вы, как одна из самых выдающихся ее директрис, наделенная недюжинным талантом гуманиста, всегда есть и будете в своих произведениях, если эти произведения понимать широко, не только как написанные книги, но и как высказанные мысли, свершенные дела, воспитанные Вами ученики.

Вспоминаю, что может быть я плохо вел себя на Ваших уроках (простите великодушно южный темперамент), не всегда добросовестно выполнял домашние задания (ледоход по Миассу так упоительно манил прокатиться от моста до спиртзавода и далее до деревни Вороново), не вполне эрудированными были мои ответы (ленив был, однако, с детства), но сегодня, встретившись с Вашими журавлями в коротеньком чувствительном эссэ о свекрови (на самом деле чем не гимн памяти), я обнаружил, что Ваш главный урок о верности памяти и истории я усвоил, кажется, достойно. Иначе, чем объяснить, что одна, из моих книг получила название «Энергия памяти». Надо ли комментировать? Суждено было, чтобы так загадочно и просто, примитивно и чудно сработали социокультурные гены, заложенные в меня в те заснеженные и завьюженные Каргапольские времена, когда Вы так блистательно и изящно, по учебной программе и вне ее, пленительно и бескорыстно исполняли незабываемые лекции по истории. Нестандартным был Ваш посев, нестандартным вырос урожай.

Вас генетически (незатухающая боль о комиссаре 451 батальона 396 дивизии) вдохновили белые журавли душевного Гамзатова. Мне же, к слову сказать, не дают покоя есенинские «... и журавли печально пролетая, уж не жалеют больше ни о ком...». У каждого свои журавли. М.М.Пришвин так прямо и пишет в своих пронзительных дневниках: Мои журавли со мною живут». Не случайно одна из его повестей названа «Журавлиная Родина». М.М.Пришвин в другом случае: «Позавчера проводил громадный караван журавлей и подумал: «Вот они летят, и я когда-то летал, а теперь я уже не перелетная птица». У Вас – Дагестанские, у меня, как у Есенина – Рязанские. Но суть одна – Россия. Жаль тех, у кого душа не отзывается на «оклик журавлиный». И как бы ни изнывали цыганские скрипки, если не будет в душе журавлиной песни, значит не будет в ней и России.

Вслед за восклицательными знаками абсолютно без какой-либо обиды принимаю Ваши упреки насчет заумного, а, следовательно, хилого языка моих очерков.

В самом деле, у меня относительно хорошо (на зависть коренным москвичам) обстоит дело с ненормативной лексикой (оказывается, черт меня побери, Тамакульско-Черепановский диалект), а вот нормальных, нормативных слов моему бедному вокабуляру, порой явно не достает. Тогда и приходится придумывать подобно бунинским «штучкам, дрючкам» всякие там огосударствления, доогосударствления, разгосударствления, двуэтничия, двойные полуэтничия, мобилизации и деинтегратизации и проч. и подобное. Жуть! Еще одной недавней книге меня угораздило дать такое вот совершенно несуразное название: «Мобилизованный лингвицизм». Бог ты мой: выговорить аж трудно, а все равно маленько приятно. Пусть попробуют такое перевести с русского на иностранный.

Ну да я не первый и не последний выдумщик. Помните шедевры -строчки Есенина: «... сквозь синь стекла желтоволосый отрок лучит глаза на галочью игру», или там же, чуть выше – «...изба-старуха челюстью порога жует пахучий мякиш тишины». Такое вообразить-то надорвешься, не то что перевести. Что же касается моего «мобилизованного лингвицизма», то ничего лукавого, тем более шаловливого, в нем нет. Вы сами в том убедитесь, если прочитаете в заключении или хотя бы в аннотации расшифровку вводимого мной в на-

учный оборот нового, очень важного, на мой взгляд, понятия, без которого трудно разобраться, как начинался распад великой державы. Если бы мне сподобилось подробно писать книгу о том, как разваливали Союз, то, наверняка, раздел о причинах и виновниках этой разломной геополитической трагедии я назвал бы трехэтажным, но поэтичным Зырянско-Вяткинским словосочетанием. Имел же смелость украинец воскликнуть: «Какой же русский не любит быстрой езды!», а почему гагауз не вправе сказать: «Какой же русский не любит крепкое словцо». Не так поэтично, как у Великого писмэнника Н.В.Гоголя, но зато в яблочко. По Каргаполью знаю.

Побывав в истекшем году в нескольких прежних союзных республиках, которые нынче суть независимые государства, своими глазами видел, как их поизносившиеся, обнищавшие и приунывшие обитатели, по уши нахлебавшись суверенитетов, стыдливо вспоминая о дружбе народов, захотели вновь обратно под крылышки Матушки России. Мы их примем, конечно, но почему-то пока не забывается, как в раскаленные роковые-переломные 1990-1991 гг. безоглядно и безудержно захотели в одночасье и рыбку съесть и независимость обресть».

Свободу-то, слава Аллаху, обрели, на независимость, дай Бог памяти, сели, а вот (надо же!) хлеба, света и тепла существенно поубавилось. А теперь, после тяжелого похмелья, как после недобродившей свекольной бражки, «к милосердным коленам припав» (опять как по Бунину) нефтяную-золотую рыбку-Россию принялись жалостливо просить об исполнении очередных желаний. Жить-то, кушать хочется!

Когда, например, местные грузинские вожди, вскормленные аффирмативной политикой, начатой X съездом ВКП (б), бесстыдно забыв о ней и поспешно сменив полинялые одежды коммунизма на ярко раскрашенные шкуры национализма, торопливо, шумливо и топливо «сваливали» из Союза, то вряд-ли кто из них, в том числе несостоявшийся филолог Звиад Гамсахурдия, могли представить себе, каким трагически-верным пророчеством обернется гениальная пушкинская строка: «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Увы, сегодня воспетые русским поэтом холмы оказались не только в ужасной мгле, но и сама Грузия барахтается в непролазной грязи, в голоде и в холоде, в крови и в катастрофе. Не Россия же в этом виновата! То что случилось с волшебной Грузией и нашими музыкально одаренными православными братьями-грузинами – неизбежная расплата за блуд и беспамятство, за бред и предательство. Словом, своих журавлей потеряли. И, конечно, не такой Грузией восхищался кумир российской молодежи А.С.Пушкин – чародей русской поэзии, сводивший с ума не одно поколение россиян своей певучей фантазией и той самой чарующей строкой.

Память – дело тонкое не только на Востоке, но и везде, на всех континентах. Поэтому я горячо поддерживаю Вашу задумку написать «Историю Каргаполья». Для всех, кто жил и будет жить в этом вечно омоложаемом солнцем и встречами крае, такая книга будет бесценным подарком. У нас в России кроме киргизо-Айтматовского «И дольше века длится день», русско-Чивилихинской «Памяти», аварско-Гамзатовского «Моего Дагестана», армяно-Балаяновского «Очага» и т.д. и т.п., существует и масса другой, не менее достойной литературы о памяти. Желательно, было бы, чтобы пафос и напряжение, богатство и опыт, накопленные ею, авторам учесть с тем, чтобы не только доокаргаполить, но и чуточку переокаргаполить «Историю Каргаполья».

По прошествии череды лет даже художественно бездарная книга одного из моих талантливых однокашников о каргапольском микромире приводит меня в священный трепет, когда в ней просто, без претензий, рассказывается о том, как на знаменитом Большом мосту (кто его не помнит!) иные танцевали и целовались, а иные ... , добавлю от себя, в думах своих с космосом сливались, или, прости меня господи, с иносельчанами из-за гордых девчонок бились и мирились, дрались и братались.

Существует, если не ошибаюсь, двадцатишеститомная «История областей Украины». И хотя она написана суконно-

казенным, нудно-перечислительным языком, все-таки таким ее опытом тоже можно было бы воспользоваться. Но есть более богатая, талантливая и поучительно-душевная болгарская традиция по написанию истории родного села и его прославившихся жителей. И хотя они написаны на болгарском языке, читаются легко и с захватывающим интересом. В аспирантские годы я, помнится, перечитал несколько десятков таких книг. И был счастлив. Ими особенно богаты фонды научной библиотеки им.Горького МГУ. Позднее, когда я уже работал в Институте этнографии АН СССР и писал статью о социологии села в Югославии, я встретил немало книг подобного жанра, изданных в Сербии на кириллице и в Хорватии на латинице. Этот малоизвестный у нас в советской России жанр (кроме разве средневековых житий святых) весьма широко распространен на Балканах. Кому, кроме специалистов, будут интересны в книге об истории Каргаполья сведения о тракторах и сеялках, картошке и морковке на полях колхоза им. Жданова? Но зато с каким интересом люди набросятся на страницы, посвященные жизни, родным и близким уникального директора школы, пламенного руководителя хора, влюбленного в свое дело секретаря райкома партии, знатного председателя колхоза, героя-комбайнера или прославившейся доярки. Клоню к тому, что лучше все-таки писать не столько «Историю Каргаполья», сколько историю его людей. Вы сами по справедливости назвали свою очередную книгу «Учителями славится Зауралье». Курган, 1993, а не «История Зауралья». Рассказывая о выдающихся женщинах, заодно можно будет вспомнить и о полузабытых учениках, талантливо влюбленных в некоторых из числа прославившихся женщин Зауралья. (Я – не язва, просто реактивен: от слова – быстро реагирую).

Когда в августе 1957 г. я уезжал в Москву (не на всемирный фестиваль молодежи, а сдавать экзамены в Институт Восточных языков при МГУ), в Тамакулье осталась толстая тетрадь (модными тогда были альбомы) с записями местного устного народного поэтического творчества. Какие то были

дивные завораживающие частушки! Увы, эта тетрадь безнадежно потерялась. А память меня подвела.

Я оказался не в силах эти крупинки народного таланта запомнить. Но, согласитесь, как бы гирлянда талантливых огненных частушек, как жемчужное обрамление, нанизанное в нить с обоих берегов Миасса, могла бы украсить «Историю Каргаполья». Наверняка в Каргаполье (или в окрестностях) есть энтузиасты-собиратели, но как их разыскать-найти?! А может, в Кургане есть публикации, или защищены на эту тему диссертации. Я этого, к сожалению, не знаю. Но совершенно уверен, что цены этим золотым россыпям нет. Они будут украшением Вашей книги.

Вместе с новогодними (немного запоздалыми) поздравлениями примите, родная Ульяна Илларионовна, мои пожелания в Новом 1996 году здоровья и силы, любви и удачи.

Миша Губогло.
Неизменно Ваш ученик 10 «А» класса,
25 декабря 1995 года

Письмо 4 от 26.06.1996.

Здравствуй, Миша!

Сердечный привет моим добрым знакомым Тане, Аленушке, Вере Николаевне и пожелания благополучия!

Миша, получила я твой презент – «Вестник» – с такой теплой надписью.

Спасибо! Только никакая я не знаменитая, а все равно приятно. Пишу я тебе из Шадринского профилактория, которым руководит бывший мой ученик Володя Прокопьев. Это он помог достать мне путевку в свой профилакторий (курганские власти «раскошелились»). Встретили тут меня очень приветливо, предупрежденные Володей. Как будто только меня и ждали. И опять же приятно. Какое счастье иметь благодарных учеников! И благодарных детей.

Приятная женщина Огаркова Л.И., что принесла мне «Вестник» со статьей М.Н.Губогло, зашла ко мне «на минутку», чтобы передать журнал, и просидела у меня более 2-х часов. Она с восторгом рассказывала о конференции и особенно об основном ее ведущем, докладчике Михаиле Николаевиче. Тут были слова в превосходной степени: и «вел конференцию лучше всех», и «доклад очень хороший», и «красавец-мужчина» и еще «вальяжный», «никакой он не каргаполец, а коренной москвич» и т.д.

Ну, сам понимаешь, как я цвела. Вобще курганцы наши часто стали произносить слова «каргапольский феномен», имея ввиду нашу школу. В самом деле, столько талантливых людей вышло из школы. Недавно из Москвы позвонил Лялин В.А. и сообщил, что его избрали академиком. Это уже второй известный мне академик из каргапольских выпускников. В Новосибирске работал Каргаполов Михаил Иванович, академик. Рано ушел из жизни – светлая ему память! Это был известный алгебраист с мировым именем. Ученые, заслуженные, чемпионы, поэты, писатели, артисты – и все из Каргаполья. Видно, было такое стечение многих обстоятельств, давших взлет школе и ее питомцам.

С Людмилой Ивановной Огарковой мы расстались друзьями, даже расцеловались, видимо, за приятные часы общения. Думаю, что общение продолжится.

Миша, твою статью прочитала легко, подготовленная предыдущим чтением. Прочитала с удовольствием, восхищаясь твоим стилем, логикой, эрудицией! Господи, я уже побаиваюсь своих учеников, мне жутко становится, как много они знают. И когда успели?! Я почти также побаиваюсь моего сына Володю, его познаний, жизненного опыта, умения видеть людей, как говорят «сходу». Мне, например, надо немало время, чтобы разобраться в человеке.

Кстати, Володя вернулся из Африки, гостил у нас в Кургане целый месяц. Наговорилась я с ним всласть. И как мне не хочется отпускать снова в Африку, ведь он переболел малярией, да «там и стреляют», как он выразился. Поди хватит мне терять детей... Я просила его остаться в Москве, но как быть с работой? Трудно, видимо, приходится в Москве, а, если не устроится, то опять улетит в Африку. А мне – страдать...

Миша, ты со своими связями (прости меня, пожалуйста!) не сможешь ли ему помочь? Это было бы для меня большим счастьем, если он останется в России. Он, конечно, не подозревает об этой моей просьбе, но я так хочу, чтобы он был дома. Хватит мотаться по миру: Куба – 2 года, Ангола – 2 года, Мозамбик – 2 года, Сьерра-Леоне – 1,6 года, Таджикистан – полгода... Ну сколько можно?

Миша, прости, что я изливаю свою печаль на тебе и даже как-то пытаюсь обременить тебя. Но мать на все пойдет ради дитя.

Ну хватит ныть...

Кстати, Володя был на первом организационном собрании Курганского землячества в Москве, сожалеет, что не было тебя. Хорошо отзывается о тебе: «Он молодец!» Это, по-моему, высокая оценка не только по каргапольским меркам. Президентом землячества избран генерал Зверковский, это бывший курганский облвоенком. С его женой мы общались по музейному делу.

Я продолжаю работать над книгой о женщинах Зауралья, даже с собой взяла материалы. Но я всерьез загорелась идеей написать историю Каргаполья в лицах. Написала Прокопьеву Вениамину, редактору районной газеты, тоже нашему выпускнику, написала писателю Усольцеву Альберту, Корчагиной Галине, Шестракову Володе – все наши, живут в Москве. Лямину написала, Петрашову Валерию – тоже.

Миша, а ты не сможешь принять участие в написании этой книги? Напиши о себе, потому что в книге ты обязательной будешь. Свои самые дорогие воспоминания юности, твои сегодняшние проблемы. Это же интересно.

26.06.96 г.
Целую.
Ульяна Илларионовна

Письмо 5 от 20.07.1996

Дорогая Ульяна Илларионовна!

Есть же радости в жизни, коли в это смутное посткаргапольское время курганцы все чаще и чаще произносят слова: "Каргапольский Феномен", имея в виду нашу школу. И, видимо, наш долг и наша радость каждому по-своему попытаться объяснить, в чем суть и истоки этого феномена, почему и как он появился и куда он нас привел.

1. Каргапольский Феномен: миф или реальность.

Сегодня, в самом деле, многие говорят и думают о Феномене Каргапольской средней школы (КСШ). Так что же этот наш феномен – миф или реальность? Заглянем в себя, в те времена, в прозрачную паутину тех событий.

В середине 50-х годов, когда с приходом нового директора Каргапольская средняя школа начала набирать обороты, в самой школе как в социальном институте, как в фокусе, слились воедино факторы выталкивания сельской молодежи и факторы ее притяжения городом. Убогая сельская среда, как злая мачеха, выталкивала крестьянских детей, город же, хищник, как магнит, притягивал их к себе.

Покалеченная, обескровленная, обесточенная деревня с опустевшими дворами и почерневшими домами, потерявшая на войне целые поколения своих мужчин, не открывала никаких перспектив молодежи. Иное дело – в огнях рекламы сверкающий город. Там уже творили знаменитые писатели и поэты, жили ученые, работали музеи и выставки, снимались фильмы и ставились спектакли. Жизнь бурлила и кипела. Готовились к запуску человека в Космос. А здесь, на селе, еще вчера всем классом, как под конвоем, ходили прочесом собирать остатние колоски в середине лета и мороженую картошку в середине весны. Там по асфальту уже призывно шелестели новенькие "Победы" и свеженькие "Москвичи". Здесь, в Каргаполье, доживали свой век израненные войной и бездорожьем старенькие зе-

Здравствуй, Миша!

Сердечный привет моим добрым знакомым Тане, Аленушке, Вере Николаевне и пожелания благополучия!

Миша, получил я твой презент — „Вестник" — с такой теплой надписью. Спасибо! Только никакая я не знаменитая, а все равно приятно.

Пишу я тебе из Шадринского профилактория, которым руководит бывший мой ученик Володя Прокопьев. Это он помог достать мне путевку в свой профилакторий (курганские власти „расщедрились"). Встретили тут меня очень приветливо, предупрежденные Володей. Как будто только меня и ждали. И опять же приятно. Какое счастье иметь благодарных учеников! И благодарных детей.

Приятная женщина Огаркова Л.И., что принесла мне „Вестник" со статьей М.Н. Губогло, зашла ко мне „на минутку", чтобы передать журнал, и просидела у меня более 2х часов. Она с восторгом рассказывала о конференции и особенно об основном ее воздухе, докладчике Михаиле Николаевиче. Тут были слова в превосходной степени: и „вел конференцию лучше всех", и „доклад очень хороший", и „красавец-мужчина", и еще „валяевский", „никакой он не карапулец, а коренной москвич" и т.д.

— 2 —

Ну, сам понимаешь, как я увела. Вообще курганцы наши часто стали произносить слова „карапульский феномен", имея в виду нашу школу. В самом деле, столько талантливых людей вышло из школы. Недавно из Москвы позвонил Лялин В.А. и сообщил, что его избрали академиком. Это уже второй известный мне академик из карапульских выпускников. В Новосибирске работал Карапулов Михаил Иванович, академик. Рано ушел из жизни. Светлая ему память! Это был известный алгебраист с мировым именем. Ученые, заслуженные, почетные, чемпионы, артисты — и все из Карапульки. Видимо, было такое стечение многих обстоятельств, давших взлёт школе и ее питомцам.

С Людмилой Ивановной Огарковой мы расстались друзьями, даже расцеловались, видимо, за приятные часы общения. Думаю, что общение продолжится.

Миша, твою статью прочитала легко, подготовленная предыдущим чтением. Прочитала с удовольствием, восхищаясь твоим стилем, логикой, эрудицией! Господи, я уж побаиваюсь своих учеников, мне жутко становится, как много они знают. И когда успели?! Я почти так же побаиваюсь моего сына Володи, его

— 3 —

познаний, жизненного опыта, умение видеть людей, как говорят, „с ходу". Мне, например, надо немалое время, чтобы разобраться в человеке.

Кстати, Володя вернулся из Африки, гостит у нас в Кургане целый месяц. Наговорились с ним всласть. И как мне не хочется отпускать снова в Африку, ведь он перетолще малярией, да „там и стреляют", как он выразился. „Ладно хватит мне терять детей..." Я просила его остаться в Москве, но как быть с работой? Трудно, видимо, пристроиться в Москве, а если не устроится, то опять улетит в Африку. А мне страдать...

Миша, ты со своими связями (прости меня, пожалуйста!) не сможешь ли ему помочь? Это было бы для меня большим счастьем, если он останется в России! Он, конечно, не подозревает об этой моей просьбе, но я так хочу, чтобы он был дома. Хватит мотаться по миру: Куба 2 года, Ангола 2 года, Мозамбик 2 года, Сьера-Леоне 1,6 года, Таджикистан — полгода... Ну, сколько можно?

Миша, прости, что я изливаю свою печаль на тебе и даже как-то пытаюсь обременить тебя. Но мать на все пойдет ради детей.

— 4 —

Ну, хватит ныть...

Кстати, Володя был на первом организационном собрании Курганского землячества в Москве, сожалеет, что не было тебя. Хорошо отзывается о тебе: „Он молодец!" — Это, по-моему, высокая оценка не только по-карапольским меркам. Президентом землячества избран генерал Зверобоев, это бывший Курганский военком. С его женой мы обнялись по музейному делу.

Я продолжаю работать над книгой о женщинах Зауралья, даже с собой взяла материалы. Но всерьез загорелась идеей написать историю Карапольи в лицах. Написала Прокопьеву Вениамину, редактору районной газеты, тоже нашему выпускнику, написала писателю Уколову Роберту, Корчагиной Галине, Шестакову Володе — все наши, живут в Москве. Лямину написала, Петрашову Валерию — тоже.

Миша, а ты не сможешь принять участие в написании этой книги? Напиши о себе, потому что в книге ты обязательно будешь. Свои самые дорогие воспоминания, твои сегодняшние проблемы. Это все интересно.

26.VI-96г. Целую — Ул. Ил.

В Шадринске вышел сборник Зауральских частушек. Ещё не знаю, как их использовать.

леноватые "ЗИС-105" и расхристанные бесцветные "полуторки".

Объективные факторы "работали", понятно, не только в Каргаполье. Такая ситуация, в широком смысле, была по всей стране. Но судьба свела объективные и субъективные факторы. Под небом Каргаполья начертано было стать директором школы энергичной и умной Ульяне Постоваловой, той, что по зову души и вызову времени дано было оказаться в центре духовной жизни района. Сам по себе талантливый директор школы – это, разумеется, субъективный фактор. Но не всегда этот фактор становился равнодействующей объективных обстоятельств.

И тут я подхожу к главному. Вашу личную заслугу и ответственность перед народом и историей Зауралья я вижу в том, что Каргапольскую школу Вы превратили в мост между селом и городом, в акт примирения между прошлым и будущим. Я не случайно назвал его – Каргапольский мост мудрости (КММ). По нему по Вашему зову и вместе с Вами потекли далеко и высоко поколения очарованных учеников, как очарованные странники Лескова. КММ стал маяком, сгустком эпохи и перекрестком истории. А те, кто взошел на него и прошел по нему, стали теперь утешением и наградой его создательнице. Вы, Мост и ученики Ваши стали феноменом, стали историей.

Стране и народу нужны были умные, грамотные и энергичные люди. Ваша педагогическая находка – великолепный стенд: "Они учились в нашей школе". Он стал изобразительной риторикой, самодостаточной идеологией и прекрасной поэтикой перелива молодежи из села в город. Оставаясь в деревне, Вы не сопротивлялись эгоизму города. Вы пошли навстречу ему и отдали все, что требовали индустриализация, урбанизация и интеллектуализация.

Не скрою, в этой звенящей, надрывной мелодии есть и тихие грустные нотки. Советское село в который раз приносилось в жертву монстру алчному городу. ("Город грабил, греб, грабастал" не только во времена футуристов). И лучших из лучших сельчан Вы ставили на ноги, чтобы оторвать от села и отдать их городу и прогрессу.

Я осознаю огромную воспитательную силу "Вечеров встреч" (2 февраля каждого года), которым Вы придали широкое общественное звучание и значение, тонкий изыск и высоты вдохновения. Они воспитывали учеников "на вырост" не меньше, чем классическая литература и стандартные до серости школьные программы.

По дороге на кустовые и областные смотры художественной самодеятельности, где наш хор непременно побеждал, или получал призы, мы пели "На кораблях ходил, бывало, в плаванье". Песня становилась манящей и зовущей мечтой, силой и руководством к действию. "Бананы ел, пил кофе на Мартинике, курил в Стамбуле злые табаки" – пели мы не по программе, а по дороге в Курган, под аккомпанемент аккордеона или баяна. И даже самые музыкальные среди нас, такие как Петрашев, Хомяков, Петухов, Патраков, может, не подозревали, что некоторым из солистов сподобится счастье испытать в жизни все то, о чем пела душа, мобилизованная вашей энергией и вашим талантом.

Однажды, в середине 70-х годов, из Сайгона я возвращался в маленьком самолете. Утомительный полет длился 22 часа с посадками во Вьентьяне, Рангуне, Бомбее, Кувейте, Тбилиси, и слова той самой песни облегчали мне путь.

2. Учиться стало интереснее, чем жить.

Нельзя понять взрывную силу Феномена Каргапольской школы, если не принять во внимание то необычное, что Вы в нее привнесли. Учиться стало интереснее, чем жить. Вот Вам и гипотеза и, возможно, разгадка Феномена.

Сочетание предтечи Хрущевской оттепели в стране с либерализмом и строгостью нового директора КСШ сделали свое дело. Молодежь обрела пассионарность. Ее энергия и инициатива явились достойным ответом вашим импульсам и вызовам времени. Пройти через КММ оказалось вполне достаточным, чтобы взять судьбу в свои руки и не стыдиться ее.

Вы с коллективом учителей сумели увлечь нас – учеников – не только красотой мобильности (т.е. карьеры), но и тем, что будущее станет лучше настоящего, если не лениться. Сегодня, с исторической дистанции, лучше видны корни Вашего личного персонального успеха. Вам удалось привнести героику и романтику довоенного трудового энтузиазма, когда начиналась ваша карьера, в интеллектуальную жизнь послевоенной школы. Вы заразили школу горячим энтузиазмом, любовью и стремлением к познанию и успеху.

Вашему энтузиазму и жизненной силе, казалось, нет предела. Бог ты мой! Как вы и учителя умудрялись в опустошенной стране доставать столько бертолетовой соли, чтобы мы с упоением превращали ее в сияющие, как иные цивилизации, бенгальские огни на занятиях по химии и на танцевальных вечерах. Книги, реактивы, контурные и обычные карты, спортинвентарь и наряду со всем этим, еще и пришкольный сад, где каждый мог посадить свой тополь, акацию или свою смородину.

Каргапольская школа учила думать, будила воображение. Воображение конкурировало с реальностью и побеждало.

3. Мост Радости и Мост Мудрости.

На ветровом стекле маленького частного автобуса, на котором я ехал из Анкары в Эфес (где седые камни храма Артемиды), живыми и каллиграфическими буквами, чем-то напоминающими староосманскую (до-Ататюрковскую) письменность, была выведена щемящая, но на редкость поэтично звучащая на турецком языке, строка: “Zoor, dostum, zoor” (“Тяжело, мой друг, тяжело”).

Хозяин микроавтобуса, бедняк средней руки, родом из нищей турецкой деревни, десяток лет надрывался арендой, чтобы скопить деньжат, купить красивую машину и открыть свое “дело” – подрабатывать извозом у Турецкого исторического общества (нечто типа нашей Академии исторических наук). Вся его энергия, отданная автобусу, как в капле воды, отразилась в поющей строке. Эта строка, случайно занесенная в мой блокнот, глубоко запала в душу и навсегда прижилась в ней.

Через несколько лет после памятного ветрового стекла вступительное слово к большому многоплановому роману моего земляка и друга Дионисия Танасоглу (“Узун керван”. Долгий караван. Предисловие М.Губоглу, Кишинев, 1985, с.3-12) я назвал “Расскажи, караван, расскажи”. Вот и теперь, в приливе ученической нежности к Вам, Ульяна Илларионовна, одну из 12 самых глубинных, а потому и дорогих картинок воспоминаний, мне хочется назвать: “Мосты, вы мои, мосты”. И хотя на русском языке это звучит банально и коряво, во всяком случае, не так метафорично, как по-турецки, зато вполне соответствует нахлынувшему, как девятый вал, настрою души, от имени которой я и обращаюсь к призракам своей юности, к учителям, мостам, словам, мелодиям, любимым и друзьям. Без светлого прошлого нас ждет темное будущее. Не так ли?

Я не единственный Ваш ученик. Нас много, тех, что двумя Мостами – Радости и Мудрости – пришли в этот необозримый мир, в котором без Ваших духовных ориентиров легко потеряться и исчезнуть, подобно Бунинскому летнему облаку, тающему в бездонном, холодном, высоком, синем небе.

Первый из них – Каргапольский Мост Радости (КМР), построенный из звенящего дерева в звенящие дни гражданской войны, украшал и облегчал жизнь поколений Каргапольского края.

Второй из них – Каргапольский Мост Мудрости (КММ), созданный умом, душой и волей выдающегося директора Каргапольской средней школы, расширял нравственные горизонты края и продлевал жизнь тем, кто решился вырваться из сонного царства измельчавшей деревни в зеркальную даль голубых городских дорог.

Каргапольская школа, как волшебная лампа Аладдина, порождала надежды, увлекала тропой познания и, похоже, опровергала библейскую притчу. “Во многой мудрости много печали, – гласила притча, – и кто умножает познание – ум-

ножает скорбь". Заумные скорби познания, что давал КММ, гасились светлой мечтой КМР. Жизнь, хоть и начиналась с нулевой отметки, не задерживалась на ней. Переход из начальной Тамакульской школы в Каргапольскую среднюю был таким же переломным, как переход из запыленной казенки крестьянского пятистенка в праздничную переднюю подкупольного храма. Вступив в КММ, мои сверстники из окружающих деревень становились как бы соучастниками всемирной истории. Через КММ шли не телеги с флягами молока и обрата, не сани с мороженной рыбой, а целые народы, культуры и цивилизации, вереницей, от урока к уроку, сменяющие друг друга.

На каком таком магическом сеансе у моих сверстников и у меня тоже зарождалась охота дальних странствий, желание пройти по следам седых веков, оказаться за зеркальной далью голубых пространств? Поистине оба моста – и реальный, и воображаемый – стали хвалой и славой Каргаполья, символом и знаменем феномена, загадку которого пытаются разгадывать не только нынешние дремократы, но и новые современники, не оболваненные окончательно перестройки глупой передрязгой.

Гражданский (КМР) стал источником любви и возвышений, встреч и расставаний. Постоваловский КММ стал генератором и аккумулятором духовных сил, источником самоуглубления и полигоном возвышения.

4. Дед и внук.

В ясную солнечную погоду с высоты деревянного моста хорошо просматривался железный мост, соединяющий Европу с Азией. По нему в синеватой, как на полотнах Рериха, дымке беспрестанно, как у Чингиза Айтматова в его романе «И дольше века длится день», шли голубые экспрессы и скучные товарняки с Запада на Восток и с Востока на Запад. На одном из таких товарных поездов, на которых обычно перевозили коров и лошадей, совсем ещё мальчиком я был привезен сюда, в Зауралье, выгружен темной ночью на

каргапольский полустанок и затем на скрипучей колхозной подводе доставлен в заросшую крапивой и бурьяном Сухановку. Казалось, что жизнь закончилась.

Каково же было мое удивление, когда, проснувшись поутру, я увидел, что мы живем у леса, в полупустынном селении, без улиц, без перекрестков, без людей, без школы. Однако у самого порога, в раскидистой траве наехавшего леса сочно краснели тугие гроздья костяники и заждались живых людей, наполненные пахучей влагой, слезы земляники. И сладкая боль сонных берез неведомого края бесшумно поплыла мне в душу. И тем временем, покуда израненные умом и занемевшие сердцем, раздавленные временем, несправедливостью и жестокостью родители пытались хоть как-то сосредоточиться и что-то себе сообразить и вообразить, на меня обрушилась благословенная новизна прохладного леса, золотые круги вечерней талицы, мерцающие волны неторопливого тумана. Но долго оставаться наедине с лесом у нас не было ни опыта, ни навыков.

Бесхозные дома и ягоды, сочный лес, теплый дым над зеркальным озерком, крапивные джунгли вокруг заброшенных дворов и вдоль покосившихся заборов – таков был бесхитростный язык Зауральской земли, ставшей очагом и началом моих жизненных дорог. Однако несколько дворов со слепыми окнами в лесу, без школы – это был тупик. Может быть, война была тому злой причиной. А без школы какие там пути-дороги? Никакие. Никуда. Великий и бескрайний мир для Сухановки был закрыт.

Закрыт. Но не для моего деда, не сломленного и не утерявшего корневой силы, даже когда его разлучили с родными конями, полями и виноградниками. Каким-то чудом ему удалось вырваться из глухомани и всей семьёй придвинуться поближе к Каргаполью. И хотя в спецкомендатуре ему не разрешили поселиться в самой столице Каргапольского края, все-таки тихое Тамакулье с его привычным для слуха тюркским названием, где мы воссоединились с семьей тети Любы (младшей сестры моего отца), было совсем

рядом с широко и вальяжно раскинувшимся вдоль Миаса Каргапольем.

Стало быть, первым шагом по Зауральской земле, по дороге к Феномену Каргапольской средней школы, тогда, наказанной осенью 1949 года, я обязан моему энергичному, не павшему духом, депортированному деду. Поклонимся светлой его памяти.

Между Гражданской и Великой Отечественной войнами, когда Бессарабия оказалась в руках Королевско-боярской Румынии, он разбогател, безумно любя лошадей и дороги. "Кара Петри" (черный, в смысле почерневший от зноя, труда и дорог, Петр) – так до сих пор в Гагаузии звучит уважительное прозвище, которым окрестил его любящий и помнящий народ.

Как жаль, что уже нельзя рассказать ему о голубых дорогах девятнадцати стран, в которых мне, его внуку, довелось побывать. Последняя в этом, извините, нескромном списке была Индия в ноябре прошлого года.

Как жаль, что я не дождался от него похвалы за диплом, в котором золотыми буквами написано, что я – не без помощи Гарварда – "An Activ member of This Academy" – действительный член (академик, по-нашему) Нью-Йоркской Академии Наук, за диплом академика Международной Академии педагогических и социальных наук, за высокую награду орденом "Дружба", которым отметило правительство СРВ мое многолетнее руководство комплексной советско-вьетнамской экспедицией, подготовку научных кадров для Вьетнама.

Но обиднее всего, что не увидел он многотрудных дорог к тем вершинам, которых достиг его сын – Михаил Губоглу (старший брат моего отца) – почетный профессор Сорбонны, академик Türk Tarih Kurumu (Турецкой исторической Академии).

И страсть, как мне хочется одну из моих будущих книг, если на то будет соизволение божье, посвятить памяти дяди, сына моего деда, такими словами: "Сыну Гагаузии, профессору Румынии, академику Турции". При этом азартно чешутся руки у меня, хулигана Тамакульского разлива, добавить с многозначительным отточием – "но... академику Турции" в отместку неблагодарной Румынии, которой он верно служил и приумножал ее славу, но кроме профессорского звания не получил иной награды признания.

Но, может быть, злость – не лучший советчик. Тем более, что время все расставляет по своим местам. В конце прошлого года Международной гимназии в городе Чадыр-Лунге, где мы с дядей родились, присвоено имя сына моего деда – профессора Михаила Губоглу.

5. Я пришла вам дать волю...

Эту мужскую твердую формулу и емкую программу рано сгоревшего Шукшина претворила в жизнь в пору цветения Каргапольской средней школы сильная умом и духом, мужественная женщина с золотой копной волос. Она была директором. Стала легендой. Автором "Истории народного образования Зауралья".

"Дух захватывало" – горделиво признавались деревенские мальчишки, перед тем как ринуться вниз на самодельных лыжах по свежим сугробам головокружительного обрыва где-нибудь по отвесным склонам Тамакульских или Зырянских оврагов. Победный блеск в глазах был наградой за удачный спуск и проторенную свою лыжню. Как много было в жизни полетов вниз и взлетов вверх. От проторенной Вами, Ульяна Илларионовна, лыжни, круто ведущей к вершине знаний, дух захватывало ничуть не меньше, чем перед высоким трамплином у подножия горы.

Прошло совсем немного лет после окончания всенародной войны, когда Вы пришли в Каргаполье дать волю нам – молодым и дерзким. Беспаспортное, безропотное и обезжизненное село было наглухо зажато и подавлено опричными поборами, налогами, обязательствами, за нарушение которых следовала неминуемая кара.

Я хорошо помню: попробуй вовремя не сдай государству молоко, не купи облигации, не собери после комбайна колос-

ки, не вырасти капусту, не почини в МТС ДТ-54! Не то что калитки, и форточки не было из этого подземелья. Спасения, казалось, не было. Но была школа. Школа, если ее окончить, помогала получить справку на выход из колхоза, на легитимный выезд из села через успешно сданные вступительные экзамены в какой либо институт или университет.

Вот где корень энтузиазма и еще одно слагаемое Феномена Каргапольской школы. Школа прорывала кольцо социальной блокады и давала путевку в открытое, хотя еще закрытое от внешнего мира, советское общество тех оттаивающих от холода сталинизма 50-х, откуда мы родом.

Вы, как директор и аналитик, гениально уловили эту слабинку в послевоенной социалистической системе и сумели мобилизовать мощные рычаги для расширения фронта прорыва. Высокопрофессиональные уроки, сплоченный коллектив единомышленников (попробуй теперь сплоти такое при плюрализме, «туды – его в качель»), творческие предметно-тематические кружки, свободная общешкольная печать "За учебу" (чем не "Колокол"?, хотя главному редактору, каковым мне пришлось быть в течение двух лет, далеко до Герцена), хор и самодеятельность на высоком полупрофессиональном уровне (иначе чем объяснить победы и призы на кустовых в Шадринске и областных в Кургане смотрах самодеятельности), увлекательные вечера классических (вальс, танго) и полузапретных (рок-н-рол, буги-вуги) танцев, – это и многое другое, смело организованное и дерзко разрешенное вашей рукой и волей, давало выход забродившей, как молодое вино, энергии прорастающего из-под обломков войны села, срывало цепи прабабушкиного ханжества и дремучего монашеского пуританства.

В окрестных селах, и у нас в Тамакулье, тайно, но у всех на виду, "ходила", т.е. гуляла, а еще точнее – дружила и любила молодая посмелевшая поросль. "Ходить" с матаней (или со шмарой – если по-блатному) в открытую было не принято. Осуждалось. Но "переделы" матань иногда случались. Тайное становилось явным. Каргапольская средняя

школа создавала новую ауру и новую идеологию "ходения". Она ломала пошловатенькую матанью-шмарочную традицию, снимала с зарождающейся любви налет заплесневелой одичалости, озвучивала, освещала и освящала прекрасное чувство, уводила от одноклеточной биологии к музыке социальной эстетики и культурной антропологии.

Ближе к окончанию 10-го класса, помнится, уже в открытую "ходили" не только Зоя Суворова с Валей Петрашовым, Римма Моисеева с Валерой Хомяковым, но и многие другие, менее именитые парочки. Вы тонко угадали потребность той эпохи – сознательное раскрепощение дополнить и усилить эмоциональным насыщением. И это Вам удалось. Феномен каргапольской школы – тому порукой.

От унизительной моды стыдиться и прятаться от своей любви школа помогала переходить к моде гордиться и вдохновляться ею. Это был новый манифест. Это было обновление. Важное и по духу, и по содержанию. В этом тоже Ваша заслуга. Это тоже и часть, и причина, и следствие того самого феномена, который состоялся благодаря Вам и тем, кто в Вас поверил.

Россия обрела свободу, а в придачу к ней и анархию в 1991 г. Вы же нам, выпускникам Каргапольской средней школы, даровали свободу, волю и любовь еще в середине 50-х годов.

В 1997 г. исполняется 40 лет моему выпуску. Как грустно и как прекрасно. Юбилей свободы, воли и любви. Примите поздравления!

6. Поцелуи твои, поцелуи.

От школы до Спиртзавода путь был неблизок в будние дни, сладок и короток в дни, когда я провожал ее домой. До сих пор закипает кровь, как вспомню, какая упругая была у нее стать и походка и чистые глаза. И как воспламенялись мы оба под струйным звездным небом перед резными наличниками на широкой лавочке у ворот ее дома. Даже в самый лютый мороз, когда луна холодила все вокруг своим

свирепым красным кругом, легко и пламенно летелось через льдистый Миас прямиком домой в Тамакулье. Оглушительный скрип заиненного ближе к утру снега будил всех продрогших собак. Безудержный лай над Двоеданской улицей торопил шаги и тревожил всполохи мыслей. Затем гремел застуженный засов и толерантные родители сонно ворчали о глупых новых порядках в Каргапольской школе, где занятия химического кружка или "репетиция" прославленного Хора, или выпуск стенной газеты "За учебу", где я был редактором, затягивались далеко за полночь.

Через некую череду лет после тех поцелуев, огненных до полной "потери сознательности", уже став самонадеянным столичным лектором-международником, я отыскал ее в какой-то не самой респектабельной части периферийного Кургана. Снова были поцелуи и были ласки. Но то, что так легко и просто было звездно даровано богиней луны и целомудрия по дороге до высоких ворот родного дома, нельзя было повторить в чужом настороженном городе. Артемида из посткаргапольской истории исчезла. Да и не полагалось залетному лектору с реальными или мнимыми признаками зазнайства и снобизма каких-то особых радостей! Молодец, Галочка! Умница! Держу в руках фотографию школьного хора, где она кокетливо, даже шаловливо, склонилась к моему лучшему школьному другу, и думаю себе: пусть память души останется сильнее памяти необузданной жадности.

И снова звенит в висках от слов благодарности всем: тому времени, той школе, той возлюбленной, шальным звездам, остужавшим каленым инеем наши горячие головы, щедрому небу, устроившему по Блоку – "высоко, у царских врат" – перекрестки наших дорог, ярости разбуженных фантазий и горести безжалостных разлук. На душе покой и благость от таких воспоминаний. Можно снова, закрыв глаза, слушать матовый шум леса, невнятный зов приречного тальника, шепот трепетного тополя, серебристый всплеск рыбы над тихим зеркалом реки и ждать, когда сердце заноет и занемеет от связи времен, от переплетения прошлого с настоящим и будущим. Когда в душе зазеленеет травой, зацветет сиренью, забелеет черемухой и жасмином, и снова зажелтеет лютиками – печальными знаками всего проходящего.

А сегодня, оторвавшись от бумаг, я слушаю, как полугодовалый внук по слогам научился выговаривать озорные пожелания: ба-бу-бы де-ду-бы. Значит правильный мужик, Зауральской закалки с Бессарабской корневой приправой. Можно быть спокойным, ему не страшны будут ни сибирские холода, ни буджакская жара. Жизнь не завершилась. Поцелуи не иссякли. А будут поцелуи, будет кружиться голова, будут расти крылья, звенеть в крови, шуметь в деревьях, вулканом извергаться фантазия.

7. Язык цветов.

В том далеком Тамакульско-Черепановском "ходении" не все было так плоско, низко, заземленно, как я выше охаял. Были в нем, как и в любви, и свои красивые жесты, и звуки, и мелодии, и цветы. Перед тем как сделать предложение девушке стать матаней и начать "ходить", ей полагалось преподнести белый букет, что означало на языке цветов: "Разрешите с Вами познакомиться". Если повезло, и закипела кровь, она получала, если соглашалась, второй. Но он уже был красным. Цвет любви, крови и жизни. Когда любовь кончалась, девушка могла получить на прощанье желтый цветок – цвет измены. Реже, но в таком же порядке, и с таким же значением получал цветы и сельский кавалер. Мог ли я подумать, овладевая Зауральским языком цветов, что пройдет время, и на полке моей домашней библиотеки появится книга «Çiçeklerin dili» – "Язык цветов"? Но об этом чуть ниже.

Тарабарский язык, на котором мы говорили за порогом Каргапольской школы, в школе Вы и учителя заменяли хорошо поставленным литературным языком. Деду своему я обязан мало-мальским знанием румынского языка, маме, болгарке по национальности, я обязан тем, что в студенческие и аспирантские годы относительно свободно погрузился

в стихию болгарского языка и болгарской книжности, ведущей свое начало от Кирилла и Мефодия. Щеголевой Парасковии Дмитриевне я обязан первоначальным вхождением в урожайное поле английского языка. Мой литературный русский язык – это дар мне Каргапольской средней школы. У каждого языка – своя история, за каждым языком – душа его создателя.

На историческом ли конгрессе в Бухаресте, на политологическом ли в Вашингтоне, на лингвистическом ли в Брюсселе – словом, где бы я ни заговорил с румынскими коллегами на их родном языке, мне тут же принимались доверительно рассказывать анекдоты про диктатора Чаушеску, про его жену и про целый клан его жадных родственников. Знание языка пересиливало политику, преодолевало подозрительность, внедряло доверие и изначальную симпатию.

Но бывало, что язык не соединял, а разъединял. На Международном Конгрессе по прикладной лингвистике в Брюсселе, куда я вылетал во главе советской делегации, по идеологическим расхождениям я сцепился с неким Михаилом Брухисом, бывшим заместителем директора Института истории партии при ЦК Компартии Молдавии, затем переехавшим в Израиль и ставшим там ярым антисоветчиком. Значительную часть своей пасквильной книги ("The USSR: language realities. Nations, leaders and scholars" New-York,1988), опубликованной через четыре года после дискуссии в Брюсселе, он посвятил "разоблачению" великодержавного шовинизма в трудах М.Н.Губогло о национально-русском двуязычии и национально языковой политике КПСС. Очень ему не нравилось, что я всегда высоко оценивал знание двух языков (двуязычие) среди нерусских народов бывшего Советского Союза.

Однако, его злой, холуйский и мстительный фолиант оказал мне в конечном счёте хорошую услугу.

Иначе чем объяснить, что не в Европе, а в двенадцати университетах США меня пригласили читать лекции именно по национально-языковой политике и по вопросам двуязычия. Ксерокопию его книги почти в 400 страниц мне подарили мои американские друзья. Важно знать не только язык цветов, но язык недругов. Дабы не застали врасплох. Но не будем о мерзком. Если знаешь язык, раскрывается душа народа, расцветают цветы.

В перерыве между заседаниями мудреной конференции по проблемам Public Relations (непереводимо на русский язык) в Вене ко мне подошел профессор из Турции, неотразимый красавец, как Назым Хикмет. (О последнем одна моя коллега по институту, царствие ей небесное, рассказывала, как очевидица, что на званых вечерах, где собирался Московский бомонд, он так прелестно ухаживал за дамами, пусть даже в одном только танце, что каждая из них уносила домой глубокое впечатление, что именно ее и только ее он предпочел всем остальным. Это тоже язык – язык душевной щедрости, одаренности, галантности и талантливости.) Первоначально с подошедшим профессором из Стамбула мы, как рассказывают очевидцы, говорили чинно и чопорно на замедленном английском языке. Оба плохо владели им. Обсуждали достоинства и недостатки гражданского общества и то, какое место занимают в нем те самые Public Relations.

Ничто не предвещало коммуникационной бури. Но вдруг – ураган разразился. Стоило мне произнести несколько фраз по-турецки, как вся академическая чопорность слетела с профессора, как "с белых яблонь дым". По словам моей коллеги, сопровождавшей меня, двое взрослых мужиков, забыв, что за ними наблюдают, кинулись едва ли не в объятия друг другу и, размахивая руками, стали о чем-то (на самом деле – о ком-то) захватывающем рассказывать. Он вспоминал свою неделю а Москве, я – свою юность в Каргаполье. Потом неоднократно, на других конгрессах и в других странах, вдали от Анкара и Москвы, я замечал: стоило перейти на турецкий, как разговор немедленно оживлялся и переходил на замечательные темы, весьма далекие от темы официальных заседаний.

В Париже я познакомился с обаятельной турчанкой, которая потом, когда мы снова встретились в Стамбуле, подарила мне свою книгу "Çiçeklerin dili" ("Язык цветов"). Это фундаментальный научный труд, ее подвиг, посвященный всестороннему описанию функциональной роли, а более того – символической миссии цветов в одежде и в быту турецкой женщины.

В отличие от Каргапольско-Тамакульского варианта, где сам цветок не нес никакой особой информации, символики и никакого содержания, где важен был лишь только его цвет, в турецком образе жизни цветок имел более полифункциональное значение. То, какой это цветок, куда он приколот, с правой или с левой стороны лица, на голове или за ухом, один или в сочетании с другими и т.д. и т.п., он нес важнейшую информацию о возрасте, семейном статусе, происхождении, количестве детей и даже о некоторых повадках самой хозяйки цветка. Цветок – как язык, и как компонент турецкого образа жизни.

Бывали и курьезы с языком. Когда мы жили с коллегами на даче Тхиеу, что неподалёку от Сайгона, обслуживающие нас три редкостно красивые вьетнамочки постоянно обращались к нам со словами Домчи Минь (товарищ Михаил, стало быть), Домчи Винь (товарищ Валерий). На обед с пляжа они зазывали нас тонкими по-детски звенящими голосами: "Домчи Минь! Домчи Минь!" Один из наших озорников перевел им "Домчи" как "папа". Дескать вьетнамское слово "товарищ" по-русски звучит как "папа". И когда вьетнамочки дружно заверещали, зазывая нас на обед: "Папа Минь! Папа Минь!", Валера записал их голоса на магнитофон. Мы были во Вьетнаме, кажется, уже в четвертый раз. По возвращении в Москву этот Валерий, придя к нам в дом, в гости, подарил эту кассету моей жене, намекая на мои демографические достижения на просторах Вьетнама за истекшие 3 года. Нахал! Но кассета бережно хранится в моем домашнем архиве, как память о талантливом музыканте, этнографе, о совместно пройденных дорогах на просторах Вьетнама.

8. Медаль моя, печаль моя.

Решением Педсовета Каргапольской средней школы мне была присуждена медаль и сообщено об этом в районной газете. Это было первое в жизни упоминание моей фамилии в открытой печати. Точной даты, как и названия газеты, я, конечно, не помню. Видимо, где-то на рубеже выпуска и начала летних каникул. За окном звенел 1957 год. В этой же газете несколькими днями раньше были опубликованы стихи моего тамакульского друга Алеши Лукинова, родом из семьи раскулаченных чувашей рубежа 20-х – 30-х годов.

На торжественной части выпускного вечера мама моя в нарядном платье принимала поздравления. Однако за сочинение, написанное по произведению, которое я знал едва ли не наизусть, в престольном Кургане мне снизили балл, и медаль до Каргаполья, увы, не дошла. И это при том, что перед отправлением выпускного сочинения в высокие инстанции области, оно было проверено (что уж греха таить после 40 лет) двумя блистательными литераторами школы. То были незабвенная Нинель Николаевна Пермякова, с сердцем, раскрытым для любви, и не менее любвеобильный Василий Дмитриевич Берсеньев. И, насколько я помню, были устранены, как я теперь (доброжелательно и дипломатично) пишу в отзывах на докторские диссертации, "некоторые редакционные шероховатости". Приговор областного начальства, однако, был суров. (До сих пор не знаю, справедлив ли?) "Сочинение – алогично, в медали отказать." Мама моя, божественной красоты и олимпийского спокойствия женщина, Димитра Степановна (в девичестве Стойнова) философски утешила: "А ты, сынок, считай себе, что она у тебя есть!"

Феномен Каргапольской средней школы как раз и состоит в том, что ее авторитет и по сей день для меня выше, чем авторитет курганских областных чиновников от образования. Я в самом деле считаю, что у меня есть законная медаль. И если даже она присуждена не за знания (пробелов у меня полно), то, по крайней мере авансом, за то, что я выстоял и не уронил авторитет того педсовета, которым ру-

ководила Ульяна Постовалова, отдающая отчет своим решениям и делам, связанным с очередным выпуском школы.

9. Картошка и бананы.

Когда знойность каргапольского лета сползала в позолоченные рощи боярышника, а осень томно мохнатила мелкие островки запоздалой клубники, затвердевали стручки «молочного» гороха и вязких бобов, приходила дивная пора печенок. Пекли картошку двумя способами – цивилизованным и диким. Нет, не пекли, а исполняли некий веками сложившийся ритуал. Местом для цивилизованного и гораздо менее интересного ритуала было открытое колхозное поле, где-нибудь на Тамакульской горе или в степи, по ту сторону Каргапольской больницы. Костер разжигали вывезенным на уборку классом, чаще всего, не отходя от полухолма, собранного за день урожая, не накрытого еще жухлой ботвой. Прямо в середину костра зарывалось дырявое ведро с отборной картошкой. Печенки получались рассыпчатыми, вкусными, но без подгорелой прямо на углях корочки. Какая-то цивилизованность была. Но изюминка исчезала. Что-то в печенках терялось. Было весело, дружно, шаловливо, соборно, озорно, молодо. Но все же то была трапеза, но не было таинства. Цивилизованный ритуал был дозволительным и поэтому в чем-то ущербным по сравнению с запретным диким ритуалом.

По заведённому нецивилизованному ритуалу пекли как партизаны, "заимствуя" корнеплоды из неубранного колхозного поля. Набрав в соседней колке или перед входом в сосновый бор дровишек, спускались в укромную излучину глубокого оврага. Картошку закладывали прямо в угли костра. Достать тугую печенку из жаркого костра и, трепетно обжигаясь, позабыв о мошкаре и слепнях, отдаваться крахмальному рассыпчатому пиршеству. Какое это было счастье! Никакой заморский-перезаморский ананас-банан не могли бы состязаться со вкусом запретного плода. Дикая печенка была частью родного неба и земли, доверия друзей к друзьям, покоя и Родины, воды и воздуха.

Кстати, о заморских бананах. После лекции в Стенфордском университете давали обед в одном из престижных ресторанов Сан-Франциско. Меня принимала, сопровождала и угощала известная в Америке и за ее пределами Гейл Лапидус, входящая едва ли не в первую десятку советологов, хорошо знающих ситуацию в нашей стране до и после развала Союза. Одно время она занимала важный пост в Белом Доме, будучи советницей Президента США по советским проблемам и русскому вопросу, а также по межнациональным отношениям.

В конце трапезы, когда я окончательно запутался и закосел в лабиринте бесконечных вилок, ложек, ножей, салфеток, банок, склянок, приправ и всего прочего, чего до сих пор наименования и предназначения не знаю, не ведаю, меня спросили о любимых фруктах. Дабы не посрамить земли русской, знай, мол, наших, я небрежно назвал бананы. Высокопородная патронесса с лицом графини не удержалась от язвительного комментария, что де бананы доступны на каждом перекрестке, у любого негра в любой придорожной доходяге-лавочке. В респектабельном же ресторане, куда не часто ходят даже состоятельные именитые профессора, лучше бы заказать более изящный фрукт, более глубокого и благородного вида и происхождения. Когда же не без ёрничания я пояснил, что мне хотелось бы не обычный, а королевский банан, ошалевший официант исчез и привел метродотеля. Тот, еще более холеный и царственный, чем официант и гости вместе взятые, долго кланялся и изгибался в извинениях, что их ресторану не по плечу доставлять этот редкостный экзотический нетранспортабельный плод из далёкой юго-восточной Азии на западный берег США.

Неведомо было им, надменным и посрамленным, что перед тем как перелететь через всю Америку, из Дюкского Университета, что в Северной Каролине, в Сан-Франциско, с пересадкой в Техасе, на край земли, я восемь раз побывал во Вьетнаме. И всего лишь однажды, целую неделю провел на даче бывшего диктатора Тхиеу, где и пришлось отведать

9 «А» класс. На уборке картофеля. 1956 г.

редкий, как эдельвейс, королевский банан. А славится он тем, что в три раза меньше по размеру обычных кормовых бананов, которыми теперь завалены Москва, Курган и, наверное, многие другие города и веси постсоветской России, и которыми в Южном Вьетнаме чаще кормят поросят и свиней, чем угощают порядочных людей. Из-за своей невероятной недолговечности королевский банан поедается прямо с дерева. Буквально через несколько минут, будучи сорванным, вместе с опьяняющим ароматом и дивным вкусом он теряет свой золотистый цвет и прямо на глазах начинает непослушно темнеть и терять свой благородный вид и высококачественные достоинства. Словом, перевозить его невозможно. Вкус, аромат – незабываемы.

И все-таки, мне кажется, что дикие печенки Тамакульских оврагов и Закаргапольских холмов и ложбин были намного вкуснее и ароматнее, чем те королевские бананы, которых, к стыду хозяев, не оказалось в меню роскошного ресторана.

10. Красная ленточка.

Марусю Капанжи, редкой красоты и обаяния дочь моих крестных родителей, выдавали замуж. Свадьба шумела в Тамакулье. Жених, Костя Орманжи, тоже был из спецпереселенцев, родом из той же Чадыр-Лунги, в одном из в православных храмов которой меня крестили.

Первым в день открытия этого храма в ноябре 1911 года был крещен мой дядя – Михаил Петрович Губоглу. Говорят, что поп, опускавший новорожденного в купель, почему-то отступил от сценария и предсказал младенцу быть или великим разбойником, или известным ученым. Второе сбылось. Он стал всемирно известным востоковедом.

На Марусиной свадьбе гудело все Тамакулье, в доме на краю села недалеко от мостика рядом с вековыми тополями. Напротив был дом Димы Сосновских, за которого позже вышла замуж одна из любимиц моего 10 «А» класса Нина Каргаполова, комсорг класса, умная, боевая и, пожалуй, с не менее высокой и твердой походкой, чем у Гали Орловой.

Гагаузская свадьба в депортации. Каргаполье, 1951 г.

Для того чтобы попасть в дом невесты, жениху по ритуалу русской свадьбы надо было пройти ряд испытаний: впустить во двор невесты свадебный кортеж через ворота, предварительно заплатив выкуп за их открытие; достать красную ленточку, привязанную к прочной веревке, натянутой между двумя высокими шестами, прикрепленными к воротам и к трубе на крыше дома; одарить подарками родственников и псевдородственников со стороны невесты и многое, многое другое. Как издавна повелось.

Свадьба в русской деревне не свадьба, если проходит без драки, о которой потом неделями сладострастно судачат как участники, так и очевидцы. На этот раз драка зародилась совсем не по обычному поводу. Кто-то из местных кого-то из спецпереселенцев в праздничном приподнятом экстазе окрестил трехэтажным ненормативным обращением. Так это принято было в сибирских деревнях от избытка чувств и прилива земляческой доверительности. У гагаузов же нет большего оскорбления, чем мат и ругань в присутствии женщин. Ну и понеслась! Свадьбу, конечно, доиграли, как полагается, до конца, все инициации (испытания, по-научному) жених выдержал. Но вот устоять против местных обычаев переселенцы из Молдавии со временем не смогли. Употребление ненормативной лексики стало немаловажным экзаменом на адаптацию, средством успешного внедрения в экологию, механизмом сближения с окружающей средой. Сблизились. Отвыкать потом было труднее. Кое-что даже пригодилось

Во время одной из экспедиций в Северном Вьетнаме я вспомнил эту Тамакульскую свадьбу и критерий межнациональной притирки народов друг к другу. Иными словами, я еще раз столкнулся с парадоксом девиантного поведения. Пожалуй, стоит об этом рассказать поподробнее.

11. Банкет в провинции Шанла.

Наш экспедиционный вездеход прорывался через ущелья и горные тропы (дорогами их никак не назовешь) из провинции Тханьгуен в провинцию Шанла, чтобы попасть к прославившейся красивыми женщинами тхайской народности, живущей высоко в горах вдоль границы с Лаосом. Дальше столицы провинции нас в первый день не пустили, но в один из вечеров неожиданно нагрянуло высокое начальство, областной музыкальный ансамбль и несколько руководителей общин из тхайских деревень. Повели нас в дом культуры. Оказалось, что вот так просто, на сухую, без знакомства и банкета, без музыки и танцев, разрешение на дальнейший проезд вглубь к вершинам гор получить никак было нельзя...

Наутро, опухшие, с трудом различая, где свои, и где чужие, где актрисы, а где научные сотрудницы, и кто кого провожал, и кто с кем пел и пил, мы с удивлением узнали, что нам разрешено ехать дальше. Прослушивая через пару дней магнитофонные записи той роковой танцевально-певучей ночи, я вдруг обнаружил исполнение знакомых советских песен. Вряд ли Алла Пугачева была когда-либо

удостоена такого грома барабанов и шквала аплодисментов, как бывший участник Каргапольского хора, ваш ученик за песню "Три танкиста". Эту пленку берегу пуще всего. Не забываю и притчу об одной актрисе: "Лучше ехать в Хоабинь, чем напиться с До Тхи Бинь.

Участники советско-вьетнамской экспедиции, гудевшие наравне со всеми и пившие без тормозов, сами того не подозревая, оказывается, выдержали очень серьезный экзамен на прочность и надежность, а главное – на доверительность и адаптацию.

В лихие военные годы освобождения Вьетнама сначала от французов, а затем, позже, от американцев так жестко принимали в партизаны. И если претендент хитрил, тормозил, экономил силы, не напивался до потери сознания, значит, соображали экзаменаторы, держал камень за пазухой и боялся в пьяном бреду выдать себя. Такого в партизаны не брали. Нас в тхайские деревни пустили. Социологическую программу опросов мы выполнили. Таким вот нетривиальным способом девиантное (отклоняющееся) поведение во Вьетнаме, как тот свадебный мат в Тамакулье, сыграло позитивную роль в укреплении доверия, внедрении интернационализма и дружбы народов.

Потом, в Ханое, в советском посольстве долго удивлялись, как советским этнографам из Москвы удалось впервые побывать в горном крае, где живут чудной красоты тхайские женщины, но куда никого из иностранцев не пускают.

12. Книга за книгой.

Время торопит нас, мы подгоняем дни, нанизывая их в цепочку лет и этапов. Не успев закончить одну книгу, (терпения и воли не хватает) сильно заболеваю и закипаю другой. Вот и теперь мне бы, дураку, отложить все дела в сторону и закончить свой "Электорат", а я, еще не расставшись с призраками прошлого, распаляю себя и думаю и думаю о новой книге, название которой "Деинфантилизация" уже вылупилось в голове и выплеснулось несколькими докладами и даже двенадцатью полуфабрикатами-тезисами, как главами будущей монографии, подобно этим картинками воспоминаний.

В те блаженные Каргапольские времена все было иначе, все было наоборот. Ночами, в свободное от свиданий время, "запивая заплесневелый хлеб водой" (как по Аветику Исаакяну), я жадно глотал одну книгу за другой, и непременно с опережением всех школьных программ. От того, наверное, сейчас некоторых классиков (Мопассана, Гюго, Короленко, Горького, Ожешко, Марка Твена и других) не могу и начинать ...приступать читать. Видимо, когда-то сильно объелся. Больше всего тогда, помню, я боялся одного: а вдруг следующая книга будет менее интересной, чем предыдущая. Однако приносил из районной библиотеки следующую, и угар начинался сначала.

Каргапольский духовный центр добавил жадности к чтению. По сути вещей выходит, что Вы, Ульяна Илларионовна, воспитали читающий народ. Именно поколение ваших питомцев, т.е. мы, ваши ученики, по праву получили гордое звание "самый читающий народ в мире". В этом тоже плоды феномена, о чем идет у нас с Вами эта затянувшаяся речь. Я даже думаю больше. Ответом на вызванный и культивированный Вами читательский зуд и голод стал могучий и мощный пласт и высокий взлет деревенской литературы, представленный яркими именами Федора Абрамова, Валентина Распутина, Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Василия Белова, и некоторых других. Нашей разбуженной жадности, как орлу добыча, нужна была духовная пища. Нам, выходцам из деревни, в пору поздней социализации, нужна была своя, особо близкая нам, "деревенская" литература. И мы ее получили. Вы вместе с другими учителями породили спрос, спрос вызвал к жизни предложение. Круг, как видите, замкнулся. Тем более обидно и гадко сегодня на душе, когда некоторые писатели, успевшие стать нашими кумирами, уже в посткаргапольское время предали нас, оказавшись после развала Союза по иную сторону любви к

селу, его народу и преданности Родине. И, может быть, хорошо, что Василий Шукшин не дожил до того, чтобы видеть омерзительные сцены, когда в ходе предвыборной вакханалии один из его земляков согнулся в холуйском поклоне, складывая свой голос в копилку гастрольного претендента, подлил масла в огонь и в пьесу, скроенную по рецептам заморских спичрайтеров и имиджмейкеров. Бог с ними, с этими словами! Денег, брошенных на оболванивание народа, – вот чего жалко.

И, наконец, последнее. Вы просите написать что-либо в Вашу "Историю... в лицах". Спасибо за предложение. Очень хочется, да колется, но вряд ли сможется, да получится.

Во-первых, не вел дневников, кроме служебно-профессиональных; во-вторых, видите, совсем нет времени, перед тем как сесть за воспоминания, приехать в Каргаполье, дабы взбодрить и освежить память, почитать подшивки районной газеты; в-третьих, не знаю, можно ли ежа научить варить кофе, а меня – писать про меня; и, в-четвертых, кроме разовых писем дорогой и любимой учительнице, иной роскоши "повернуть назад и начать все сначала", увы, позволить себе не могу. Стечение обстоятельств, – как Вы же тонко заметили. Кроме того, я понимаю, как я наивен в своих затянувшихся сентенциях. Но я чутко прислушиваюсь к своей душе. Разум может подвести, душа не обманет.

И тут, напоследок, звучащая душа подводит меня еще к одной важной мысли, столь же светлой и радостной, сколько печальной и грустной. Задуманная Вами «История Каргаполья в лицах» и очерки по Каргапольскому Феномену могут состояться только в том случае, если протянется между нами связующая нить, т.е. если все ваши ученики, разлетевшиеся по белу свету, вновь вернутся на мост, воздвигнутый Вами, но уже в письмах и обращениях лично к Вам. "История..." состоится, если "душа с душой заговорит". Я не могу себе представить, что откровенные и нерасхожие слова, адресованные лично Вам, я смогу произнести анонимно или еще кому-то. Профессионалам, вероятно, такое

по плечу, мне – нет. Боюсь, что точно так же все остальные Ваши ученики, если они не циники, смогут доверительно и доверчиво раскрыться только в диалоге с Вами. Иное вряд ли дано.

Желаю Вам любви и радости, труда и бодрости, прилива прочности, запаса стойкости.

Ваш ученик Миша Губогло.
20 июля 1996 года.

P.S. Что касается Володи, то я могу хоть завтра предложить ему место в нашем институте. Мы с ним как-то несколько лет тому назад на эту тему даже говорили. Но ему придется начинать с нуля. Страшно другое: наука сейчас при демократах не может прокормить, а Академию Наук вообще хотят изжить со сцены жизни. Оплата в институте по 18-разрядной системе. Кандидат наук, с.н.с. – 13-14 разряд – получает от 200 до 250 тысяч рублей, доктор наук, в.н.с. – 14-15 разряд – получает 350-400 тысяч рублей, зам.директора, 17 разряд – получает 508 тысяч. А одна стрижка в парикмахерской стоит 50 тысяч. Я уже давно живу на дополнительные приработки и американские гонорары. Напомните мне, пожалуйста, Володин телефон. Я ему позвоню.

Письмо 6 от 10.01.1997.

Дорогая Ульяна Илларионовна!

Коль скоро испытываем свою память, вычерпывая из неё думы о феномене Каргапольской средней школы (далее КСШ), конечно, имеет смысл прежде всего вспомнить о наиболее важных внешних атрибутах её славы, конституированной дипломами и грамотами ВДНХ, занесением во Всесоюзную книгу почёта, признанием выдающихся заслуг ордено-грамото-медаленосного лидера-директора.

Но не в грамотах счастье! Хотя давно известно: похвала (грамота) нужна таланту (школе), как благодатный дождь. Суть феномена КСШ в кругах нашей памяти. Эти круги занимают 12 звёздных лет Вашей творческой зрелости, посвящённых созданию Зауральского феномена. Вот и теперь, позвольте, думая о сороковом вечере встречи, ещё раз обратиться к 12 очередным бликам воспоминаний, чтобы ещё раз, погружаясь в прошлое, вернуться в звёздные времена КСШ, к её директору, учителям и ученикам.

Из круговорота воспоминаний

Как хороши, как свежи были розы
В моём саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!
Иван Мятлев, 1843

Прошли лета, и всюду льются слёзы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!
Игорь Северянин, 1925

1. Антинорма

Нельзя объяснить природу феномена КСШ, не попытавшись понять его сути. Коротко говоря, суть состоит в том, что КСШ нарушала некую норму, выходила из берегов скучного стандарта, предписанного учебниками, чиновниками и инструкциями, может быть, даже работала «на опережение». Что всё это значит? И что я хочу сказать? Звёздные годы КСШ и её прославленного директора, т.е. Вас, Ульяна Илларионовна, совпали по времени с переходом страны и её общеобразовательной школы от 7-летнего образования ко всеобщему среднему образованию сначала в крупных промышленных и культурных центрах, а затем и во всех остальных городах и весях.

По законам страны Советов, дети, народившиеся в Каргапольском крае, как и по всей стране, должны были (обязаны были) усвоить некую сумму знаний и обрести некие навыки для дальнейшей учёбы и работы, в том числе самостоятельно. Словом, школьная программа, как норма, готовила поколение к вступлению в жизнь. Но в этой программе не было места самой жизни, умению идти по жизни с открытой душой и осознанной ответственностью.

КСШ давала своим питомцам гораздо больше, чем было положено по учебникам, и тем самым нарушала норму. В этом была мудрость директора и бескорыстие коллектива учителей. Отсюда возникала окрылённость учеников.

В работе «на опережение» заключалось безумие КСШ, помешательство прекрасного коллектива её учителей, отклонение от окружающей среды. Многое из того, что будет предписано общеобразовательной школе в 1972 году специальным постановлением о завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодёжи, в Каргаполье укоренилось по крайней мере лет на 15-20 ранее. Таков был временной рывок, который сделала КСШ за те 12 лет, когда во главе её была Ульяна Илларионовна Постовалова.

И подобно тому как психиатры и психологи объясняют гениальность (как нарушение нормы) проявлением бессозна-

тельной необходимости, прорыва коренящихся в наличии корневых, внутренних связей, так и нам надо уловить, в чём проявление феномена КСШ как отступления от нормы. Результаты отклонённости в том, что выпускники КСШ сделали больше, чем требовала норма, т.е. предъявленные ими знания на выпускных экзаменах.

Следовательно, если соединить воедино замысел истории в лицах и увязать этот замысел с каргапольской загадкой и расшифровать код феномена, надо обратиться к нарушениям норм. Пусть они говорят!

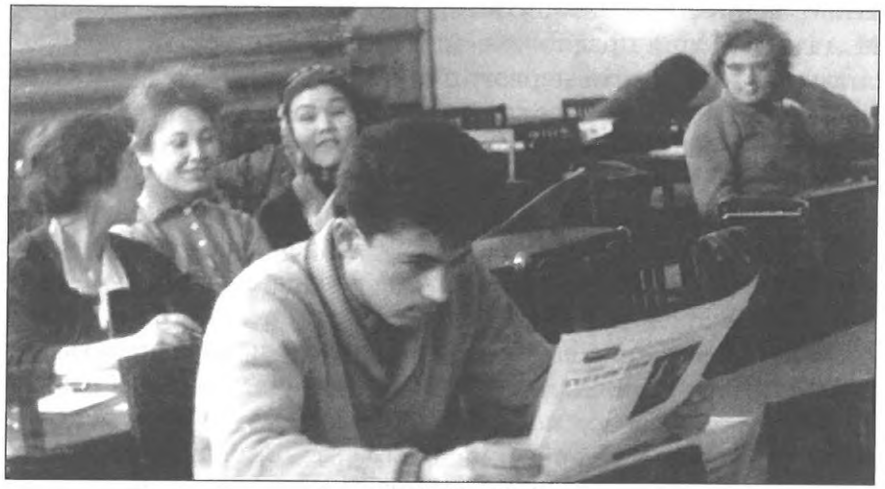
Навыки превышения учебных норм, программ и стандартов, обретённые выпускиками КСШ, очень пригодились в послешкольной жизни. Будучи студентом историческго факультета МГУ, я внимательно слушал лекции всемирно известных профессоров (Б.А.Рыбакова, И.Д.Сказкина, В.З.Дробижева, В.П.Наумова, С.А.Токарева, С.П.Толстова, Н.Н.Чебоксарова, М.Ф.Нестурха и многих других). Гораздо меньших усилий я прилагал к чтению учебников и учебных пособий. Зато страсть как любил читать дополнительную литературу, особенно специальные монографии по тем или иным разделам этнографии и истории. Имея в запасе несколько прочитанных книг, во время экзамена я легко переходил от доставшегося билета к какой-либо сверх-билетной проблеме, и экзаменатор не только не пресекал эту маленькую хитрость, но и сам увлекался предложенной игрой – игрой на опережение.

С отклонением от учебной программы я столкнулся в аспирантские годы. Кандидатский экзамен по специальности, как правило, состоит из 3-х частей: первого вопроса по теории отечественной или зарубежной этнографии, второго вопроса, связанного с темой предполагаемой диссертации и третьего вопроса по историографии или методике. В январе 1964 года зав. кафедрой этнографии исторического факультета МГУ, выдающийся советский учёный, энциклопедически грамотный человек, автор многих учебников по этнографии («Этнография народов СССР», М., 1958; «История русской

этнографии», М., 1966; «История зарубежной этнографии», М., 1978 и др.) предложил мне такую модель: он пригласил меня, аспиранта первого года обучения, к себе домой и дал в руки огромный фолиант, объёмом не менее полтысячи (сколько точно, не помню) страниц. Это была книга югославского классика по балканской этнологии Йована Цвийча «Антропогеографические проблемы Балканского полуострова», изданная на сербском языке. Она переведена на многие европейские языки, но русского перевода её не было. Да и в библиотеках СССР она была большой редкостью. Сергей Александрович предложил её прочитать и пересказать содержание во время кандидатского экзамена. Таким образом, первый вопрос моего кандидатского экзамена: «Антропологические и этнографические проблемы Балканского полуострова», я узнал почти за полгода до экзамена. Через промежуточный македонский язык сербско-хорватский язык довольно близок к болгарскому языку, на котором я к тому времени читал более или менее свободно. Кроме того, в нём (сербско-хорватском), как и во многих других языках балканских народов, множество лексических заимствований из турецкого языка, за которыми мне тоже не надо было сиюминутно лезть в словари.

Кандидатский минимум я, понятно, сдал, книгу С.А.Токареву вернул, т.к. получал её как раритет по расписке. К слову сказать, теперь, уже преодолев молодость и вступив в средние года, я остался глубоко благодарным С.А.Токареву за предложенное им превышение нормы и за расписку, так как мой опыт показывает, что книги, выданные из домашней библиотеки без расписки, как правило, домой больше не возвращаются.

Такую же благодарность я испытываю к КСШ, её директору и многим учителям, научившим меня работать сверх нормы и на опережение. Может быть, в этом отклонении от нормы и есть одна из разгадок, почему за 12 звёздных лет КСШ выпустила более 30 медалистов. Медаль это тоже отклонение от нормы, преодоление стандарта.



2 курс МГУ, 1960 г.

5 курс. Кафедра этнографии. МГУ, 1963 г.

2. Назидательная дробь

Степное Каргаполье вальяжно вытянулось по левому берегу Миаса. Река растяжно несла свои воды с запада на восток параллельно самой длинной улице, начинавшейся чуть поодаль от маленького деревянного мосточка, соединяющего село с небольшим парком и летней танцплощадкой. Когда-то река имела иную географию. И на её правом берегу разместилось село Тамакулье, в котором я жил в годы депортации. Но потом Тамакулью досталась старица, а Каргаполью – мелеющая река.

Тогда же, в те самые звёздные годы, выпавшие на долю КСШ, между рекой и старицей был огромный заливной луг, где, бывало, выясняли свои запутанные отношения каргапольцы и тамакульцы.

Вдоль старицы, по длине всей её дуги, тянулась самая длинная улица Тамакулья. Пока не было нового моста через Миас, соединяющего правый берег с левым, дорога на соседний райцентр вела через Тамакулье. Здесь, на этой улице с её грунтовой дорогой, заросшей по обеим сторонам подорожником и конотопкой, под небом Зауралья прошли мои детские годы.

Наш дом был в центре села и далеко от районного центра. Тем не менее, в мой дом частенько наведывались напоённые Вашей энергией учителя КСШ: моя классная руководительница в 5А классе, литератор от бога, строжайшая и принципиальнейшая Лидия Афанасьевна Кузнецова, пламенная поклонница и ценительница русского языка и русской поэзии Нинель Николаевна Пермякова, излучающая добродетель и ответственность Таисья Степановна Семёнова, всегда спортивно-подтянутая, не по-деревенски щеголеватая, как и положено «англичанке», Прасковья Дмитриевна Щеголева. Все они – низкий им поклон – своими посещениями моего дома сыграли немаловажную роль в шлифовке детской души и в культивировании будущих убеждений и устремлений.

Эти профилактически-воспитательно-очистительные визиты я помню во сне и наяву, и мне не суждено их забыть,

пока я хожу по этой земле. До корней волос запомнились нюансы этих визитов. И до сих пор загадка: за что, почему именно мне достались эти дружественные визиты, пружина которых была закручена организационно-мобилизационной рукой творческого директора.

До сих пор ноет нынешнее моё сердце, как и положено ему возрастом и сроком его работы, от тех эмоционально-воспитательных перегрузок. Увы, никогда не было так, чтобы мои родителям меня только хвалили за успехи или только ругали за поведение. И того и другого всегда было много и всегда в одной обойме. А поскольку в школе на родительских собраниях эта головомойка родителям повторялась, то я даже к этому как-то привык. В самом деле, в отличие от стерильно-дисциплинированного Валерия Лялина, хрустально-законопослушного Володи Шестакова, музыкально-обласканного В.Петрашова, кисельно-мифологизированного Альберта Усольцева, от окружённого парниковой заботой Володи Асташкина, для меня и моих родителей непременно находилась ложка дёгтя за моё поведение в бочке похвал за успехи в учёбе. Хорошо, что у мамы были крепкие нервы, отцу было не до меня, а деда, кроме моих успехов в учёбе, похоже, ничто другое не волновало! А очередной синяк на моей физиономии, как мне кажется, приносил ему не сожаление, а какое-то удовлетворение.

Между тем так складывалась, росла и укреплялась во мне маргинальность, такое состояние души и сердца, когда она многократно ощущала себя на рубеже языков и культур, и в переломе времени и эпох. Действительно, маргинально-этническое происхождение (отец – гагауз, мать – болгарка, вера – православная, образ жизни предков – кочевой, а у меня осёдлый, волосы антрацитно-вороньи, глаза васильковые) дополнялись социальной маргинальностью: в школе на уроках – отличник, на переменах и вне школы – как бы двоечник.

Впрочем, дело не во мне, и даже речь не обо мне. Я не случайно вспомнил эти знаменательные, трагически великолепные визиты учителей на дом. Теперь, на исходе

века, похоже таких визитов не бывает. А тогда в звёздно-постоваловские годы эти визиты были частью новой, лихо закрученной директорской рукой и волей, педагогической системы. Микрооткрытия руководства КСШ, особенно такие как: стенд «Они учились в нашей школе», чарующие вечера встреч с выпускниками, первые в крае ученические производственные бригады, подобно весенним ласточкам, несущие большие перемены всей общеобразовательной системе, творческие вечера кружков самодеятельности, едва ли не профессиональный хор Ивана Салазкина, «университет» механизаторства Владимира Павловича Лаборешных (супруга нашей химички Луизы Михайловны, непревзойдённой красавицы и кудесницы дополнительных, сверх школьной программы, лабораторных опытов), выездные десанты по заимкам, пашням и покосам спектакли и концерты наряду с домашними визитами, были важной составной частью сверхпрограммной деятельности школьной политики.

Бескорыстное подвижничество учителей, вздыбленное директорской доброжелательно-твёрдой волей и организационно-мобилизационным умением, подтвердило в конечном счёте неизбывную истину российского интеллигентства, ведущую своё начало из времён хождения в народ и времён овладения целиной.

Сегодня мы вправе подвести итог: не было бы той школы без подвижничества учителей, без той постоваловской школы. Секрет успеха состоял в том, что Вы и мобилизованные Вами учителя знали, что, когда и как надо строить, чему учить, кого и как воспитывать, куда вести и чем увлекать.

И теперь, скорее по наитию, помноженному на некоторые профессиональные навыки, чем по знанию фактической стороны дела, я могу предложить гипотезу для прочтения сути феномена КСШ. Формула её проста. Подводная часть айсберга КСШ действовала не менее успешно, чем надводная. Школьная программа (надводная) накачивала насосом из скучных, как телеграфные столбы, школьных учебников всевозможные полезные сведения. Тренировались мозги. И не более.

Внешкольная программа, являющая собой сотворчество учителей и учащихся (подводная часть айсберга) приучала самостоятельности, формировала самоуважение, инициировала саморазвитие. Тут развивалась душа. Вот это и было крайне интересно тогда и важно для понимания сегодня. Господи ты Боже мой! Никто меня, как других моих сверстников, не заставлял идти в химкружок к Луизе Михайловне, петь в хоре Ивана Иосифовича Салазкина, выпускать стенгазету «За учёбу» с Нинелью Николаевной, читать со сцены стихи или петь с Володей Патраковым на полевом стане или на дальних покосах колхоза им. А.А.Жданова. Мы сами этого хотели! Творческий вклад КСШ и творческий прорыв её директора именно в том и состоял, что они угадали то, что и чего мы – ученики – хотели. Мозги и душа крепли вместе.

Об Иване Иосифовиче Салазкине и Нинели Николаевне Пермяковой надо бы сказать, а точнее спеть или исполнить гимн каждому учителю отдельно. По возрасту они занимали полярные позиции среди учителей школы: он украшен обильной сединой, а она только что окончила четырёхгодичный Шадринский пединститут. Но их объединяла одна страсть: влюблённость в своё дело, в песню и в поэзию. И сегодня можно сказать и о нём и о ней: «Если не стареют их уроки, не стареют в нашей памяти и сами школьные учителя». Наша юность и уроки наших учителей также нерасторжимы как нерасторжима связь родителей и детей.

Созданный и взлелеянный любовью и талантом Ивана Иосифовича Салазкина хор каргапольской средней школы внёс большой вклад в создание высокого авторитета и привлекательного имиджа этой школы. На кустовых (региональных) и областных смотрах художественной самодеятельности хор неоднократно завоёвывал почётные награды и призовые места. Пожалуй, ни одну из своих бесчисленных поездок по городам и весям Советского Союза, в том числе в качестве лектора-международника, или позднее в качестве этнографа-полевика и этносоциолога, или, наконец, участника разного рода конференций, семинаров, конгрессов, я

не мог бы приравнять по прелести и душевности, наплыву счастья и блаженства к нашим поездкам в г.Шадринск и г.Курган в составе школьного хора.

Кто из соучастников каргапольского школьного хора не согласится, что наш бессменный руководитель школьного хора Иван Иосифович Салазкин напоминал С.И.Мамонтова, портрет которого был создан выдающимся художником России Михаилом Александровичем Врубелем?

Изображённая М.А.Врубелем сила и властность, широкий размах и яркая индивидуальность Мамонтова вполне корреспондировала с личностью нашего знаменитого учителя. Глядя сегодня на фотографию школьного хора, видно, как в его руководителе светится мудрость, выдвигается какая-то невероятная сила и обаяние. И.И.Салазкину несколько тесно в кругу своих питомцев. Кажется, что ему, как и врубелевскому Мамонтову, с такими же расширенными глазами и напряжённой позой, нужны «те же необъятные просторы, что и Микуле Селяниновичу, те же стихийные ветры, что треплют гривы лошадей гиганта Вольги и его соратников». (Н.М.Тарабукин, Михаил Александрович Врубель, М., 1974, с. 66-67).

В противоположность Ивану Иосифовичу, величественному и строгому на вид, но добрейшему и благороднейшему человеку, учительница русского языка и литературы – небольшого роста, молоденькая шатенка, мало отличающаяся по возрасту от старшеклассников, всегда с обворожительной улыбкой в уголках полных губ, была олицетворением изящной нежности, тонкого обаяния и неотразимой привлекательности. Она с увлечением поддерживала пылающую во мне страсть к чтению и поддерживала стремление писать стихи и сценки из школьной жизни в общешкольную газету «За учёбу», в которой я числился главным редактором под её методологическим патронажем.

Как филолог, она была очарована полузапрещённым в начале 1950-х годов Сергеем Есениным, и сумела передать эту затаённую любовь и нам, ученикам 9-х и 10-х классов,

Призер областных конкурсов – хор Каргапольской средней школы. 1956 г.

где она «исполняла» уроки по русскому языку и литературе. Многие из нас были влюблены в неё, в её влюблённость в творчество великого певца рязанских и русских полей и просторов. Стихи Есенина я люблю и обожаю до сих пор. За счастье считаю память о Нинели Николаевне с первым своим соавтором своих корреспонденций в общешкольную газету «За учёбу», яркое название которой привлекало внимание читателей.

Как же несправедливой и жестокой была к ней судьба, отпустив ей короткий век пламенеющей жизни. Она очень рано ушла из жизни. И в памяти моей остались её большие глаза, наполненные невыразимой грустью и печалью, как у старшей любимой дочери Меншикова, прижавшейся к отцу в тёмной бархатной шубке на знаменитой картине В.И.Сурикова «Меншиков в Берёзове».

В те дивные сказочные годы среди учеников и выпускников каргапольской средней школы было заведено иметь альбомы подобно салонным традициям русской художественной элиты начала XIX века. Такая вот была мода среди

деревенских детей в сёлах, прилепившихся к берегам Миаса, Исети, Тобола, а может быть, и других рек и речушек Западной Сибири.

В эти «Альбомы» мы заносили полюбившиеся стихи из классической поэзии, местные, порой сильно наперчённые частушки, самодеятельные рифмы, отправленные и неотправленные послания друзьям и подругам. В них мы рисовали танки, пушки, самолёты, розы, ромашки, полевые колокольчики, берёзовые полки, маслят в молодом сосняке и особенно часто – каргапольский деревянный мост, построенный, по преданию, белогвардейцами.

В этих же альбомах коллекционировали свои или полученные от друзей и подруг красочные открытки на лакированной бумаге с изображением популярных в те времена артистов и артисток кино – Любови Орловой, Валентины Серовой и многих других. На некоторых открытках красовались цветы, классические натюрморты, сердечки, разного рода птички, голубки с окаймляющими дурашливыми записями, типа: «Лети с приветом, вернись с ответом», «Жду ответа, как соловей лета» и т.п. Иногда уголки отдельных страниц альбома загибали и на отогнутой стороне делали такую надпись: «Секрет! Входа нет!».

Если бы сегодня в Кургане нашёлся дотошный аспирант (из молодых, да ранних), чтобы пересчитать все школы Курганской области, а затем придать веса (ранги, индексы, символы и т.п.) отдельно каждой деятельности по реализации школьно и внешкольной программ, то он, вероятно, получил бы интересную дробь для каждой кокретной школы. В числителе этой дробы был бы синтетический показатель, характеризующий энергоёмкость по выполнению школьной программы, в знаменателе – показатель, раскрывающий энергию и энтузиазм, направленные по каналу внешкольной программы. И чем больше был бы знаменатель этой дроби, тем меньше была бы сама дробь, и вот парадокс – тем сильнее отдача данной школы, отражённая в успешной послешкольной судьбе её выпускников. И если далее выстроить

все школы области в один ряд, то, наверняка, у КСШ была бы наименьшая по значению дробь, но вместе с тем (как при козыре в мизер) самая жирная взятка, т.е. стратегический выигрыш. Школьная программа больше подходила тем, кто учился работать, внешкольная питала тех, кто работал, чтобы быть успешным и счастливым. Словом, соединение двух начал – рацио и эмоцио – давало единый вектор: учиться чтобы работать, работать, чтобы быть счастливым.

Чем больше знаменатель, тем меньше дробь, тем сильнее разрыв с прокрустово ложе казённой школьной программы, чем шире разрыв, тем сильнее творческий прорыв директора и коллектива учителей. Даже если не подтвердится на эмпирическом материале эта моя формула – плод чисто социологических домыслов, всё равно она вполне тянет на добротную диссертацию, далеко не бесполезную с практической и небезынтересную с теоретической точки зрения. Причём, успешная защита подобной темы вполне была бы обеспечена по любой отрасли от педагогики до социологии, от психологии до истории. В этом я совершенно уверен, и как профессионал и как официальный руководитель десятка уже состоявшихся под моим руководством кандидатских диссертаций. Более того, такая формула-дробь раскрывает значение приоритета гражданской школьной политики над бессочной, как высушенная тыква, рутинной и казённой политикой в области общеобразовательной школы. «Хождения» каргапольских учителей по окрестным деревням, как и хождения в народ русской интеллигенции конца XIX века, давало значительные импульсы опережающему развитию школы, приближало учащихся и страну к открытому обществу.

С дробью в самом деле я не шучу, не ёрничаю и не насилую логику. Простой пример. Если бы сейчас обратиться ко всем выпускникам КСШ, ещё не утратившим способность водить пером по бумаге и попросить их поделиться воспоминаниями, то вряд ли бы они стали рассказывать, что происходило во время уроков: как сидели, слушали птиц, смотрели в окно, готовились, как отвечали. А вот всё, что

выходило за рамки уроков, оставило глубокие следы в извилинах тренированных мозгов. Я никоим образом не хочу бросить тень на высокий профессионализм добросовестных учителей. Они прекрасно знали своё дело, свой предмет. Я лишь отмечаю разницу между иссохшей от стандартизации и скуки казённой программой и наполненной весенними соками жизни внешкольной творческой деятельностью.

Summary: когда знаменатель увеличивается, дробь уменьшается, когда дробь уменьшается, спасательный разрыв с закостеневшей, застандартизированной программой расширяется, а коэффициент полезного действия увеличивается. Шансы школы стать феноменом возрастают.

3. Душа обязана трудиться

Официальная школьная программа нивелировала всех под одну гребёнку. Когда мы учились, ещё не было теории новой исторической общности – советского народа. Однако школа, как и идеология, работала на штамповку и на последовательное сглаживание различий между городом и селом, между трудом умственным и трудом физическим, между народами северных и южных регионов. Надо быть точным и справедливым. В последнем, однако, случае были оговорки: в идеологии речь шла о такой интернациональной общности, которая не лишала все народы перспектив на самосохранение и на развитие своей самобытности.

Внешкольная воспитательная программа, наоборот, открывала зелёный свет разнообразию: кто-то учился водить трактор или комбайн, кому-то нравилось петь и танцевать, кто-то дорывался до опытов с бертолетовой солью, а кому-то дух захватывало на внеурочных опытах в кабинете по физике.

Казённый учебник воспитывал единообразие, универсальность, солидарность, коллективизм. Всё это было важно и нужно. Но внешкольная часть постоваловской стратегии формировала веру в себя, разжигала любопытство и любознательность, приобщала к горькой, но целительной чаше индивидуализма, являла собой полезнейший тренинг само-

стоятельного плавания. Школы, где не было внешкольной работы, были бедны, худосочны, бесперспективны. Были мозги без фантазии.

Хорошо сбалансированная школьная и внешкольная программа в стратегии руководства КСШ дала выброс продвинутых выпускников. Я имею ввиду не количество школьных медалей, а конечный продукт – опредмеченные результаты исполнительно-созидательной деятельности учащихся КСШ после того как они выплыли в открытый океан жизни.

Почему в те баснословные года пела Галя Корчагина, писал стихи и покорял штангу Алёша Лукинов, побеждал на ковре Толя Юркин. Почему неистово играли на баяне Валера Хомяков, и на аккордеоне – Валя Петрашов? Почему ставили спектакли Володя Шестаков и Валерий Петухов? Потому что каждый из них хотел быть личностью! Каждому нужно было самоутвердиться, или, как сказал бы Данилевский, обрести «собственное поле действия». Кому не нравится нравиться?

Уникальность КСШ в том и была, что она, не вступая в конфронтацию с официальными ориентирами школьной программы на коллективизм, параллельно создавала условия для индивидуализма, для проявления персональных достоинств каждого ученика. Хошь – танцуй, хошь – побеждай на лыжне, хошь – сочиняй стихи или щёлкай задачи по алгебре.

Я имею ввиду не зоологический эгоизм, а продуктивный индивидуализм. Девять женщин не могут в один месяц родить одного ребёнка, для этого надо девять месяцев только одной из них. КСШ являла собой не европейничание и не западничание. Она служила укреплению самобытничания, утверждению каргапольничания.

Аккумулятор внешкольной программы оказался настолько сильным, надолго заряженным и надёжным, что, даже попав в святое святых – МГУ, я без промедления продолжил эту линию, став сначала активным участником, а через год – председателем СНО – студенческого научного общества. И сейчас, в январе 1997 года, когда моя голова сильно болит о том, как достать 90-95 миллионов рублей, чтобы провести Второй конгресс этнологов и антропологов России в Уфе или, на худой конец, в Москве, мне особенно приятно вспомнить, что ещё в студенческие годы я не забыл линию внешкольной работы КСШ в стенах Московского Университета. Традиции, заложенные в меня в самодеятельных кружках Каргапольской средней школы, проросли студенческой конференцией в стенах МГУ в старом здании исторического факультета, что на улице Герцена.

В 1995 году в Москве вышла книга «Благодарим судьбу за встречу с ним» о выдающемся советском учёном-энциклопедисте и прекрасном человеке – Сергее Александровиче Токареве, долгие годы заведовавшем кафедрой этнографии МГУ, которую я сначала закончил в 1963 году, а затем, после аспирантуры, в 1966 г. С.А.Токарев воспитал не одну плеяду советских этнографов. Вместе с тем, всю жизнь он вёл дневники. Часть дневниковых записей недавно уже опубликована в этой книге. И как же приятно было, открыв эту книгу, на 250-й странице прочитать дневниковую запись, сделанную великим учёным 10 марта 1963 г., о выпускнике КСШ, 5 А класса, а ныне студенте кафедры этнографии МГУ. Вот эта запись: «В 10 часов утра – открытие студенческой этнографической конференции (это 2-я, 1-я была в марте 1962 г.), должны приехать 32 студента из 15 университетов, пока приехали не все; я сказал приветственное слово; 1-й доклад Губогло – о народе как социологической и этнографической категории; очень интересно, но мне пришлось уйти... Поехал в ИЭ (Институт этнографии АН СССР), там была встреча со Штейницем...». Мелочь, а как приятно! А, может быть, не мелочь? Может быть, это и есть приятный «груз времени»?

Лето 1966 года выдалось для меня особенно трудным, исключительным и напряжённым. До конца аспирантуры оставалось 3-4 месяца, а мою теоретическую по жанру первую диссертацию, посвящённую кочевому способу производства (это когда производственные отношения строятся на двуединой основе: частной собственности на скот и на коллективно-групповой собственности на пастбища), зару-

били на полдороге из-за склоки между двумя профессорами: моим научным руководителем, тюркологом, специалистом по кочевым народами, и специалистом по финноугорским народам и по осёдлому образу жизни. Мне пришлось срочно писать вторую диссертацию на нейтральную (проходную) тему: «Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова» по источникам, малодоступным для моего шефа и для его оппонента, и для остальных, кроме С.А.Токарева, преподавателей кафедры.

С.А.Токарев подарил мне, 26-летнему аспиранту, свою книгу «История русской этнографии» с такой краткой и вместе с тем окрыляющей надписью: «Мише Губогло дружески. Автор. Июнь 1966 г.».

И С.А.Токарев – заведующий кафедры этнографии МГУ, снискавший себе своим творчеством всемирную известность, и У.И.Постовалова, обладающая огромным авторитетом в педагогической среде, независимо друг от друга, оказывается, были схожи в том, что призывали и ценили полезность сверхпрограммной работы, потребность в том, чтобы трудилась и пела душа, смотрели открыто глаза, и безотрывно тренировался мозг.

Ещё одна черта роднит блистательного столичного профессора и новатора школьной педагогики – директора зауральской средней школы: нестандартность мышления, поведения, принимаемых решений, умение грести против течения. В пору всеобщего почитания Н.Я.Марра Токарев не был его сторонникоми, всегда находил ошибки в трудах любимца Сталина. Когда же «Отец народов» развернул кампанию против Марра, Токарев не оказался в ряду его (Марра) разоблачителей. Наоборот, он находил в его лингвистических конструкциях немало полезного.

Первомайское знамя, вложенное в руки сына депортированных родителей мужественным директором КСШ, – это не только прорыв идеологической блокады, но и свидетельство нестандартного мышления учителя-гуманиста, умения грести против течения.

Иногда случается так, что глубокие и проницательные мысли приписывают выдающимся учёным, писателям, поэтам или другим, снискавшим себе славу общественным деятелям. Для того чтобы серьёзные качественные успехи и достижения КСШ стали реальностью и фактом зауральской истории, надо было, чтобы одновременно сработали два немаловажных фактора: с одной стороны, чтобы в одно и то же время народились богато одарённые ученики и учителя, а с другой стороны, чтобы были созданы благоприятные условия для проявления талантов и тех и других, как обучающих, так и обучающихся. Творчество КСШ происходило именно в таких условиях, когда оба указанных вектора действовали в одном и том же направлении. Так рождался и жил феномен КСШ.

Типологически сходное наблюдение однажды сделал академик Владимир Вернадский, заметивший, что прорыв в науке происходит тогда, когда совпадают по времени два условия: нахождение в одном поколении повышенного удельного веса высокоодарённых личностей и наличие достойных социокультурных и бытовых условий для созревания и плодоношения таких талантов. Однако основным, как подчёркивал академик, условием является приход в этот мир талантливых людей. Их нарождение связано с не до конца понятыми нами законами наследственности, глубинными свойствами и механизмами эволюции живых существ. Как мне кажется, слова академика в немалой мере относятся и к густо населённому талантами 10 «А» классу Каргапольской средней школы.

4. Старая фотография. 1957

Передо мной две фотографии. Два коллективных портрета той дивной и давней школьной поры. На одной из них – часть 10 «А» класса КСШ перед последним звонком. Это значит, что на дворе – май 1957 года. На другой – хор КСШ в полном составе с его бессменным руководителем И.И.Салазкиным, аккордеонистом В.Петрашовым и баянис-

том Хомяковым по углам. Хор снят годом раньше, я был ещё в 9-м классе, но фотография сохранилась свежее. Вот что примечательно. Почти все ученики 10 «А» класса присутствуют на каждой из двух фотографий. И не чудо ли – нам, теперь, после сорока лет, вновь пережить радость и волнение тех встреч и переживаний, отношений и увлечений? Не чудо ли – взглянуть на себя тогдашних и сегодняшних. И было бы бессмысленно сегодня силиться вспоминать пороки каждого на фотографии, потому что обращённое на порок внимание его только усиливает. Кажется, что-то подобное говорилось в дневниках певца русской природы и русской души Пришвина. Пресвятая Дева Мария! Как информативна, красноречива и прелестна фотография выпускного класса. Из 18 открытых миру лиц только на двух блуждает скрытая улыбка. Все остальные глаза печальны. Они охвачены ностальгией. Они грустят. Лица скорее озабочены, чем воодушевлены. Вся фотография излучает серьёзность, взрослость, сдержанность, готовность к мудрости.

В середине среднего ряда в самом центре фотографии стоит, как памятник, неотразимый Валера Прокопьев. Именно у него, как у Моны Лизы, едва заметно в уголках губ затаилась доброжелательная, чуть загадочная улыбка. Как и подобает бесспорному неформальному лидеру класса, он занимает ключевое место в фотокомпозиции. В крутом развороте его плеч ощущается недюжинная физическая сила, что и находит отражение на добром лице. Чаще всего так и бывает, что самые сильные бывают и самыми добрыми. Именно таким ребятам судьбой предписано быть врачами, учителями, миссионерами. Более чем другим, им дано озарять этот мир оптимизмом, надеждой и покоем. Вторая улыбка гораздо глубже, тоньше, таинственнее и интеллигентнее. Идущая из глубины веков, эта не то шалая, не то ласково-лукавая улыбка принадлежит Валечке Негодяевой. И совсем не случайно. В классе две королевы красоты: внутренней и внешней. Валя Негодяева наделена первой. Она деликатна, обаятельна, неотразима, как Лайма Вайкуле. Я смотрю на

фотографию, вспоминаю Валечку и мне до слёз хочется быть Раймондом Паулсом. Валя одна из самых художественно одарённых натур. Она начитана, знает классику, коллекционирует модные тогда открытки артистов, активно участвует в самодеятельности. Думая о ней, невольно вспоминаешь морозную дорогу декабристок из светлого Петербурга во мглу Сибири. Преемственность поколений отражается во взгляде и улыбке. Во всём – дворянская стать, благородство, манеры, душевность и такт. И если Прокопьев – символ внешнего мужского обаяния, Валя – девушка с ласковыми и тихими глазами – источник женской нежности, мягкого жизнелюбивого таланта и глубинной чуткости. Она достойна того, чтобы её носили на руках, но, если понадобится, она бросит своё княжеское имение, дорогих сердцу родителей и ринется вслед за осуждённым мужем в ледяные рудники Сибири. Вторая красавица Валя Крюкова напряжённо сидит на переднем ряду рядом с Валерой Хомяковым, но чуть отстранённо от него. Это понятно! Уже год тому назад их лю-

бовь погасла. Не по её вине. Но оба сидят со следами тяжело пережитого охлаждения друг к другу. А Прасковья Дмитриевна Щеголева, выпускающая 10 «А» и грустно сидящая тут же на переднем ряду, между Хомяковым и Губогло, разместила бывшую парочку скорее по инерции, чем по сути. Дело в том, что Хомяков давно уже, целый год (целая вечность) встречается с другой огненной девушкой, являющей собой полную противоположность красавице 10 «А». Здесь же на фотографии 10 «А» его нервно, до хруста скрюченные музыкальные пальцы и внимательно-настороженный взгляд неглупого человека выдают, что ему дискомфортно сидеть с бывшей возлюбленной – соученицей – добрейшей из добрейших Валентиной Крюковой.

По другую сторону от англичанки с её строгим взглядом и сильным характером сидит ещё одна парочка: Миша Губогло и Нина Арефьева. Последней давно уже нет в живых. Свеча погасла. Пусть земля ей будет пухом! Но я с ней проучился вместе с 5-го класса. Были вспышки лучезарного возгорания, искры прикосновения, даже поцелуи. Но пожара не было. И потому спокойны на фотографии наши руки, взгляды, позы, спины, мысли, наклоны головы. Промчались годы. Тепло и грустно на душе. Встретимся на том свете, очарованно прослезимся, помянем серебряные минуты из детского счастья.

В среднем ряду, стоя, смотрят на нас ещё четыре замечательные личности. По бокам величественно и мощно стоят, как бы охраняя и обрамляя класс, – Гоша Воронов и Витя Мокеев. Антиподы. Первый наделён недюжинным спокойствием, уравновешенностью, философской глубиной и мажорным чувством юмора. Второй, напротив, начисто лишён чувства юмора, надменно-бесцветный взгляд устремлён вдаль и вечно недоволен, сильные руки по-солдатски вытянуты по бокам, в самой позе – вызов времени и агрессивная готовность к полемике. Витя был из тех высокомерных и резких типажей, кто легко мог сделать врагов из друзей, а не наоборот. Он был равнодушен к девочкам. Они платили

ему той же монетой. Витя – хорошо сложившийся защитник Отечества, для которого не так важна команда, как её немедленное исполнение. Без добрейшего Гоши и сурового Вити трудно представить полный ансамбль 10 «А». Здесь же в среднем ряду ещё две девочки. Сдержанная в эмоциях, без порывов, всегда подтянутая, скромная, трудолюбивая отличница Люся Пономарёва и огненная душа, готовая в любую минуту взорваться острой мыслью, экстравагантным поступком, сильная умом и делом, неповторимая телодвижением – васильковая Нина Каргаполова. Наш комсомольский комиссар и неформальный лидер класса. Несмотря на поразительную духовную силу и глубину мышления, Нина являет собой одновременно источник нежного обаяния, готовность к трудностям и высшим радостям жизни.

На самом верхнем ряду фотографии – пятеро. Все они, как в песнях раннего Окуджавы, уникумы, универсалы, самородки, таланты, В центре – неистовый Гена Добрынских – мой вечный соперник в учёбе, непревзойдённый математик. Я ещё мог с ним конкурировать в алгебре. Мы никогда с ним не выполняли домашних заданий дома. Только тут же, на уроке, немедленно, как только получали задание на дом. Только с опережением. А вот что касается геометрии, и тем более тригонометрии, Гена был недосягаем. Жаль, что его не было на двадцатилетии нашего выпуска, и я не смог узнать, где пролегли его дороги, и как сложилась его судьба, и как он распорядился своим недюжинным математическим талантом. По обе стороны от Гены – ещё две отличницы – Люся Овчинникова, его землячка, пышно наделённая плотной красотой некрасовских героинь (коня на скаку остановит), из деревни Хромово, что по дороге от Каргапольской больницы к железнодорожной станции и Галя Гусева, родом не то из Вороново, не то из Вяткино. Её сочный, вечно простуженный с хрипотцой, как у Маши Распутиной, сибирский голос я люблю до сих пор. Никого из «некаргапольцев» нет на второй фотографии. Дальняя дорога из деревни в Каргаполье изматывала и сил на хоровое пиршество у них, видимо, не

оставалось. В этом же ряду – ласковая, нежно-сексапильная Нина Пермякова, ранний символ пьянящей женственности, и аскетичная, элегантная Люся Рокина. У первой случались проблемы с успеваемостью, зато никаких проблем с вниманием ухажёров, но чаще всего и большей частью из числа старшеклассников. У второй, напротив, никаких затруднений с успеваемостью и образованностью, но бывали обрывы постепенности во внимании к ней со стороны сильного пола.

Бесспорно, среди нас Люся Рокина и Валя Негодяева были самыми начитанными и образованными. Но Валя, как сказал бы Бунин: «... и краше всех она, стройна, нарядна и скромна, с огнём потупленного взгляда».

К сожалению, на фотографии нет неразлучной, как Штепсель и Тарапунька, парочки – талантливого фотографа и выдающегося шахматиста Тосика (Анатолия) Петриченко и сильного философа и велосипедиста – Славы Аввакумова. Мне кажется, что они начали красиво дружить ещё до того, как народились. Оба были немножко диссидентами. Не в смысле буги-вуги и рок-н-ролла. Тут и у других всё было в порядке. А в смысле активного участия в общественной жизни. Я, например, с раннего детства самозабвенно играл в пионерские и комсомольские игры. И поэтому шкурой ощущал фальшь со стороны тех, кто относился к этой сфере со скептицизмом или с ёрничанием. В студенческие и аспирантские годы вместе с меняющимся временем и возрастом это ощущение во мне росло и оттачивалось. Будучи председателем НСО (научного студенческого общества) на кафедре этнографии и членом комитета комсомола МГУ, ответственным за работу модной в 60-е годы школы молодого лектора, я, например, всегда был по разные стороны баррикады с одним из своих сокурсников по кафедре этнографии – одарённейшим Серёжей Серовым. Он был самодеятельным диссидентом. Мы с ним сильно не любили друг друга. Но когда грянула демократия и часть правозащитников пришла к власти, мой сокурсник не рванулся стричь положенные ему купоны. И я его сильно зауважал. Потом его не стало.

В 1977 году, когда мы встречались на вечере встречи, Толя Петриченко прежде всего меня спросил, сколько я получаю. Интересно бы узнать, как встретили в Новосибирске демократическую зарю, а точнее, антикоммунистическую вакханалию, Толик и Славик, неразлучные в Каргаполье, неразлучные и за его пределами.

На фотографии нет ещё одного чудного человека – Серёжи Жилина, с которым я часто сиживал за одной школьной партой. Долгое время мы были с ним самыми низкорослыми среди ребят и, увы, не поражали народ физической силой: вероятнее всего, он – от природы, я – от депортированного недоедания. Однако в 9-м классе, проработав более месяца наравне со взрослыми на колхозном зернопульте и набравшись сил на сытых колхозных харчах, я быстро пошёл в рост и за год переместился с левого на правый фланг физкультурного строя. Серёжа так и остался на левом фланге. Нас с ним иногда обижали более сильные ребята. Каково же было моё удивление, когда через двадцать лет я встретил крутого Серёжу в ранге начальника милиции одного из районных отделений г.Кургана. Это был совсем другой человек: уверенный в себе, уже, как мцыри, не отводящий прямого и стального взгляда, готовый профессионально успокоить, унять любого хулигана. И почудилось мне, что жизнерадостному и светлому пареньку Серёже Жилину, также как и мне когда-то в Тамакулье, подвернулся однажды под руку камень, и очередной обидчик покатился по траве с окровавленной головой. И после этого случая даже самые ломовые сверстники хорошо усвоили, что лучше не доводить слабого тамакульчонка до состояния отчаяния и озверения.

Пройдут годы, зазвенит в ушах, и я вспомню про этот оборонительный камень в названии одной из своих статей «Защита и самозащита национальностей» (Этнополитический вестник, 1995, N4, с. 45-59), сформулирую принцип о преступности доведения любого меньшинства до отчаяния. Загляните в первый том моей «Антологии». Ибо отчаяние непобедимо. Оно уничтожаемо, но непобедимо. Увы, позор

России и особенно Кремля с Чечнёй подтвердил справедливость этого принципа. Блестящая силовая карьера Серёжи Жилина не менее показательна и поучительна.

Неизвестно по какой причине на выпускной фотографии нет Риммы Пятышевой, сильной духом и нравственной позицией, самой самостоятельной в решении непростых бытовых проблем, с огромным запасом энергии, душевных и интеллектуальных сил, с нерастраченным чувством юмора, самоотдачи, любви и добра. На двадцатилетнем юбилее нашего выпуска мы с ней перетанцевали всех. Или это мне только приснилось или показалось? Или мне этого сильно хотелось?

Я не случайно обратился к фотовоспоминаниям. На звёздном небосклоне КСШ бриллиантом первой величины блистала звезда 10 «А». Но как, однако, важно, что директор КСШ и учителя умели мудро класть яйца в разные корзины, т.е. способных учеников определять в разные классы. Талантливых ребят было немало и в соседних 10 «Б» и 10 «В». Но у меня нет, к сожалению, их фотографий. Да я вообще совсем о другом. И не столько о драгоценной фотографии и учениках, сколько об учителях, о времени, о любимой учительнице истории.

В течении двух лет я читал полный курс лекций по этносоциологии для студентов старших курсов исторического факультета МГУ. У меня даже сохранился неопубликованный текст этих лекций объёмом в несколько сот страниц. И вот однажды я поймал себя на мысли, что в связи с лекциями я думаю о двух вещах: во-первых, о том, сколько студентов прибежит на них, и, во-вторых, что мне надо завтра идти в 12.00 на лекцию, а уже сегодня вечером я больше не могу думать ни о чём другом, кроме как о завтрашней лекции. Иными словами, оказалось, что совмещение научной и преподавательской работы лично для меня является крайне трудным делом. Я вынужден был отказаться от лекций, как бы ни лестно было внимание к лектору. Фотовоспоминания натолкнули на иной угол зрения.

А что если думать не о себе, а об учениках? О том, какие они разные. И в самом деле, значимость и значение школьной политики, выработанной руководством КСШ, видимо, состояли в том, что руководство увидело в разности талантов каждого ученика поле приложения своих сил. Даже из пожелтевшей фотографии хорошо видно, что сосуществование в одном классе столь разных учеников – мира различия и различие миров – может сделать жизнь и работу преподавателя бесконечно интересной и увлекательной. Надо только зажечь костёр. От самовозгорания директора запылал и коллектив КСШ. Выполнение учебных планов или внедрение школьных программ, как сказали бы теперь, вело к усилению единых принципов, единых начал в формировании мировоззрения учащейся школьной массы. Однако умные педагоги во главе с дальновидным директором понимали, что ученики, как и люди на земле, не могут повсюду, в разных уголках земного шара, жить на один манер, по одним и тем же стандартам. И вместе с расширением стандартной и унифицированной грамотности в учениках начинала пробуждаться противоположная тенденция – нарастание желания сохранить и укрепить свою индивидуальность. Право на индивидуальность. Право на индивидуальность, на самобытность, на самость, право на то, чтобы понравиться другому, надо было завоёвывать и доказывать. Школьная программа не создавала условий для подобной сверхсамореализации. И тогда потребовалось выйти в космос, за пределы школьной программы. Развёрнутая в КСШ с огромным размахом внешкольная работа открывала дорогу развитию самых разнообразных, идущих из глубины души и глубины истории талантов.

Приблизительно то же самое можно сказать и о народах. Но это уже будут не мои размышления, а скорее концепции Н.Я.Данилевского и Л.Н.Гумилёва, и не о старой фотографии, а о народах и о человечестве.

Передо мной две фотографии. На одной – ученики 10 «А», на другой – участники каргапольского хора. Только что птенцы гнезда Постоваловой суетились, галдели, шумели, выстраиваясь в пропорциональные ряды, пары, рядом с учительницей и чуть поодаль, теноры слева, басы справа. Только

что взволнованно и оживлённо болтали о последнем школьном звонке как о первом звонке новой жизни, и вот затихли на секунду... Фотограф долго прицеливался, примеривался, терпеливо ловил каждого в свою рамку и, наконец, нажал на спуск, чтобы развеянные потом в разные концы великой страны ученики и учителя Каргапольской средней школы навсегда остались на бесценной фотографии и в круговороте нашей памяти.

5. Зелёное пальто

40 лет, отделяющие меня от незабываемого выпускного вечера и 30 с лишним лет, отделяющие Вас, Ульяна Илларионовна от 12 Каргапольско-Звёздных лет, – это всего лишь короткий, как вспышка молнии, миг и вместе с тем это длинная череда лет, целая эпоха, продолжающая летопись звёздного времени. Утверждён феномен КСШ. Преодолев перехлёсты и перекрёстки дорог, времён, пространств и причин, рацио и эмоцио, выпускники КСШ вышли на собственную дорогу опережающего развития. Энергия закрученной Вами пружины поёт о том, что КСШ была, она есть и она будет. Поэтому мы имеем право и можем себе позволить эти праздники воспоминаний. Это пиршество неистощённой памяти.

Вероятно, было бы очень грустно, если бы в венок воспоминаний мы не вплели цветы разных времён и параллелей, лиц и приключений, традиций и преобразований.

И снова школьный хор. И снова фотография. И взгляд гордых очей из-за баяна. Гармоничным сочетанием внутренней и внешней красоты эта ослепительная девушка, оказавшаяся как раз между сидящим баянистом и стоящим над всеми дирижёром, пламенеет на виду не только у всей школы, но и всего Каргаполья. Перед ней полегло немало горячих сердец. Я и сам до сих пор вздрагиваю каждый раз, встречая в памяти своей её обжигающий взгляд, зелёное пальто, обрамлённое неслыханно шикарным цигейковым воротником, её белый пуховый платок, с трудом удерживающий её непокорные кудри вольных волос. В бездонных родниках её тёмных, как ночь, и звёздно-лучистых глаз улыбчато светятся энергия, ум, таинство. В тех карих газах, казавшихся почти чёрными, я – грешный, тогда в школьные года ещё в фуфайке-стёганке и в заплатанных валенках, боялся утонуть и поэтому старался keep distance, держать дистанцию. Ибо, «боящийся несовершенен в любви», как сказал альтист Данилов. Как много прекрастного в ней было замешано: что-то от Ярославны и Саскии, от Беатриче и Лауры, от Джульетты до Антуанетты.

Как рано она ушла! Как жестока бывает жизнь к созданиям самым красивым из красивых. Каким невероятным запасом прочности должно обладать сердце матери, чтобы не взорваться от шквального удара чудовищной силы. И не только выдержать роковой удар, но и суметь при этом не выронить перо из рук. И воспеть свой педагогический путь от далёких тридцатых до лучезарных пятидесятых по «Истории Зауралья». Разве можно дочь и мать – женщин такого масштаба, не воспеть в душе и на страницах воспоминаний? Если бы я был Александром Блоком, Римма была бы моей «Незнакомкой». Если бы я был Алексеем Баталовым, Дмитрием Дмитриевичем Гуровым из «Дамы с собачкой», она была бы Ией Савиной и Анной Сергевной. Если бы я был Печориным, она была бы княгиней Верой Дмитриевной. Римма была Маргаритой. Но кто стал её мастером? Я этого уже не знал.

Однажды, в один из шальных, залётно-командировочных приездов в Каргаполье, Вы организовали мне и Римме под патронажем милейшего школьного военрука Михаила Ивановича охоту в Тамакульском зимнем лесу. Зайца мы не нашли, волков не испугали, ворон не трогали, в сорок не стреляли. Но был уютный костёр, глоток божественной сорокоградусной и пылающие пельмени. Да были ещё чистые глаза, родные небеса, хрустально-хрупкие снега. Снега, снега, воспетые не нынешним, ещё нормальным советским Евтушенко. Извините, что цитирую вразброд:

Идут белые снеги,
Как во все времена,
Как при Пушкине, Стеньке
И как после меня.
Чьи-то души бесследно,
Растворяясь вдали,
Словно белые снеги,
Идут в небо с земли.

Как это созвучно с журавлями Гамзатова и Есенина? С Вашими и моими!

Идут снеги большие,
Аж до боли светлы,
И мои, и чужие
Заметая следы...

А теперь я – и другой без неё, и тот же самый, как при ней. И снова неисчерпаемый Бунин, как будто о ней, как будто о нас:

Не плита, не распятье –
Предо мной до сих пор
Институтское платье
И сияющий взор.
Разве ты одинока?
Разве ты не со мной?
В нашем прошлом, далёком,
Где и я был иной?

Её сильнейшему магнетизму, как и Вашему, не у каждого хватало сил сопротивляться. Валера Хомяков не испугался. Смело пошёл навстречу. И всё же не рассчитал своих сил и в конце концов спалился, как ночная бабочка, не выдержав ярко-сильного света её души и взрывчатого сияния её глаз. Каждому своё – и об этом лучше не забывать.

6. Школьные фотографии

На фотографии класса нет Володи Колчеданцева. Зато он пронизывает жгучим взглядом Мефистофеля из глубины школьного хора. Пожалуй никто, кроме Риммы Моисеевой, из полсотни изображённых на фотографии учеников не обладает таким гипнотическим взглядом. В этом может убедиться любой, кто пристально всмотрится на фотодокумент более чем сорокалетней давности. Я один из немногих, кто знает, почему Володин взгляд так глубок, проницателен и так безысходно обращён в бесконечность, как в тайну вселенной. Более двух лет Володя носит в своём сердце чудовищную тяжесть неразделённой любви к белокурой женщине из какой-то позакаргапольской деревни. Я знал о существовании этой девушки понаслышке. Я знал, что она блондинка, но никогда не слышал её имени. Тайна сия великой была. Эту формулу любви хорошо понимал и очень любил Антон Павлович и, кажется, неоднократно повторял, не только в гениальных по краткости, но и в более крупных произведениях.

Дом Колчеданцевых, матери и сына, находился на улице, ведущей к старой школе, со всех сторон утопающей в кустах жёлтой акации, в центре Каргаполья. Я всегда оставлял свой велосипед в доме у Володи. И далее от старой к новой степной школе шёл пешком. Напротив Володиного дома был дом Тани Нефёдовой, одно время не безуспешно сводившей с ума моего лучшего школьного друга Володю Патракова. Где-то здесь же по близости проживала ещё одна очаровашечка Ольга Змага. Обе – заядлые участницы хора, но учились годом позже нашего 10 «А».

В тайне любви и в любви к таинству есть что-то мистическое, необъяснимое. У Володи Колчеданова мистика, боль, любовь и тайна были слиты воедино. Я в это верю и отношусь со всей серьёзностью.

Гений КСШ состоит в том, что за все годы пребывания в ней, с 5 класса вплоть до окончания, я ни разу не столкнулся с какой-либо несправедливостью в свой адрес. Хотел написать формулу: «диктатура справедливости». Но, пожа-

луй, точнее будет сказать «торжество справедливости» – вот ещё одно кредо, краеугольным камнем лежащее в основе феноменального успеха КСШ в те самые звёздные годы.

7. Директорский гений

После первомайского парада стройные колонны учащихся Каргапольской средней школы растекались на отдельные компании. Ближе к вечеру собирались у кого-нибудь из старшеклассников, чьи родители были покладисты и снисходительны к ранним внешкольным забавам своих детишек. Детишки рано начинали подражать праздничным гуляниям взрослых.

Тот сиренево-черёмуховый 1957 год был последним годом моей школьной учёбы. Накануне выпуска уже изрядно шалело в крови, кипело в мозгу и изнывали суставы. Смутно хотелось чего-то неординарного, острого, взрослого. Та оглушительная, прогремевшая на всё Каргаполье вечеринка, началась в РДП – Районном доме пионеров. Дом был расположен недалеко от старого здания семилетней школы, где мы проучились 3 года с 5 по 7 классы.

Рядом был небольшой колхозный базарчик, притулившийся к роскошной по тем временам столовой. Чуть поодаль располагался ещё один центр духовной жизни края – белокаменная районная библиотека. Она была по ту сторону столовой, где-то напротив РДК, Районного дома культуры. Первомайская компания как-то сама по себе сложилась в основном из каргапольских девчонок и тамакульских ребят, трое из которых – Володя Патраков, Алёша Лукинов и Толя Юркин были моими задушевными друзьями ещё со времён тамакульской начальной школы. Были среди школьниц на этот раз и красавицы постарше. Из дома пионеров вечеринка перетекла к одной из них. Её родителей не оказалось дома. Ночной кураж закончился в городском саду, где-то в высокой траве по ту сторону прославленной танцплощадки. Это была моя первая жаркая, жадная и шальная ночь вне дома. Что было потом дома, нетрудно догадаться. Об этом

лучше умолчим. Сирень продолжалась, кураж догорал, а я закомплексованным быть перестал.

Вместе с отрезвлением нахлынуло острое желание оживить детали всего того, что сталось с нами после первомайского парада. Самому трудно было вспомнить, но кто-то трогательно-заботливо постарался весьма художественно и с дотошными деталями обо всём поведать директору школы.

И вот я – перед Вами, Ульяна Илларионовна, в Вашем кабинете в новом здании степной школы. Я не могу сегодня пересказать всего того, что Вы мне говорили тогда. Я помню только атмосферу и ауру приёма. Страха, как от прошлых головомоек за плавание на льдинах, за срыв, пропуски уроков и т.п., на этот раз не было. Сквозь оцепенение проступало какое-то просветление. Ваши ёмкие, доброжелательные, значимые и значительные, весомые и дальнобойные слова адресовались уже не ученику, а взрослому человеку, своему товарищу, чуть ли не коллеге. Оставался месяц с небольшим до выпускного вечера. Очень высокой была нравственная планка Вашего монолога. В моё сознание глубоко проникла и навсегда врезалась в нём главная нить разговора. Вопреки ожиданию, Вы говорили не о выпитом вине, и не о моей вине, и даже не о том, что главному организатору веселья полагалось снизить отметку по дисциплине за четвёртую четверть, что было равносильно лишению медали. Вы говорили... о любви: «придёт время, – наставляли Вы, – ты встретишь хорошего человека и не сможешь ответить ему и погубишь её и свою любовь, если и дальше будешь разменивать себя». Я ждал разнос и баню, Вы окунули меня в ледяную прорубь. Приём, достойный стать классикой педагогической практики. Для меня до сих пор загадка, откуда Бог слал Вам тогда такие вот слова, достойные быть высеченными в граните. Я долго не мог понять, почему они так глубоко проникли в грудь, укоренились в душе, зацепились в памяти. Но время шло. С того хмельного первомая прошло вот уже почти сорок лет. Бог даст, и полвека отметим, нам есть что вспомнить. Утекло много воды, пронеслось немало ветров. И вот, однажды,

в затерянном томике стихов Игоря Северянина я неожиданно нашёл туманный полуответ на постоянно мучивший меня вопрос о природе и происхождении тех Ваших слов.

Прислушайтесь!
Всех женщин всё равно не перелюбишь.
Всего вина не выпьешь всё равно...
Неосторожностью любовь погубишь:
Раз жизнь одна и счастье лишь одно.

И далее, почто дословно то, что Вы мне говорили в строгом кабинете нашей Каргапольской степной школы. Ах, как жаль, что нет магнитофонной записи нашей встречи тех лет, чтобы поверить в невероятное:

Не крылья грёз – нужней земному ноги.
С полётами, Бескрылый, не спеши.
Не лучше ли, чем понемногу многим,
Немногой много уделить души?

Несмотря на хрущёвскую оттепель, Северянин, как и Есенин всё ещё был в запрете. Я не знаю, случайно или сознательно Вы, оказывается, воспитывали меня Северянинскими стихами. Более того, я и сегодня не знаю Вашего отношения к нему и к его творчеству. Может быть, Вы любили его не открыто, а тайно, точно так же как незабвенная Нинель Николаевна Пермякова, моя классная руководительница, которую я боготворил с 9 класса и вплоть до самого выпускного вечера и у которой я научился быть поклонником Есенина? Может быть я, по окончании молодости, или вступив в постсредний возраст, обнаружил случайное совпадение того, о чём писал Северянин стихами вдали от Родины в июне 1931 года, а Вы нечаянно, но божественно повторили у себя на родине в педагогической прозе в мае 1957 года?

Как бы там ни было, в этом фантази-совпадении мне видятся ключи к разгадке природы таланта. Если Вы мобилизовали творчество поэта – включив его в свой педагогический эксперимент, Вы – профессионал высочайшего класса тончайшей

пробы. Если же пришли к схожей мысли автономно, независимо от его стихов – Вы сама поэт. И в том и в другом случае Вы – талант, потому что у Вас превосходный педагогический слух. В те дни он был ещё и чутким директорским слухом.

Шальные призраки той черёмуховой оргии давно истлели. Очумевшие бесы разбежались прочь. Фиалки расцвели и отцвели не один десяток раз. Но остался в памяти ком, как первый блин, с которого начиналось восхождение к вершинам жизни, к просторам знания, к тайнам любви.

8. The Red Star of Bellagio

К восхождению на соседнюю почти двухкилометровую гору, что несла на вершине своей видный далеко окрест, огромный христианский крест, готовились 3 дня. Взяв сухие пайки, вышли в путь ранним сентябрьским утром и с первым же пароходом переправились на тот берег озера Комо. Пожалуй, никто не подозревал, какие испытания ждут неподготовленного к восхождению человека, легкомысленно решившего идти в гору в составе команды с натренированными иностранцами, бывшими альпинистами. Для того чтобы пройти от основания горы до её вершины, откуда открывалась панорама алмазно-льдистых куполов Швейцарии, надо было размотать в общей сложности не менее 20 километров в один конец. На это понадобилось более 6 часов времени.

Где-то на полпути, когда кончился лес и зазеленели вверху, сливаясь с небом, альпийскими луга, с одной стороны тропинки оскаленно вздыбились скалы, а с другой – дымчато зазияла головокружительная пропасть. В глазах потемнело. Дабы не посрамить земли русской и не выдать намозоленную ногу, она начала про себя нашёптывать: «я – Зоя, я – Шевцова, я – Гастелло, я – Маресьев, я – Пересвет, я – Никон, я – Минин и Пожарский, я – Карбышев, наконец. Это помогало. Прибавляло силы. Утоляло боль. Ноги несли вперёд, а душа рвалась назад к духам солидарной вереницы героев, известных со времён школьной скамьи. Родина дарила крылья. Возвышала дух.

На другой день после традиционного кампари по дороге к ужину величественный, как граф, седой, как Бог, но крепкий, как олимпиец, канадец О'Брайн Осборн, доверительно, с придыханием говорил её мужу: «Your wife has a very strong mind». Мужу было крайне приятно. Но он не удивлялся. Он хорошо знал творческие, спортивные и особенно патриотические особенности её воли и характера. Через несколько дней уже все обитатели виллы Сербеллони, где она проводила в сентябре 1996 года тридцатый медовый месяц совместной семейной жизни (каждый год по одному медовому месяцу), при встрече с ней уважительно раскланивались, потеплевшими глазами звали прокатиться на лодке, сыграть в незамысловатую заморскую игру «Бача», покружиться в танце и услышать в её исполнении вместе с мужем «Три танкиста».

Позднее, когда «медовое время» под небом Италии (по гранту Рокфеллер фонда) подошло к концу и настала пора прощаться с оливковыми садами, непуганными рыбами и древними виллами Северной Италии, высыпали все обитатели Белладжио, чтобы пожать ей на прощание руку. А когда блестящий лимузин по дороге на юг, из виллы в международный аэропорт Милана начал распутывать змеистый серпантин прибрежных дорог вдоль озера Комо, смело ныряя в старые и новые тоннели, Дэвид Лейтин, всемирно известный профессор из университета в Чикаго, нечаянно выдал секрет, обратившись к ней не по имени, а по званию: «The Red Star of Bellagio». Оказалось, что за проявленную несгибаемость духа, за нескрываемые просоветские убеждения, за высочайший профессионализм в исполнении международных проектов, ей присвоили почётное звание «Красная Звезда Белладжио». Вы догадались. Это была Татьяна, в девичестве, до окончания мехмата МГУ, Майорова.

Мы с нею длинный путь прошли от Запада и до Востока.

Она с первого взгляда полюбила Вас, Ульяна Илларионовна. И вот уже более тридцати лет она заочно любит Каргаполье и Каргапольскую среднюю школу. Потому что она – моя жена.

Когда мы покидали дивные горы, обрамлявшие полуостров Белладжио, до юбилея нашей свадьбы оставалось ровно 20 дней. После того шального первомая, когда учительница устроила своему выпускнику сеанс педагогической магии, прошло без малого сорок лет. Такая вот получилась круговерть памяти, связь времён, дорог и восхождений. Времена меняются, а Ваш магический сеанс продолжается.

9. Лагерные макароны

Порой мне кажется, что тень моего деда витает не над опустевшей послевоенной Сухановкой, не над вечно оживлённой Чадыр-Лунгой, а под крышей московской квартиры. В меридианах памяти тени Каргапольской школы и следы деда по земле пересекаются многократно.

Оказавшись в депортации, дед с трудом согласился «сдать» сына с невесткой (моих родителей) в колхоз, дочь с зятем определил в МТС, а меня, наоборот, с энтузиазмом определил сначала в Тамакульскую, а затем в Каргапольскую школу. Сам же он, сильно рискуя схватить сталинскую десятку или полные 25 лет лесозаготовок в Коми лесах или строительства железной дороги за полярным кругом, не сдался ни колхозному строю, ни наказавшему его режиму. Тем не менее надо было жить и как-то кормиться. И из всех зол, он выбрал себе наименьшее: он согласился быть при лошадях, которых он безумно любил, независимо от того, колхозные они или частные. В первые послевоенные годы, когда нас забросило в Тамакулье, все лошади были колхозные, и все они были доходягами от неухоженности, ничейности и бесхозности. И дед какое-то время провёл при лошадях в колхозной конюшне не то сторожем, не то конюхом, не то заведующим конным двором. Однако, наблюдая изуверское отношение к несчастным обобществлённым животным почерневших от послевоенного строя и зачерствевших душой местных колхозников, он не выдержал и нанялся в соседних сёлах пасти неколхозных коров. Каждый человек, оказавшись жителем земли, рано или поздно задумывается над

формулой счастья. Стремление к счастью есть отличительная черта всех живущих и наделённых сознанием людей. Может быть, у дедушки сколько-нибудь отчётливой формулы вовсе не было. Но по тому, как он жил и трудился, как добывал себе хлеб насущный, как рисковал и обустраивал свой миропорядок, можно догадаться о том, что для него было главным. Думаю, что таким кредо у деда, как у Бердяева, было ощущение свободы и возможность заниматься тем, что ему нравилось и что соответствовало его вкусам и ритмам его души. В 1886 году, когда ему было всего лишь три года от роду, выдающийся учёный, путешественник и общественный деятель России П.П.Семёнов-Тян-Шанский сделал красноречивую запись в альбом своего друга. «Счастье для меня, – чеканил свою мысль и своё кредо великий этнограф, историк, экономист, статистик, геолог, человек, по содеянному вкладу в науку, равный Менделееву и Докучаеву, – слагается из следующих составных частей: 1) любить и быть любимым, 2) иметь возможность приносить пользу в кругу своей деятельности, 3) заниматься только тем, что соответствует вкусам». Формула Семёнова-Тян-Шанского, первого среди европейцев, покорившего Небесные Горы (Тянь-Шань), вполне корреспондировала с состоянием духа моего деда. Однако так сложилось, что первая часть этой формулы перестала иметь значение для деда вместе с рано умершей бабушкой, а вторая – когда деда лишили возможности заниматься любимым «конским» делом в кругу избранной им самим деятельности. А вот, что касается третьей составной части той формулы, заниматься только тем, что нравится, то ей дед следовал всю свою жизнь.

Его попытки «приносить пользу» на колхозном конном дворе, кажется, провалились. Не забуду как страшно и многоэтажно он ругался, когда затурканные от безысходности бригадиры и нерадивые ездовые приводили с работы усталых бесхозных лошадей с натёртым плечом, с грязными хвостами или с репьём в гриве. Нечищеного коня или репей в гриве мой дед воспринимал как личное оскорбление. Быстро освоив новые формы упряжки лошадей, отличающиеся от тех, что он привык в Бессарабии, он каждое утро перед началом работы сам проверял, хорошо ли затянута супонь, чтобы хомут не натёр плечо небрежно, не по-хозяйски, не по-людски запряжённой в сани или в телегу лошади. Он очень сердился, когда я путал аллюр с галопом, а рысью не любил скакать без седла на спине костлявой лошади.

Рано оставшись без жены, дед любил одиночество, но не стал одиноким волком. После того как его допекли бесчеловечным отношением к лошадям, он бросил колхозную конюховку и подался в близлежащих лесах пасти хозяйских коров из окрестных деревень. Особенно чутко он следил за тем, чтобы каждая корова не осталась обиженной и к весне обязательно принесла хозяину телёночка. Хозяева за эту заботу деда очень ценили, любили и уважали.

Однажды в Голландии, после лекций в Университете Тильбурга, при посещении знаменитой племенной фермы, в которой выводили высокопородных молочных коров с незамутнённой родословной с помощью искусственного осеменения, я без задней мысли спросил у хозяина, не падает ли жирность молока у коров, когда они лишаются радости дружить с быком, он ошарашено посмотрел на меня, не как на известного учёного из института им. Н.Н.Миклухо-Маклая, а как на безвестного папуаса из той части Новой Гвинеи, которая называется берегом Маклая. Я не хотел его обидеть, просто я вспомнил в этот момент вполне серьёзные заботы моего деда, в годы, когда он делал свою романтическую пастушескую карьеру в лесах Зауралья, и когда от его внимательности и чуткости зависело благополучие Пеструхи или Бурёнки: будет ли молоко весной или семья и детишки окажутся без молока.

Иногда я предлагаю антитехнотронный, постиндустриальный тост: «Выпьем, друзья, против чрезмерной урбанизации, интеллектуализации, технологизации» и проч. и проч., лишающих счастья не только тех несчастных высокоудойных коров, но и иных, забывших радость свою, людей.

Излюбленный маршрут дедушкиного стада пролегал по невспаханному нагорью нескольких сёл от деревни Вороново через Тамакульские горы и Зыряновские перелески и далее до села Тагильское и обратно.

Там, на Тагильской горе, в просторном и светлом берёзовом лесу, наполненному солнцем и сказочным ароматом трав, располагался летний пионерский лагерь. Вы его помните! И когда я на велосипеде привозил деду спички, случайные номера газет вместе с дешёвыми сигаретами «Тайга», нехитрой домашней снедью, одна из местных поварих, шаловливо сияя глазами, как-то особенно плотно прижимала к себе и усердно угощала меня вкусными макаронами. В Тамакулье тогда таких макарон, божественно обжаренных в сливочном масле, ещё не готовили. Для меня же это было не просто лесным обедом на лоне природы в пионерском лагере, о котором я измечтался, а неслыханным по тем временам пиршеством. Мне ни разу не сподобилось побывать вместе со сверстниками в пионерском лагере. И эта заноза до сих пор отзывается во мне душевной горечью. Это ещё одна боль с тех наивно-простодушных детских времён, когда я ещё, кажется, не понимал, почему разморённые жарой бурёнушки, наевшись сочной лесной травы, должны отдыхать не у водопоя возле речки, как обычно было принято, а непременно рядом с пионерским лагерем, где не было воды, зато невероятно вкусно готовили макароны, а также компоты из сушёных груш. Через несколько лет после возвращения из Каргаполья на родину, в Чадыр-Лунгу, когда деду перевалило уже за 70 лет, он всё ещё любил макароны. И когда аппетитная молодуха наладилась к нам в дом готовить ему полюбившиеся макароны, мой отец, уже тяжело больной к тому времени, восстал против чрезмерно затянувшихся макаронных увлечений. Он никак не мог согласиться с тем, что в 76 лет можно потерять голову и начинать заново создавать семейный очаг. Чувственно одарённую молодуху в церковь не повели. Венчания не состоялось. Общественное мнение

не вздрогнуло. Соседи не перессорились. Разошлись тихо и мирно. Но урок состоялся. Может, Евтушенко не так далёк от истины:

Понял я, что в детстве снег пушистей,
Зеленее в юности холмы,
Понял я, что в жизни столько жизней,
Сколько раз любили в жизни мы.

10. Запах варёной крапивы

Природа не наделила меня музыкальным слухом. Все мои попытки сочинить какую-то свою мелодию заканчивались тем, что я ловил себя на том, что напевал уже знакомую. Зато если у мелодии есть смысл и слова, я легко и надолго запоминаю слова, а вместе с ними и мелодию. Может быть, поэтому больше всего в школьные годы я боялся двух вещей. Во-первых, мне страстно не хотелось, чтобы чуткий И.И.Салазкин обнаружил отсутствие музыкального слуха. Ибо я не мог себе представить, как это школьный хор, как дом родной, поедет на кустовой смотр в Шадринск или далее на областной смотр в Курган без меня. Когда мы с Володей Патраковым ездили по бригадам, когда в разгаре было жаркое время покоса, он исполнял сольные номера, а я только вместе с ним. Сходило и даже получалось. Но я, слава Богу, не обольщался и понимал, что я всего лишь музыкальный зубрилка и не более того. Но радость самовыражения и приобщения к искусству особенно сильно не омрачалась. Прости меня, Господи, за этот невинный обман. Наверное, взрослому хорошо было видно, что моё желание петь было сильнее моего умения петь, за что и прощал фальшивые ноты мудрый воспитатель и талантливый дирижёр хора, прекрасно чуящий как природные дефекты, так и душевные порывы.

С запахами всё гораздо проще. Мне памятны запахи оврагов и особенно Тамакульских вечеров, когда в полутёмной избе-читальне с разрешения заведующего, добрейшего Его-

ра Ильича, мы взглядами крутили бутылки, разгоняя призраки тоски и одиночества. Как волновал прохладный запах оконной герани в доме у рыхлой Шуры Уфимцевой, как сводил с ума пьянящий запах густой сирени в палисаднике у очень рано закруглившейся Тамары Киприяновой, запах проросшей картошки в подвале у Толи Сосновских. Как по утрам холодил крючки, удочки и руки водянистый запах сирого тумана, исходящий из зеркальной излучины Тамакульской старицы. Как проникал мысленно-дурящий, остро бьющий в нос запах жареных семян недозревшей конопли, как бодрил ядовито-загадочный запах зелёных коробок отцветающего, но ещё незрелого мака.

Мне памятен морозный запах огорода и метели, закравшейся в уголки окаменевшего на ветру белья. Внутри конюховки воздух густо настоен запахом сбруй, хомутов, сапог и лошадей. «И много, много, и всего припомнить не имел он силы», как сказал поэт, вникнув в думы Демона.

Но пуще всех, всего остального, прекрасных запахов весны и ледохода, я помню запах сваренной крапивы. В школьную программу не входило обучение, как жить, как привыкать к повседневной работе. Не нужны были специальные уроки, чтобы научиться собирать золу, поливать огород, напоить корову, накормить свиней, накосить травы кроликам, убрать в коровнике. Всему этому умению мы учились у самой жизни и в подсобном хозяйстве, как в школьном, так и в домашнем.

Самые буйные плантации крапивы росли на заброшенных пустырях и огородах, особенно тех, что ближе подходили к старице, которую заливало благодатной водой взбесившегося от весеннего солнца Миаса. Все летние каникулы пионерский лагерь мне заменяли сестрёнка Дора, двоюродный братишка Петя и два поросёнка: Синька и Борька. Первых двух я должен был воспитывать, вторых кормить и поить. Для того чтобы у Синьки было вкусное мясо, а у Борьки аппетитное сало, надо было внимательно чередовать сытную неделю со сверхсытной. Мне, ещё совсем маленькому, косу

не доверяли, поэтому крапиву приходилось «косить» огородной тяпкой, грузить на самодельную тележку, поднимать в гору, рубить на мелкие куски и варить в большом чугуне. В недели сверхсытного кормления, когда поросятам положена была двойная порция обезжиренного молока с отрубями и картошкой, расход крапивы был гораздо меньше, мне было легче, времени на книги и фантазии оставалось больше. В сентябре, когда вместе со старшеклассниками нас, малолеток, всем классом уводили на колхозные поля убирать картошку, собирать свёклу, выкапывать кормовой турнепс – всё это казалось детской игрой по сравнению с обязанностями по домашнему хозяйству. Как трудно было затаскивать на козлы неподсильное бревно. Зато как красиво складывалась поленница заготовляемых на зиму дров.

Несколько лет тому назад, после конференции в Оренбурге, докладчиков повезли на лоно природы. На берегу реки Урала закипела монастырская уха: когда варится сначала курица, потом тому же бульону отдают свой сок ерши и прочая мелочь на выброс, и когда, наконец, в третьем заходе уха дозревает от мяса рыб более благородного происхождения. Хозяева из числа бывших партийных начальников и новоявленных демократов ошалело глядели, как один из столичных профессоров после рюмки-другой, не снимая галстука, взял колун и наладился по-каргапольски колоть дрова. Вы знаете: это когда наносится полу-удар по полену, затем полный перекрёстный удар и из-за плеча с разворотом и размахом... и полено эффектно разлетается сразу, на четыре части. Сейчас, когда талантливейший организатор Веналий Амелин – один из руководителей администрации Оренбургской области, доктор наук и блестящий знаток этнокультурного «хозяйства» своего края, приглашает меня на очередную конференцию, обязательно добавляет: «После заседаний можно будет поколоть дрова». Кого-то он соблазняет гонораром, кого-то посещением картинной галереи, кого-то шикарным номером в гостинице, меня – воспоминанием о том, как я когда-то в Каргаполье колол дрова, варил

крапиву, косил траву, копал картошку, вывозил навоз на колхозные поля.

Социологи говорят: «С образованным человеком приятно вести светский разговор за банкетным столом. Но не дай Бог, оказаться с ним же на необитаемом острове». Это если он, кроме образования, ничего другого за душой не имеет, и ничего другого в жизни делать не приспособлен. Надо уметь многое в жизни: косить траву, чинить водопроводный кран, кормить поросят, доить корову, ухаживать за больным и утешать горемычных.

«Бог мой, как всё легко, если где-то далеко» сельский труд и Каргаполье. Там, в Тамакулье, я был маленький. Я очень горевал, что так рано стал большой. Сейчас в Москве, вспоминая, как там рубил дрова, желал добра, держал топор и направлял воды напор, мне становится мягко и покойно на душе. Как хорошо, что я понимал, что я был таким взрослым, когда был таким маленьким!

Запах варёной крапивы хотя и не преследовал меня ни дома, в кабинете, где я работал над законом «О национально-культурной автономии», ни в кабинетах и коридорах Государственной Думы, где я обсуждал важнейшие нормы закона с коллегами и депутатами, ни на пресс-конференции, которая состоялась 12 мая 1996 года в малом здании Государственной Думы, но я его помню по сей день.

В декабре 1996 года вышла в свет фундаментальная, почти в 400 страниц книга председателя Государственной Думы по делам национальностей, участника и свидетеля событий в Чечне, бывшего второго секретаря Каракалпакского обкома ЦК компартии Узбекистана – Владимира Юрьевича Зорина. В этой книге «Чечня: кремнистый путь к миру» опубликована стенограмма этой пресс-конференции. И поскольку книга подарена мне автором с трогательной надписью: «Михаилу Николаевичу Губогло – соавтору книги – в знак глубокого уважения. В.Зорин. 23.12.1996. Москва-Оренбург», позвольте процитировать из неё некоторые отрывки, в том числе с произнесёнными в микрофон моими словами.

1. «День 22 мая 1996 года для Комитета Государственной Думы по делам национальностей стал поистине историческим. Впервые за время существования нижней палаты российского парламента мы чувствовали себя именинниками: были приняты подготовленные Комитетом проект закона «О национально-культурной автономии» и решение о согласованном варианте закона «О правах коренных малочисленных народов».

Назавтра утром в малом зале здания Государственной Думы состоялась пресс-конференция на эту тему». (стр. 236).

2. «На нашей пресс-конференции присутствуют: Жамсуев Баир Баясхаланович – зам. председателя Комитета Государственной Думы по делам национальностей, который в прошлом созыве возглавлял данный комитет и создал тот богатый задел, который мы практически сегодня реализуем, если так можно сказать, вместе с ним; Михаил Николаевич Губогло – зам. директора Института этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая Российской Академии наук, доктор исторических наук, профессор, один из разработчиков закона «О национально-культурной автономии».

Если нет возражений, сначала слово Баиру Баясхалановичу, а потом Михаилу Николаевичу. Если будут вопросы, мы готовы на них ответить. Пожалуйста». (стр. 238).

3. «Зорин В. Спасибо. Предоставим слово Михаилу Николаевичу. Пожалуйста. Михаил Николаевич Губогло – заместитель директора Института этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая Российской Академии наук.

Губогло М.

Спасибо за возможность сказать несколько слов по поводу закона «О национально-культурной автономии». Прежде всего я хотел бы отметить, что очень большую роль в создании этого закона сыграло Министерство по делам национальностей, потому что оно было и инициатором, и генератором идей, но в ходе работы над этим законом появилась конку-

рирующая концепция. И в течение полутора лет объединёнными усилиями двух команд – сотрудников Министерства по делам национальностей и экспертов, приглашённых для работы в Государственной Думе, – был достигнут консенсус. И из двух конкурирующих проектов родился тот, который принят в третьем чтении. Трудно переоценить значение концептуальной части этого закона, потому что, как сказал Владимир Юрьевич, мы имеем уникальный случай в том плане, что впервые за предшествующие советские годы и за несколько лет уже постсоветского времени мы имеем закон, который открывает правовые основы для абсолютно новой формы самоопределения национальностей, национальных групп, национальных меньшинств, граждан, решивших объединиться по национальному признаку. В этом исключительная важность данного закона.

То, что, с одной стороны, закон говорит о том, что национально-культурная автономия – это вид общественного объединения, а с другой стороны, в законе несколько норм, по которым государство берёт на себя некие патерналистские функции по оказанию помощи тем общественным объединениям, которые объединились на национальной основе, в этом и сила, и некоторая слабость закона, слабость в том смысле, что раз это вид общественного объединения – это действительно шаг в сторону разгрузки государственной, называемой до 1917 года казённой, национальной политики от повсеместной всеохватной заботы и вместе с тем полнокровной регуляции сферы национальных отношений.

С другой стороны, сила этого закона в том, что он рождён в переходное время, когда, с одной стороны, национальные объединения Башкирский народный конгресс, Татарский общественный центр, национально-культурные землячества, ассоциации, общества получили возможность и действительно начали решать самостоятельно проблемы развития национальных языков, культур и так далее. А с другой стороны, сегодня, в переходное время, государство взяло на себя с помощью этого закона определённое обязательство для оказания поддержки в новой форме национального самоопределения в виде сотен, может быть, даже больше, национально-культурных объединений, которые уже конституировали сами себя, а новый закон сейчас им открывает правовое поле для дальнейшего развития.

Спасибо за внимание.

Зорин В.

Михаил Николаевич, есть пословица: Дорога в тысячу шагов начинается с первого шага. Мы тоже сделали первый шаг, приняв очень важный документ и создав тем самым прочный фундамент». (стр. 240-242).

1996 год у нас с Татьяной оказался до предела перегруженным: несколько конференций, симпозиумов, «Круглый стол», что мы с ней организовали и провели по одному из проектов Фонда Горбачёва (увы! Жить то надо!) в г. Уфе, несколько исследований, в ходе которых были проведены локальные и крупномасштабные (на всю Россию) этносоциологические опросы, в том числе накануне президентских выборов и между двумя турами этих выборов, командировка Тани во Флориду, где она в течение месяца читала лекции по SPSS, мои бесконечные поездки по России и странам СНГ.

В итоге, когда пришёл день собирать чемоданы в Италию, куда нас пригласили из Фонда Рокфеллера жить целый месяц, мы не успели как следует подготовиться и, пожалуй, кроме того, что нас будут там бесконечно кормить пиццей и макаронами, ничего другого, особого об этой стране, не знали. По крайней мере я летел в эту страну впервые и впервые не успел даже привычно перелистать хотя бы несколько страниц энциклопедии.

В Милане нас встретили и отвезли в горы, туда, где полуостров Белладжио разделяет зажатое горами озеро Комо на два рукава. Почти на верхушке этого полуострова, хорошо известного ещё из писем Плиния Младшего, нас поселили в отдельный номер, а для работы мне дополнительно выдели-

ли в горе тихую и уютную ротонду, хорошо экипированную и приспособленную для научной работы. Мы думали, что нас закормят макаронами. Каково же было удивление, когда мы обнаружили, что макароны подают только вечером и относительно редко, а во-вторых, главное в них не сами макароны, а соусы и приправы. Короче говоря, макаронного апофеоза не получилось. Зато в целом месяц провели королевский, не хуже, чем первый медовый месяц. При этом особое удовлетворение приносило то, что никто из 26 обитателей этого сверхприспособленного для отдыха и работы пансионата не докучал друг другу. Занимайся как можешь: работай, гуляй, отдыхай, влезай на вершину горы, катайся на лодке, наблюдай за стаями непуганых рыб, езди по всей Италии и вообще, делай что хочешь. Только не скучай!

В сверкающем кафелем, никелем и зеркалами туалете полотенцев не перечесть. Оборудование знакомо, но не всё. И хотя нет унитазов с ароматным французским ветерком, с прохладной вертикально-омывающей струёй и поддувом тёплым воздухом из сушки с регулируемой мощностью, даже то, что есть, требует серьёзного изучения, известного времени для освоения и для адаптации к тому, к чему привычны обитатели королевской династии, построившие дом в прошлом веке, а накануне Второй мировой войны сдавшие его вместе с вершиной всего полуострова в аренду американцам.

Прошло уже более 4-х месяцев, а краски Белладжио всё ещё пламенеют над нашей московской квартирой. И чем больше проходит времени, тем сказочней представляется сам факт нашего беспечного проживания, что по всей видимости, обошлось Фонду Рокфеллера, пригласившему нас в этот райский уголок, не менее 12-13 тыс. долларов. Не могу лукавить! Если бы эти деньги выдали бы мне на руки и сказали купить путёвку за такую стоимость, я скорее бы повесился, чем расстался с ними. Увы, голоштанное, бедное детство даёт о себе знать. Некоторое представление о шикарных залах со средневековыми гобеленами, о конференц-залах, оснащённых суперсовременной аппаратурой, о роскошной библиотеке, о прилегающих оливковых садах и парках с кипарисами Вы получите из фотографий. Я их Вам дарю. Но как измерить расстояние между мной – мальчиком из Тамакулья, лишь к 4-му классу еле-еле избавившемуся от педикулёза, 8 лет прожившему со своей семьёй в 5 человек в одной комнате вместе с кодлой курей и уток, с мартовским телёнком и апрельскими поросятами, и мной же, попавшим в королевский номер, в котором ежедневно (!!!) по утрам меняют весь комплект белья, номер, из окна которого видны зеленеющие оливковые сады, а вдали закатно розовеют белые вершины прилегающих Швейцарских гор.

После 30 лет совместной жизни, пребывая в царском ложе, я тихо-тихо говорю: «Никогда не думал, что до такой степени приятно каждый вечер входить в хрустально-свежую постель» – «Гад!» мирно огрызается Татьяна, инстинктивно защищаясь от неожиданно сорвавшегося, абсолютно неосознанного упрёка, без какой-либо задней мысли.

Однако летит время, срок гранта, полученного из Фонда Рокфеллера, истекает, а мы возвращаемся домой: из капиталистического коммунизма в посткоммунистический капитализм. Когда-нибудь услужливая память будет вычерпывать из этого сентября новые детали. А пока всё свежо и не совсем подходит, чтобы стать зрелым воспоминанием.

И всё-таки макароны в пионерском лагере, что на Тагильской горе, были гораздо вкуснее, чем весь макаронный гастроном, опробованный в течение месяца в Белладжио. И это, наверное, потому, что жизнь, особенно жизнь у себя на Родине, всё таки лучше любой сказки.

11. Террасное земледелие

Лекции по этнографии народов Юго-Восточной Азии для студентов 3-го курса кафедры этнографии МГУ артистично читал неотразимый, как Тихонов, и подтянутый, как Штирлиц, тогда ещё доцент Геннадий Евгеньевич Марков – мой научный руководитель кандидатской диссертации. Дух захватывали его сочные рассказы о происхождении

хозяйства, поселениях, одежде, жилище, пище народов Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Индонезии. Умопомрачительной казалась совсем незнакомая для бывшего каргапольца система общественных и особенно семейных отношений. Завораживали легенды о происхождении народов и их наименований. Так, например, у минангкабау, населяющих Падангское нагорье Суматры, бытовала легенда. Когда появилось агрессивное войско яванцев, желавших захватить родные земли этого народа, старейшины предложили решить исход борьбы единоборством буйволов: чей победит, тот и победитель. Яванцы выставили огромного взрослого быка, а местные минангкабау – небольшого телёнка, которого перед сражением долго не кормили. Увидев буйвола, телёнок, к рожкам которого были привязаны острые, как бритва, ножи, бросился искать вымя и пропорол живот грозному буйволу. «Минанг» и «кабау» на языке этого народа означает «победить буйвола». Это и стало его этнонимом, т.е. этническим наименованием.

Стоило закрыть глаза, как перед глазами вставали фантастические картины, как эти народы, призрачно одетые в лёгкие одежды, собирали урожай проса, риса, батата, маниоки, делали запасы опиумного мака. Хотелось вместе с ними пожевать бетель, попробовать жареных кузнечиков или зелёный суп из молодых побегов бамбука, послушать игру на гонгах, барабанах, рожках, флейтах и прочих редкостных музыкальных инструментах. Всё это очень волновало. Но особенно бывшего обитателя Тамакулья интересовало поливное земледелие, широко распространённое во многих странах и среди множества народов Юго-Восточной Азии.

На террасные поля вода подавалась двумя способами. Система водоподъёмных приспособлений оставляла равнодушным. А вот бамбуковые трубы и хитроумные канавы, что прокладывались к поливным участкам из горных ручьёв, берущих начало где-то далеко и выше террас, живо напоминали мой огород на склоне Тамакульской горы. И там и там вода шла самотёком.

Корневые соки КСШ кроме всего прочего подпитывали нас, учеников, тем, что внешкольная программа, реализуемая талантливым директором, во многом продолжала бытовые занятия в домашнем хозяйстве. Только в отличие от изнуряюще-тяжкого труда дома, здесь в школьном приусадебном хозяйстве эти занятия превращались в захватывающую игру.

И настрой стенда «Они учились в нашей школе», и великолепные по режиссуре и эмоциональной нагрузке «Вечера встреч», и подсобное пришкольное хозяйство несли мощный воспитательный заряд. Но эти находки не заряжали бы учеников энергией, если бы в основе этих развивающихся механизмов не лежала талантливая одержимость. Одержимость целью и цельность одержимости исходили от директора школы. Впрочем, слово директор здесь менее уместно, чем слово лидер. Ваша одержимость духовностью и была одним из секретов сначала Вашего успеха, как лидера, а затем она перевоплотилась и приумножалась в урожае продвинутых Ваших учеников.

Директор и учителя, конечно, хорошо понимали, как трудно было жить в послевоенной деревне. Но ещё труднее было искать ответы на бесконечные «зачем», «за что», «почему», «как» и «когда». Но школа учила верить в лучшее и находить ответы на самые трудные по охвату вопросы. И ещё школа учила, как самый тяжкий труд представить как игру.

Напротив нашего огорода, на тамакульской горе, большой котлован каждой весной наполнялся талой водой. А с урожаями картофеля, кормилицы деревни, были перебои. И вот мы с другом порешили, что мы вполне сумеем пересилить природы недочёты: лопатами и тяпками мы прорубили часть горы и направили накопленную влагу вниз и затопили наши огороды. Пока земля подсыхала, мы запоздали, конечно, чуть с посадкой, но зато собрали в тот год едва ли не двойной урожай. В самом наклонном огороде мы устроили террасы. Я помню, что на уроках географии мы учили города и страны, реки и океаны. Однажды даже у милейшей

Елены Яковлевны я получил двойку за подсказку по средиземноморскому климату. А вот про террасное земледелие я на уроках или не слышал, или забыл, что слышал.

Прошли годы. Мы получили дачный участок на склоне заросшей горы под Истрой. Первый год по законам подсечно-огневого земледелия, жгли кустарники и корчевали корявые иссохшие дубки. И когда возникла проблема грядок, я устроил их в виде террас. И хотя вода поступала из крана и далее текла самотёком, в памяти всплывала радость тамакульско-каргапольской игры.

Мне ещё не снилось, что опыт тамакульской террасной системы, запомнившиеся лекции в аудиториях МГУ станут реальностью, и я смогу своими глазами увидеть террасные поля на севере и на юге Вьетнама. Круг замкнётся. В круговерти памяти террасное земледелие станет ещё одним символом связи времён, пространств, причин, фантазий и реальности. Ещё одним музыкально-волшебным тактом того что мы именуем феноменом каргапольской средней школы времён Ульяны Постоваловой.

12. Птенцы Вашего гнезда

Школа, меняя ориентиры, прививала новые ценностные ориентации и давала в руки новые ключи миропонимания. В нашей деревне, например, человек жил, чтобы выжить. Едва ли не единственной заботой у нас в Тамакулье было накопать и надёжно уложить в голбец (подвал под домом) картофеля, проследить за тем, чтобы красная в белых пятнах Марта не осталась к весне без телёнка, чтобы годовой семейный учёт трудодней в бригаде совпал с учётом на общегодовом собрании и т.п.

КСШ помогала прозрению и переходу от понимания выжить, стратегии, нацеленной в основном на традиционную с первобытных времён добывательскую, накопительскую и потребительскую деятельность к пониманию жить, ориентированному на освоение культуры, на вхождение в цивилизацию и далее на соучастие в создание культуры: логика перехода от понимания «выжить» к пониманию «жить» диктовала ещё одно прозрение: постоянную взаимосвязь двух стратегий: достойно жить, чтобы хорошо учиться, и упорно учиться, чтобы достойно жить.

Таким образом, своей новой стратегией, укладывающейся в переход от выжить к неведомой стратегии жить и учиться, КСШ создавала очень весомый запас прочности и активной жизненной позиции. Все вокруг твердили: кто не работает, тот не ест. КСШ, смещала акцент: кто не учится, тот не работает. Не случайно чаще всего бывшим выпускникам мы, ученики КСШ задавали вопросы о будущей профессии, а не о том, сколько они будут зарабатывать. И пусть их самотерапия в виде «объяснительных воспоминаний» станет памятником утраченного времени, а удвоением прекрасной игры....

И если единожды судьба соединила плодоношение учителей и учеников цветением, почему бы этому парадоксу не повториться вновь? На страницах Вашей «Истории в лицах». Для того, чтобы «познать причины вещей», как повторил за Вергилием Арнольд Тоинби – создатель всемирно известного труда «A Study of History» («Постижение истории»).

Пусть каждый из Ваших учеников умело и смело окаянно и покаянно, улыбочно и лубочно, с юмором и без, скажет: «Ай да постоваловский ученик, ай да сукин сын». Вот тогда Ваша «История Каргаполья в лицах», истинно говоря, состоится. И даже кому-то ещё, кроме самих её героев, покажется интересной. Ибо, перефразируя, можно сказать, что урожай, взращенный Вашим талантом, как и любовь, – «тайна великая есть».

Что касается публикации моих заметок, то я в этом не уверен по ряду причин. Для того чтобы превратить их в интересные кому-то, кроме нас с Вами двоих, воспоминания, у меня вроде есть психологический настрой: «Желал я душу освежить, бывалой жизнию пожить». Есть пушкинские строки, но я – не Пушкин. Словом, нет художественного дара. Как грамотный ремесленник, я могу, конечно, их сделать аналитически ценными и даже актуальными. Кажется,

для этого у меня есть профессиональный навык, но нет ни времени, ни возможностей, ни осознания необходимости. Я, как ранний Евтушенко:

Езжу, плаваю, летаю,
Всё куда-то тороплюсь,
Книжки умные читаю,
А умней не становлюсь.

Остаюсь любящим Вас в воспоминаниях и наяву все годы всё тем же учеником 10 «А» класса Мишей Губогло.
10.01.1997

Письмо 1 от 09.03.1996 г.

Здравствуй, дорогой мой Михаил Николаевич!

Получила твое дивное письмо, не письмо, а поэму. Я думаю, что ты не будешь возражать, если это драгоценное письмо мы поместим в книгу «Каргаполье в лицах» с моим предисловием. В этом письме есть все: Высокие чувства, трогательные события, убедительные факты и четкая память чистых детских восприятий. Как это ценно и волнующе. Это письмо будет украшением всей книги. Это и о тебе.

Миша, я писала уже тебе из Шадринского санатория, изливая свои чувства. Теперь пишу на деловой основе (рыночных отношений?). Я прошу твоего согласия на напечатание этого письма в книге. Относительно гонорара? Едва ли он будет. Если найдутся спонсоры, то заберут книгу в счет расчетов, как было со второй моей книгой. Я получила около 200 экземпляров и все их раздала. Остальные книги спонсоры – ГУНО, Пединститут, фонд мира и Обком профсоюза – сделали подарочными и дарят их по своему усмотрению. Я не в обиде: книга вышла в свет и нашла читателя. И слава Богу!

Я еще возвращаюсь к твоему письму, как я сказала, – поэме. Да, ты воспел раннюю свою юность, школу, Каргаполье и всех нас. Спасибо!

Когда я прочитала это письмо директору школы-гимназии, когда-то организовавшей презентацию моей книги, она сказала: – Счастлив учитель, однажды получивший такое письмо. Поздравила меня и взялась силами тех. средств школы размножить его, чтобы выслать в Каргаполье, оставить себе в школу и дать мое усмотрение.

Впечатление потрясающее! Миша, поздравляю тебя и Таню с внуком, с наследником! Ну, как вы чувствуете себя в новом качестве? Знаю, что мужчины гордятся, плечи выше поднимают и нос тоже, а вот женщины – своеобразно. Их утонченные чувствования раздваиваются. В самом деле, женщина еще не забыла своей юности, она в расцвете своих творческих сил, своего женского обаяния, и вдруг – новое

качество: теща, да еще бабушка! Я, понимаю, говорила, что я – бабушка только для внуков, а не для вас (всего моего окружения). Но внуки в этой раздвоенности чувств берут верх: так приятно его прижать к сердцу, подышать его запахами, поцеловать в попку – все так мило и радостно. Так что ПОЗДРАВЛЯЮ! Юной маме (и папе тоже) желаю здоровья и счастья, и создать такого же Мишу, как его славный дед!

О себе. Хорошо отдохнув в санатории в г.Шадринское и благополучно возвратившись домой, я умудрилась перенести гипертонический криз (высокое кровяное давление). Теперь лучше. Продолжаю работу над книгой, занимаюсь своим внуком Стасиком, сыном Валерия (он работает в санатории, там нет школы). Стасик учится в Кургане и живет со мной уже 3-й год. Скучает по маме, папе, по собакам (их 3) и вообще по деревне и лесу.

Миша, Таня, целую Вас.

Ульяна Илларионовна.
Привет и поздравление с правнуком – Вере Николаевне!
3.11.96 г.

1991. №45. 06.06.1997.

Газета: «Сельская Правда»
О людях нашего края

Мальчик из Тамакулья

Сегодня начинаем печатать рукописный материал, написанный бывшим директором Каргапольской средней школы Ульяной Илларионовной Постоваловой, о людях нашего края для будущей книги «Каргаполье в лицах».

Каргаполье подарило Отечеству много замечательных имен. Это Герой Советского Союза Махов Николай Федорович, Герои Социалистического Труда Вторушин Марк Илларионович, Жилин Филипп Николаевич, Долженкова Евдокия Петровна, талантливый писатель Власов Яков Пантелеевич, ученый с мировым именем Каргаполов Михаил Иванович.

Благодарные каргапольцы помнят имена своих лучших сынов и дочерей.

Младшее поколение каргапольцев приумножает славу своих предшественников. Я назову лишь некоторых из них, а напишу об одном. Сначала назову. Валерий Петрашов – гордость и украшение Каргапольской школы, автор школьного гимна, истинный лидер молодежи, стал генералом и доктором юридических наук: Усольцев Альберт Харлампиевич – редактор общешкольной газеты, сделавший ее интересной и притягательной – маститый теперь уже московский писатель. Доктором биологии стал Шестаков Владимир Григорьевич, а в школьном драмкружке был лучшим артистом (кстати, в МГУ выступал в знаменитом студенческом театре).

Стал академиком медицины доктор Лялин Валерий Александрович, сын знаменитого в Каргаполье врача в годы войны.

Здравствуй, дорогой мой
Михаил Николаевич, милый
Миша! Получила твое давное
письмо, не письмо, а поэму.
Я думаю, что ты не будешь
возражать, если это драго-
ценное письмо мы поместим
в книгу „Карагоолое в лицах"
С моим предисловием.
В этом письме есть
все: высокие чувства,
трогательные события,
убедительные факты и
четкая память чистых
детских восприятий.
Как это ценно и вол-
нующе. Это письмо
будет украшением всей
книги. Это и о тебе.

-2-

Миша, я писала уже
тебе из Шадринского сана-
тория, излила свои чувства.
Теперь пишу на деловой
основе (рыночных отношений?)
Я прошу твоего согласия
на напечатание этого
письма в книге.
Относительно гонорара?
Едва ли он будет. Если
найдутся спонсоры, то
заберут книгу в счет рас-
четов, как было со вто-
рой моей книгой. Я по-
мрила около 200 экзем-
пляров и все их раздала.
Остальные книги спон-
соры — ГУНО, Пединститут, фонд
мира и обком профсоюза
— сделали подарочными и дарят

3

их по своему усмотрению.
Я не в обиде; книга вышла
в свет и нашла читателя.
И слава Богу!

Я еще возвращусь к твоему письму, как я сказала,
Поэже. Да, ты вспомнила
раннюю свою юность,
школу, Карагандыне и
всех нас. Спасибо!

Когда я прочитала
это письмо директору школы
-гимназии, когда-то орга-
низовавшей презентацию
моей книги, она сказала:
-счастлив учитель, одна-жды
получивший такое письмо.
Поздравила меня и взялась
силами тех. средств школу

-4-

размножить его, чтобы
выслать в Караганды, пра-
вить себе в школу и дать
на мое усмотрение.

Впечатление потрясающее!
Миша, поздравляю тебя
и Таню с внуком, с наслед-
ником! Ну, как вы чув-
ствуете себя в новом
качестве? Знаю, что
мужчины гордятся, плечи
выше поднимают и нос тоже
а вот женщины — своеобразно.
Их утонченные чувствования
раздваиваются. В самом
деле, женщина еще не забыла
свои горести, она в ладу с
своих творческих сил,
своего женского обаяния,

- 5 -

и вдруг — новое качество:
теща, да еще бабушка!
Я, помню, говорила, что
я-бабушка только для
внуков, а не для вас
(всего моего окружения).
Но внуки взрослеют, разволнуют
чувств берут верх: так при-
ятно прижать его к сердцу,
подышать его запахом,
поцеловать в попку —
всё так мило и радостно.
Так что ПОЗДРАВЛЯЮ!
Юной маме (и папе тоже)
желаю здоровья и
счастья, и создать та-
кого же Мишу, как его
славная бед!

- 6 -

О себе. Хорошо отдох-
нув в санатории в г. Шад-
ринске и благополучно
возвратившись домой,
я умудрилась пережить
гипертонический криз
(вот уже кровяное дав-
ление). Теперь лучше.
Продолжаю работу над
книгой, занимаюсь с
внуком Стасиком, сыном
Валерия (он работает в сана-
тории, там нет школы).
Стасик учится в 5 классе
и живет со мной уже
3-й год. Скучаем по ма-
ме, папе, по собакам (их 5)
и вообще по деревне и лесу.
Миша, Таня, целуем Вас. — Ул. Ник.

Приехали и поздравляем с праздником — Вера Николаевна!
31.IX.96 г.

Каждый из них не только состоявшаяся личность, но и знаменитость в своей отрасли, а иные и за ее пределами.

Но подробно я напишу о Михаиле Николаевиче Губогло, о моем любимом ученике, лучшем историке класса, где я вела историю – Мише Губогло. Это был хорошенький мальчик, любознательный, внимательный и вежливый. Запомнилась его мама Димитра Степановна, высокая, стройная болгарка в расцвете своей южной красы. Волею судьбы она оказалась в нашем холодном крае вместе с мужем-гагаузом по национальности, вместе со всей семьей, попавшей под репрессии. Но в школе Мишу Губогло никто не обидел, не укорил его особым положением. Может быть, все интуитивно чувствовали несправедливость происходящего и сочувствовали горю ни в чем неповинных людей.

Миша окончил школу на золотую медаль, его сочинение было представлено на утверждение в облоно, но пятерки не было удостоено (комиссия по медалям «перестраховалась»). Так мальчик и не подержал в руках заветной награды.

Но предоставим слово самому Мише, так повествовавшему о горестной судьбе своей семьи и своей, личной.

«Мальчик нерусской национальности, заброшенный крутой волной необоснованных репрессий в запустевший после войны уголок западной Сибири из теплой и уютной Молдавии», – как пишет Михаил Губогло, – оказался в полуразрушенной деревушке Тамакулье, что рекой Миассом отгорожена от большого старинного села Каргаполье. Сейчас она является составной частью рабочего поселка Каргаполье.

Итак, Миша Губогло оказался в наших краях, и даже не сразу в Тамакулье. Вот как он описывает свое здесь появление: «В ясную солнечную погоду с высоты деревянного моста хорошо просматривался железный мост, соединяющий Европу с Азией. По нему в синеватой, как у Рериха, дымке, беспрерывно, как у Айтматова, шли голубые экспрессы и скучные товарняки с Запада на Восток, с Востока на Запад. На одном из таких товарных поездов девятилетним мальчиком я был привезен сюда, в Зауралье, выгружен темной

ночью на Каргапольский полустанок и затем на скрипучей колхозной подводе доставлен в заросшую крапивой и бурьянам Сухановку. Казалось, что жизнь кончена».

Но жизнь продолжалась. И он далее пишет: «Каково же было мое удивление, когда, проснувшись поутру, я увидел, что мы живем у леса, в полупустынном селении, без улиц, без людей... Однако у самого порога в раскидистой траве наехавшего леса сочно краснели тугие гроздья костяники и заждались живых людей... И сладкая боль сонных берез неведомого края бесшумно поплыла мне в душу...– на меня обрушилась благословенная новизна прохладного леса, золотые круги вечерней талицы, мерцающие волны неторопливого тумана».

Жизнь побеждала. Рождался сибиряк. Зауральская земля становилась началом его жизненных дорог.

Но каково было родителям с их израненным умом и занемевшим сердцем, раздавленным временем, жестокостью и несправедливостью? В чужом краю с невиданным и пугающим лесом, оставаться наедине с которым не было ни опыта, ни навыков, с крапивными джунглями вокруг заброшенных домов и покосившихся заборов? «Несколько дворов в лесу, без школы – это был тупик. Может быть, война была злой причиной, – говорит Михаил Николаевич и продолжает, – а без школы какие там пути-дороги. Никакие. Никуда. Великий и бескрайний мир был закрыт».

(Продолжение. №46, 1997. 10.06.1997. Начало в №45)

Семья пала духом. Но не вся. Был дед, как у нас говорят, человек-кремень. Он, не сломленный, не утерявший корневой силы, стал искать выход из создавшегося положения. И нашел. Михаил удивляется, каким-то чудом ему удалось вырваться из глухомани и придвинуться поближе к Каргаполью. И хотя в спецкомендатуре ему не разрешили поселиться в самой столице каргапольского края, все-таки тихое Тамакулье с его привычным для слуха тюркским названием... было совсем рядом с широко и вальяжно раски-

нувшимся вдоль Миасса – Каргапольем. (В Тамакулье была школа, хотя и начальная, но уже не тупик).

– Стало быть первым шагом по Зауральской земле, по дороге к феномену Каргапольской средней школы, тогда, наказанный осенью 1949 года, я обязан моему энергичному, не павшему духом, депортированному деду, – с большим чувством благодарности говорит внук.

Михаил Николаевич сокрушается, что уже не может он рассказать своему любимому деду о голубых дорогах девятнадцати стран, в которых ему, его внуку, удалось побывать; что не дождался от него похвалы за диплом, в котором золотыми буквами написано, что он, Михаил Губогло, действительный член Нью-Йоркской Академии Наук; за другой диплом академика Международной Академии педагогических и социальных наук; за высокую награду орденом «Дружба», которым отметило правительство СРВ за его многолетнее руководство комплексной советско-вьетнамской экспедицией, за подготовку научных кадров для Вьетнама.

И еще сокрушается Михаил Николаевич, что дед так и не узнал, что его старший сын, Румынский профессор, тоже Михаил Губоглу (не Губогло) стал почетным профессором знаменитой Сорбонны, академиком Турецкой исторической Академии, его имя присвоено Международной гимназии в городе Чадыр-Лунге, где родились оба Михаила, дядя и племянник. Теперь оба академики. Да, не увидел дед многотрудных дорог к вершинам, которых достигли его сын и внук.

А что было тогда, полвека назад?

С высоты почти двухтысячного года, огромных познаний, блестящей эрудиции, с высоты академического Олимпа сегодняшний профессор Михаил Губогло так оценивает обстановку полувековой давности:

– Покалеченная, обескровленная, обесточенная деревня с опустевшими дворами и почерневшими домами, потерявшая на войне целые поколения своих мужчин, не открывала никаких перспектив молодежи. Иное дело – в огнях рекламы сверкающий город. Там уже творили знаменитые писатели

и поэты, жили ученые, работали музеи и выставки, снимались фильмы и ставились спектакли. Жизнь бурлила и кипела. Готовились к запуску человека в космос.

...Там по асфальту уже призывно шелестели новенькие «Победы» и свеженькие «Москвичи». Здесь, в Каргаполье, доживали свой век израненные войной и бездорожьем старенькие зеленоватые «ЗИС-105» и расхристанные бесцветные «полуторки». А в деревнях – страшная нищета и безнадежность. И так было повсюду.

Михаил Николаевич считает, что в его судьбе большую роль сыграла школа, которая оказалась мостом между селом и городом. И не только в его судьбе, а в судьбе целых поколений каргапольцев.

– Переход из Тамакульской начальной школы в Каргапольскую среднюю был таким же переломным, как переход из запыленной казенки крестьянского пятистенка в праздничную переднюю подкупольного храма, – так восторженно отзывается он о Каргапольской школе. Каргапольским Мостом Мудрости называет он школу, по нему, по этому мосту, «потекли далеко и высоко поколения очарованных учеников, как очарованные странники Лескова. «КММ» стал маяком, сгустком эпохи и перекрестком истории... ученики стали феноменом, стали историей, утешением и наградой».

(Продолжение. №48. 1997. 17.06. Начало в №№45, 46)

Мой ученик Миша Губогло пишет мне такие проникновенные и лестные, и вместе с тем немного грустные слова:

– Стране, народу нужны были умные, грамотные и энергичные люди. Ваша педагогическая находка – великолепный стенд «Они учились в нашей школе». Он стал изобразительной риторикой и прекрасной поэтикой перелива молодежи из села в город. Оставаясь в деревне, Вы не сопротивлялись эгоизму города. Вы пошли навстречу ему и отдали все, что требовали индустриализация, урбанизация и интеллектуализация.

И далее продолжает:

– Не скрою, в этой звенящей надрывной мелодии есть и тихие грустные нотки. Советское село в который раз приносилось в жертву монстру – алчному городу («город грабил, грёб, грабастал» не только во времена футуристов). Убогая сельская среда, как злая мачеха, выталкивала крестьянских детей, город же, – хищник, как магнит, притягивал их к себе. И лучших из лучших сельчан Вы ставили на ноги, чтобы оторвать из села и щедро отдать их городу и прогрессу. Школа прорывала кольцо социальной блокады и давала путевку в открытое, хотя еще закрытое от внешнего мира советское общество, тех 50-х, откуда мы родом.

Здесь я должна уточнить некоторые положения: действительно, школа была неким трамплином, с которого наши выпускники, получив в школе хорошие знания, успешно сдавали экзамены в самые престижные вузы страны (например, одно время одновременно учились 9 каргапольцев в МГУ, а вообще-то 20-25% выпускников ежегодно поступали в вузы). А получив дипломы о высшем образовании, действительно больше не зависели от села, от его беспаспортной системы. Но это получалось в какой-то мере объективно и подчас не зависело от наших субъективных желаний.

В школе была и есть славная традиция встреч выпускников школы. С большой теплотой и высокой оценкой вспоминает о них Михаил Губогло:

– Я осознаю огромную воспитательную силу «Вечеров встреч» (2 февраля каждого года), которым вы придали широкое общественное звучание и значение, тонкий изыск и высоты вдохновения. Они воспитывали учеников «на вырост» не меньше, чем классическая литература и стандартные до серости школьные программы.

Я без конца цитирую Михаила Губогло и буду делать это впредь по той простой причине, что мне лучше не сказать, ибо у меня нет его огромных познаний, его опыта общений, его умения излагать мысль, аргументированно доказывать суть явлений (ученик пошел дальше учителя – что вполне закономерно и естественно).

Так вот, подчеркивая особую роль школы в своей судьбе, он дает очень высокую оценку: коллектив учителей сумел «убедить нас, учеников, не только красотой мобильности (карьеры), но и тем, что будущее станет лучше настоящего, если не лениться... Коллективу удалось привнести героику и романтику довоенного трудового энтузиазма ...в интеллектуальную жизнь послевоенной школы», ...»заразить школу горячим энтузиазмом, любовью и стремлением к познанию и успеху». Он восклицает: «...Бог ты мой! Как... учителя умудрялись в опустошенной стране доставать столько бертолетовой соли, чтобы мы с упоением превращали ее в сияющие, как иные цивилизации, бенгальские огни на занятиях по химии и на танцевальных вечерах. Книги, реактивы, контурные карты, спортинвентарь, «малая Третьяковка» и наряду со всем этим еще и пришкольный участок, где каждый мог посадить свой тополь, акацию или свою смородину». «Молодежь обрела пассионарность». «Пройти через «КММ» оказалось вполне достаточным, чтобы взять судьбу в свои руки и не стыдиться ее».

«Учиться стало интереснее, чем жить!» – вот какие выводы делает Михаил Губогло. Это уже был феномен! Но, доказывая, что Каргапольская школа его времени была феноменом, он еще называет ее Мостом Радости. Он говорит: «Нас много, тех, что двумя Мостами – Радости и Мудрости – пришли в этот необозримый мир, в котором без Ваших духовных ориентиров легко потеряться и исчезнуть, подобно Бунинскому летнему облаку в бездонном, холодном, высоком, синем небе».

Мне понятно, почему Миша, мой славный ученик, избрал художественный образ мостов. Старинный деревянный мост через реку Миасс в его юношеские годы играл особую роль – он был клубом, местом свиданий, разборок и даже сельским университетом. «Каргапольский Мост Радости, построенный из звенящего дерева ...украшал и обличал жизнь поколений каргапольского края».

«Второй из них – Каргапольский Мост Мудрости... расширял нравственные горизонты края и продлевал жизнь

тем, кто решился вырваться из сонного царства измельчавшей деревни в зеркальную даль голубых городских дорог».

«Оба моста – и реальный, и воображаемый – стали хвалой и славой Каргаполья, символом и знаменем феномена, источником любви и возвышений, встреч и расставаний, а также генератором и аккумулятором духовных сил, источником самоуглубления и полигоном возвышения». «Каргапольская школа, как волшебная лампа Аладдина, порождала надежды, увлекала тропой познания...»

У. Постовалова.

(Продолжение. №56. 1997. 15.07. Начало в №№45, 46, 48)

Школа дорога и мила Михаилу Николаевичу и за высокопрофессиональные уроки, за сплоченный коллектив единомышленников, за творческие предметно-тематические кружки, которые охватывали всех школьников. Он восхищался свободной общешкольной печатью «За учебу» и даже сравнивает ее с «Колоколом» («чем не «Колокол»), хотя главному редактору (М. Губогло) далеко до Герцена»). Он с любовью вспоминает знаменитый школьный хор, победитель зональных и областных смотров и его незабвенного руководителя Ивана Иосифовича Салазкина, а как увлекательны были вечера классических бальных танцев (вальс, танго, па-де-красс, паде-ка-тор и др.) и многое другое, смело организованное и дерзко разрешенные в школе, например, полузапрещенные рок-н-рол, буги-вуги и др.

Сегодняшний академик, профессор М. Н. Губогло очень высоко оценивает тот факт, что Каргапольская школа создавала новую ауру и новую идеологию зарождающейся юношеской любви и дружбы. Школа «ломала пошловатенькую «матанье-шмарочную» традицию, снимала с зарождающейся любви налет заплесневелой одичалости, озвучивала, освещала и освящала прекрасное чувство, уводила от одноклеточной биологии к музыке социальной эстетики и культурной антропологии».

– Ближе к окончанию 10 класса, помнится, уже в открытую «ходили» (дружили) не только Зоя Суворова с Валей Петрашовым, Римма Моисеева с Валерой Хомяковым, но и многие другие, менее именитые парочки. Вы тонко угадали потребность той эпохи – сознательное раскрепощение дополнить и усилить эмоциональным насыщением. И вам это удалось. Феномен тому порукой». – От унизительной моды стыдиться и прятаться от своей любви, школа помогла переходить к моде гордиться и вдохновляться ею... Это было обновление. Важное по духу и по содержанию».

И еще он добавляет: – «Россия обрела свободу, а в придачу к ней и анархию в 1991 году. Вы же нам, выпускникам Каргапольской школы, даровали свободу, волю и любовь еще в середине пятидесятых годов. В 1997 году исполняется 40 лет моему выпуску. Как грустно и как прекрасно. Юбилей свободы, воли и любви. Примите поздравления!»

Ну, что тут скажешь?! Как говорят, ни прибавить, ни убавить. Миша Губогло благодарен Каргапольской средней школе за то, что в ней зародилась у него и его сверстников «охота дальних странствий, желанье пройти по следам седых веков, оказаться за зеркальной далью голубых пространств».

Он благодарен учителям школы, которые никогда не забудутся, пробудившим «страсть соединять прошлое с будущим». Он благодарит школу и районную библиотеку, прививших любовь к чтению и воспитавших поколение с гордым званием «самый читающий народ в мире». Он радуется, что усилия учителей и работников библиотеки совпали с появлением ярких имен в литературе – В.Распутина, В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Астафьева и других «деревенщиков» и возмущается предательством некоторых из них в наши дни «Хорошо, что Василий Шукшин не дожил, чтобы видеть ... омерзительные сцены холуйства» – с горечью говорит Михаил Николаевич Губогло.

У. Постовалова

(Продолжение. №57. 1997. 18.07. Начало в №45, 46, 48, 56)

Михаил Николаевич Губогло ныне большой ученый-лингвист. Он заместитель директора института восточных языков. Кроме того, он изучает межнациональные отношения, руководит центром по изучению межнациональных отношений. Он зам. главного редактора журнала «Этнополис». Он издает 50-томную серию очерков, документов, материалов «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве», 38 томов которой уже увидели свет. Он пишет книги: «Не успев закончить одну книгу, заболеваю и закипаю другой. Вот и теперь мне бы... Закончить свой «Электорат», а я, еще не расставшись с призраками прошлого, распаляю себя и думаю о новой книге – «Деинфантилизация». Он – советник Думы по национальным отношениям. Его статьи часто печатаются в газетах, некоторые из них я храню, например, «За двуязычие», в которой он отстаивает необходимость введения русского языка как общегосударственного и объединяющего, как языка межнационального общения во всех странах СНГ, не говоря уж о национальностях России. Он выдержал немало схваток по защите своих идей. Он вспоминает: «На Международном конгрессе по прикладной лингвистике в Брюсселе, куда я выезжал во главе советской делегации, по идеологическим расхождениям я сцепился с неким Михаилом Брухисом, бывшим заместителем директора Института истории партии при ЦК Компартии Молдавии, затем переехавшем в Израиль и ставшим там ярым антисоветчиком. Этот самый Брухис позднее выпустил книгу, которую он посвятил «разоблачению» великодержавного шовинизма в трудах М. Н. Губогло о национально-русском двуязычии.

– «Очень ему не нравилось, что я всегда высоко оценивал значение двух языков (двуязычие) среди нерусских народов бывшего Советского Союза».

– «Однако его злой и мстительный фолиант оказал мне хорошую услугу. Иначе чем объяснить, что не в Европе, а в 12 университетах США, меня пригласили читать лекции именно по национально-языковой политике и по вопросам двуязычия».

«В прошлом году Таня (жена) побывала со мной в 12 американских городах, в университетах которых, в том числе в Гарвардском, я выступал с лекциями и докладами».

– «Если знаешь язык, раскрывается душа народа, расцветают цветы» – заключает он. И мне вспомнились его же слова благодарности в адрес Каргапольских учителей, которые заменяли тарабарский язык хорошо прославленным литературным языком. «Мой русский язык – это дар мне Каргапольский средней школы. ...Щеголевой Парасковии Дмитриевне я обязан первоначальным вхождением в урожайное поле английского языка». Деду обязан знанием румынского, матери – болгарского. Турецкий язык и еще не знаю какие – это, видимо, дал институт восточных языков, который он окончил.

– «У каждого языка – своя история, за каждым языком – душа его создателя».

Знание языков сближает людей, утверждает Михаил Николаевич. Он приводит многочисленные факты, иногда забавные, которые подтверждают это.

«На историческом ли конгрессе в Бухаресте, на лингвистическом ли в Брюсселе, на политологическом ли в Вашингтоне словом, где бы я ни заговорил с румынскими коллегами на их родном языке, мне тут же принимались доверительно рассказывать анекдоты про диктатора Чаушеску. про его жену и про целый клан его жадных родственников. Язык пересиливал политику».

Однажды на конференции в Вене к нему подошел профессор из Турции. Вначале чинно и чопорно говорили на замедленном английском языке, но стоило произнести несколько слов по-турецки, как вся вековая чопорность слетела с профессора, как «с белых яблонь дым». «Двое взрослых мужиков кинулись едва ли не в объятия друг другу и, размахивая руками, стали о чем-то захватывающе рассказывать. Он вспоминал свою неделю в Москве, я – свою юность в Каргаполье».

Благодаря языку я в Париже познакомился с обаятельной турчанкой, которая потом, когда мы встретились в Стамбуле, подарила мне свою книгу «Язык цветов». В связи

с этим Михаил вспоминает о роли цветов в годы его юности и рассказывает о подаренной книге. «Это фундаментальный научный труд, ее подвиг, посвященный всестороннему описанию функциональной роли цветов в одежде и в быту турецкой женщины».

Он описывает курьезный случай, когда он с делегацией жил на даче Тхиеу, где красивые вьетнамочки были дезориентированы одним из озорников Валерой, переведшим слово «дончи» (товарищ), как «папа». «Когда вьетнамочки заверещали, приглашая на обед: «Папа Минь! Папа Минь», Валера записал их голоса на магнитофон. По возвращению в Москву этот Валерий подарил пленку жене Михаила Тане, намекая на поведение «папы» во Вьетнаме.

Но где бы ни был Михаил Николаевич, каких бы чудес ни нагляделся, Каргаполье для него остается петым, добрым, неповторимым. Даже печеная картошка ему милее любых фруктов. В своих воспоминаниях он даже ввел раздел «Картошка и бананы».

– «Пекли картошку двумя способами – цивилизованным и диким. Цивилизованный – когда классом копали картошку и с разрешения учителей пекли картошку в дырявом ведре в середине костра. «Печенки получались рассыпчатые, вкусные, но без подгорелой на углях корочкой. Какая-то интеллигентная была. Изюминка исчезала».

Другое дело – дикий способ, не дозволенный, когда картошку заимствовали с неубранного колхозного поля, несли в овраг, разжигали костер, и прямо в костер бросали картошку.

– «Достать такую печенку из жаркого костра и трепетно обжигаясь, позабыв о мошкаре и слепнях, отдаваться крахмальному рассыпчатому пиршеству. Какое это было счастье! Никакой заморский-перезаморский ананас-банан не могли бы состязаться со вкусом запретного плода. Дикая печенка была частью родного неба и земли, покоя и Родины, воды и воздуха». Он вспоминает смешной случай с заморскими баканами в Сан-Франциско. Его тогда сопровождала известная в Америке и за ее пределами Чейл Лапидус, занимавшая

видный пост в Белом доме, бывшая советница президента. В одном из престижных ресторанов она предложила любые фрукты, какие он захочет.

– «Дабы не посрамить земли русской, знай мол наших, я небрежно назвал бананы». Высокородная патронесса не удержалась от язвительного замечания: «Фи, что это – бананы, можно было заказать и более изящный фрукт. «Когда не без ерничания я пояснил, что мне хотелось бы не обычный, а королевский банан», все всполошились и долго извинялись и кланялись, что им не по плечу достать этот экзотический нетраспортабельный фрукт.

– «Неведомо было им, надменным и посрамленным, что перед тем как перелететь через всю Америку, из Дюкского университета, что в Северной Каролине, в Сан-Франциско,... я восемь раз побывал во Вьетнаме и лишь однажды, на даче диктатора Тхиеу, пришлось отведать королевский банан, редкий, как эдельвейс. Он в три раза меньше кормового банана, которым теперь завалена Москва и Курган, и которым во Вьетнаме кормят поросят и свиней. Королевский банан поедается прямо с дерева, будучи сорванным, он через несколько минут погибает. Вкус и аромат королевского банана незабываем. Но перевезти его невозможно.

И все-таки, мне кажется, что дикие печенки Тамакульских оврагов были намного вкуснее и желаннее, чем те королевские бананы, которых, к стыду хозяев, не оказалось в меню роскошного ресторана».

Было все – а бананов не было!

У. Постовалова

Мишенька, здравствуй, дорогой!

Привет Тане и всем близким!

Сообщаю, что была в Каргаполье, отмечали 40-летие Римминого выпуска. Встреча была теплой. Я выступала. Рассказала о тебе и твоих письмах.

Слушали очень внимательно. Директор школы Козельчук Борис Николаевич очень заинтересовался, взял твои письма (на время) и хотел установить с тобою связь. Школа готовится к своему 140-летию, видимо, осенью. Приедете? Приезжайте!

Миша, сейчас я буду хвастаться.

1. На торжественном заседании в честь 8-го Марта губернатор в своем выступлении назвал мое имя и сказал много лестных слов:

2. Меня попросили по радио поприветствовать женщин области с праздником 8-е Марта. Приветствовала.

3. Попросили выступить на областном Конгрессе интеллигенции. Трижды приветствовали аплодисментами и проводили ими же.

4. Несколько раз выступили в печати, областной и Каргапольской. Каргапольская газета прислала вырезки из своей газеты о тебе. Высылаю.

5. Посетила три юбилея выдающихся людей нашего края. И т.д., и т.п.

Видишь, какую активную жизнь ведет твоя деревенская учительша, да еще и хвастается.

Не осуди. (Это я для того, чтобы ты знал, что такие как Губогло не появляются, если...).

Недавно был у меня Каргапольский поэт Предеин Толя принес мне книги с посвящением мне. Одну из книг присылаю тебе. Почитай.

Вот на этом заканчиваю отчет. Жива, здорова, того и Вам желаю.

Обнимаю. Целую. Ульяна Илларионовна.

Мишенька, здравствуй, дорогой!
Привет Тане и всем близким!
Сообщаю, что была в Каргаполье
отмечали 40 летие Римминого вы-
пуска. Встреча была теплой.
Я выступала Рассказала о
тебе и твоих письмах.
Слушали очень внимательно.
Директор школы Козельчук
Борис Николаевич очень за-
интересовался, взял твои
письма (на время) и хотел
установить с тобою связь
Школа готовится к своему
140-летию, видимо, осенью.
Приедете? Приезжайте!
Миша, сейчас я буду хвастаться
1) На торжественном заседании
в честь 8-го марта Губернатор в своем вы-
ступлении назвал мое имя и сказ
много лестных слов;
2) Меня попросили по радио по-
приветствовать женщин области
с праздником 8-е марта. Приветствовала.

3) Попросили выступить на объединенном конгрессе интеллигенции. Трижды прерывали аплодисментами и проводили или же.
4) Несколько раз выступал в печати, обливают и карапетами. Кар. газета прислала вырезку из своей газеты о тебе. Вышла
5) Досрочно три юбилея выдающихся людей нашего края

и т. д., и т. п.

Видишь, какую активную жизнь ведет твоя древняя учительница да еще и эксплуатируется.

Не осуди. (это я для того, чтобы ты знал, что такой как Губогло не тяжелый, если...)

Недавно был у меня Карапетян. Положил тот Предсин Том принес мне книги о тебе. Одну из книг присылаю тебе. Почитай

Вот на этом заканчиваю отчет. Жива, здорова, того и Вам желаю. Обнимаю. Целую. Ул. Ил.

ПРОФЕССОР ИЗ ГАГАУЗИИ

Петр ПАШАЛЫ
Докторант Института этнологии и антропологии
Российской Академии Наук им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Из чадыр-лунгских мужиков,
Которых не сломил и Сталин.
Харизматически толков
И, как поэт, сентиментален.
П. Чеботарь

Мне, как автору этого очерка, когда-то было страшно подумать, что я могу что-то написать о профессоре Михаиле Губогло. Но когда до выпуска книги, посвященной юбилею Михаила Николаевича, оставалось чуть больше одного месяца я вдруг пришел к убеждению, что должен написать об этом великом человеке, так как он мой земляк, друг моего отца и руководитель моей диссертации.

Сказать, что почетный академик Республики Молдова Михаил Губогло принадлежит к числу людей, которые создали сами себя, – значит сказать очень мало. Ибо, создавая самого себя, он одновременно, буквальном на голом месте, создал для России, Молдовы, маленькой Гагаузии и всей этнографической науки гигантский труд под названием «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве».

Серия из 123 книг, увидевшая свет под редакцией профессора М. Губогло, позволяет нам, отбросив переживания, анализировать объективные факты, истоки, предпосылки и механизмы этнической мобилизации народов. Для гагаузов этот вопрос очень актуален, так как обретение своей государственности нашим народом происходит очень сложно, а порой и трагично.

В 2009 году мы сможем достойно отметить 20-летие серии, но уже сегодня надо смело сказать, что М.Н. Губогло и его коллеги из Института этнографии и антропологии РАН воздвигли себе памятник при жизни.

Сейчас, по прошествии 45 лет жизни и труда профессора в Москве, я невольно спрашиваю Михаила Николаевича: ставил ли он тогда, в 60-е годы, перед собой такие амбициозные цели: защитить кандидатскую, докторскую диссертации, стать профессором, заслуженным деятелем Российской Федерации и почетным академиком Академии Наук Республики Молдова.

Сам же могу ответить на свой вопрос, анализируя жизненный путь М. Губогло. Да, он себе эти цели ставил и добивался с упорством, достойным подражания.

По моим наблюдениям, Михаил Николаевич Губогло – человек увлекающийся. Причем в самых разных областях и сферах – от выбора сортов и гибридов винограда для посадки в огороде своей сестры в Гагаузии до очередных международных исследований по вопросам этнологии, этносоциологии.

Нам, его ученикам, не страшно идти по дороге, начертанной профессором Губогло, так как он четко ставит перед нами задачу «... перейти от описания и понимания к раскрытию сущности этнических ситуаций и вызванных ими этнополитических явлений, от научной любознательности к рыночной полезности. Не спасаться от вызовов мобилизованной этничности, а идти к ним навстречу...». И несмотря на сходства, которые объясняются наследием той ушедшей политики и иерархическим структурированием этнических регионов, каждый случай в постсоветском пространстве мы не только описываем, но и анализируем в своем собственном историческом и культурном контексте. Мы приводим доводы о том, что различные национальные требования суверенитета или даже полной независимости переплелись в динамике отношений между центром и периферией. Заявления о несправедливости должны быть рассмотрены, местные лидеры заслушаны и межрегиональные отношения оценены, прежде чем могут быть сделаны обобщенные выводы относительно того, станет ли данная территория и ее народ сепаратистским, националистическим участником маскарада или местом межэтнического конфликта.

Нам импонирует еще одна новация, реализуемая неутомимым Михаилом Губогло, заместителем директора Института этнографии и антропологии РАН им. Н. Миклухо-Маклая – это молдо-российские симпозиумы, проводимые в столице Гагаузии в Комратском Государственном университете по вопросам социокультурного развития.

Суть их в том, что участники симпозиумов, а их уже проведено три за два года, серьезно готовят свои доклады и выступают в стенах ВУЗа перед студентами и преподавателями развивающегося, первого в мире, университета гагаузов. Ученые из России и Молдовы, в конечном итоге, дарят свой подвижнический труд, десятки книг молодому поколению, обучающемуся в этом и других университетах юга Молдовы.

Акция выглядит чисто благотворительной, но это не совсем так: ведь книжное спонсорство помогает ВУЗам эффективнее готовить специалистов, которые рано или поздно придут работать на предприятия, а возможно, и в научные учреждения. При этом книги получают Комратский Государственный университет, Тараклийский молдо-болгарский университет, Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова и другие.

Профессор М. Губогло – частый гость в Академии наук Молдовы. Впрочем, «гость» в данном случае – слово не слишком уместное. Он приезжает в Молдову домой. Его, почетного академика, встречи с президентом Академии Георге Дука всегда очень результативны. Семинары симпозиумы, конференции, в которых участвует московский ученый, вызывают неподдельный интерес научной интеллигенции республики.

В настоящее время мы все ждем появления на свет двух больших и уникальных трудов, посвященных 650-летию молдавской государственности и 15-летию АТО Гагаузия.

Благодарные земляки М.Н. Губогло знают и помнят о делах выдающегося ученого, много делающего для расширения и укрепления многосторонних связей Молдовы и России. И очевидно, его дела во многом перекликаются с на-

строениями жителей всей Молдовы, в том числе Гагаузии и Приднестровья.

В 2006 году М.Н. Губогло выпустил труд «Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов». Эта книга стала в Гагаузии бестселлером. Как один из ведущих российских социологов и этнологов, М. Губогло является консультантом Государственной Думы, при его участии формируется национальная политика России, его трактовка состояния этногосударственных отношений в Молдове учитывается при формировании внешней политики России.

Определяя жанр своей книги, М.Н. Губогло как историк выделил главные из национальных ценностей гагаузов, как и любого народа, – родной язык, хранитель этнокультурной информации. Создание гагаузской письменности на основе кириллицы (в 1957 году) обеспечило формирование гагаузской интеллигенции. Убедительно опровергая выдумки о якобы имевшей место «русификации» гагаузов, автор приводит свидетельства прочности гагаузского национального сознания и владения гагаузами родным языком.

М.Н. Губогло предостерегает нынешнее поколение гагаузов и их лидеров: «Отказ от русского языка, подобно эффекту бумеранга, те только не спасет гагаузов от ассимиляции, но, напротив, загонит их социокультурное и этнополитическое развитие в тупик, изолирует от магистральной эволюции модернизации». Успешная защита малочисленного народа на основе младописьменного, пока еще слабо развитого гагаузского языка, по оценкам экспертов, пока еще попросту невозможно. На эту роль подходит русский язык, один из языков ООН, которым все поколения гагаузов владеют и уже сделали его своим национальным достоянием.

Другая национальная ценность гагаузов, также определяющая их этническую сущность, – их историческая память, легенды, баллады, сказания, пословицы, сказки. Автору удалось показать формирование гагаузского национального прошлого. Разгадка загадок этнической идентичности гагаузов, данная в книге, проста и убедительна: наша этническая

сущность – в нашем языке и фольклоре. А интеллигентам, советует М.Н. Губогло, следует оставить поиски исторической родины гагаузов на границе Индии и Китая и заняться практической работой по социокультурному и экономическому подъему народа.

В доме, на Воробьевых горах в Москве, у Михаила Николаевича всегда тесно. То друзья-коллеги из Америки и необъятной России, то земляки из Гагаузии «шумною толпою» с вином нагрянут, то мы, аспиранты, докторанты, не даем ему покоя. Но каждый раз, когда мы приезжаем, нас встречает неутомимая, гостеприимная, улыбающаяся и любимая Татьяна Ивановна – супруга профессора. Вместе они гордо идут по жизни, и мы радуемся их общим успехам, общим достижениям.

В чем секрет их успехов? В энергии, гагаузском упорстве, болгарской настойчивости в достижении целей, в огромной эрудиции, прекрасном образовании, коммуникабельности, умении по-русски завязывать контакты на любом уровне, на любом языке, и во многом другом. И еще – в профессорской интуиции, которая пришла с годами и которая, как говорится, от Бога.

Как-то я их встретил вместе. Три друга: профессор – Михаил Губогло из Москвы, судья Конституционного суда из Кишинева Николай Кисеев и депутат Верховного Совета СССР последнего созыва из Гагаузии Михаил Пашалы. Они здорово смотрелись, их глаза горели воспоминаниями и планами на будущее. Дай Бог, чтобы их планы сбылись и чтобы мы были рядом с ними еще долго-долго.

ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР (HONORIS CAUSA) КОМРАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Людмила ФЕДОТОВА
проректор по научной работе и
международным связям
Комратского государственного университета, Молдова

Вот уже несколько лет прошло с тех пор, как мне посчастливилось работать с Михаилом Николаевичем Губогло. И хотя я не коренная жительница Гагаузии, меня охватывает гордость за то, что я живу на земле, которая рождает таких замечательных людей, как Михаил Николаевич.

Наше первое знакомство было заочное, когда я, будучи членом Сената Комратского государственного университета, по предложению ректора проголосовала наряду со всеми за выдвижение Михаила Николаевича в Почетные доктора университета. Ректор очень живо описал те заслуги, за которые мы оказываем честь тому или иному кандидату на звание Honoris Causa.

Теперь, когда судьба свела меня по работе с Михаилом Николаевичем, я знаю, что это не мы оказали ему честь, а он нашему университету, что согласился стать Почетным доктором.

Нельзя переоценить ту помощь, которую постоянно оказывает наш Почетный доктор и Комратскому государственному университету и Гагаузии в целом. Он всегда помнит про свою малую Родину, про своих земляков. Своим примером и своей помощью дает возможность получить образование как можно большему количеству молодых людей из Гагаузии. Он живо интересуется развитием ВУЗа. Помогает не только советами, но и чаще всего делами. Большая беда, когда не хватает методической и специальной литературы, особенно, если это касается высшего учебного заведения. Сам много

читающий, Михаил Николаевич старается оказать нашему университету огромную помощь в приобретении литературы. Литература из Москвы поступает с завидной периодичностью. Это и часть литературы личной библиотеки Михаила Николаевича, это издания сотрудников Академии Наук Российской Федерации, это и книги Российского гуманитарного фонда, где Михаил Николаевич является членом Совета. Такую же помощь в приобретении книг оказывает и Татьяна Ивановна – жена Михаила Николаевича. Весной 2007 года, на встрече с читателями Чадыр-Лунгской библиотеки, Татьяна Ивановна вручила безвозмездно городской библиотеке подписку журналов по педагогики и психологии, так необходимых для педагогов Гагаузии. А потом я узнаю, что Татьяна Ивановна по своей инициативе уже не первый раз покупает и привозит литературу в Гагаузию. Какими же надо быть энтузиастами, чтобы через несколько таможен суметь провезти большое количество такой нужной для нас литературы.

Российско-молдавские симпозиумы. Инициатором и организатором проведения первого симпозиума «Трансформационные процессы в Республики Молдова. Постсоветский период» является Михаил Николаевич. На первый симпозиум он организовал и приезд своих московских коллег, которые показали и поучили нас московскому академическому уровню. Первый симпозиум прошел только благодаря энергии и оптимизму Михаила Николаевича. Являясь проректором по научной работе университета, мне приходится организовывать большинство научных мероприятий. И, конечно же, когда мероприятие международное, то тут нужно приложить много усилий и стараний. Участие такого количества ученых из Академии наук России немного выбивало из привычного состояния. Но рядом был Губогло М.Н., и этим все сказано. Михаил Николаевич, как опытный регулировщик на шумном перекрестке, быстро расставил все по своим местам, и первый симпозиум прошел в теплой обстановке и конструктивном режиме. Интересные доклады сотрудников РАН не оставили

слушателей равнодушными. В обсуждениях принимали участие не только преподаватели университета, но и студенты, которые с интересом слушали доклады. Апофеозным выступлением, конечно же, был доклад самого Михаил Николаевича «Тропой этносоциологии». Особо надо отметить его манеру вести мероприятие. На таких солидных мероприятиях мало быть модератором в общепринятом смысле. Найти нужные слова для каждого докладчика, подбодрить новичков, угомонить спорящих, и при этом не забыть дать резюме на такие разные выступления – это могут далеко немногие, а так интересно и захватывающе вести заседание может, наверно, только Михаил Николаевич. Есть что послушать и чему поучиться. Материалы первого симпозиума под общей редакцией Губогло М.Н. были изданы в 2006 году в Москве. Издание было подготовлено в рамках Программы Президиума РАН. В этом издании печатались сотрудники Академии наук Молдовы и сотрудники Комратского госуниверситета. Первый Симпозиум прошел без видимой активности преподавателей университета. И по этому поводу Михаил Николаевич высказался, что надо расшевелить наших педагогов. Чего нельзя сказать об активности наших сотрудников в последующих симпозиумах. После издания материалов в Москве многие захотели печататься под грифом ЦИМО (Центра по изучению межэтнических отношений РАН).

На обложке издания красовалась гроздь винограда. Запотевшие темно-синие ягоды на фоне зеленых листьев как бы манили отведать спелый и сочный виноград. Наверно, тогда-то у Михаил Николаевича родилась мысль, что каждый последующий том будет украшен обложкой с фотографией разных сортов винограда, а в третьем томе было дано разъяснение, почему именно виноград: «Гроздья винограда на обложке серийного издания репрезентируют национальное достояние страны и выражают ключевой концепт культуры народов Республики Молдова».

Второй симпозиум состоялся 20 апреля 2007 года. После первого симпозиума интерес ученых Молдовы к тематике

симпозиума возрос. И во втором симпозиуме приняло участие намного больше участников, чем в первом. Такое большое количество интересных докладов было предоставлено, что пришлось выпустить не один, а два тома.

Михаил Николаевич, как-то сказал, что проведем пять симпозиумов и столько же будет изданий. Думаю, что он поспешил с заключением, ученые Молдовы с интересом ждут новых тем симпозиумов и будут благодарны, если они будут продолжаться.

Что дали Комратскому университету проведенные симпозиумы? Педагоги нашего университета воспряли духом, что они могут быть услышаны и могут издаваться в стенах РАН. Педагоги и студенты получили исключительный печатный материал, который можно использовать в проведении лекционных занятий, при написании диссертаций, курсовых и дипломных работ. В университет было привлечено много новых участников и единомышленников не только из Молдовы, но из-за рубежа – России, Болгарии, Украины. И самое главное – это продвижение нашего Комратского государственного университета за пределы Гагаузии и Молдовы. Подтверждаются слова Михаила Николаевича: «Гагаузия имеет свою символику – флаг, герб, гимн, но Комратский государственный университет перед лицом мировой общественности является уникальным историко-культурным достоянием Гагаузии, воплощением вековой мечты народа, мощным социальным капиталом Республики Молдова. Наиболее реальным фактическим олицетворением свободы, суверенности и прав единственной в мире Государственности гагаузского народа. Университет является неотъемлемым гарантом его развивающегося самосознания и национального достоинства. Университет дает возможность молодым людям, проживающим на Буджакской земле, получить образование более чем по 37 специальностям». Четыре тома материалов двух симпозиумов, которые проводились в стенах нашего университета, в ярком переплете под общим названием «Курсом развивающейся Молдовы» вручаются сейчас почетным гостям нашего

университета. Эти тома были вручены президенту Молдовы Владимиру Воронину при посещении им нашего университета, Президенту парламентской комиссии по культуре, науке, образованию, молодежи, спорту и СМИ Виктору Степанюку, Спикеру парламента Республики Молдова Марианну Лупу, Президенту Академии наук Республики Молдова Георге Дука, послу Турции, послу Азербайджана. Эти тома стали визитной карточкой университета. Четыре тома говорят сами за себя, и не надо объяснять окружающим, кто мы и что мы. И за это мы тоже очень благодарны Михаилу Николевичу.

Другие мероприятия. Михаил Николаевич не дает нам «скучать», он полон новых идей. Кроме Российско-молдавских симпозиумов, ставших уже традицией для университета, было проведено еще много семинаров, конференций, встреч, которые организовал Михаил Николаевич. И самым знаменательным событием была конференция, посвященная году русского языка. Учителя русского языка со всех школ Гагаузии, а их в Гагаузии 56, с оптимизмом приняли приглашение принять участие в этой конференции. После зажигательного доклада Губогло М.Н. участники конференции долго еще не хотели отпускать его с трибуны и задавали много наболевших вопросов, связанных с проведением уроков русского языка в школах. Нехватка часов по русской литературе в школах не дает возможности новому поколению приобщиться к мировой классике, и учителям приходится выкручиваться кто как может.

Приглашенный различными молдавскими организациями принять участие в том или ином научном мероприятии, Михаил Николаевич не забывает пригласить и педагогов из университета, дабы «и людей послушать, и себя показать». Так было и на конференции, посвященной памяти Анцупова и проведенной общественной организацией «Русь» в г. Кишиневе в 2006 году, так было и на научном семинаре в институте Этнологии и Антропологии РАН, где академиком В.А.Тишковым, директором Института был подписан Договор о сотрудничестве с Комратским госуниверситетом.

И все это НАШ Михаил Николаевич. Мы никогда не говорим, что Михаил Николаевич москвич, или профессор РАН, или почетный действительный член АН Республики Молдова, мы говорим просто: НАШ Михаил Николаевич. Помня, что он не только знаменитый земляк, но он неотъемлемая часть Комратского государственного университета. Можно сказать без преувеличения: Михаил Николаевич является сердцем нашего университета, которое бьется в унисон со временем.

Являясь специалистом в области тюркологии, этносоциологии, востоковедения, этнополитологии, социолингвистики, он является и просто интересным собеседником, у которого для вас всегда есть наготове шутки, ободряющие советы, распахнутая душа и протянутая рука.

Заслуженное признание. Думаю, что каждый, кому пришлось столкнуться в жизни с Михаилом Николаевичем, остался в восторге и унес в душе теплые воспоминание о встрече с этим прекрасным человеком. Скажу откровенно, до сих пор я не встречала человека такой жизненной силы – фонтанирующего идеями, большого оптимиста, отличного аналитика, энергичного, заряжающего людей своими идеями и заставляющего жить в его ритме (как говорит сам М.Н. в московском ритме). Он большая умница и очень обаятельный человек.

И, беря на себя смелость, хочу пожелать ему крепкого здоровья и многие лета. Наш университет еще в стадии развития, ему только 17 лет, и мы очень нуждаемся в поддержке и помощи Михаила Николаевича. Надеемся на его, буджакской природой заложенное здоровье и на наше долгосрочное сотрудничество.

В заключении несколько фотографий из моего послешкольного и постстуденческого времени. На первой – участники Всесоюзной конференции, посвященной двуязычию (1969 г., Ашхабад), на второй – коллеги Института этнографии АН СССР на коммунистическом субботнике (1988г.), на третьей – участники международной конференции «Национальное и интернациональное в современном мире» (1979 г. г.Кишинев, на переднем плане: справа налево – член-корреспондент Академии Наук Республики Молдова В.С.Зеленчук, член-корреспондент Российской академии наук Ю.В.Арутюнян, академик Академии Наук МССР А.М.Лазарев, первый секретарь ЦК Компартии Молдавской ССР И.И.Бодюл, консультант ЦК КПСС М.И.Куличенко, Председатель Совета Министров МССР И.П.Калин, почетный академик Академии наук Республики Молдова М.Н.Губогло.

Однако воспоминания об этой и многих других научных форумах – сюжет совсем другой серии «Автобиографических затесей».

Всесоюзная конференция по проблемам двуязычия. Ашхабад, 1969 г.

Коммунистический субботник. 1976 г.

Всесоюзная коференция «Национальное и интернациональное в современном мире». Кишинев, 1979 г.

НАВАЖДЕНИЕ ВОЗВРАЩЕННОГО ВЗГЛЯДА. ВМЕСТО ЭПИЛОГА.

ИТАК, СПОЛОХИ И ЗАТЕСИ.....

Вынесенные в название книги понятия – сполохи и затеси, дающие право на мемуары, – находятся в теснейшей смысловой увязке. Они напористо рифмуются с жизнью и совокупно репрезентируют базовое содержание и основную идею автора. Эти понятия лежат в разных плоскостях членения соционормативной культуры (как «Грамматики жизни») и её психологического восприятия (как «Идентификации идентичности») и сходно проявляются на разных этапах жизненного цикла. Вместе с тем они принадлежат различным (хотя и пересекающимся) временам, событиям и пространствам и поэтому представляют развёрнутую форму осознания и самоотнесения человека к определённому множеству людей.

В них проявляется энергия самопостижения, которая подобно инерции этнической идентичности, частично воспроизводится, частично преобразуется, следуя за ритмами исторического движения и смыслового скольжения.

В узком смысле, общеизвестные «затеси» Виктора Астафьева, – это сделанные на деревьях в глухой тайге зарубки (меты). По нехоженым тропам азартные люди устремляются на лоно природы, на охоту или на рыбалку. В широком смысле, как в предлагаемой книге, затеси – это ноющие или бодрящие зарубки в душе, это сполохи памяти, вспыхивающие подобно зарницам, и не позволяющие сбиться с пути. По каменистым тропам они ведут к самому себе или по ухабистым дорогам из студёной Сибири влекут в намоленную предками, накалённую солнцем, пылающую Буджакскую степь.

Следовательно мои «затеси» не на деревьях, а во мне, в моём сознании. Они реагируют на плывущие извне, некогда состоявшиеся во времени и в пространстве сполохи. В тех или иных ситуациях они обладают магией притяжения. В единении сполохов и затесей – я, как и любой другой человек, вижу залог ощущения себя "в своей тарелке" и в "своем времени". Тем более, что, как уже говорилось, "времена не выбирают, в них живут и умирают".

В Лос-Анджелисе артисты Голливуда оставляют отпечаток своей пятерни на асфальте, создавая безвестным потомкам напряжённое смысловое поле. Мои затеси – это отпечатки сполохов в моей душе, а теперь и в тексте воспоминаний. Так внешний бесчувственный мир становится внутренним достоянием (вытесненным переживанием), способным остановить время, преодолеть забвение, создаёт иллюзию овладения неумолимым временем и ускользающим миром.

В конечном счёте закрепление бывших сполохов в нынешних затесях, подобно гамлетовской рефлексии представляет собой серию плавающих самоотождествлений как форму адаптации к стихии бытия, к изменяющейся реальности, заново пробуждая чувство соприсутствия или сопричастия.

Затеси в сердце, подобно сочным звёздам Млечного пути («Саман йолу»), путеводно возвращают автора к своим истокам, на историческую родину, к родному очагу и купели детства, как к свету и добру, несущим в себе радость и благость, правду и справедливость.

Конечно, вереница сполохов и бликов в памяти – это не классическое научное исследование и не мемуарное беспокойство в экстазе незатухающей ностальгии. Мои затеси – это дыхание далёкого и вечно близкого доисторического детства как золотого фонда воспоминаний и переживаний. Это призраки и признаки традиционной (соционормативной) культуры гагаузов и других народов, устремлённых по жизни навстречу друг к другу.

Зарубки памяти – это вальяжные голоса нетленных времён, определивших судьбу и любовь, удачу и творчество. В них – ответы на вызовы иссушающих ветров, заметающих, как в сугробы, ("Грамматику повседневной жизни"), и ранее проторенные кем-то тропы или тускнеющие этнокультурные ценности. Затеси (отметины) на сердце – это осколки коллективной памяти о пережитых и преодолённых противоречиях, в том числе тех, что возникают обычно из несовместимости культурного наследия исторической родины каждого человека с непереваренными им правилами иной культуры в период его диаспорального бытия.

Обращение к сполохам позволяет в какой-то мере считать себя зрителем собственной жизни. Возникает ощущение, что не я воспроизвожу их в своей памяти, а они, обращаясь ко мне, повторяют меня прежнего, тогдашнего. И подчиняясь их вызовам, я оказываюсь в них или рядом с ними, впитывая заново их незабываемые звуки и запахи. Может быть, поэтому и звучат в душе пронзительные блоковские строки, чтобы сохранить самого себя в своей идентичности по дороге в провал небытия.

В лёгком сердце страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность
Задыхаясь летит рысак.